

КНИГА ВТОРАЯ

АКАДЕМИЯ АДАМСОН
ДЛЯ ПАРНЕЙ

Безжалостные парни

*Мои друзья такие же
безжалостные,
как и мои враги...*

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ USA TODAY

К. М. СТАНИЧ

Пс-с, я знаю секрет.

Тот же секрет, который знает и Студенческий совет — супер-богатая, супер-красивая элита Академии Адамсон для парней.

Дженика Вудрафф, единственная девушка, которая когда-либо посещала академию до моего появления, не совершала самоубийства: она была убита.

Теперь кто-то преследует и меня тоже, но куда бы я ни пошла, убийца следует за мной по пятам. Моя новая средняя школа небезопасна, и, как оказалось, моя старая тоже.

Я не член Студенческого совета, но после всего, через что мы прошли вместе, после тех ужасных вещей, которые мы видели, я вполне могу им стать. Эти безжалостные парни взяли меня под своё крыло.

Черч, бесстрашный лидер (и безнадежный кофеман). Рейнджер, вице-президент — крутой парень (и голый пекарь). Идентичные близнецы МакКарти (и энтузиасты ММА). И Спенсер, парень, который был готов подвергнуть сомнению всё, что знал о себе, чтобы влюбиться в меня... О, Спенсер.

Убийство и романтика витают в воздухе в Адамсоне; я просто не уверена, что из этого убьёт меня первым.

К. М. Станич

«Безжалостные парни»

Серия: «Академия Адамсон для парней — 2»

Содержание: 23 главы

Переводчик: Lana.Pa

Редактор: Настёна

Обложка: Wolf A.

Вычитка: RyLero4ka

Переведено группами [Золочевская Ирина](#) || [Б. Б. Рейд](#) и [Джасинда Уайлдер](#) ||

[Переводы книг \(+18\)](#)

Внимание!

Текст переведен исключительно с целью ознакомления, не для получения материальной выгоды. Создатели перевода не несут ответственности за его распространение в сети. Любое коммерческое или иное использование, кроме ознакомительного чтения, запрещено.

Приятного прочтения!

Примечание автора

****Возможные спойлеры****

«Безжалостные парни» (Академия Адамсон для парней # 2) — это обратный гарем, детективный роман о школьных хулиганах и убийстве. Что именно это значит? Это означает, что у нашей главной героини, Шарлотты Карсон, к концу серии будет как минимум три любовных увлечения. Однако в этой книге не так много издевательств по сравнению с первой. Эта история никоим образом не оправдывает издевательства и не романтизирует их. Любовные увлечения в этом продолжении на самом деле чертовски хороши (особенно по сравнению с моими мальчиками из серии «Богатенькие парни из Подготовительной Академии Бёрберри»).

Любые поцелуи/сексуальные сцены с участием Шарлотты, она же Чак, происходят по обоюдному согласию. Возможно, эта книга и о старшеклассниках, но я бы не назвала их детьми. Персонажи причудливы, эмоции реальны, нецензурная лексика широко используется. Есть несколько случаев пьянства несовершеннолетними, сексуальные ситуации, упоминание о возможном самоубийстве второстепенного персонажа и другие сценарии для взрослых, хотя эта книга остается довольно беззаботным чтением.

Шарлотта начинает как немного дерзкая девчонка, но я надеюсь, вам понравится развитие персонажа в этой серии.;

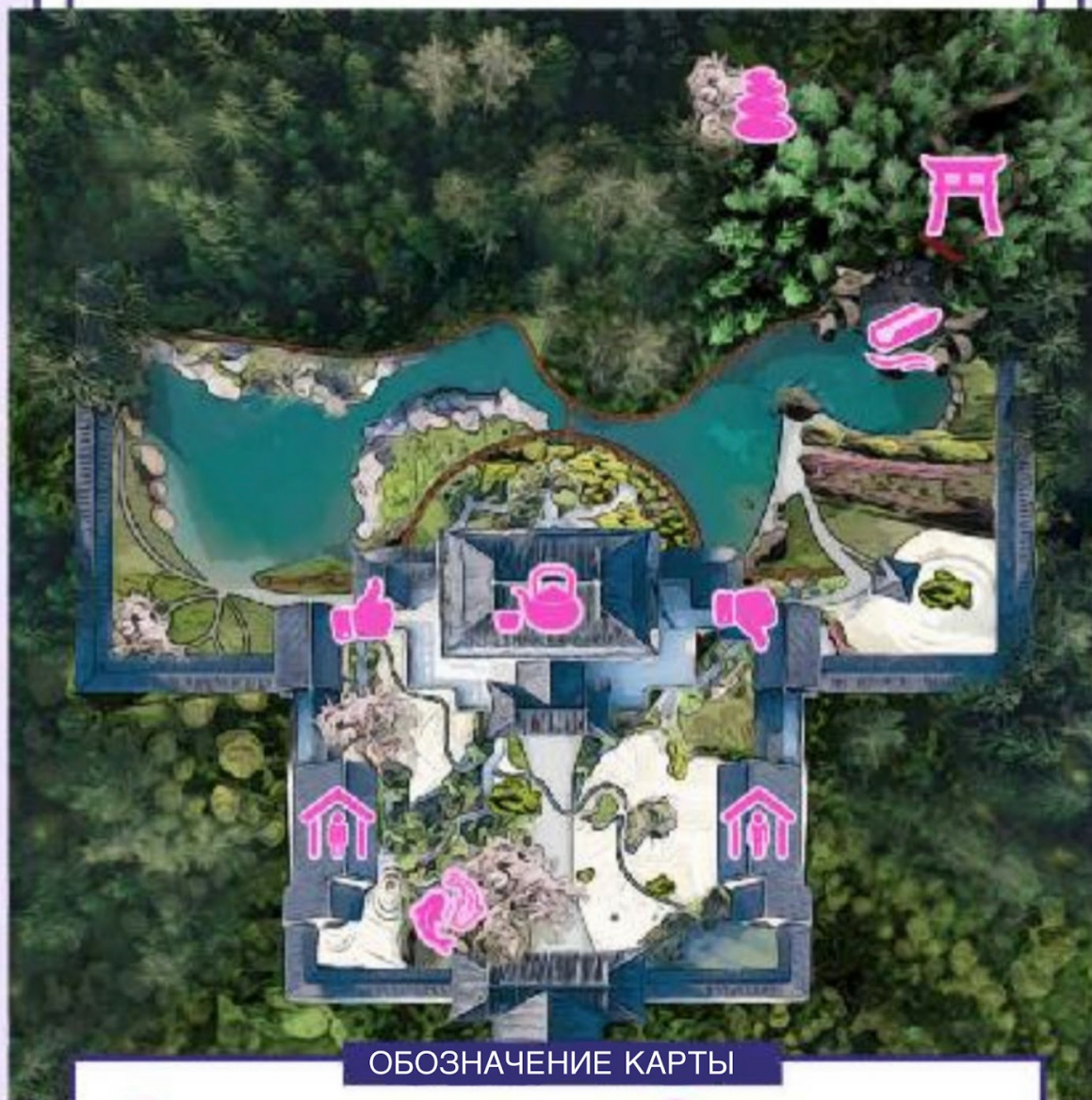
Ни один из главных героев не младше семнадцати лет. У этой истории будет счастливый конец в третьей и последней книге.

АКАДЕМИЯ
карта коттеджа

АДАМСОН
горячих источников

ДЛЯ ПАРНЕЙ

ОБОЗНАЧЕНИЕ КАРТЫ

КОТТЕДЖ ГОРЯЧИХ ИСТОЧНИКОВ

ЛЕСНОЕ СВЯТИЛИЩЕ

ГОРЯЧИЙ ИСТОЧНИК, ВХОД 1
(ТОЛЬКО В КУПАЛЬНИКАХ)

ВРАТА СВЯТИЛИЩА

ГОРЯЧИЙ ИСТОЧНИК, ВХОД 2
(ТОЛЬКО НАГИШОМ)

ПРУД С ЗОЛОТЫМИ
РЫБКАМИ

ДОМИКИ УЧИТЕЛЕЙ

ВЕРХНИЙ БАССЕЙН

Глава 1

Спенсер не может быть мёртв.

Это единственная мысль, мелькающая в моей голове, когда я опускаю руки на колени и возвращаю внимание к телу на дереве. Оно просто... раскачивается там, верёвка скрипит о ветку.

— Ты жив, — шепчет Тобиас, и его глаза наполняются слезами, когда он смотрит на Рейнджера. Он быстро проводит по ним рукой и хлопает носом, пытаюсь вернуть себе самообладание. Это такой мужской поступок, я бы посмеялась над ним, если бы... если...

— Зачем ты держишь эту верёвку? — спрашивает Рейнджер, когда Черч бросается вперёд, туда, где стоит Мика, помогая ему развязать узел.

— Как ты думаешь, почему я держу её в руках, чувак?! — Мика огрызается в ответ, его красно-оранжевые волосы намокли и прилипли ко лбу. Мы все дрожим, стучим зубами и, вероятно, очень, очень нуждаемся в медицинской помощи. — Я пытаюсь спустить его.

Рейнджер, как зомби, движется через поляну к верёвке.

«Пожалуйста, пусть это будет не Спенсер», — повторяю я снова и снова про себя, как какую-то мантру.

«Пусть это будет не он».

Даже если я чувствую себя немного виноватой из-за того, что хотела, чтобы это был кто-то другой, мне всё равно.

«Я просто хочу его обнять. Пожалуйста, боже, пусть он будет жив, чтобы я могла обнять его».

У нас так и не получилось по-настоящему крепко обняться, как в тот раз, когда Рейнджер обнял меня на вечеринке в лагере «Сумеречный сон». Выражение лица Спенсера, когда он застукал нас, было таким суровым. Не говоря уже о выражении предательства, которое было на его лице вчера в коридоре...

Это не может так закончиться.

Я этого не допущу.

Я встаю и бросаюсь к нему, чтобы помочь с верёвкой. Рейнджер просто тяжело опускается на землю под телом. Слишком далеко, чтобы разглядеть лицо человека, поэтому я не присматриваюсь слишком пристально. Я не позволю себе смотреть. Если я увижу его — это не изменит результата.

— У меня есть нож, — шепчу я, вытаскивая зазубренное лезвие, которое Рейнджер дал мне для защиты, и передаю его Черчу. Он так тяжело дышит, и его лицо белое, как у призрака. Он совсем не похож на себя. Однако интересно видеть на его лице выражение, близкое к панике. В конце концов, он человек. — Срежьте её, пожалуйста. Пожалуйста. — Мой голос начинает дрожать, когда я отступаю назад и жду, пока Черч и близнецы разберутся с этим.

Медленно и почтительно они опускают парня на землю.

Именно тогда я слышу вой сирен, и мы все обмениваемся взглядами.

— Посмотри, не Спенсер ли это, чувак, — стонет Тобиас, закрывая лицо руками. — Я не могу смотреть. Я просто не могу. Мика...

— Всё в порядке, братан, я займусь этим.

Сделав глубокий вдох, он приближается к телу, но отдалённый крик прерывает этот

момент и заставляет меня почувствовать такую слабость, что я почти падаю в обморок.

— Чак!

Это кричит мой папа.

— Сюда! — кричу я в ответ, прижимая ладони ко рту и ожидая, пока звук приближающихся шагов не станет ближе. Мой папа появляется всего через несколько секунд в сопровождении нескольких полицейских и медиков скорой помощи.

— О, слава богу, — выдыхает он, подбегая и заключая меня в крепкие объятия. — О, Шарлотта. Слава богу. — Он так рад меня видеть, что на мгновение забывает называть меня по прозвищу. Арчи прижимает меня к себе так близко, что я чувствую, будто меня душат. Я отталкиваюсь от него, дрожа как сумасшедшая. Там врач скорой помощи пытается накинуть одеяло мне на плечи; я понимаю это, но, честно говоря, больше беспокоюсь о Спенсере, чем о себе.

— Папа, — начинаю я, указывая на тело и закрывая глаза. Остальных членов Студенческого совета тоже увлакивают; мы до сих пор не знаем, кто это. — Пожалуйста, скажи мне, если это Спенсер Харгроув.

— Нам нужно отвезти тебя в больницу, — бормочет папа. Он явно меня совсем не слушает. Однако на данный момент я слишком устала и замёрзла, чтобы продолжать настаивать. От стука моих собственных зубов у меня болит голова. Я позволила ему увести меня на заднее сиденье машины скорой помощи вместе с Рейнджером.

Даже не задумываясь об этом, я протягиваю руку и переплетаю наши пальцы. Он сжимает мою руку в ответ, и мы сидим так до конца поездки в город.

Полиция отказывается разглашать имя парня из леса. И Спенсер Харгроув пропал. Впрочем, не только он, многих парней оказывается трудно отследить. Чёрт, сейчас весенние каникулы. Никого не удивляет, что есть несколько пропавших без вести студентов.

— Если Спенсер мёртв, я... — Тобиас замолкает, касаясь пальцами стекла в окне гостиной моего отца. Его дыхание обдаёт его туманом, когда он прислоняется лбом к косяку. — Ну, чёрт, я не знаю, что я буду делать, но... он не может быть мёртв.

— Он мог бы, — шепчет Мика, садясь рядом со мной на диван. Я смотрю в его сторону, отмечая его остекленевшие зелёные глаза и то, как его рот сжимается в тонкую линию, когда он произносит эти ужасные слова.

— Забери свои отстойные слова обратно. — Тобиас разворачивается, готовый затеять драку со братом. Близнецы МакКарти делали это время от времени, с тех пор как мы попали в больницу. Они действительно подрались с кулаками в смотровой, и Тобиас пустил Мике кровь из носа. Конечно, это было после того, как Мика подкрасил ему левый глаз фиолетовым фингалом.

— Зачем? — Мика поднимает взгляд, а затем поднимается на ноги. Черч и Рейнджер вскакивают в следующую секунду, становясь между ними двумя. — Здесь мы должны смотреть фактам в лицо: мальчик на дереве был одет в спортивную форму. У него были серебристые волосы. Спенсер пропал. Как долго ты хочешь лгать себе, прежде чем примешь это? — глаза Мики наполняются слезами, и он отворачивается, хмурясь.

Никто не останавливает его, когда он уходит, поднимаясь по лестнице и исчезая в одной из комнат для гостей. Я отпускаю его, чувствуя это странное оцепенение внутри себя.

— Вам двоим нужно научиться не вымещать эмоции друг на друге, — шепчет Рейнджер печальным и низким голосом. Он устремляет свой сапфировый взгляд на Тобиаса, тени танцуют у него под глазами. — Вам повезло, что вы оба всё ещё живы.

— Нам повезло, что ты жив, — шепчет Черч, его лицо бесстрастно и замкнуто. Он ни разу не улыбнулся с тех пор, как мы уехали в больницу, ни разу. Та его чрезмерная жизнерадостность, которую я раньше считала результатом того, что он психопат или что-то подобное, теперь я почти уверена, что это было реально. После того, как я увидела эмоции Черча в лесу, у меня не осталось никаких сомнений на этот счёт. Он счастливый, но травмированный человек.

Однако прямо сейчас радоваться нечему.

— Я рада, что ты здесь, Рейнджер, — говорю я ему срывающимся голосом. Он смотрит на меня, одетую в спортивные штаны и толстовку с капюшоном. Все мы здесь всё ещё выздоравливаем. Мы все были на второй стадии переохлаждения; нам *всем* повезло, что мы остались живы.

Он смотрит на меня долгим и пристальным взглядом, а затем отворачивается к окну. Он мало говорит и в хорошие дни, но после всего, что с нами произошло? Я не удивлена, что парень не находит слов.

Открывается входная дверь, и входит мой папа, очки запотели от перепада температуры, волосы растрёпаны. Он выглядит так, словно постарел на десять лет за последние двенадцать часов.

Я встаю с дивана, сердце бешено колотится. Арчи Карсон не из тех людей, которых легко разгадать. Я могу сказать, что он расстроен, но он сдерживает все свои эмоции. Однажды этот мужчина сломается и выйдет из себя. Или, чёрт возьми, может быть, он никогда этого не сделает? Может быть, он просто недостаточно заботится обо всём, чтобы вот так распускаться?

— Папа, это был...

— Я ничего не могу тебе сказать, прости. — Он смотрит на меня с сочувствием на лице, но я чувствую, как мои руки сжимаются в кулаки по бокам. Слезы, которые я так долго сдерживала, щекают уголки моих глаз солью. Это больно; я слишком много плакала, в основном в ванной, где парни не могли видеть. С моей стороны кажется эгоистичным так печалиться из-за Спенсера, когда изначально он был их другом, он был их другом гораздо дольше. Если вдуматься, я едва знала этого парня.

Но там что-то было.

Там могло бы быть что-то замечательное.

Мои колени дрожат, а в горле внезапно пересыхает.

— Я поговорил с полицией, и пока они не опубликуют официальное заявление, мне не разрешается ничего говорить относительно...

— Я твоя *дочь*, — выплёвываю я, дрожа, поднимая глаза на такие же голубые глаза папы. — Я твоя единственная семья. Ты знаешь, как сильно мы заботимся о Спенсере. Ты не можешь просто сказать нам, было ли это его тело, раскачивающееся на том чёртовом дереве?

— Шарлотта, я не собираюсь... — он называет меня по имени, но это не имеет значения, так как все в этой комнате знают мой секрет. Теперь мы все знаем ещё один, не так ли? Есть по крайней мере три человека, которые хотят моей смерти. И в этой школе есть по крайней мере один ученик, который не вернётся в класс после каникул.

— Ты не можешь нарушить одно крошечное правило на одну глупую секунду? Всего одну секунду, чтобы твоей дочери стало лучше? — моё самообладание раскалено добела, и я едва могу дышать. Черч протягивает тёплую руку и кладёт её мне на плечо. Его сухая ладонь

приятно касается моей кожи, и я делаю глубокий вдох, меня охватывает странное чувство спокойствия. Мои мысли возвращаются к той бутылке с горячей водой и шоколаду, которые он мне принёс. Это был удивительно продуманный жест для того, кого я считала психопатом. — Пожалуйста. Просто скажи «да» или «нет». Одно слово. Это всё, что тебе нужно сделать, чтобы изменить наш мир.

— Мне жаль, Шарлотта. — Папа мгновение смотрит на меня с проблеском сожаления в глазах. — Я предупредил ваших родителей, — он кивает в сторону парней, — и за вами заедут машины. Пожалуйста, оставайтесь здесь, пока они не придут.

— Я не оставлю Шарлотту, — заявляет Тобиас, скрещивая свои сильные, мускулистые руки на груди. Он переделся из промокшей формы в свитер на молнии Академии Адамсона и спортивные штаны в тон, и, чёрт возьми, свитер частично расстёгнут, а брюки низко спущены, и этот наряд демонстрирует мышцы его груди и нижней части живота преступным образом. Жаль, что я слишком беспокоюсь о Спенсере, чтобы наслаждаться этим видом.

Беспокоюсь.

Верно.

Беспокоюсь, что он, чёрт возьми, может быть мёртв.

Я крепко закрываю глаза.

— Это не вам решать, мистер МакКарти. Мне жаль. Ваша мать уже прислала машину.

— Тогда отправьте Шарлотту с нами на каникулы, — вставляет Черч, и я открываю глаза, чтобы увидеть, как он выходит вперёд. Его лицо абсолютно деловое, замкнутое и непроницаемое. Он похож на какую-то мраморную статую, высеченную самыми ловкими и искусными руками, но лишённую нежной уязвимости, которая присуща человеку.

Бедный Черч.

Его разбитое сердце скрыто под слоем камня.

— Мы можем провести следующую неделю в Калифорнии, — добавляет Мика, и я слышу, как скрипят ступеньки, когда он спускается и останавливается на лестничной площадке. — Там должно быть безопаснее, чем здесь.

— В этом кампусе нет ничего опасного, — начинает Арчи, и у меня отвисает челюсть.

— Ничего опасного?! — выдыхаю я, стараясь, чтобы мой голос звучал тихо. Кричать сейчас слишком больно. Переохлаждение — это не шутка. — Совсем ничего? Ты хочешь сказать, что не позвонил в 911, когда обнаружил тот кровавый отпечаток руки на стене общежития?

— Шарлотта. — В конце моего имени определённо стоит точка, окончательный знак препинания в разговоре, который красноречиво говорит обо всех словах, которые мой отец не способен произнести: *«Заткнись на хрен, Чак, мы не спорим в присутствии компании»*.

Но мои эмоции захлёстывает волна страха и меланхолии, и всё, о чём я могу думать — это последние слова Спенсера, обращённые ко мне. *«У нас могло бы что-то получиться, Шарлотта, но я ненавижу, когда мне лгут. Я ненавижу это»*.

— А что насчёт секретных, затопленных подземных туннелей под школой?! — Черч сжимает моё плечо, но я не обращаю на него внимания. Я сейчас слишком возбуждена. — Или мёртвый парень, висящий в петле? А как насчёт группы студентов, страдающих переохлаждением, и кого-то, кто чуть не утонул? — я взмахиваю рукой, указывая на Рейнджера. — Значит, в кампусе безопасно? Ты обманываешь сам себя!

— Я думаю, было бы лучше, если бы Шарлотта уехала с кем-нибудь из нас, — снова начинает Черч, но Арчи не обращает на него внимания. Его ноздри раздуваются, а лицо

приобретает пурпурно-красный цвет, что, я надеюсь, означает, что он близок к срыву. Я ждала этого много лет.

— Иногда неадекватные действия приводят к плачевным последствиям. Хотя я сожалею о том, через что вы все проходите, вам никогда не следовало быть в тех туннелях. — Арчи делает паузу для пущего драматизма, и я чувствую, что начинаю дрожать от едва сдерживаемых эмоций. — Моя дочь останется со мной, и это окончательно. — Арчи пристально смотрит на меня, это битва характеров, которую я отказываюсь проигрывать.

— Не было бы проблемой поселить её в отеле рядом с домом моей мамы, — говорит Рейнджер, его голос грубый и прерывистый из-за того, что он почти захлебнулся.

— Ваше сопровождение скоро должно быть здесь. А до тех пор я буду у себя в кабинете. Независимо от вашей дружбы с моей дочерью, я всё ещё её отец, и я всё ещё директор этой школы. Больше не будет споров по этому поводу, — выдыхает Арчи, и вся краска отходит от его лица, оставляя стальное спокойствие, которое приводит меня в бесконечную ярость. Он поворачивается и направляется в свой кабинет, закрывая дверь так, чтобы осталась лишь небольшая щёлочка. Просачивается начало джазовой музыки, когда я хмурюсь. Сильно. Достаточно сильно, чтобы у меня заболел рот. Достаточно сильно, чтобы я почувствовала, как слёзы снова начинают щипать мои глаза.

Арчи хочет, чтобы я была здесь, в этом кампусе смерти. Конечно же. Он слишком эгоистичен, чтобы признать, что здесь что-то не так. С какой стати ему это делать? Это бросило бы тень на его безупречный послужной список. Не дай бог, он признает, что ситуация вышла из-под его контроля.

— Я не уйду, если ты не уйдёшь, — повторяет Тобиас, и его брат ворчит со своего места на лестничной площадке.

— Я тоже, — заявляет Рейнджер, но Черч просто скрещивает руки на груди, слегка хмурясь. Интересно, какие у него родители и можно ли вообще с ними спорить?

Спорить с моими — нельзя, это уж точно.

Удивительно, но парни в конечном итоге добиваются своего, и машины, которые приехали за ними, возвращаются тем же путём, каким приехали.

Грёбанные избалованные сопляки.

Я чертовски завидую. Я бы хотела, чтобы мой отец был достаточно заботлив, чтобы отпустить меня. Я просто хочу убраться подальше от этой дурацкой школы и всего её дерьма.

Спенсер мёртв.

Я пытаюсь осмыслить это предложение в мозгу, но он отказывается его воспринимать. Нет понимания этой концепции, нет способа воплотить её в жизнь. Я не *хочу*, чтобы это было по-настоящему.

Лёжа на своей кровати, я снова и снова прокручиваю в голове весь сценарий: во что был одет человек на дереве, форма его тела, цвет его волос... В этой школе не так уж много парней с серебристо-пепельными волосами.

То есть... за исключением Юджина Мазерса.

Моё настроение немного улучшается, и я вскакиваю с кровати в поисках ноутбука. Я сделала эту единственную фотографию школы, чтобы отправить Монике давным-давно, и Юджин просто случайно проходил мимо, когда я её делала. Она должна быть сохранена где-нибудь в мессенджере...

Я открываю крышку на компьютере и прокручиваю назад разговоры с Моникой (добавляю ещё один слой глазури на мой торт депрессии, большое спасибо социальным сетям).

Вот оно.

Я увеличиваю изображение и, прищурившись, смотрю на волосы Юджина. Они примерно того же цвета, что и у Спенсера, как будто он пытался скопировать его и подобрался поближе, но просто не справился с этим так хорошо. Мозаичный вариант причёски-плагиат. Есть части, которые выглядят по-стариковски серыми, а не серебристыми, как будто стиль скорее стариковский, чем аниме-крутой.

И, типа, Юджин — мудака, верно? Мне немного неловко из-за того, что я надеюсь, что он тот самый мёртвый парень, но также... может быть, это кармическая справедливость?

Я отправляю групповое сообщение ребятам, когда слышу, как камень ударяется о моё окно. Ранее отец отправил меня обратно в общежитие с Натаном, жутким охранником, и несколькими полицейскими в форме, чтобы забрать вещи. Я ещё и захватила сумку с оружием, так что полностью вооружена, когда на цыпочках подхожу к окну и выглядываю наружу.

Но это всего лишь Студенческий совет, ожидающий меня во всей своей красе, залитый лунным светом и прекрасный, каждый из них до единого. Ну, за исключением Спенсера, конечно. Мой желудок скручивает, и я выдыхаю, пытаюсь отогнать тошноту.

Я осторожно приоткрываю дверь и прислушиваюсь к папиному храпу. Кажется, что дом должны охранять полицейские или что-то в этом роде, но их нет. В кампусе есть несколько человек, которые патрулируют ночью, но это всё. Похоже, никто не воспринимает это убийство всерьёз.

Или же... они не думают, что парень, висевший на дереве, был убит?

Быстро, как только могу, я переодеваюсь из майки и спортивных штанов, которые были

на мне, в новую, чистую униформу. Я всё ещё не хочу, чтобы вся школа знала мой секрет, особенно после того, через что я недавно прошла. Очевидно, кто-то — на самом деле несколько человек — хочет добраться до меня.

— Что вы, ребята, здесь делаете? — спрашиваю я, выскальзывая через заднюю дверь с сумкой через плечо и ноутбуком под мышкой. Я поправляю очки на носу и вздрагиваю на холодном воздухе. Здесь холодно, несмотря на то, что сейчас март. Должна быть весна, должно быть тепло. Я когда-нибудь упоминала, как сильно скучаю по калифорнийской погоде? Клянусь богом, на северо-востоке круглый год холодно.

— Мы собираемся поискать Спенсера, — отвечает Тобиас, тяжело вздыхая. Он выглядит не очень обнадёженным.

— Насколько нам известно, он всё ещё может где-то дуться, и, возможно, он даже не знает о парне в лесу. — Рейнджер вздыхает и взъерошивает пальцами свои тёмные волосы, на мгновение закрывая сапфировые глаза. Всё это, должно быть, вдвойне тяжело для него, учитывая, как умерла его сестра.

— Посмотрите. — Я достаю свой компьютер и показываю ребятам фотографию Юджина. — У него такой же цвет волос, как у Спенсера, верно? Может быть, это был Юджин, тот кого мы видели?

— Почему у тебя на ноутбуке фотография Юджина Мазерса? — спрашивает Мика, как будто его это задело за живое. Я смотрю на него прищуренными глазами. Как бы меня ни утешала его крошечная искорка ревности, сейчас не время.

Спенсер... Нам нужно выяснить, что случилось со Спенсером.

— Я храню все свои номера в облаке, так что даже с новым телефоном... — Черч достаёт новенький айфон, и я прищуриваю глаза. Понимаете, что я имею в виду? Замена моего сломанного Айфона на Самсунг была целенаправленным ударом. Прошло полдня, а он уже нашёл замену. — Да, у меня всё ещё есть номер Юджина. Я мог бы написать ему и посмотреть, получу ли я ответ. — Черч уже стучит пальцами по экрану. У него определённо есть задатки лидера, эта природная харизма в сочетании с непритязательным отношением к делу. Он не задаёт вопросов, он просто действует. — Теперь подождём. И пока будем ждать, будем искать. Давайте начнём с домиков для персонала.

— Вас понял, мистер президент Студенческого совета, — докладывают близнецы, хором отдавая честь Черчу. Рейнджер сильно хмурится, но не протестует, и Росс хлопает в ладоши.

— О, это похоже на приключение *Харди Бойз*. Или, что более предпочтительно, *Нэнси Дрю*. — Росс делает паузу, его улыбка дрожит, как будто она вот-вот сойдёт с его лица. Я предполагаю, что ребята уже рассказали ему обо всём, что произошло. Это, и я почти уверена, что он, по крайней мере, наполовину влюблён в Спенсера Харгроува. — Когда я найду этого мальчика, я собираюсь отшлёпать его каждой из этих печатных книг, просто для пущей убедительности.

— Обязательно сделай это, — говорит Тобиас, закатывая глаза, и Мика усмехается. Он действительно верит, что Спенсер мёртв, да? Я отвожу взгляд, потому что не могу вынести безнадежности, запечатлённой на его красивых чертах; это уже слишком. Надежда — нечто в перьях, верно? (*прим. — стихотворение Эмили Дикинсон «Hope» is the thing with feathers*). Она даёт тебе крылья, и мне действительно, на самом деле не помешали бы крылья прямо сейчас.

Близнецы берут меня за руки, и мы направляемся в зловещую темноту леса. Я не

особенно горю желанием возвращаться туда, не после того дерьма, что было прошлой ночью. Но, кладя ноутбук в сумку, я вспоминаю, что у меня с собой нож, электрошокер и то, что осталось от перцового баллончика. Ну, и я ни за что на свете больше не вернусь в эти подземные туннели.

У нас всё должно быть в порядке, верно? Мы вшестером вместе. Всё будет хорошо.

Продолжай твердить себе это, Шарлотта. Это плохая идея, и ты это знаешь.

Дело в том, что Спенсер того стоит. Я бы... зашла в тысячу тенистых лесов, чтобы найти этого парня. *«Ты солгала мне, а я ненавижу, когда мне лгут»*. Шок и печаль на его лице будут преследовать меня всю оставшуюся жизнь, если я не найду его. Я не могу себе представить, что это наше последнее общение в жизни.

— Чёрт, — бормочу я, мои ноги хлюпают по мокрой грязи под деревьями. Это был ужасный ливень. Весь кампус промок, залит огромными лужами, в которых утонула половина пешеходной дорожки.

— Что? — шепчет Мика, но мне с трудом удаётся подобрать слова, которые не были бы ненормативной лексикой.

— Я просто... Спенсер и я... Я не хочу, чтобы последним опытом, который у него был в жизни, была ссора с его друзьями. Ссора, которую я начала из-за того, что не сказала ему правду раньше.

Мика издаёт звук, но никто не обращает внимания, что я вообще что-то говорила. В этот момент понимаю, что я неизменно эгоистичный человек. Прямо действительно ёбаная эгоистка. Речь не обо мне, ничего из этого. На самом деле, я человек, который имеет наименьшее право на Спенсера. Химия и притяжение не делают отношения.

Выпустив руки близнецов, я тщательно провела ладонями по лицу, когда мы остановились возле ряда домиков. Окна все тёмные, зловещие, и есть несколько домиков, которые выглядят, как будто они в середине строительства. Черч достаёт ключ из кармана, так просто, и открывает первый.

— Где ты их взял? — шепчу, когда Рейнджер включает фонарик, который он нёс и обводим им комнаты.

— Спенс? — кричит Рейнджер, не утруждая себя тем, чтобы понизить голос. Я немного съёживаюсь, но, по-моему, мы производили примерно столько же шума, топая по лесу, сколько грузовик, проезжающий по атомной электростанции, так зачем же сейчас утруждать себя аккуратностью?

— Мы украли их из учительской, — отвечают близнецы в унисон, и я закатываю глаза. Это такой обычный жест, что меня мгновенно переполняет чувство вины. Всё не должно быть нормально, если Спенсер... ну, мёртв.

Мой желудок сжимается, но я подавляю это чувство, ожидая, пока Рейнджер выйдет из домика. Это всего лишь одноэтажный номер с двумя односпальными кроватями, двумя письменными столами и мини-кухней в углу. Не нужно тщательно обыскивать, чтобы убедиться, что здесь никого нет.

Мы переходим в следующий домик, и в следующий, и затем в следующий. Когда мы добираемся до последнего, с брезентовыми окнами и крышей, то обнаруживаем разбитое окно в задней части и кусок дерева, прибитый поперёк входной двери.

— Думаете, доску повесили здесь, чтобы отбить у студентов охоту вламываться? — спрашиваю я, когда мы кружим по хижине группой. Это не фильм ужасов, ладно. Мы ни за что не разойдёмся.

— Нет. — Рейнджер светит фонариком на блестящие осколки стекла на земле. — Окно было разбито изнутри. Кроме того, почему именно этот домик? Ни один из остальных не заколочен. — Рейнджер и Мика помогают Тобиасу подняться и влезть в окно. Я всё время беспокоюсь, что он порежется, но, кажется, с ним всё в порядке, крови пока нет. Луч фонарика обводит комнату, когда Черч и Рейнджер следующим подсаживают Мику.

— Спенсер определённо был здесь, — кричит он, а затем раздаётся звук хрустящего дерева, когда входную дверь пинком распахивают изнутри, срывая доску с петель.

— Тренировки ММА, — объясняет Рейнджер, слегка пожимая плечами. Я поднимаю брови, но ничего не говорю, когда мы заходим в переднюю и видим близнецов, роющихся в мусоре на полу.

— Обёртки от «Доритос», контейнеры с остатками еды из Кулинарного клуба и немного обёрточной бумаги. На всём этом беспорядке отчётливо видны следы этого обкуренного-придурка. — Тобиас встаёт, когда Мика отбрасывает в сторону одеяла на диване в поисках... Я не знаю, крови? Признаки того, что он был здесь недавно? Я не знаю. Я не очень хороший следопыт.

Этот домик чертовски намного лучше других, он больше, двухэтажный, и на верхнем этаже стоит огромная двуспальная кровать. Похоже, что он был образцом для строительных проектов, которые были начаты в некоторых других. Неудивительно, что Спенсер любит здесь тусоваться.

Или любил... Пожалуйста, пусть это не будет в прошедшем времени.

Выдыхая, я вместе с остальными осматриваюсь, но здесь нет ничего по-настоящему важного, только какой-то мусор и зарядное устройство для сотового телефона, оставленное в стене. Вот оно.

— Ну, он определённо был здесь, — говорит Черч, прислонившись к стене возле входной двери, опустив подбородок и закрыв глаза. Светлые волосы сползают вперёд, закрывая верхнюю часть его лица, но там всё равно особо нечего смотреть. Он по-прежнему полностью замкнут. — Но это не говорит нам о том, жив ли он ещё.

— Нет, но это хорошее начало. — Рейнджер выдыхает и снова поворачивается к нам лицом, упирая руки в бока. — Спенсер *был* здесь. И он всегда жалуется на спортивную форму, говорит, что она поджаривает ему яйца. — Он бросает на меня взгляд и слегка пожимает плечами. — Извини за выражение.

— Нет, я понимаю. Спортивные шорты отлично подходят для жарки яиц. Хорошо. Так какое это имеет отношение к чему-либо?

— Ну, после того, как он оставил нас в коридоре, он, вероятно, вернулся в общежитие и захватил сменную одежду. Парень, которого повесили на дереве, всё ещё был одет в униформу. Спенсер ни за что не стал бы торчать здесь, курить косяк и кутить в этих шортах.

— Ты хватаешься за соломинку, чувак. Потные яйца — это не совсем та новаторская подсказка, которую мы ищем. Это ни хрена не значит. — Мика пинает банку из-под газировки по полу, и она шипит.

Шипит.

Как будто она не такая уж и старая.

Мы обмениваемся взглядами, когда он наклоняется и поднимает её, делая глоток из банки. Обе брови поднимаются вверх.

— Чувак, она свежая. Как супер свежая. Она всё ещё газированная. — Сначала он передает её своему брату, затем Рейнджеру, мне, Россу и Черчу. Мы все выпиваем. Она

действительно свежая, как будто её открыли всего за несколько минут до того, как мы сюда пришли. Моё сердце подпрыгивает в груди, но я знаю, что это ни черта не значит. Спенсер Харгроув — не единственный студент Адамсона, который пробирается на окраину кампуса, чтобы выкурить косячок.

— Я пытался написать этому засранцу, но ответа не было. — Черч проводит рукой по своему лицу. — Он всё ещё может злиться на нас. Может быть, его телефон выключен?

— Или, может быть, он в морге и не может ответить, — шепчет Мика, и, клянусь, Рейнджер рычит на него.

— Почему ты так настроен быть пессимистичным мудаком, когда остальные из нас так усердно стараются быть позитивными?

— Потому что я не хочу тешить себя надеждами только для того, чтобы меня снова трахнули. Чувак, я... я не знаю, как с этим бороться. Когда я увидел его тело, висящее на том дереве, мне просто захотелось умереть. Не заставляй меня заново переживать этот момент. Я бы предпочёл... думать, что он мёртв, пока не доказано обратное. — Мика закрывает свои зелёные глаза и тяжело опускается на край дивана. Он скрипит, как будто может чувствовать нечто большее, чем просто вес его тела, как будто его эмоции и стресс слишком тяжелы, чтобы их выдержать.

Наступает долгая пауза, прежде чем Черч отталкивается от стены и выпрямляется.

— Мы увидели то, что нам нужно было увидеть. Давайте вернём Шарлотту до того, как директор заметит, что она пропала.

Мы возвращаемся на крыльцо, но я не могу удержаться, чтобы не оглянуться через плечо в последний раз, скучая по Спенсеру, задаваясь вопросом, где же он сейчас, и желая каждым ударом своего сердца, чтобы я снова его увидела.

Если я это сделаю, то подарю ему поцелуй всей жизни, это я вам обещаю.

Может быть, и большее.

Да, наверное, большее.

Следующие несколько дней — это такая долгая, ужасная каторга. Просто час за часом гадаю, когда снова смогу улизнуть, когда папа, возможно, расскажет мне что-нибудь, когда полиция, возможно, завершит своё расследование.

Прошло три дня с начала этого кошмара, а новостей по-прежнему мало, и приходится иметь дело всего с несколькими разгневанными родителями. Уже почти восемь вечера, когда папа входит и садится за обеденный стол, скептически глядя на мою тарелку с макаронами и сыром. Он, наверное, думает, что это из коробки, но он вряд ли знает, что я научилась готовить их во время Кулинарного клуба. Именно Спенсер рассказал мне секрет о том, как смешивать панировочные сухари с маслом и посыпать ими сверху перед выпечкой.

Мои глаза слезятся, но я быстро моргаю, чтобы очистить их.

— Что? — спрашиваю я, отправляя в рот огромный кусок и настороженно наблюдая за отцом. Он не самый общительный, больше похож на какого-то тюремного охранника. Отец крепко обнял меня в тот первый день, но я думаю, что у него проблемы с выражением телесной любви, так что это всё, что я получила. Всего одно объятие. И при этом оно было всего лишь обычным. Рейнджер — тот, кто показал мне, какими на самом деле должны быть объятия.

— Полиция квалифицировала смерть как самоубийство. Я просто хотел, чтобы ты это знала.

— Самоубийство?! — кричу я, случайно швыряя огромный кусок горячих макарон с сыром в стену. И папа, и я съеживаемся, но я ничего не могу с собой поделать. Я вся дрожу. — Они что, тупые?! Я семнадцатилетняя студентка, и я могу видеть убийство, написанное на всей этой сцене. Как человек вообще мог забросить верёвку так высоко на дерево, а затем повеситься на ней, если поблизости не было какой-нибудь лестницы?

— Шарлотта, я не детектив. Я просто рассказываю тебе, каковы были результаты расследования. Если у тебя есть с этим проблемы, ты можешь обсудить их с соответствующими офицерами. — Мой рот в буквальном смысле отвисает, и голос пропадает почти полностью. У меня голова идёт кругом.

— Но... кто-то запер нас в этих туннелях. Кто-то хотел нашей смерти.

— Дверь в туннели была закрыта и заперта на ключ, да, но это легко могло быть несчастным случаем или неудачной шуткой.

— А дыра в потолке в комнате Марка?! — спрашиваю я, вставая так быстро, что опрокидываю свой стул. — Это тоже была шутка?

— В комнате Марка нет дыры в потолке, — говорит папа, и мои глаза расширяются. Что... какого... хрена?!

— Что значит «дыры нет»? — шепчу я, мой голос низкий и мрачный. У меня небольшие проблемы с восприятием того, что только что сказал мой отец. — Раньше там была очень отчётливая дыра. Я рассказала тебе, что произошло. — Ну, часть того, что произошло. Кое-что из того, что я сказала, было ложью. Я сказала папе, что мы слышали громкие звуки в комнате Марка и открыли незапертую дверь. Я не сказала ему, что на меня напали в душе. Может быть, мне следовало это сделать? Хотя... Клянусь, я чую здесь какой-то заговор.

Что-то здесь не так.

— Я не знаю, что тебе сказать. В его комнате нет никакой дыры, Шарлотта. И хотя я

согласен, что то, что произошло в туннелях, было ужасно, это было результатом ливня. В-первых, тебе вообще не следовало там находиться.

— Кто-то закрыл и запер эту дверь перед нами.

Папа бросает на меня долгий, томительный взгляд и вздыхает.

— Может быть. Но что ты хочешь, чтобы я с этим сделал? Я рассказал полиции всё, что ты мне рассказала. Если только ты не хочешь что-то добавить? — по тому, как он смотрит на меня, совершенно очевидно, что он знает, что я скрываю. Я просто смотрю в ответ, но больше ничего не говорю. Если я это сделаю, он, вероятно, отправит меня в другую школу, как и обещал. Пока я не узнаю, что на самом деле случилось со Спенсером, я никуда не уеду.

Я встаю из-за стола и срываюсь в свою комнату. Когда остаюсь одна, в темноте, вот тогда становится невозможно сдерживать слёзы. Лёжа в одиночестве на кровати, я часами плачу в подушку.

Спенсер любил меня такой, какая я есть. Он не знал всех моих секретов, и всё же, даже когда дело дошло до того, чтобы подвергнуть сомнению всё, что, как он думал, он знал о себе, он был готов рискнуть.

Как часто в жизни девушка сталкивается с таким парнем?

Ох.

Моя подушка мокрая от слёз, и я вся в соплях. Но это не имеет значения. Всё, о чём я могу думать, — это обо всем том, о чём я бы хотела поговорить со Спенсером, но у меня так и не было возможности. Думаю, что всё это дурацкое дерьмо, которое рисуют на потрёпанных деревянных вывесках, является правдой, поговорки вроде «*Живи каждый день так, словно он последний*» или «*Ты не ценишь то, что имеешь, пока не потеряешь*».

С рычанием я швыряю подушку через всю комнату, и она попадает в стакан с водой, расплескивая её повсюду. Схватив ноутбук, я отправляю сообщение Спенсеру ещё дюжину раз. Я рассказываю ему всевозможные вещи, которые у меня никогда не хватило бы смелости произнести вслух.

А потом засыпаю, и мне снится его запах, этот запах иссопа и кедра, от которого у меня сжимается желудок, учащается сердцебиение, а тело воспаляется изнутри.

Возможно, я никогда больше не почувствую этот аромат.

Эта мысль просто убивает меня.

На следующее утро я даже не потрудилась встать с постели. Какой в этом смысл? У меня осталось два дня весенних каникул, и мне некуда пойти, нечего делать. Всё, чего я хочу, — это найти Спенсера, но по мере того, как проходят дни, моя надежда становится всё меньше и меньше. Если бы он был жив, он бы уже написал нам сообщение. Если бы он был жив, мы бы уже *увидели* его, не так ли?

Значит, он мёртв.

Вот оно.

Он действительно мёртв.

Какая-то часть меня надеялась, что, как в хорошей книге, его смерть была просто кульминацией, какой-то насмешкой автора, которая разрешится сама собой в своё время. Но это не книга, это реальная жизнь, и всё не так, как должно быть. Я не могу отбросить то, что мне не нравится, начать всё сначала, как будто я живу в видеоигре. Нет. Я должна принять это.

Я должна смириться с тем, что он никогда не вернётся.

Подключив наушники, я сворачиваюсь калачиком на кровати и включаю самую

грустную музыку, какую только могу найти, как будто, слушая о проблемах других людей, я смогу избавиться от своих. Но сколько бы я ни плакала, кажется, я не могу избавиться от болезненной меланхолии внутри себя. Неважно, сколько свитеров и одеял я накидываю на себя, кажется, я не могу прогнать холод.

Мальчики заходят, но настроение у них ненамного лучше. В итоге мы сидим вместе в моей комнате и смотрим какой-то тупой фильм. Тобиас приоткрывает окно и закуривает косяк — вероятно, один из Спенсеровских — и мы все по очереди выдыхаем через сетку, чтобы мой папа не почувствовал запаха. Ну, все, кроме Черча.

Он просто тихо и задумчиво сидит в кресле-качалке возле шкафа, но не раскачивается. Он сидит неподвижно, как статуя, на которую так похож, его янтарные глаза смотрят в никуда, пока он потягивает кофе.

— Я полагаю, объявление будет в понедельник? — тихо спрашивает Мика, развалившись на моей кровати. Близнецы чувствовали себя как дома, и это было бы очаровательно, если бы я не была так глубоко погружена в траур, что мне кажется, я могу утонуть. Они сидят по обе стороны от меня, скрестив лодыжки, сложив руки домиком на груди, в одинаковых позах. Интересно, это просто сила привычки, как будто им приходилось практиковать свою двойную рутину, или они делают это даже неосознанно?

— Объявление? — насмешливо спрашивает Тобиас, его красно-оранжевые волосы растрёпаны, под глазами большие фиолетовые круги. Он явно не спал. Сон — это единственное, что помогло мне пройти через всё это дерьмо в первую очередь. — Насчёт «самоубийства»? — он выводит кавычки пальцами. — Это не Спенсер, я вам говорю.

— Если это не Спенсер, то где он, и почему он полностью исчез из социальных сетей? Он не отвечает на смс-ки или телефонные звонки, и его родители не отвечают ни на одно из моих сообщений. — Мика выплёвывает это в ответ с такой едкостью в голосе, что я съёживаюсь.

— Это ничего не значит. С мамой Спенсера невозможно было связаться и в лучшие дни, а его отец... — Рейнджер замолкает и пожимает плечами. Я мало что знаю об отце Спенсера, за исключением того, что он владеет фармацевтической компанией. Чёрт, я мало что знаю о самом Спенсере, не говоря уже о его семье. — И мы все знаем, что Джек — пустая трата времени.

Джек, да? Я предполагаю, что они говорят о старшем брате Спенсера, печально известном наркоторговце, прославившемся в Академии Адамсона. Звучит как по-настоящему надёжный парень.

— Я попросил свою мать разобраться в этом, — начинает Черч со вздохом, — но у неё какая-то вражда с Шиной, и она не может с ней связаться. Она действительно признала, что ходят какие-то засекреченные сплетни о самоубийстве, но она не расслышала имени. Родители хотят, чтобы личность их ребёнка была скрыта, чтобы они могли оплакивать его.

Я перевожу взгляд с Черча на Рейнджера. Я почти уверена, что Шина — мама Спенсера, но что я знаю? Вот как мало я на самом деле знала... *знаю* этого парня.

— Не так много людей захотели бы, чтобы имя их предположительно склонного к самоубийству ребёнка вывалили в грязи, — голос Рейнджера низкий и немного рычащий, как гравий, скатывающийся с холма. Понятно, что он очень чувствителен ко всему этому. Его тёмные волосы не такие блестящие, как обычно, они торчат под странными углами, как будто он не мылся несколько дней. Я не могу его винить. Я тоже. Почти уверена, что пахну потом, но мне безразлично. Это не имеет значения.

— Мм. — Всего один звук от Черча, а затем он встаёт, чтобы наполнить стакан водой из кувшина на моём столе. Папа принёс его сюда для нас, а потом попытался оставить дверь приоткрытой, что меня просто взбесило. Как будто я стала бы заниматься чем-то сексуальным после того, как мой друг только что умер. Мудак. Кроме того, на заметку родителям: приоткрытая дверь на самом деле не мешает подросткам заниматься сексом. Мы занимаемся сексом. Смирись с этим. Что ж, большинство из нас занимается... Мне ещё предстоит переступить этот порог, но это не потому, что папа дышит мне в затылок. Я сама приняла это решение для себя.

— Не могу поверить, что завтра воскресенье, — бормочу я, ненавидя то, что каникулы подходят к такому внезапному концу. Весенние каникулы должны быть весёлыми. Предполагается, что их нужно проводить, занимаясь серфингом и лёжа на жарком солнце, выпивая, куря и танцуя, заводя знакомства, посещая концерты на пляже. Как я оказалась здесь, проводя это время в унылой старой академии, в то время как на улице лил дождь, и я выплакивала все глаза каждую ночь?

Я почти скучаю по своим поверхностным отношениям с Коди. Если бы он умер, я уверена, что проплакала бы целый день, но потом позвонила бы Моника, и мы бы снова катались по волнам. Звучит бессердечно, но... это правда. Не думаю, что я когда-либо заботилась о Коди так, как я забочусь о Спенсере. Заботилась о Спенсере?

Нет.

Нет, забочусь — это нормально. Настоящее время всё ещё подходит.

Пока я не окажусь на похоронах Спенсера, возлагая цветы на его могилу, я буду использовать настоящее время.

— Ребята, у вас была возможность проверить дыру в потолке Юджина? — спрашиваю я, и Рейнджер один раз качает головой.

— По всему общежитию были копы. Нам разрешалось заходить только на кухню и сразу идти в свои комнаты или ванную. Они выглядели так, словно собирались свалить перед нашим отъездом, так что, может быть, сегодня вечером мы могли бы взглянуть. Я всё ещё не могу понять, почему те придурки, которые напали на вас, потрудились заделать эту дыру. Я имею в виду, это просто чертовски странно. — Он вздыхает и встаёт, закидывая руки за голову. — Моя голова убивает меня, и я клянусь, эта травка делает меня параноиком. Я возвращаюсь в свою комнату вздремнуть. Разбудите меня, когда этот кошмар закончится.

Он направляется к двери, и Черч встаёт, чтобы последовать за ним, не говоря ни слова. Почти потеряв одного лучшего друга... и, возможно, потеряв ещё одного, это знатно его подкосило.

— Он никогда этого не переживёт, — говорит Мика, и Тобиас усмехается. Ему не нравится, что его близнец говорит о Спенсере так, словно с ним всё уже кончено.

— Если сосед Спенсера по комнате переехал за границу, почему он жил с Рейнджером? — спрашиваю я, скучный, обыденный аспект этого вопроса успокаивает меня, как будто всё нормально, как будто всё снова хорошо.

— Черч и Рейнджер должны быть соседями по комнате, но Черчу нравится его личное пространство. Они со Спенсером поменялись комнатами, но это неофициально. На них составят протокол, если их поймают. — Тобиас замолкает.

— Ну, на них бы составили, если бы Спенсер не был...

— Не надо. Не смей. — Тобиас поворачивается и свирепо смотрит на своего брата через моё тело. — Если ты это сделаешь, я клянусь богом...

— Что сделаешь? Ещё раз расквасишь мне нос? Я тебя не боюсь.

— Может, тебе и следовало бы, — огрызается Тобиас, но тут я внезапно сажусь, становясь между ними. Я больше не могу терпеть ссоры.

— Пожалуйста, — шепчу я, мои глаза наполняются слезами. Мои руки на коленях начинают дрожать, и Тобиас хмурится, наклоняясь, чтобы прижаться лбом к моему плечу. У меня вырывается тихий смешок. Ну, ладно, наполовину рыдаю, наполовину смеюсь. — От меня воняет? Ты можешь быть честен.

— Может быть, совсем чуть-чуть, — бормочет Тобиас, и я чувствую, как он улыбается моей кожей. — Но всё в порядке. Я не против. Я люблю, когда у моих девочек немного мускусный аромат.

— Отвратительно, — бормочу я, отталкивая его от себя. Мика внезапно встаёт, как будто он расстроен, и мы с Тобиасом останавливаемся, чтобы посмотреть на него.

— Как вы, ребята, можете так смеяться и разговаривать, когда знаете, что его больше нет? Я не... Я не понимаю... — он тяжело опускается на диванчик перед окном и достаёт косяк из старого ржавого жестяного контейнера «Альтоидс». Он немного курит, а затем прислоняется головой к оконному косяку.

— Потому что у нас всё ещё есть надежда. Люди выживают на её крохах, ты же знаешь. — Тобиас садится и прислоняется спиной к изголовью кровати, имитируя позу своего близнеца. — И если он умер, ты же знаешь, что мы должны продолжать жить, верно? Мы не можем просто взять и уйти из жизни. У нас есть лишь одна, братан. Мы должны пережить это, несмотря ни на что. — Тобиас облизывает губы и отводит взгляд в сторону, к двери шкафа. — Я не собирался ничего говорить из уважения к Спенсеру, но я вроде как влюблён в Шарлотту. Когда он вернётся, ему, возможно, придётся бороться со мной за её расположение.

— О, правда? — спрашиваю я, заставляя себя улыбнуться сквозь слёзы. — У меня такое чувство, что он устроил бы хороший бой.

— Ага, но ты же знаешь, что я годами тренировался, чтобы драться на ринге. Я бы точно смог надрать ему задницу. Я имею в виду, он довольно задиристый, но...

Мика снова встаёт, выбрасывая остаток косяка в окно под дождь, прежде чем умчаться прочь. Тобиас вздыхает и оглядывается на меня, зелёные глаза полуприкрыты от усталости.

— Иди с ним. Я не хочу, чтобы он был один, — шепчу я, и Тобиас кивает. Он колеблется секунду, прежде чем наклониться вперёд и захватить мои губы своими. Поцелуй чертовски горько-сладкий, но с оттенком отчаянного, ноющего тепла, настолько сильного, что в конце концов я цепляюсь за его рубашку, даже не осознавая, что пошевелилась.

— Я тоже не хочу оставлять тебя одну, — шепчет он, слегка отстраняясь и глядя мне в лицо. С близнецами тоже определённо есть искра. Я не уверена, как к этому относиться, особенно перед лицом трагедии. Мои чувства к Спенсеру затуманивают мои суждения прямо сейчас, как будто я не могу думать о Тобиасе или Мике, когда я так беспокоюсь о нём.

— Мы вернёмся к... этому, — шепчу я, указывая туда-сюда между нами, — после того, как узнаем.

— Справедливо, — шепчет Тобиас, а затем снова целует меня, оставляя на моих губах сладкий привкус школьной влюблённости вместе с горькой печалью о потерянном друге. Это уже слишком. Я сохраняю спокойствие, пока он не уходит, а затем мчусь в ванную и включаю горячую воду. Обжигает как ад, но я забираюсь в ванну и позволяю ей омыть меня, пока затыкаю слив и позволяю душе наполнить ванну за меня.

Я остаюсь в ванне до тех пор, пока моя кожа не очистится, но легче от этого не становится.

Горе — отстой.

Это как маленький демон, который следит за каждым твоим движением, независимо от того, как быстро ты бегаешь, как хорошо ты прячешься, как сильно ты борешься с этим. Он здесь, готовый включиться в любой момент.

Обхватив колени руками, я прижимаюсь лбом к ногам и закрываю глаза, позволяя воде стекать, пока моё тело не становится слишком тяжёлым, чтобы его удерживать.

Когда я возвращаюсь в комнату, то долго-долго смотрю на экран ноутбука, надеясь, желая и молясь, чтобы маленькие точки от Спенсера сказали мне, что он печатает. Моё сердце учащенно бьётся при этой мысли, но сколько бы я ни смотрела, ничего не меняется.

Моя надежда не вернёт его к жизни, не так ли?

Наконец, я впадаю в отчаяние и вместо этого отправляю сообщение Моники.

«Несмотря на то, что всё пошло наперекосяк, я скучаю по тебе».

Это всё, что я пишу. Потому что это правда. Потеря Спенсера заставляет меня осознать, что многое в моей жизни я принимала как должное. Через мгновение я отправляю сообщение и матери, но знаю, что какое-то время она не сможет ответить. В реабилитационном центре телефоны запрещены. По крайней мере, не в те, куда ездит она, в эти роскошные спа-заведения, за которые платит мой отец, хотя они в разводе уже много лет.

Сон, наконец, овладевает мной, но Песочный человек, должно быть, серьёзно ослабеваает, поскольку всего несколько часов спустя я просыпаюсь от шума льющегося снаружи дождя и раскатов грома вдалеке.

— Грёбаная дерьмовая погода на северо-востоке, — ворчу я, вылезая из постели, моргая сквозь большие белые круги и пытаюсь заставить свои сонные глаза сфокусироваться на яркости экрана ноутбука.

Никаких сообщений от Спенсера. Или Моники. Или моей мамы.

«Надеюсь, ты немного постишь». Это от Тобиаса. Только это. И это было всего несколько минут назад. Я набираю быстрый ответ, направляюсь в ванную и писаю, ожидая ответа на моё короткое сообщение: *«Шторм разбудил меня».*

«Меня тоже. Хочешь встретиться?»

Мгновение я колеблюсь, а затем быстро печатаю: *«Да»*, — натягиваю тяжёлый дождевик, ботинки и хватаю дурацкий зонтик с эмодзи, который подарила мне Моника. Это съёжившееся лицо, ну, знаете, у того, что с зубами? В любом случае, она говорит, что я всё время делаю такое лицо, так что вполне уместно, что у меня есть такой же зонт. Лично я ненавижу его, но это был подарок, поэтому я приняла его с благодарностью. И под благодарностью я подразумеваю, что я скорчила именно такое съёживающееся лицо.

— Привет, — шепчу я, когда открываю входную дверь и нахожу Тобиаса, такого милого, промокшего до нитки после прогулки по холму. Он совсем один, и это мне не нравится. Просто потому, что он парень, не значит, что ему стоит бродить по кампусу в одиночку. — Тебе не следовало подниматься сюда одному.

— Я этого и не делал. — Он кивает, и я, прищурившись, смотрю на фигуру вдалеке. Это Мика с зонтиком, украшенным вишнями. Он стоит возле скамейки на повороте дороги, оставляя своего брата промокать от дождя.

Мило. Междоусобица близнецов.

Я выхожу, тихо закрывая за собой дверь, и держу свой зонт над головой Тобиаса. Трудно не пялиться на него, когда его красно-оранжевые волосы падают на его лицо, а на длинных ресницах блестят капли дождя. Мы берёмся за руки и начинаем спускаться по тропинке, Мика идёт впереди нас. Я его не виню. Каждый скорбит по-своему.

Жуткий холод пробегает по мне, когда мы проскальзываем через заднюю дверь в общежитие. Луч фонарика скользит по коридору, и Мика заталкивает нас обратно в нишу, замирая, когда жуткий ночной сторож Натан светит фонариком в сторону открытой двери и ругается.

Он идёт в нашу сторону, позвякивая ключами, шаркая ботинками по полу.

— Чёрт возьми, — ругается Мика, роясь в кармане в поисках ключа. Он открывает шкаф позади нас, и мы проскальзываем внутрь с нашими мокрыми зонтиками. Надеюсь, Натан не заметит лужу на полу. Более чем вероятно, что он этого не сделает, потому что, давайте будем честны, он довольно дерьмовый охранник.

Раздаются проклятия в адрес этих грёбаных тупых детей, а затем звук открывающейся шире двери. Мика выглядывает, чтобы посмотреть, что происходит.

— Он курит чёртову сигарету прямо за дверью.

— Тогда давай просто посидим здесь, пока он не уйдёт, — шепчет Тобиас в ответ, и дверь закрывается. Это ужасно тесное пространство, чтобы оказаться в ловушке с двумя высокими парнями. Близнецы чертовски высокие, и от них приятно пахнет, как от свежей дождевой воды, смешанной с терпкой вишней и ветивером. Моё сердцебиение учащается, но это просто моё тело реагирует на их близость. Я слишком разбита и печальна внутри, чтобы по-настоящему возбудиться или по-настоящему оценить этот момент. Какая-то злая подсознательная часть меня откладывает эти чувства на потом.

«Примечание для себя: представьте, что это сочная серединка двойного сэндвича с двумя ломтиками хлеба».

Иу-у-у.

Это была своего рода грубая метафора, да?

— Вы, ребята, не собираетесь сегодня из жалости трахать друг друга, не так ли? — шепчет Мика, и я вскидываю голову так быстро, что задеваю его за подбородок, и он ругается достаточно тихо, чтобы, я надеюсь, неуклюжий Натан не услышал.

— Это больше в твоём стиле, не так ли? Трах из жалости? — Тобиас огрызается в ответ хриплым шёпотом.

— Да, ну, я собирался сказать, что если вы двое не готовы, то, может быть, нам с Шарлоттой стоит это сделать.

— Ты предполагаешь, что я вообще этого хочу, — рычу я в ответ, ударяя его ладонью в грудь. — Мне это неинтересно.

— Ты бы переспала с этим подонком Коди, но не со мной? — спрашивает Мика, и в его голосе слышится боль. Теперь, когда я думаю об этом, у него действительно есть характер человека, который хотел бы избавиться от своего горя... *Хорошо, что здесь нет других девушек.* Эта мысль бьёт меня по лицу, как резиновая лента, и в конце концов я хмурюсь так сильно, что кажется, будто это выражение отпечаталось у меня на лице.

— Я никогда не спала с Коди.

— Ты встречалась с ним два года и ни разу с ним не переспала? — Мика выдыхает, как будто он невероятно удивлен.

— Братан, мы уже знали это, — парирует Тобиас. — А теперь заткнись на хрен, пока

нас не поймали.

— Если всё это время ты не спала с Коди, то с кем же ты спала? — спрашивает Мика, и я закатываю глаза. Здесь темно, так что он не может меня видеть, но, по крайней мере, от этого я чувствую себя лучше. И тут его что-то осеняет, что-то, что заставляет меня съёжиться и пожалеть, что я не могу выскочить из этого чулана и бежать со всех ног. Но хоть жуткий Натан меня и не пугал, я не хочу, чтобы он звонил отцу и будил его. Как бы я ни *не* боялась Натана, я в десять раз больше боюсь отца. Он отправит меня в эту Академию Эверли для девочек. Или ещё хуже. Может быть, он отправит меня в какую-нибудь отвратительную военную школу-интернат в пустыне, в какой-нибудь кошмарный городок вроде Ланкастера или ещё куда-нибудь.

Я дрожу.

— Ты можешь посмотреть, там ли он ещё? — ворчу я, пытаюсь отвлечь самого большого придурка из двух близнецов МакКарти. Как *кто-то* мог путать Тобиаса с Микой, выше моего понимания. У Тобиаса гораздо более благородная натура, чем у его придурковатого брата.

— Она девственница, — говорят они в унисон, глядя друг на друга поверх моей головы, и, клянусь богом, всё моё тело нагревается на пять градусов от лицемерного гнева.

Я беру свои слова обратно. Тобиас даже не знает *значения* слова благородство. Он просто... ну, он свинья в заднице.

— Лицо в гандоне, — рычу я, и оба парня ухмыляются так широко, что я действительно вижу белизну их зубов в темноте. Наконец раздаётся звук закрывающейся тяжёлой наружной двери, за которым следует шарканье ног. Это то, что серьёзно беспокоит меня в Натане: он еле волочит ноги. Он такой ленивый, что даже не удосуживается их поднять. По какой-то причине это сводит меня с ума.

— Я может быть и лицо в гандоне, — произносит Мика, пинком распахивая дверь, а затем прислоняясь к ней спиной, чтобы удержать её там. Ухмылка на его лице гораздо более жестокая, чем я когда-либо видела, как будто горе лишило его всего хорошего и оставило только плохое. — Но ты девственница, чистая, белая маленькая снежинка. Неудивительно, что Спенсер был так заинтересован; он может разнюхать такого рода вещи, ты же знаешь.

— Мика, хватит, — рычит Тобиас, становясь между мной и братом. — Я знаю, тебе больно; нам всем больно. Но не вымещай это на Шарлотте. Ты чертовски хорошо знаешь, что Спенсер не был грёбаным охотником за девственницами, так что не принижай его таким образом.

Мика хмурится и отворачивается, нежно облизывая нижнюю губу, как будто пытается вернуть какую-то важную часть себя, за которую он не может полностью ухватиться.

— Я знаю. Мне... жаль, — Мика останавливается и откидывает волосы назад, достаёт из шкафа ведро, полное старых тряпок, и использует его, чтобы снова открыть заднюю дверь. — Просто на случай, если он вернётся.

Мика отворачивается и направляется по коридору, оставляя нас с Тобиасом стоять в темноте.

— Он не так безнадежен, каким притворяется, — говорит Тобиас, но я уже это знаю.

— Вы, ребята, собираетесь безжалостно дразнить меня за то, что я девственница?

— Возможно.

— Пятно от дочки, — ворчу я, и Тобиас смеётся. Это сдержанный звук, но я ценю его усилия.

— Это... действительно хорошее оскорбление, на самом деле, — говорит он, когда мы поднимаемся по лестнице. Он ведёт меня в комнату, которую делит с братом, и я чувствую, что мои ладони внезапно вспотели, когда я вхожу внутрь. Это та же обстановка, которую я видела в комнате Рейнджера: две кровати, электрический камин и комоды на стене в конце короткой прихожей.

Мика уже свернулся калачиком на кровати, так что я присаживаюсь на кровать Тобиаса и притворяюсь, что не смотрю похотливо, как он стягивает через голову промокшую рубашку, обнажая длинное, худощавое тело, точёное во всех нужных местах. У меня слюнки текут, и я засовываю руки под куртку, чтобы они не дрожали.

Его соски твёрдые, вероятно, от прохладной дождевой воды и всего такого, но я не могу не сосредоточиться на них и не задаться вопросом, каковы они на ощупь под моими ладонями. Клянусь Богом, у Коди были самые уродливые соски, как будто они были длинными и бугристыми, и из них росли странные вьющиеся чёрные волоски. У Тобиаса они... симпатичные. Типа, очень симпатичные.

— Ты что, пялишься на меня? — спрашивает Тобиас, изображая шок, и прикладывает пальцы к своей гладкой груди. — Отведи взгляд, извращенка.

— Разглядывая его, ты разглядываешь и меня тоже. Знаешь, у нас с ним одна и та же ДНК. Те же соски — потому что они явно тебе нравятся — те же ноги, те же руки... те же члены.

— Ну и дела, спасибо тебе за информацию, о которой я никогда не просила, — ворчу я, снимая куртку и отбрасывая её мокрой кучей на пол.

— Ты выросла в сарае? — спрашивает Тобиас, поднимая её и вешая на крючок возле двери. Он включает камин, а затем, к моему большому огорчению, не удосуживается попросить меня отвернуться или закрыть глаза, прежде чем сбрасывает мокрые спортивные штаны и нижнее бельё, демонстрируя всё то, к чему я была не совсем готова.

Член Тобиаса наполовину твёрд и вот-вот поднимется.

— Боже мой, ты, чмо британское, убери его! — я бросаю одну из его подушек в указанном направлении, но вместо этого не отрываю взгляда от танцующего пламени в камине. У меня возникает безумное чувство дежавю, когда я думаю о Спенсере и Рейнджере и о той ночи в их комнате в общежитии.

Это довольно быстро портит настроение.

Тобиас натягивает свежие спортивные штаны и садится рядом со мной, матрас прогибается под его весом. Завтра воскресенье, последний день перед тем, как снова начнутся занятия в школе. Такое чувство, что мы ведём обратный отсчёт, как будто если Спенсер не появится до этого времени, значит, он действительно ушёл. Он действительно мёртв.

— Ребят, у вас здесь есть какие-нибудь видеоигры? — спрашиваю я, чувствуя, как мои глаза снова начинают слезиться. Тобиас обнимает меня за талию и сажает к себе на колени, крепко прижимая. Тепло его обнажённой груди проникает в меня, прогоняя часть холода. Но это холод другого рода, похожий на ледяной туман, который, я знаю, вернётся, как только он меня отпустит. Это не холод грозовой ночи; это ледяное чувство непреодолимой меланхолии.

— У нас есть видеоигры? — спрашивает Тобиас, когда Мика, наконец, отказывается от попыток быть равнодушным придурком и садится, вытаскивая свои беспроводные наушники и бросая их в футляр на прикроватной тумбочке. Он наблюдает за нами прищуренными

зелёными глазами. — За кого ты нас принимаешь? Конечно, есть.

— Давайте поиграем в гонки или что-нибудь в этом роде. Мне нужно бездумно отвлечься.

Мика вылезает из кровати и что-то настраивает на настенном плоском экране над своим комодом. У каждого парня есть свой собственный телевизор. Какие избалованные.

Тобиас отодвигается назад, чтобы прислониться к изголовью кровати, всё ещё держа меня, пока я играю против его брата. После нескольких раундов я понимаю, что у меня на лице слёзы, но я притворяюсь, что их там нет. Вместо этого я пытаюсь наслаждаться временем, проведённым с близнецами, вытирая влагу со щёк, пока не начинаю смеяться, а затем кричу на Мику с игровой яростью.

— Ты сжульничал с последним треком! — кричу я, бросая контроллер в его сторону. Он пригибается и ухмыляется, позволяя безвредно подпрыгнуть среди подушек.

— Мы всегда жульничаем, — говорят близнецы в унисон.

— Вы... фаллоимитаторы крайней плоти, обёрнутые туалетной бумагой, — ворчу я, и они оба воют от смеха.

В этот момент дверь распахивается и врывается в стену.

Снаружи темно, а здесь светло, из-за чего трудно разглядеть, кто там стоит.

Вопрос в том, ждёт ли там убийца... или Спенсер Харгроув восстал из мёртвых?

Неизвестность убивает меня, и моё сердце колотится так быстро, что у меня кружится голова; я не могу пошевелиться.

«*Пожалуйста, пусть это будет Спенсер*», — думаю я, вкладывая каждую унцию внутренней энергии во вселенную. К сожалению, эта сука никогда меня не слушает.

— Серьёзно, незапертая дверь? — Рейнджер рычит, врываясь внутрь вместе с Черчем за его спиной, оба они насквозь мокрые и разозлённые. — У вас троих есть желание умереть?

Во мне поднимается волна разочарования и печали, но я отбрасываю их в сторону. По крайней мере, это не кто-то из нападавших на меня, верно? Но также... Спенсер. Бедный ёбаный Спенсер.

— Рейнджер и я прошли весь путь до дома директора и даже забрались на решётку, только чтобы обнаружить, что Шарлотта пропала. — Черч скрещивает руки на груди, его холодный, деловой взгляд перемещается с Мики на меня, всё ещё сидящую на коленях Тобиаса. Он быстро моргает — небольшая вспышка удивления на обычно каменном лице. Хотя я знаю, что мне не в чем чувствовать себя виноватой, я всё равно соскальзываю с колен Тобиаса.

— Вы забрались на мою решётку? — спрашиваю я, на мгновение обрадовавшись. У меня никогда раньше не было парня, который забирался бы на мою решётку, шутки в сторону. — Но подождите, ребята, почему вы вообще были у меня дома?

— Хотел отдать тебе это, — говорит Рейнджер, входя в комнату в сопровождении Черча, следующего за ним по пятам. Он передаёт коробку с новеньким Айфоном, прежде чем обратить свой устрашающий взгляд на близнецов. — Это ёбаный телефон, такой же, как у вас двоих. Проверьте свои чёртовы сообщения.

— Мы... — Мика замолкает, отодвигая контроллер к краю кровати. — Да, мы облажались. Извините. — Он на мгновение закрывает лицо руками, и мне приходится отвести взгляд. Наш маленький пузырьёк счастья только что лопнул, и агония на его лице почти невыносима для меня.

— Вы купили для меня телефон? — спрашиваю я, когда Черч садится на край кровати Мики, внимательно наблюдая за мной.

— Мы не были уверены, сколько времени пройдёт, прежде чем директор купит тебе новый.

— То есть, подумали, возможно, он не мог себе этого позволить? — говорю я, включая телефон. На самом деле я не так хорошо знакома с финансами отца, но в любом случае я благодарна ему. Он тратит бешеные деньги на мамину реабилитацию, так что кто знает? Может быть, сейчас действительно туго с финансами? — Спасибо, — добавляю я, прежде чем ребята из Студенческого совета успевают сказать что-нибудь ещё. Я на мгновение прижимаю телефон к груди, крепко зажмуривая глаза.

— Извините, что мы вас напугали, — говорит Тобиас, и Черч кивает, как будто это конец дискуссии. — Мы просто... никто из нас не мог уснуть. — Он опускает взгляд на одеяло и тербит выбившуюся нитку, а Рейнджер прислоняется плечом к стене, тяжело вздыхая.

— То же самое. Я так устал, что чувствую, словно могу отключиться на ходу, но... — он замолкает, потому что нет причин выражать словами то, что мы чувствуем, этот ползучий

страх, что понедельник принесёт новости и боль, от которых мы никогда не сможем отмыться. — Я подумывал обследовать и чердак, и комнату Марка, посмотрим, не сможем ли мы найти следы этой дыры.

— И ещё, — начинает Черч, на мгновение закрывая глаза. — Кто-то разбил все лампочки в коридоре. Там темно, как во грехе. — Он снова открывает их и пристально смотрит на меня. — Они не были такими, когда мы уходили.

— Это так чертовски жутко, — рычит Мика, снова вытирая лицо. — Кто-то убил... кого-то, и похоже на то, что мы единственные люди в мире, которые знают или которым не всё равно.

— Кто бы ни был ответственен за этот беспорядок, он явно связан с полицией, — говорит Черч, как будто он уже некоторое время размышлял над этим. — Что меня беспокоит, так это то, что школьный совет, похоже, тоже не слишком обеспокоен.

— Что именно это могло бы означать? — спрашиваю я, и от того, как Черч смотрит на меня, у меня мурашки бегут по коже.

— Что они тоже в этом замешаны. — Он замолкает и распрямляет ноги. — По крайней мере, некоторые из них.

— Зачем школьному совету желать смерти Шарлотте и... тому, кто болтался там, в лесу? — спрашивает Рейнджер, как будто он тоже думал об этом несколько дней. — В этом нет никакого смысла. Кроме того, — он бросает на меня извиняющийся взгляд, как будто уже жалеет о том, что собирается сказать, — если бы они хотели её смерти, у любого из них было бы достаточно денег, чтобы, знаете ли, нанять кого-нибудь для этой работы.

— Ты имеешь в виду, типа, нанять киллера? — я задыхаюсь, потому что действительно ли это реальность, в которой мы живём? Наёмный убийца?! Для меня, Шарлотты Фаррен Карсон? Что я такого сделала, чтобы заслужить попадание в чёрный список? — Это безумие.

— Безумие, но это правда, — говорит Черч, вставая и проводя руками по своей пижаме в бело-голубую полоску, смахивая воображаемую пыль. — Я поговорю об этом со своей матерью.

— Твоя мать... — начинает Рейнджер и вздыхает. — Разговор с твоей матерью чреват серьёзными последствиями, Черч. Ты это знаешь.

— Я в курсе, — холодно отвечает Черч, выражение его лица становится жёстче, когда он смотрит на Рейнджера. Затем поднимается на ноги, и все остальные следуют за ним. Такая харизма чертовски пугает. И всё же я направляюсь в коридор и поднимаюсь на один лестничный пролёт вместе с остальными ребятами, наблюдая, как близнецы опускают чердачную дверь и поднимаются по ступенькам.

— Будьте осторожны! — зову я, приподнимаясь на цыпочки и прикусывая губу. Я едва справляюсь с тем, что недавно произошло. Представьте, если бы один из близнецов исчез на этом жутком чердаке и никогда оттуда не вышел?

— Чувак, — говорит Тобиас, присаживаясь на корточки и глядя на нас через дверь, с телефоном в руке и включенным фонариком, чтобы осветить темноту. — Кто-то явно подлатал это дерьмо.

— Что за ёбаная хрень? — Рейнджер стонет, проводя пальцами по волосам и вздыхая. Он обменивается взглядом с Черчем, и их бесстрашный лидер кивает. Не сбавляя темпа, Рейнджер спускается обратно по лестнице и направляется прямым ходом в комнату Марка Грэндэма, стуча кулаком в дверь.

Как ни удивительно, она открывается, и вот он, сонный, измученный Марк Грэндэм, он

же парень с тампонами. Он тупо шуруется на нас, держась одной рукой за край двери, на его почти симпатичном лице застыла хмурая гримаса. То есть, может быть, он был бы сексуальным, если бы не был похож на пятно спермы.

— Чего ты хочешь, Вудрафф? — он огрызается, а затем Рейнджер *сильно* толкает дверь внутрь. Достаточно сильно, чтобы она врезалась в Марка и отшвырнула его назад. — Убирайся из моей комнаты, ты, грёбаный псих.

Драма слишком сильна для меня, чтобы сопротивляться, поэтому я топаю вниз по лестнице, Черч прямо за мной, Тобиас и Мика плетутся за ним.

— Официальное дело Студенческого совета, — объявляет Черч, когда близнецы врываются внутрь и хватают Марка за руки, оттаскивают его назад и толкают на кровать. Черч включает свет и осматривает обстановку, скрестив руки на груди.

Сосед Марка по комнате, какой-то неузнаваемый тупоголовый качок, стонет и накрывает голову подушкой, смирившись с тем, что происходит. В Академии Адамсона вы не связываетесь со Студенческим советом.

— Что это, чёрт возьми, такое? — Марк рычит, когда Рейнджер хватается за стул со стола соседа Марка по комнате и встаёт на него, вытаскивая перочинный нож из своих пижамных штанов, чтобы потыкать им в потолок. — И что эта маленькая киска, любящая тампоны, здесь делает? Он не входит в Студенческий совет, если только ты не уволил этого педика Росса. — Марк хмуро смотрит на меня, и я показываю ему фак, поправляя очки на носу.

Я почти забыла, что должна была хранить свой секрет. Хорошо, что я, наверное, выгляжу ужасно в мешковатой толстовке Адамсон с капюшоном, которую прятала под курткой, мои спортивные штаны забрызганы краской с тех пор, как я помогала тёте Элизе покрасить её гостиную в фиолетовый цвет. Почти уверена, что сейчас я вполне правдоподобный чувак, может быть, уродливый чувак, но чувак.

— Ещё раз назовешь Росса педиком, и я буду вынужден отпустить близнецов, — говорит Черч, улыбаясь этой безжалостной улыбочкой, которая убеждает меня, что он не шутит, ни капельки. — А теперь закрой рот и сиди спокойно. Всё закончится раньше, чем ты успеешь оглянуться.

— Это такой пиздец, — ворчит Марк, вырывая руки из захвата близнецов и хмурясь. — Когда Юджин завтра вернётся из Канкуна, он сдерёт с тебя десять шкур.

Мои уши наостраются, и я чувствую, как этот ужасный ледяной холод пронизывает меня насквозь.

— Ты общался с Юджином? — спрашиваю я, чувствуя, что начинаю дрожать от прилива адреналина.

Марк просто закатывает глаза, явно не собираясь отвечать на мой вопрос. Мика хватается за рубашку и дёргает вперёд, так что они оказываются лицом к лицу.

— Всё, что требуется, — это простое «да» или «нет», придурок, — рывкает он, и я вижу, как напрягаются мускулы на его руках. Мика МакКарти не боится затевать драку, особенно если он чувствует, что каким-то образом помогает другу, делая это. Эти ребята из Студенческого совета более безжалостны, чем я думала.

— Чёрт возьми, чувак, отвали. Нет, я ещё не разговаривал с Юджином. Мы не девчонки. Нам не нужно весь день сплетничать по смс. — У меня вырывается вздох облегчения, и я решаю, что в интересах просто покончить с этим, не буду упоминать его женоненавистническую шутку.

Марк отпихивает Мику назад с такой силой, что засранец-качок ударяется головой о

стену и испускает поток красочных ругательств.

Черч, тем временем, просто наблюдает за всем происходящим у стены рядом с дверью, в то время как Рейнджер достаёт телефон и делает множество снимков.

— Мы здесь закончили, — объявляет Черч, и близнецы отходят от Марка. Мы выходим из комнаты группой, и я съёживаюсь, когда дверь за нами захлопывается с такой силой, что с потолка в холле осыпаются крошечные кусочки штукатурки. В очень, очень тёмном холле. Свет в общей комнате на первом этаже включен, но здесь, наверху, темно как в аду.

Я оглядываюсь назад, на свою комнату на верхнем этаже, и меня бросает в дрожь.

Я в некотором роде рада, что не осталась там совсем одна, даже если жизнь с папой — настоящая форма ада. Единственным плюсом в последнее время является то, что он не отключал Wi-Fi по ночам. Я полагаю, что это форма сострадания, исходящая от него.

— Там был очевидный шов, — бормочет Рейнджер, уводя нас обратно в свою комнату. Его и Спенсера. Ну, технически, я думаю, это комната Черча, но...

Как только мы входим, и я вижу кровать Спенсера, всё ещё не застеленную с последнего дня, когда он был здесь, мои глаза наполняются слезами. Я обнаруживаю, что меня тянет к его угольно-серым простыням, и в конце концов забираюсь под них, слушая разговоры мальчиков.

Близнецы замечают это и обмениваются взглядами, останавливаясь рядом с Черчем, когда Рейнджер тяжело опускается на край своей кровати.

— Там была дыра, и кто-то её залатал. И проделал с этим чертовски хорошую работу. Это почти незаметно.

— Значит, тот, кто охотится за мной, что-то вроде эксперта по строительству? — спрашиваю я, потирая переносицу. У меня начинается мигрень, я это чувствую.

— Марк виновен, — говорят близнецы в унисон, глядя друг на друга, прежде чем вернуться в комнату. Они указывают друг на друга. — Мы это чувствуем.

— Почему вы так говорите? — Черч спрашивает мягко, но не так, как будто он с ними не согласен, а скорее, как будто хочет услышать их независимые мысли, прежде чем принять собственное решение.

— Дыра вела с чердака в его комнату. А потом была так искусно замаскирована. Зачем волноваться? Если только вы не хотели исключить мысль о какой-либо связи между вами и нападениями. — Тобиас пожимает плечами, и Мика продолжает за него.

— Я думаю, одним из придурков в толстовках *мог* быть Блейн, — я предполагаю, что Блейн — сосед Марка по комнате, пока не слышу обратное. — Но серьёзно, Марк — тот ещё придурок-вафельник, в комплекте с масляным лицом и кленовым сиропом для душа.

Я приподнимаю брови. Воу. Оскорбление, достойное насмешки в своём безумии. Я возьму на заметку. В любом случае, это кажется уместным.

— Если он один из нападавших на меня, то их, по крайней мере, ещё двое, — добавляю я, чувствуя, как усталость впивается в меня ногтями, и держусь изо всех сил. Я хочу вернуть Спенсера. Я хочу Кулинарный клуб, и выпечку тортов, и даже... даже лёгкие издевательства, я хочу, чтобы всё вернулось на круги своя. — Потому что я отчётливо слышала мужской крик, когда я атаковала первого парня перцовым баллончиком, и мужское ворчание, когда я ударила второго ломом. — Я смотрю на четыре лица, смотрящие на меня в ответ. — А там, в Эверли, одной из нападавших на меня была женщина.

— Давайте присмотрим за Марком, — говорит Черч, закрывая лицо в этой тёмной пустоте. Я бы не хотела быть на его плохой стороне. Чёрт, я была такой какое-то время, и

это было некрасиво. И даже тогда его гнев был вызван только моим поведением. Представьте, если бы он подумал, что я причинила боль или даже убила его друга? Я бы не исключила, что этот парень пырнет кого-нибудь ножом. — И, может быть, он приведёт нас к двум другим.

— Или к Спенсеру, — предлагает Рейнджер, и в комнате воцаряется тишина. Мы все так сильно скучаем по нему в этот момент. Когда я приподнимаю его простыни и закрываю глаза, вдыхая этот фирменный аромат иссопа и кедра, я знаю, что не сдвинусь с этого места, не сегодня вечером.

— Можно я посплю здесь? — спрашиваю я.

Рейнджеру не требуется и секунды, чтобы ответить.

— Конечно, — шепчет он, а затем я сворачиваюсь калачиком и тихо плачу, когда гаснет свет, включается электрический камин и тихий звук закрывающейся двери подчёркивает, что близнецы и Черч покидают комнату. — Я собираюсь принять несколько таблеток снотворного. Хочешь? — я качаю головой; сейчас слова даются слишком тяжело.

Снаружи шторм бушует ещё сильнее.

Я изо всех сил стараюсь не думать об этом как о предзнаменовании.

Не работает.

Несмотря на мой уровень усталости, похоже, что я долго не засну, очень-очень долго. Вместо этого я остаюсь лежать там в компании шума бури и тёмного шепота моих мыслей.

Рейнджер засыпает первым, и мягкий звук его дыхания служит успокаивающим фоном на фоне потрескивания камина и стука дождя за окном.

Я лежала, свернувшись калачиком, в постели Спенсера, вдыхая его запах и прижимая его подушку к лицу, желая, чтобы вместо этого я обнимала его. То есть, если бы он вообще позволил мне. Если бы он не пропал, как бы всё обернулось? Смог бы он простить меня за ложь? Конечно, он простил бы остальных членов Студенческого совета. Я имею в виду, я мало что знаю об их истории, но, похоже, они какое-то время дружили.

Наконец, я засыпаю и позволяю своим мечтам привести меня в школу, которая не является этой школой, но, знаете, всё ещё похожа на этот сумасшедший сон. Здесь большие белые колонны и фрески, которые совсем не похожи на каменные стены и деревянные балки Адамсона. Спенсер там, и близнецы тоже, все они играют в эту дурацкую гоночную игру в моей комнате в общежитии. Черч и Рейнджер появляются позже со щенками золотистого ретривера на руках, и вот тогда я понимаю, что полностью растворилась в стране грёз.

Затем один из щенков из сна заканчивает тем, что мочится на меня, и я обнаруживаю, что промокла насквозь; я начинаю просыпаться, чувствуя себя глупо из-за того, что так разозлилась на собаку из сна.

Когда я моргаю, просыпаясь, я понимаю, что кто-то забирается ко мне в постель, кто-то мокрый, как, ну знаете, во сне о писающем щенке.

— Оу, — говорит человек, когда я пробиваюсь сквозь туман сна. — Какого чёрта ты делаешь в моей постели?

Мои глаза широко распахиваются, и я сажусь прямо, прислонившись спиной к стене, и в шоке таращусь на парня с серебристыми волосами, который смотрит прямо на меня.

Я дам вам подсказку: это не Юджин Мазерс.

— Что за... чёрт? — шепчу я, чувствуя, что начинаю дрожать. У меня такое чувство, будто я смотрю здесь на привидение, призрак Спенсера Харгроува, который просто случайно осторожно сидит на краю кровати и смотрит на меня так, словно не уверен, что делать с моим присутствием.

Честно говоря, я тоже немного побаиваюсь его.

— Почему ты в моей постели, Чак? Или мне следует говорить Шарлотта? — кажется, он зол на меня, но в то же время устал. И он весь промок после грозы. Его бирюзовые глаза ярко блестят в оранжево-жёлтом свете камина.

— Ты жив? — шепчу я в ответ, пытаюсь проглотить твёрдый комок в горле. — Пожалуйста, скажи мне, что я не сплю. Я не вынесу такого разочарования.

— Жив? — спрашивает Спенсер, глядя на меня так, словно я, чёрт возьми, сошла с ума. — Конечно, я жив. Что за глупый вопрос такой...

Я не могу себя остановить. Я бросаюсь вперёд и обвиваю его руками, сжимая так крепко, как только могу, зарываясь лицом в изгиб его шеи. Слезы свободно катятся по моему лицу, пропитывая его ещё больше.

«И, чёртов ад, от него так чертовски вкусно пахнет. Так вкусно».

— Что происходит? — спрашивает Спенсер усталым и нетвёрдым голосом. Сначала он напрягается, но, возможно, есть что-то в том, как я держу его, что высвобождает часть его гнева. Медленно, неуверенно он обнимает меня за талию и прижимает к себе в ответ. — Что

происходит? Что я пропустил?

— Где ты был? — шепчу я хриплым голосом. Рейнджер отключился, накачанный снотворным. Наверное, мне следует попытаться разбудить его. Черча и близнецов тоже. Но, кажется, я не могу отпустить этого парня, как бы сильно я ни старалась. — Вся эта неделя была сущим адом. Мы все думали, что ты умер.

— Что? Я же сказал вам, ребята, что взял передышку. Мой брат заехал за мной, и мы остановились у него дома в Натмеге.

— Кто-то умер в лесу, Спенсер, студент в спортивной форме с серебристыми волосами. Мы все думали, что это был ты. Он висел на дереве. Это было чертовски ужасно, даже хуже. — Я прижимаю его чуть крепче, закрывая глаза от нового потока слёз.

«Неужели это происходит на самом деле? Или это тоже сон? Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, пусть это будет по-настоящему».

То, что сказал Мика, о том, что снова узнать, что Спенсер мёртв, теперь приобретает такой смысл. Мне кажется, что, если я проснусь и узнаю, что это неправда, у меня будет нервный срыв.

— Подожди, что? — спрашивает он, пытаюсь отстраниться от меня. Я останавливаю его на полпути поцелуем, который удивляет даже меня своей свирепостью. В одну минуту я отчаянно хочу услышать его голос, обсудить всё это до конца, просто чтобы убедиться, что это реально. В следующее мгновение я прижимаюсь своим ртом к его рту, мой язык прокладывает себе путь между его сомкнутыми губами.

Долю секунды он сопротивляется, отталкивая меня назад.

— Шарлотта, о чём, ёбанный в рот, ты говоришь?

Я прерываю его ещё одним поцелуем, этим мучительным соприкосновением губ. Зубов немного многовато, но я ничего не могу с собой поделать. Этот поцелуй должен произойти. Спенсер стонет и прижимается ко мне, его сладко-пряный аромат ошеломляет меня и пробуждает все мои чувства. Я чувствую, что оживаю в его объятиях, с этим поцелуем, с его запахом и теплом, просачивающимися в меня.

«Шарлотта, притормози», — шепчет моё подсознание, но Спенсер уже целует меня в ответ, его язык танцует дикое танго наших губ. Он целует меня с едва сдерживаемой потребностью, с этим обжигающим жаром, который, кажется, накапливался целую вечность. Это поражает меня, как поезд, и я внезапно оказываюсь на спине.

Мои руки скользят вниз по его спине, задирая толстовку и рубашку, чтобы я могла провести ладонями по его влажной, тёплой коже. Твёрдое, горячее тело Спенсера между моих бёдер, одетое в спортивные штаны и ботинки без шнуровки. Он прижимается своим тазом к моему, когда мы целуемся, и я стону ему в рот.

Сейчас в воздухе витает так много эмоций, что я знаю, что мне, вероятно, следует сделать шаг назад и оценить ситуацию. Мой логический мозг, кажется, работает в одном направлении, в то время как моя эмоциональная сторона тянет в противоположном направлении.

Когда Спенсер запускает пальцы в мои волосы, я действительно теряю самообладание, задираю его толстовку и рубашку и прерываю наш поцелуй ровно настолько, чтобы скинуть вещи в сторону.

Спенсер поддерживает этот волнообразный ритм у моего паха, что заставляет меня извиваться и впиваться ногтями в мышцы его спины. Он роется с чем-то в прикроватной тумбочке, а затем возвращается с презервативом.

Он приподнимается ровно настолько, чтобы посмотреть на меня сверху вниз, серебристо-пепельные волосы падают ему на лицо. Я вижу все восхитительные оттенки в его бирюзовых глазах, эти зелёные, голубо-бирюзовые искорки, когда он изучает выражение моего лица. Та раскалённая добела химия, которую мы испытывали в течение нескольких месяцев, витает в воздухе между нами, моё дыхание становится прерывистым. Это почти чересчур, все эти чувства внутри меня; мне нужен выход.

— Что мы делаем? — шепчет Спенсер, но у него в руке презерватив, так что у него должны быть какие-то догадки. Глядя на него снизу-вверх, я снова чувствую слёзы и обвиваю руками его шею, снова притягивая к себе.

Облегчение смешивается с вожделением, создавая это мощное зелье эмоций, которое захватывает всё моё существо. Мои единственные мысли — о том, чтобы подобраться к нему как можно ближе, чтобы убедиться, что он действительно здесь.

Мы лихорадочно работаем вместе, чтобы снять с меня брюки, оставив нижнее бельё на месте. Рука Спенсера легко освобождает его член из штанов, и наступает напряжённый момент, когда он открывает упаковку презерватива и изо всех сил пытается его надеть.

Я оттягиваю трусики в сторону, сердце бешено колотится, и понимаю, что совсем не нервничаю, не так, как было, когда мы с Коди дурачились. С ним я чувствовала себя неуверенно, почти напуганной. Со Спенсером всё по-другому. Нет ни колебаний, ни страха.

Он смотрит мне прямо в лицо, а затем открывает рот, чтобы что-то спросить, но я прерываю его поцелуем, проводя пальцами по его затылку, чувствуя, как тонкие волоски щекочут мою кожу. Спенсер пристраивается к моему входу и медленно вводит себя внутрь.

У меня вырывается вздох, заглушаемый горячим прикосновением его губ, пока моё тело приспособляется к новым ощущениям. Немного тесно, немного неудобно, но так приятно. Вдвойне приятно, когда он начинает двигаться, медленными, но сильными движениями своих бёдер придвигая нас всё ближе и ближе друг к другу.

Правая рука Спенсера скользит вверх под мою рубашку и находит обнажённую грудь. Сегодня вечером я не стала утруждать себя лифчиком; казалось, это не имело особого значения перед лицом его возможной смерти.

— Чёрт возьми, как тебе удавалось прятать это так долго? — он шепчет у моих губ, заставляя меня дрожать. Звук его голоса сюрреалистичен, как сон, ставший реальностью. Я никогда ничего так сильно не хотела за всю свою жизнь.

— Бинтами и молитвами? — шепчу я в ответ, но сейчас меня меньше всего волнует проблема с тайной девушкой. Всё, чего я хочу, — это его губы на моих. Крепким, но нежным нажатием я давлу на его шею и прижимаю его рот к своему, ощущая слабый привкус мяты, как будто он почистил зубы, прежде чем ввалиться сюда.

Спенсер мнёт мою грудь рукой, потирая большим пальцем затвердевшую точку моего соска. Как будто он зажжёт бенгальский огонь внутри меня, посылая эти яркие, красивые цвета по всему моему телу.

Звук срывается с моих губ, полушёпот, полу-стон, когда я обхватываю его ногами, прижимая так близко, как только могу. Когда мы вот так вместе, мне хочется никогда больше не расставаться.

«Я говорила тебе, Чак, что ты влюбишься во всех этих парней. Я предупреждала тебя, не так ли? В первый день. В первый же день я предупреждала тебя».

Моё подсознание взывает ко мне, но я отталкиваю его в сторону, запутавшись в разбитом от любви сердце и новой надежде.

Спенсер Харгроув *жив*.

Не часто случается так, что жизнь преподносит неожиданный сюрприз, а затем позволяет тебе вернуться домой.

Я наслаждаюсь этим.

— Спенс, — шепчу я, называя его прозвищем, которое по праву мне не принадлежит. Но... мне кажется, что так оно и есть. Такое чувство, что *он* принадлежит мне. Он отвечает стоном у моего уха, этим мягким, сладким звуком мужского удовлетворения. Может быть, мы и трахаемся, но я думаю, что мы могли бы также... ну, знаете, заниматься чем-то ещё.

— Чак, — мурлычет он мне в ответ, целуя меня в шею и запуская пальцы в мои волосы. Когда кончики его пальцев касаются моей кожи головы, я вздрагиваю. Всё моё тело реагирует на его прикосновения, я крепко прижимаюсь к нему. Кончиками пальцев провожу по испарине на спине Спенсер, в то время как это давление и жар нарастают внизу моего живота, заставляя меня чувствовать напряжение. — Расслабься, — приказывает он, беря меня за запястья и поднимая их над головой.

Спенсер прикусывает мою нижнюю губу, а затем проводит по ней языком, отпуская меня, чтобы он мог приподняться надо мной, двигая бёдрами сильнее и быстрее, передавая это интенсивное ощущение из моего живота в мои конечности.

Мои губы приоткрываются, и голова запрокидывается, но я всё ещё вижу его в потрескивающем свете камина, он движется надо мной, дождь отбивает ритм стаккато за окном.

Я не ожидаю испытать оргазм — большинство новичков не испытывают — но он всё равно поражает меня, этот яростный огонь, этот пылкий порыв, который взрывается во мне яркой волной. На этот раз, когда я обнимаю Спенсера, меня трясёт по другой причине.

Я чувствую себя лёгкой, невесомой, воздушной.

Он продолжает двигаться, добавляя эти маленькие всплески удовольствия к моему безмятежному расслаблению. Спенсер тоже кончает, всё ещё погружённый глубоко в меня, прижимаясь носом к моей макушке, в то время как его тело дрожит и напрягается.

— Господи, Чак, — бормочет он, а затем перекачивается на спину, тяжело дыша и уставившись в потолок. Я не могу пошевелиться. Почти уверена, что мои ноги превратились в желе. Я едва могу дышать. Это, и я чувствую себя опустошённой теперь, когда Спенсер отделился от меня.

Мои щёки горят, и я поворачиваюсь на бок, просто чтобы убедиться, что он действительно здесь.

— Это было... неожиданно, — шепчет он, бросая взгляд на спящего Рейнджера, закутанного в одеяла и слегка похрапывающего.

— Неожиданно, — начинаю я, всё ещё пытаюсь подобрать нужные слова. Спенсер встаёт, чтобы выбросить презерватив в мусорное ведро в изножье кровати, прежде чем забраться обратно и обхватить меня рукой за талию.

— Неожиданно, но охуенно потрясающе, — добавляет он, наклоняясь вперёд, чтобы поцеловать меня. На этом всё не заканчивается, одним касанием губ. Нет, удовольствие пронзает меня насквозь, и я выгибаюсь навстречу ему.

Я понимаю, что большую часть своей жизни я была в некотором роде титулованной засранкой. Никогда это не было так очевидно, как в этот момент. Может быть, я действительно учусь заботиться о ком-то, кроме себя?

— Хотя я всё ещё зол, — добавляет Спенсер, слегка хмурясь, когда отстраняется от

меня, его глаза изучают моё лицо. Я понимаю, что он, вероятно, часто этим занимается, встречается со случайными девушками. Он не знает, что это мой первый раз, и я чертовски уверена, что не собираюсь ему говорить.

«Однако, если ты прямо не скажешь близнецам этого не делать, они это сделают. Чёрт возьми, даже если ты прямо скажешь им «не делайте этого» они, вероятно, всё равно проболтаются».

— Я не могу поверить, что вы, ребята, лгали мне.

Мои глаза наполняются слезами, а глаза Спенсера расширяются.

— Ты в порядке? — спрашивает он, быстро моргая. Он наклоняется ближе и запечатлеывает поцелуй на моём лбу. — Я не хочу портить этот момент. Мне не следовало даже заговаривать об этом, прости меня.

— Дело не в этом, — выдыхаю я, обхватывая пальцами его руку, просто чтобы удержать его на месте. — Мы все думали, что ты мёртв, Спенсер.

— Я сейчас в таком замешательстве, — говорит он, садясь. Я тоже сажусь и тут замечаю, что его взгляд блуждает вниз. Одна из моих сисек выглядывает из-под рубашки. Вспыхнув, я убираю её и скрещиваю руки на груди. Я дрожу, но это неудивительно. Внутри меня бурлит так много эмоций, что это практически буря. — Ты сказала, какой-то парень покончил с собой?

— Студент с серебристыми волосами, одетый в спортивную форму, был повешен на дереве в лесу. — Я смотрю Спенсеру прямо в лицо. — Всю эту неделю никто не мог тебя найти, и полиция не разглашает имя студента. Мы все подумали, что это ты.

Он просто смотрит на меня, как будто понятия не имеет, как на это реагировать. На его лице появляется чувство вины, и он проводит пальцами по волосам.

— Я в ярости швырнул телефон в дерево и разбил его... а потом решил, что мне будет лучше без него. Иногда, злясь, я совершаю глупые поступки. — Спенсер поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, и я чувствую, как моё сердце колотится в ответ.

«Я только что потеряла девственность с этим парнем», — думаю я и заканчиваю тем, что облизываю нижнюю губу. Он замечает это и слегка улыбается. Это длится всего секунду, прежде чем пропасть, как будто он наконец понимает, насколько это серьёзно.

— Ты в порядке?

— Я только что провела, типа, целую неделю, думая, что ты мёртв, — шепчу я в ответ, и губы Спенсера поджимаются. Он придвигается ближе и сажает меня к себе на колени, напоминая мне Тобиаса. — И твои друзья тоже. Я никогда не видела Мику таким... испорченным.

— Вы, ребята, правда думали, что я мёртв? Всё это время? — я киваю, и Спенсер тихо чертыхается, прижимая меня к себе. Рейнджер был так прав: я должна была сказать ему раньше. Чего я так боялась? Этого? Потому что я признаю: это очень много.

У нас со Спенсером неоспоримая связь, которая, если быть честным с самой собой, пугает меня до чёртиков. Это так интенсивно, так грубо. Я никогда раньше ни с кем так себя не чувствовала.

— В ту ночь в душе на меня напали двое людей в толстовках. Они взобрались на чердак и пролезли через весь чердак в комнату Марка Грэндэма. Затем они заманили нас в туннели под школой, прежде чем запереть там. — Я поднимаю глаза и вижу, что Спенсер смотрит на меня, разинув рот, его тёмные брови приподняты. Он весь вспотел, и я тоже. Свернуться калачиком в его объятиях прямо сейчас и заснуть — это был бы рай.

Но мы должны разбудить других парней. Они заслуживают того, чтобы знать, что их друг жив.

— Рейнджер чуть не умер. На самом деле, дважды. Он чуть не утонул. Мне пришлось сделать ему искусственное дыхание...

— С кем ты разговариваешь? — бормочет Рейнджер, переворачиваясь и садясь. Он обхватывает голову руками, запуская пальцы в свои тёмные волосы, прежде чем, наконец, оглядывается, глаза затуманены и тяжелы ото сна. Когда он видит, на чьих коленях я сижу, его глаза расширяются, и он с рёвом вскакивает с кровати. — Где, блядь, ты был?! — он рычит, дёргая Спенсера за руку. Я сползаю с его колен и вспоминаю, что на мне нет штанов...

Рейнджер этого не замечает. Вместо этого он кладёт ладони на обе обнажённые руки Спенсера, и его трясёт, когда он смотрит на своего друга сверху вниз своими пронзительными сапфировыми глазами.

— Я... разбил телефон, и просто пытался расслабиться. Я понятия не имел, что здесь творится такое дерьмо. Я был дома у Джека, накуривался...

— Тебя всю неделю накуривали в доме твоего брата, в то время как мы, блядь, *умирали* за тебя?! Ты с ума сошёл? Ты знаешь, через что ты всех нас заставил пройти?

— Чак только что рассказал... Чёрт, прости, я не знал. Не знал. — Рейнджер убирает руки с плеч Спенсера, оставляя красные следы. А потом он обнимает его, одним из тех крепких, сжимающих объятий, которые мне так нравятся. Настоящее объятие. Никакая хрупкая мужская чушь не помешает Рейнджеру Вудраффу обнять лучшего друга. Моё сердце раздувается на три размера, как у Гринча или кого-то еще.

Затем Рейнджер поднимает взгляд и видит, что я сижу там в нижнем белье. Моём очень, очень мокрым нижнее белье. Я неловко ерзаю, и его брови поднимаются вверх. Он выпрямляется и смотрит на Спенсера, потом на меня, потом снова на Спенсера.

— Вы, ребята... только что трахались?

— Твои снотворные таблетки делают тебя мёртвым для всего мира, чувак, — говорит Спенсер, безуспешно пытаясь рассмеяться. Он выглядит так, словно его вот-вот стошнит. Рейнджер снова пристально смотрит на меня и бросает на меня такой... *Я не знаю*, взгляд.

Чёрт.

Я бросаю на Рейнджера ответный взгляд, который говорит: «*Пожалуйста, ничего не говори*», — и он наклоняется, чтобы поднять с пола мои брюки и бросить их мне.

— Я схожу за Черчем и близнецами. Оставайтесь здесь. — Рейнджер открывает дверь и идёт по коридору, чтобы разбудить других парней. Мне не нравится, что он идёт туда один, но это всего в нескольких шагах отсюда, так что я решила, что мне лучше надеть чёртовы штаны.

— Это безумие, — шепчет Спенсер, поворачиваясь, чтобы снова посмотреть на меня. — Я всё ещё не могу поверить, что ты девушка. — Он прищуривает на мне глаза. — Ты знаешь, сколько гей-порно я посмотрел, готовясь к нашему первому разу? Я изучал, как правильно сосать член. — Я улыбаюсь, но на глаза снова наворачиваются слёзы. Я просто чертовски счастлива, что он всё ещё жив. — Никаких резких реплик или остроумных комментариев?

— Я... Я просто... — впервые в жизни я буквально теряю дар речи.

Спенсер делает паузу, а затем отводит глаза в сторону, как будто он действительно напряжённо думает о том, что он хочет сказать дальше. Когда он оглядывается на меня, я просто знаю, что это будет глубоко.

Потом, конечно, дверь распахивается, и вваливаются близнецы.

Они опрокидывают Спенсера на кровать Рейнджера, и я не могу сказать, смеются они или плачут.

— Ты кусок дерьма, — вопят они в унисон, потираясь своими щеками о его. Он смеётся и пытается оттолкнуть их, но безуспешно.

— Мы должны надрать тебе задницу за то, что ты заставил нас думать, что ты мёртв, — говорит Мика, и Тобиас хмурится.

— Мы должны выбить из тебя всё дерьмо.

— Оу, послушайте, вы, ребята, действительно любите меня, — произносит Спенсер, садясь и изо всех сил стараясь выпутаться из длинных конечностей близнецов МакКарти. Они набросились на него, как рыжеволосые коалы или подобное дерьмо. Я улыбаюсь, хотя снова плачу. Фу, это быстро надоест. Я должна вернуться к своей прежней стервозной девчонке из Долины, да?

Или... может быть, это хорошая перемена? Думаю, мне предстояли кое-какие перемены.

Пока близнецы трутся о друга, Черч медленно и бесшумно входит, всё ещё хмурясь, а затем останавливается в центре комнаты, а Рейнджер стоит прямо за ним. Его глаза на мгновение встречаются с моими, и в них я вижу это: он знает.

Они все узнают.

Я сижу в комнате общежития с кучей парней, и они все узнают, что я только что сдалась Спенсеру. Я была бы смущена, если бы меня не переполняло так много других чувств.

Все замолкают, когда замирает Черч, одетый в бледно-голубую с белым атласную пижаму, которая, кажется, соответствует его индивидуальности. Цвет симпатичный, но рубашка застёгнута на все пуговицы до самого верха — очень серьёзное заявление. Он пристально смотрит на друга своими поразительными янтарными глазами.

— Черч, — осторожно произносит Спенсер, садясь, когда близнецы отодвигаются, чтобы дать ему немного места. Тобиас встречается со мной взглядом и приподнимает брови. Вместо этого я смотрю на Черча, отказываясь замечать его вопросительный взгляд.

— Спенсер, — отвечает Черч, и затем его рот расплывается в одной из тех огромных, заоблачных улыбок. — Ты, хуесосущий кусок дерьма.

— Чувак, у меня не было... — начинает Спенсер, когда дверь распахивается во второй раз, проламывая гипсокартон. Росс стоит там в розовой пижаме, разрисованной маленькими овечками. Уголки его рта опущены почти комично, а из его обычно прищуренных и злых глаз просто текут слёзы. — Э-э, Росс, ты в порядке, чувак?

— Ты... ты придурок! — вопит Росс, врываясь в комнату и бросаясь на Спенсера. Он рыдает, и близнецам приходится буквально оттащить его, прежде чем он задушит Спенсера своими яростными объятиями. Однако, как только Росс немного отступает, он хлопает Спенсера в грудь тыльной стороной одной руки, а другую кладёт себе на бедро. — Ты что, дурак? Ты живёшь в пещере? Или, может быть, ты живёшь в девяностых, будто забыл, как отправлять текстовые сообщения или проверять социальные сети?

— Я... — начинает Спенсер, а затем замолкает, оглядывая комнату, как будто впервые осознавая, сколько людей по-настоящему заботятся о нём. Когда я начинаю успокаиваться, моё беспокойство и смущение начинают нарастать. Когда он смотрит на меня, всё, о чём я могу думать — это ощущение того, как его тело входит и выходит из меня, вознося меня к новым высотам наслаждения. Я даже не знала, что это может быть так приятно. Не то чтобы

я никогда раньше не прикасалась к себе, но... прикосновение рук Спенсера к моему телу было благословением богов. — Мне жаль.

Его слова мягки, определённо искренние, и в этот момент какое-то странное напряжение покидает комнату, и я слышу, как несколько человек делают длинные, глубокие вдохи.

— Это не твоя вина, — говорит Черч, возвращаясь к своей осторожной нейтральности. — Но ты действительно устроил нам довольно отстойную неделю. Я говорю... две недели дежурства по уборке в Кулинарном клубе, по крайней мере.

— Я поддерживаю это ходатайство, — ворчит Рейнджер, пытаясь скрыть редкую улыбку.

— Поддерживаем, — бормочут близнецы в унисон, а затем поворачиваются и свирепо смотрят друг на друга.

— Ходатайство отклонено, — бормочет Спенсер, но Росс уже достаёт стилус из телефона и делает пометку.

— Протокол записан, ходатайство принято.

— Это полная хрень, — бормочет Спенсер, но всё равно слегка улыбается. — Хорошо, но я всё ещё зол на вас, ребята. — Он откидывается на кровать, без рубашки, великолепный и, самое главное, с пульсом. — Вы же знаете, я ненавижу секреты, так почему я узнал об этом последним? Вы не можете мне доверять?

— Это была моя вина. Рейнджер просил меня сказать тебе раньше, — отвечаю я, вставая с кровати. Росс бросает взгляд на мои растрёпанные волосы и припухшие губы, как будто по одному этому простому взгляду он может понять, что здесь происходило. Или... или, может быть, тут пахнет сексом?!

Я слегка задыхаюсь, когда все поворачиваются, чтобы посмотреть на меня.

«Веди себя естественно, Шарлотта, веди себя естественно».

Честно говоря, близость со Спенсером казалась мне самой естественной вещью в мире, несмотря на то, что это был мой первый раз.

— Я получала записки от кого-то, кто знает, кто я такая. И старалась держать это в секрете как можно дольше, ото всех. Близнецы догадались, а Черч увидел меня голой. Рейнджер...

— Черч видел тебя голой? — спрашивает Спенсер с лёгким раздражением в голосе.

— Это долгая история, может быть, лучше оставить её на завтра, — говорит Черч, склонив голову набок и изучая друга с благоговением, которое я чувствую в своей груди, как сияющую звезду или... что-то в этом роде. Я не самый поэтичный человек в мире, но ощущение, что я вижу этого парня живым, я никогда не забуду.

«В любой момент папа мог сказать мне, что мёртвый мальчик в лесу был не Спенсер. Ему даже не нужно было называть мне имя студента, просто сказать, что мой друг всё ещё жив».

Я не по-детски зла из-за этого.

— Тебе следует отметить у директора, — продолжает Черч, прислоняясь плечом к стене. Если бы я не думала, что этот парень был кем-то вроде зомби или чего-то подобного, я бы действительно подумала, что он устал. Эти мелочи, знаете ли, такие, как небольшая складка между его бровями или опущенные плечи. — Мы вернёмся все вместе. — Черч встаёт и снимает мою куртку с крючка возле двери, протягивая её мне.

Я встаю и инемного спотыкаюсь, мои ноги всё ещё дрожат, и в конце концов падаю на

него.

«Чёрт, как же хорошо от него пахнет».

От его фирменного запаха сирени и розмарина по моему телу пробегают мурашки, но я виню в этом тот факт, что у нас со Спенсером только что был секс.

У нас был секс.

Чёрт возьми, у нас был секс... Я оглядываюсь и вижу, что он наблюдает за мной, пока Черч помогает мне надеть куртку. Спенсер встаёт, и мы все поворачиваемся, чтобы посмотреть на него, как будто он призрак, вернувшийся к жизни, или что-то в этом роде.

— Может, вы все перестанете так на меня смотреть? — спрашивает он, слегка смеясь.

Рейнджер смотрит ему прямо в лицо.

— Нет. Мы все будем у тебя в заднице до конца года. Привыкай к этому.

Он поворачивается и выходит из комнаты, Черч и Росс следуют за ним. Близнецы идут последними, ожидая, пока Спенсер наденет свою толстовку.

— Давай сделаем это, — говорит он, резко выдыхая, по-прежнему пристально глядя мне в глаза. — Давай скажем директору, что этот мудака воскрес из мёртвых.

Папе ни к чему знать, что я тайком вернулась в общежитие, поэтому я переодеваюсь в чистую пижаму, прежде чем пойди будить его. Он приходит в себя с затуманенными глазами, но, как обычно, непоколебимо спокоен.

Спенсер прислонился к стене в коридоре, приподняв одну ногу. Он выпрямляется, когда папа выходит в халате и тапочках, прищуриваясь на него.

— Спенсер Харгроув, — говорит он, слегка кивая. — Твои друзья ужасно волновались за тебя. — Папа бросает на меня взгляд, одетую в мешковатую толстовку с капюшоном и спортивные штаны, мои волосы растрёпаны, очки съехали набок. По какой бы то ни было причине, я не хочу, чтобы он знал, что Спенсер знает, пока нет.

«Пожалуйста, не позволяй ему посмотреть на меня и понять, что я переспала со Спенсером», — думаю я, но, конечно, я веду себя как сумасшедшая. На моём лице нет татуировки с надписью «не девственница». Но потом я вспоминаю, насколько вопиюще очевидным было то, что Моника и Коди трахались за моей спиной. Это о чём-то да говорит, верно?

— Мне жаль, сэр, — произносит Спенсер, поднимая свои великолепные бирюзовые глаза на лицо моего отца. — Мои родители знали, где я, поэтому я не...

— У тебя нет проблем, — говорит мой папа, пренебрежительно махая рукой. Гнев во мне поднимается немного выше, когда я понимаю, что он совсем не беспокоился о Спенсере. Он знал, что он жив и с ним всё в порядке. Он знал это, но не сказал мне.

Черч тоже знает. Я могу сказать это по тому, как слегка прищуриваются его янтарные глаза, а уголки рта опускаются вниз.

— Вам всем следует вернуться в постель и хорошенько отдохнуть перед учебной неделей. Занятия начинаются в понедельник утром.

— Никаких дней траура по погибшему студенту, да? — спрашиваю я, зная, что здесь ко мне относятся с пренебрежением. Я в ярости. — Кого-то убили в кампусе, и так просто *возвращаемся к нашему обычному расписанию*, — ворчу я, подражая голосу отца.

— Чак, не сейчас. Сейчас четыре часа утра. Возвращайся в постель, и в следующий раз, пожалуйста, спроси меня, прежде чем впускать большую группу студентов в дом посреди ночи. — Папа поворачивается обратно к Студенческому совету, но по выражениям их лиц я вижу, что... они на моей стороне?

То, как они смотрят на него, с разной смесью гнева, разочарования и жалости, заставляет меня чувствовать себя хорошо внутри. Как будто теперь у меня есть своя команда, хулиганы превратились в лучших друзей или что-то в этом роде.

— Я позвоню Натану и попрошу его проводить вас, мальчики, обратно в общежитие.

— Сэр, если позволите, — начинает Черч, проводя ладонями по лацканам пиджака, — но в такие времена, как это, может потребоваться солидарность среди студентов, а также демонстрация силы со стороны администрации. Возможно, назначение Чака соседом Спенсера по комнате решило бы проблему их одиночества в общежитии, а также продемонстрировало бы доверие к этой академии?

— Ещё слишком рано для этого, — ворчит папа, прикладывая пальцы ко лбу. — Чак никуда сегодня не пойдёт. Мне очень жаль, парни. — Он проходит между ними, набирая номер Натана на телефоне, пока спускается по лестнице, более чем вероятно ожидая, что

Студенческий совет последует за ним.

Они этого не делают.

Даже придурок Росс.

— Твой папа в некотором роде придурок, — говорит Спенсер, глядя на меня так, словно ищет на моём лице какой-то намёк на... что-то. Я всё ещё в шоке от того, что он жив, и думаю, что, возможно, я так до смешного сильно влюблена в этого парня, что невозможно заставить мой язвительный рот произносить слова. Слова даются с трудом.

— Он бывает таким, — выдыхаю я, когда Тобиас переводит зелёный взгляд с меня на Спенсера. — Но я прожила с ним всю жизнь и привыкла к этому.

— Верно.

Между нами возникает неловкая напряжённость, и Росс прочищает горло.

— Как бы всё это ни было увлекательно, мне нужно написать около ста человекам, обновить посты в социальных сетях и разгрести целую кучу дерьма, которое *ты*, — он тычет пальцем в грудь Спенсера, — только что испоганил в моём тщательно составленном расписании. Ты знаешь, сколько работы уходит на то, чтобы быть помощником в Студенческом совете?

— Примерно столько же, сколько требуется для того, чтобы на самом деле быть членом Студенческого совета, то есть не так уж много, — язвит Спенсер, и Росс снова тычет в него пальцем.

— Ты даже не представляешь, какую гору бумаг мне пришлось заполнить в связи с твоим исчезновением. У тебя большие неприятности, сэр. — Ах, я почти забыла, что Росс по уши влюблён в Спенсера. Переводя взгляд с одного на другого, я почти... ревную? Фу, отвратительно. Как будто меня волнует, что Спенсер делает или не делает с другими людьми.

Только ведь... Волнует.

Потому что он мне нравится. Сильно. И когда я подумала, что он мёртв, мне показалось, что кто-то отрезал кусочек моего сердца, и я буду вечно истекать кровью.

— Ты знал секрет Чака? — спрашивает Спенсер, глядя Россу прямо в лицо. Другой парень заикается и краснеет, а затем крепко сжимает губы. — Ага, именно так я и думал. Я всё ещё в шоке.

— Лучше покончить с этим побыстрее, — говорит Тобиас, бросая взгляд на друга. — Мы все были опустошены. Мика едва мог есть и спать, а Девственник Чак почти каждый день рыдал.

Мои щёки становятся свекольно-красными, а глаза расширяются так сильно, что я бы не удивилась, если бы они выпали прямо из глазниц и покатались вниз по лестнице.

«*Боже, спасибо Тобиас, придурок ты такой*», — думаю я, когда Спенсер медленно поворачивается, чтобы посмотреть на меня, и на его лице отражается тот же ужас, что и на моём.

Теперь он посвящён в две вещи, о которых я не хотела, чтобы он знал. Фантастика.

— Девственник Чак? — спрашивает Спенсер, но затем мы все слышим звук открывающейся входной двери и фирменную шаркающую походку Натана. — Откуда взялось это прозвище?

— Ладно, я устала. Как бы я ни была взволнована тем, что ты не находишься на глубине шести футов, я хочу, чтобы ты убрался из моего дома. — Я кладу обе руки на спину Спенсера, игнорируя покалывание в ладонях, а затем подталкиваю его к лестнице.

Парни спускаются группой, по-видимому, по моей команде, но, когда я поворачиваюсь, чтобы подняться обратно, Спенсер хватается за запястье и притягивает к себе.

— Твоё прозвище, — начинает он, но я не собираюсь вести этот разговор в двух шагах от спины моего отца.

— Купи новый телефон, а потом напиши мне, — ворчу я, вырывая свою руку из его хватки. Но на полпути останавливаюсь, чтобы оглянуться, и обнаруживаю, что он всё ещё смотрит на меня. Что-то внутри меня загорается от этого взгляда, но я отворачиваюсь, прежде чем глупая улыбка на моих губах всё испортит.

Спенсер Харгроув жив.

Это величайший день в моей жизни.

Но также мне нужно, чтобы он ничего этого не знал, иначе я умру от смущения.

Быть семнадцатилетней — отстой.

Сон приходит гораздо легче, чем я думала. Я предполагала, что буду ворочаться всю ночь, мечтая о Спенсере, но потом моё тело, должно быть, осознало, что находиться в постоянном состоянии тревоги семь дней подряд — это слишком, и я вырубилась.

Утром я нахожу папу в его кабинете, он приглушённо разговаривает по телефону. Он видит меня и отгоняет рукой, что меня вполне устраивает. Последнее, что мне сейчас хочется делать — это тусоваться с ним.

У меня не так много одежды, которая, по моему мнению, помогла бы мне замаскироваться, и мне неинтересно носить форму в выходной день, поэтому я открываю крышку ноутбука и отправляю Тобиасу сообщение.

Я имею в виду, я бы отправила его Спенсеру, но, очевидно, он не проверяет чёртовы сообщения.

«Я умираю здесь. Можем мы все вместе съездить в город?»

Несколько минут я просто смотрю на экран, постукивая пальцами по столу и ожидая. Но Тобиас быстро отвечает мне, и эти приятные маленькие точки появляются внизу экрана, показывая, что он печатает.

«Определённо. Встретимся у тебя дома через тридцать минут?»

Я нажимаю на эмодзи с поднятыми вверх большими пальцами, а затем вскакиваю, чтобы одеться. Если я собираюсь куда-нибудь пойти, то с таким же успехом могу быть абсолютно гламурной. Ну, настолько гламурной, насколько я смогу стать за полчаса.

Прежде чем приступить к косметическим процедурам, я снова заглядываю в кабинет отца.

— Я встречаюсь со Студенческим советом. Мы будем в Натмеге, возможно, в закусочной или ещё где-нибудь.

Папа встаёт со стула, когда я направляюсь к лестнице.

— Ты не подумала спросить, нормально ли это? Ты просто скажешь мне, что ты собираешься делать сейчас, и всё? — я останавливаюсь на полпути к лестнице, держась рукой за перила, и оборачиваюсь, чтобы посмотреть на него.

— Меньше чем через год мне исполнится восемнадцать. И да, я подозреваю, что именно этим я и буду заниматься. — Папа поджимает губы, и ноздри слегка раздуваются, но это всё, единственная искра гнева, которую я вижу в нём.

— Ну, я не против, если ты пойдёшь в город с друзьями, но я хочу, чтобы ты вернулась до наступления темноты. — Есть что-то слишком лёгкое в этом, в том, как он сдаётся.

Мне это не нравится.

Моя интуиция гудит от подозрений.

— Почему ты просто не сказал мне, что Спенсер жив? — спрашиваю я, по-настоящему любопытствуя. Я имею в виду, можно подумать, что, если бы отец мог облегчить страдания дочери, он сделал бы всё, что от него потребуется. Даже такой одержимый приверженец правил, как Арчибальд Карсон, должен был бы понять, что *«Всё будет хорошо, Шарлотта, твой друг — не мёртвый мальчик»*, не нарушает никаких правил полиции.

— Это было не моё дело, Шарлотта. Я очень серьёзно отношусь к своей работе, ты это знаешь. И мне нужно было уважать пожелания следователей. — Он отворачивается, чтобы вернуться в кабинет, а затем останавливается. — Возьми с собой кредитную карту на случай непредвиденных обстоятельств и купи новый телефон; мне не нравится, когда я не могу с тобой связаться. — Он поправляет очки и смотрит на моё нахмуренное лицо так, словно может сказать, что я вижу насквозь его чушь. — Мне всё равно, Эппл это, или Самсонит, или что-то ещё, но это должно быть сравнимо с тем, который ты только что потеряла.

«Слишком поздно, папа, Студенческий совет уже купил мне его».

— Это не Самсонит, папа, это Самсунг.

Арчи игнорирует меня и исчезает в кабинете, оставляя меня с этим тёмным клубящимся чувством беспокойства внизу живота. Он явно зол на меня, но он такой... снисходительный.

Мне это ни капельки не нравится.

Такое ощущение, что в Адамсоне раскрывается ещё одна тайна, которая, знаете ли, немного отличается от убийства, но не менее тревожна.

Одному Богу известно, что планирует мой отец.

— Я ему не доверяю, — говорю я за клубничным пломбиром с настоящим клубничным сиропом. Судя по всему, его готовят прямо здесь, вручную, из органической клубники, выращенной за кафе и обработанной с любовью и заботой, а также с *уймой надрывания жопы* — извините за мой язык. Всё это прямо из уст лошади, а лошадью является Меринда Смит, владелица закусочной «Щелкунчик».

Ну, на самом деле этим заведением *владеет* семья Черча, но совершенно ясно, кто является сердцем и душой этого заведения.

— Твоему папе? — спрашивают близнецы в унисон, перед каждым из них стоит совершенно разный вид мороженого. Я заметила, что они оба начали заказывать одно и то же — горячую помадку, ванильное мороженое, посыпанное орехами, «стандартная классика», — но потом повернулись, посмотрели друг на друга и оба разошлись в совершенно произвольных направлениях. Мика выбрал шариковое черничное мороженое с ежевичным сиропом и засахарённой черникой сверху, а Тобиас — апельсиново-ванильное с мармеладом и засахарёнными грецкими орехами. — Почему?

— Он сказал мне купить новый телефон — я не потрудились сказать ему, что вы, ребята, уже это сделали. — В качестве примера я прокручиваю в руках новый Айфон (он жизнерадостно-жёлтого цвета, который, определённо мне по душе). — И ему не понравилось, что я просто сказала ему, что ухажу вместо того, чтобы сформулировать это как вопрос, но он всё равно позволил мне уйти.

— Чёрт, засади его в тюрьму за жестокое обращение с детьми, — говорит Спенсер, и я подпрыгиваю. Однако он улыбается, сидя напротив меня в кабинке. Я думаю, он хотел сесть вместе, но Тобиас скользнул на сиденье, а потом Мика толкнул меня бедром рядом с ними. Так что теперь я — щит между близнецами, в то время как Спенсер сидит зажатый между Черчем и Рейнджером. У первого огромная миска кофейного мороженого с кружкой горячего чёрного кофе на гарнир, а второй трудится над куском пирога. — Но я понимаю это. Ты привыкла к тому, что он придурок, а он нет, так что...

Спенсер замолкает, его взгляд слегка опускается вниз, к моей груди. Я надела самое красивое голубое платье из своего гардероба, коротенькую весеннюю накидку из хлопка на танкетке и связку перламутровых браслетов, которые Моника подарила мне на день рождения в прошлом году.

Когда я открыла входную дверь сегодня утром, то подумала, что у нескольких парней может снести крышу. Или, может быть, просто наложат себе в штаны. Это было одновременно странно волнующе и немного пугающе.

— Ты выглядишь хорошенькой в качестве девушки, — вот что сказал мне Спенсер. Мило, я полагаю, учитывая, что он всё время твердил о том, какой уродливой он находит меня в качестве парня.

— Он что-то замышляет, — молвлю я, кладу ложку обратно в миску и разглаживаю руками юбку. Сегодня я надела контактные линзы, и мои волосы уложены так хорошо, насколько это возможно. У меня никогда раньше не было коротких волос, и я не уверена, как к этому отношусь.

Подсознательно я ловлю себя на том, что провожу по ним пальцами.

— Тебе идёт короткая стрижка, — говорит мне Рейнджер, и его ворчливый голос

заставляет меня немного подпрыгнуть. Он смотрит на меня через стол, и я замечаю, как взгляд Спенсера перемещается на него. Он сильно хмурится, но я не могу сдержать улыбку. Коди и Моника без конца говорили о том, как паршиво я выгляжу с короткими волосами, и вот мой новый друг говорит мне, что я с ними хорошо выгляжу. Это чертовски убедительно.

— В любом случае, — продолжает Спенсер, прочищая горло. Близнецы набирают в рот мороженое так, словно собираются установить мировой рекорд, доедают одновременно и бросают ложки так, что они звякают. — Ты думаешь...

— Готово, — объявляют они в унисон, а затем снова смотрят друг на друга поверх моей головы. Я сажусь прямо, но это не совсем закрывает им обзор, поскольку они намного выше меня. — Я победил. — Они оба усмеваются. — Нет, я победил. — Раздаётся разочарованное рычание, и я вздыхаю.

— Ты думаешь, что? — спрашиваю я, стараясь не подавиться большим блестящим комком эмоций, застрявшим у меня в горле. Вчера я потеряла свою девственность, и всё, что я хотела сделать, это позвонить Монике и описать всё это в деталях. Даже если она действительно переспала с моим парнем, я скучаю по ней. Насколько это запутанно?

— Как ты думаешь, мы могли бы немного прогуляться и поговорить? — Спенсер замолкает, и его глаза слегка прищуриваются. — Одни.

— О чём, чёрт возьми, вам, ребята, нужно поговорить наедине? — спрашивает Мика, скрещивая руки за головой. Рейнджер поджимает губы, потому что прекрасно знает, что нам нужно обсудить. Однако, похоже, он повёл себя по-джентльменски, потому что больше никто ничего не сказал.

— Просто... ну, знаете, девчачьи штучки и всё такое. Вы ведь получили известие, верно? У нас с Чаком что-то есть, и это что-то совсем запутанное и странное теперь, когда я знаю, что он — это она. Нам нужно кое в чём разобраться.

— Не будь груб с Микой. У него был психический срыв, когда он подумал, что ты мёртв. — Черч потягивает кофе, приятный и спокойный, закрывая глаза, пока пьёт. Во время первого плотка за день он сильно вздрогнул, как будто испытывал оргазм или что-то в этом роде.

Кстати, об оргазмах...

— Разве *ты* не получил известие? Тобиас признался в любви к Шарлотте, когда мы думали, что ты мёртв. — Мика ухмыляется, и не нужно быть гением, чтобы понять, что он увиливает. Он не хочет, чтобы Спенсер знал, как сильно он его любит. Серьёзно, мужчины чертовски странные.

— Ты, блядь, серьёзно? Ты думал, что я мёртв, и подкатил к моему парню? — Спенсер замолкает. — Девушке, неважно.

— Всё было не так, — рычит Тобиас, мрачно глядя на брата. — Почему ты намеренно пытаешься разозлить его? Ты должен быть просто благодарен, что он не лежит холодным где-нибудь в морге.

— Я благодарен. Я просто хочу знать, почему ему нужно так много времени проводить наедине с Чаком. — Мика приподнимает одну рыжую бровь, а Спенсер хмурится, вопросительно глядя на меня. Почти уверена, что он спрашивает разрешения рассказать ребятам о том, что произошло между нами.

— Можем мы, пожалуйста, просто прогуляться? Мы ненадолго, всего лишь за квартал и обратно.

Мика бросает на меня мрачный взгляд, но всё равно выскакивает из кабинки. Рейнджер

делает то же самое для Спенсера, и в итоге мы вместе оказываемся на улице под ярким весенним солнцем. Сегодня намного теплее, чем было раньше, и я ценю редкое ощущение солнечного света на своей коже.

— Думал, мы никогда от них не избавимся, — шутит Спенсер, но затем я прикусываю губу и отвожу взгляд, чувствуя, как жар приливает к щекам. Это так неловко, не правда ли? Прямо невероятно неловко. — Ты хочешь им сказать? Ты хочешь, чтобы я им сказал?

— Мы вообще должны им говорить? — спрашиваю я, но потом съёживаюсь, потому что вспоминаю разглагольствования Спенсера о секретах. Это его лучшие друзья, почему бы ему им не рассказать? Вопрос, который я, вероятно, должна задать себе, заключается в том, почему я не хочу им рассказывать. Например, может быть, я влюблена в близнецов и не хочу, чтобы они знали?

Ох.

Жизнь тяжела.

— Мы должны сказать им, — говорит Спенсер, а затем просто продолжает идти, когда я остаиваюсь на углу. Он определённо пропустил тот день в детском саду, когда тебя учат смотреть в обе стороны, прежде чем переходить улицу. — Мы в Натмеге, штате Коннектикут, Чак, а не там, откуда ты родом, в Калифорнии. Пошли. — Он разворачивается и начинает идти задом наперёд через улицу, и я следую за ним. В чём-то он прав. — Но могу я, пожалуйста, спросить насчёт Девственника Чака? Что это значит?

— Спенсер, перестань, — задыхаюсь я, краснея, когда догоняю его, и мы проходим мимо магазина лоскутных одеял. Один из ценников в углу привлекает моё внимание. *Две тысячи долларов за одеяло?! Женщина внутри машет нам, и мы машем в ответ.* — Это просто глупое прозвище, которым они решили подразнить меня.

— Ну, так это правда? — спрашивает он неуверенным голосом.

Я бросаю на него такой дерзкий взгляд, который тысячу раз в прошлом видела, как Моника бросает на парней. Он говорит без слов, *я умнее, круче и лучше тебя, так что не жди ответа.* Хотя, могу сказать, на Спенсера он не действует.

— Очевидно, нет, ты же был там, — шучу я, снова проводя пальцами по своим коротким светлым волосам.

— Но перед этим, — продолжает Спенсер, и затем, когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, он прижимает меня к красивой лавандовой стене магазина свечей и мыла, сладкий запах лаванды и розы доносится до нас из двери. Его бирюзовые глаза останавливаются на моём лице, и я ёрзаю. Он определённо добился того, чего хотел, не так ли? — Ты потеряла девственность со мной?

— Какое это имеет значение? И вообще, почему парни так одержимы девственницами? Разве вам не *хочется* более опытного партнёра? Иисус. Это не товар, которым можно торговать и который можно выиграть как приз.

— Я спрашиваю не поэтому. Я не одержим девственницами, я одержим тобой. И я знаю, что первый раз может быть странным, неудобным или даже болезненным. Если бы ты сказала мне, я бы...

— Сделал бы что? — шепчу я, мой голос хриплый и низкий. Мне неловко, но в то же время я получаю от этого гораздо больше удовольствия, чем ожидала. Я поднимаю глаза, чтобы встретиться взглядом со Спенсером, и меня захлёстывает волна счастья. *Он жив.* Я чувствую себя так, словно выиграла в лотерею или что-то в этом роде. Просто... не говорите ему этого.

— Я бы был помягче, — говорит он, слегка улыбаясь. — Или замедлился. То, что мы сделали, было чем-то вроде...

— По-звериному? — слово вырывается прежде, чем я успеваю его остановить, и у меня сжимается грудь. Обычно я не из тех, кто так легко смущается. Обычно я иду по саркастичному пути.

— Что-то вроде этого, — бормочет Спенсер, полуприкрыв глаза, когда он смотрит на меня с этим нежным собственничеством, в котором я внезапно нуждаюсь гораздо больше.

— Я так и знал! — раздаётся голос, и я подпрыгиваю. Спенсер просто слегка поворачивает голову в сторону и приподнимает одну тёмную бровь.

Тобиас выходит из-за угла с Микой рядом. И они оба выглядят разозлёнными.

— Вы двое трахались, да? — спрашивает Мика, выдавая странную полуулыбку. — Девственник Чак больше не такой уж девственник, да? Это было быстро.

— Заткнись, — огрызаюсь я, выскальзывая из-под руки Спенсера и пытаюсь откинуть те немногие волосы, которые у меня остались. Дома, в Калифорнии, я могла бы спокойно перекинуть волосы, как будто это никого не касается. Перед отъездом я работала над тем, чтобы иметь возможность бить людей по лицу длинными светлыми локонами во время упомянутого перебрасывания. Моника — королева этого шоу, но я всё ещё тренируюсь. — У нас было кое-что, что я могу сказать? Это был подарок по случаю возвращения домой.

— О, пожалуйста, — говорит Тобиас, скрещивая руки на груди и сильно хмурясь. — Не разыгрывай это так, как будто то, что вы двое спали вместе, было чем-то вроде траха из жалости. Вы влюблены друг в друга.

— Как будто я был уклончив в этом вопросе, — отвечает Спенсер, закуривая сигарету. Я хмурюсь, но он может курить, если хочет. Это свободная страна, да? — Почему вы так удивлены?

Близнецы обмениваются взглядами, и на этот раз Тобиас хмурится и отворачивается, выражение, которое больше подходит для специализации Мики. *Он ревнует?* Мне интересно, потому что я чувствовала, как я и близнецы сблизились ещё в Санта-Крузе.

Чёрт.

Я та девушка, которая присоединяется к группе парней и разделяет их, не так ли?

«Нет, это глупо. Это старомодная женоненавистническая сюжетная линия, и я не буду в ней участвовать».

— Я не удивлён, что ты набросился на Чака, как собака во время течки. Мы все видели это раньше. Много раз. — Тобиас поворачивается обратно и затем складывает руки за головой. Его зелёные глаза скользят по моим, почти извиняющимся взглядом. — Ты ведь знаешь о его репутации, верно? Он мужчина-шлюха. Серийный мужчина-шлюха.

— О, пожалуйста. — Спенсер размахивает сигаретой, когда Рейнджер и Черч приближаются со стороны закуской. Ни один из них не выглядит удивлённым, видя, что остальные втянуты в спор. — Я переспал с четырьмя девушками. Я бы вряд ли назвал себя шлюхой-мужчиной.

— Четырьмя? — Тобиас задыхается, и я замечаю, как Мика хватается близнеца за руку и сжимает её. — Как минимум, с шестью, насколько я знаю. Ты рассказывал мне о той девушке прошлым летом...

— Тогда пять. Иисус. Их определённо *не* шесть. — Спенсер на мгновение замолкает, как будто размышляет, и я чувствую, что мне становится всё более и более неудобно.

— Мы можем просто двигаться дальше, пожалуйста? Мне всё равно, со сколькими

девушками он переспал. — *Ложь.* — Давайте сходим в книжный магазин или ещё куда-нибудь.

— Пять, а не шесть. Определённо. — Спенсер поднимает глаза и встречается взглядом с Тобиасом, а затем они оба хмурятся друг на друга и отводят взгляд.

— Какое отношение этот разговор имеет к чему-либо? — спрашивает Черч, потягивая кофе со льдом. У этого человека проблема. Я не уверена, когда у него день рождения, но я куплю ему пакетик для внутривенного вливания, полный эспрессо, и капельницу, чтобы ввести это дерьмо прямо в его кровотоки.

— Чак и Спенсер — пара, — отвечает Мика, засовывая руки в карманы, с таким отстранённым выражением на лице. Я отчаянно пытаюсь разобраться в этом выражении, но вместо этого остаюсь спотыкаться о его слова.

«Что он только что сказал?»

— Пара? — спрашиваю я, и Спенсер вопросительно смотрит на меня. Я не готова ответить на вопрос, читающийся в его глазах, поэтому переключаю внимание на Рейнджера, который, похоже, не лишен сочувствия к моему положению. — Книжный магазин?

— Мы не пойдём в книжный магазин, — хором отвечают близнецы, снова приступая к своей близнецовой рутине. — Мы ненавидим Джеффри.

— Почему? — спрашиваю я, и они оба пожимают плечами. Я начинаю понимать, что, по крайней мере, часть рутины близнецов — это защитный механизм, способ уклониться от вопросов, на которые они не хотят отвечать.

— Джефф и Дженика вместе ходили в школу; его сестра безжалостно издевалась над ней в Эверли, прежде чем она перевелась, — рассказывает Рейнджер, сильно хмурясь. Он пожимает плечами. — Черч такой наркоман, он ходит туда выпить кофе, но остальные из нас бойкотировали это заведение.

— Я просто веду там разведку, чтобы мои родители могли организовать какую-нибудь веселую юридическую гимнастику для Работов. Однажды семья Монтегю будет владеть магазином так же, как мы владеем остальным городом.

— Ты говоришь, как один из тех ужасных злодеев в компьютерной игре, — фыркаю я, убирая с лица несколько прядей блестящих прямых волос. Поскольку большую часть времени я ношу их вьющимися, я решила сменить причёску. — *Этот милый маленький городок и не подозревает, что моя злая корпорация захватит власть! Мва-ха-ха!* — я подражаю Черчу, вздёргиваю подбородок, скрещиваю руки на груди, прищуриваю глаза и поджимаю губы, как иногда делает он. Почти уверена, что он даже не осознаёт, что делает это.

— Я совсем не так выгляжу, — говорит он, но почти улыбается. Вместо этого он держится за своё мрачное нейтральное настроение и оглядывается через плечо. Джеффри Работ вывешивает на тротуаре табличку с надписью мелом, рекламирующую мокко за полцены. — Но, может быть, нам стоит выполнить ещё одну разведывательную миссию? Просто чтобы посмотреть, не играет ли старый добрый мальчик Джефф какую-то роль в этой чепухе.

— Как будто он собирается сдаться и просто признать свою причастность, — произносит Спенсер, закатывая свои великолепные бирюзовые глаза.

— Всё дело в маленьких рассказах, — говорит Черч, и у меня отвисает челюсть, когда он подмигивает мне. Этот парень умеет читать мысли? — Пойдём, Шарлотта. Я куплю тебе мокко. — Он замолкает и снова оглядывает меня. — Бедные люди ведь любят мокко, не так

ли?

— Господи, — стону я, хватая его за руку и убегая по тротуару. Я машу Джеффу, когда мы приближаемся, и он хмурится.

— Шарлотта, — осторожно произносит он, оглядывая меня с ног до головы. Его голубые глаза сразу же останавливаются на руке, которая сжимает руку Черча. — Я и не знал, что вы двое близки.

Черч выбрасывает пустой стакан из-под кофе в ближайшую мусорную корзину, а затем обнимает меня за плечи, счастливо сияя.

— О, мы лучшие друзья, разве ты не слышал?

— Отвали, Черч, — говорит Джефф, но всё равно отступает и впускает нас в книжный магазин. Спенсер идёт прямо за нами, на его лице такая решимость, что я просто знаю: он вернётся и укусит меня за задницу позже.

Джефф начинает закрывать дверь, когда появляются Рейнджер и близнецы, как генерал со своими двумя лучшими солдатами. Наступает долгий, неловкий момент, когда Джефф и Рейнджер пристально смотрят друг на друга, а затем они втроём входят, и меня окутывает запах свежей бумаги и чернил.

— Мне нужна новая книжка про гарем наоборот, — бормочу я, отпуская руку Черча, а затем вытираю ладонь о перед платья. Черч замечает это и ухмыляется.

— Найди что-нибудь, и я куплю её для тебя. Возможно, тебе придётся оценить свои возможности. — Черч приподнимает медовую бровь и кивает головой в сторону Спенсера и близнецов.

«Ты же знаешь, мы не любим делиться ни с кем, кроме друг с другом».

Верно.

Я сильно сомневаюсь, что мне светит конец с обратным гаремом.

— Что такое обратный гарем? — спрашивает Спенсер, беря книгу в твёрдом переплёте и переверачивая её, чтобы прочитать корешок. Я всё ещё не могу поверить, что он жив. Это похоже на сон. Мне приходится постоянно щипать себя, чтобы помнить, что жизнь по-прежнему иногда причиняет боль.

— Одна девушка, несколько парней, — хором произносят близнецы, и Мика поднимает свой телефон с изображением *гостевого клуба старшей школы Урана* на экране. Если подумать об этом... Мика и Тобиас напоминают мне близнецов из аниме.

— Как... оргия? — спрашивает Спенсер, беря телефон и шурясь на экран.

— Может быть. В основном нет, — отвечаю я, засовывая руки в карманы платья и пытаясь вести себя как ни в чём не бывало, просто одна из парней и всё такое. — Это романтические отношения с одной девушкой и, по крайней мере, тремя парнями. Иногда в книгах есть секс, иногда нет. Иногда они устраивают оргии.

— Это намёк? — спрашивает Спенсер, глядя на близнецов МакКарти с мрачным выражением на лице.

— Мы не делимся, — возражают близнецы, скрещивая руки на груди. Они оба одеты в обтягивающие красные рубашки, из-за которых их мохово-зелёные глаза кажутся намного ярче, и одинаково нахмурены. — Кроме как друг с другом.

— Раньше это не было правилом, — бормочет Спенсер, и глаза Тобиаса расширяются, в то время как Мика сжимает челюсть.

— Если бы я не провёл всю неделю, оплакивая твою смерть, я бы сам отправил тебя в могилу. — Мика отворачивается и исчезает в отделе манги — японских комиксов —

магазина.

Я умираю от желания узнать, что именно означал этот комментарий, но, вероятно, лучше не копаться в этом. Вместо этого я подхожу, чтобы сесть рядом с Черчем на один из стульев у стойки, и притворяюсь, что мне ни капельки не больно.

— Я слышал, со временем становится легче, — говорит Черч, постукивая пальцами по стойке, в то время как Джефф обходит её и вздыхает, передавая два бумажных меню с милой золотой филигранью вверху.

— Что? — спрашиваю я, изучая страницу и стараясь не пускать слюни при виде всех вариантов для сладкоежек. Я только что съела пломбир и хочу ещё сахара? Почти уверена, что у меня зависимость.

— Трах, — молвит он, улыбаясь так лучезарно, что у него в глазах появляются морщинки. Он бросает меню обратно Джеффу. — Мы возьмем два мокко со льдом, слоёный пирог с кремом и все, что пожелает Шарлотта.

Я всё ещё задыхаюсь от его предыдущего комментария, когда Джефф протягивает мне стакан воды, и я выпиваю его залпом.

— Лимонный пирог, пожалуйста, — удаётся выдавить мне, когда он кивает и уходит, не сказав ни слова, совсем не похожий на себя, с тем разговорчивым флиртом, когда я приходила сюда в последний раз. — Ты серьёзно только что сказал то, что, как мне кажется, ты сказал?

Черч ставит локоть на стойку, а затем подпирает подбородок рукой.

— Слоёный пирог с кремом? Да, так случилось, что они мне нравятся.

— Ты знаешь, я не это имела в виду, — выдавливаю я, но он просто скользит своими янтарными глазами в мою сторону, и я ерзаю. Но потом от этого ёрзания у меня начинают болеть интимные места, и я замираю, единственный признак моего недовольства — хмурый взгляд. — У тебя есть сестра или что-то в этом роде? Ты много знаешь о месячных и, по-видимому, о болезненности после секса.

— У меня пять сестёр, — отвечает Черч, его голос красноречив и резок несмотря на то, что он закрывает лицо руками. — Они любят делиться.

— Понятно. — Я замолкаю, когда Рейнджер подходит и садится рядом со мной, наблюдая, как Джефф пододвигает к нам лимонный пирог и пирог со сливками.

— Как ты думаешь, ты смогла бы сегодня оплатить свой счёт? — спрашивает он меня, поворачиваясь, чтобы взять мокко со льдом. — Мои родители были недовольны тем, что я позволил какой-то случайной девушке выставить такой высокий счёт.

Ха.

Я понимаю, как это бывает.

— Я позабочусь о её счёте, — произносит Черч, залезая в карман брюк и вытаскивая бумажник. Он бросает кредитную карточку на стойку, всё ещё улыбаясь широкой, ослепительной улыбкой. — Передай родителям привет от меня.

— Иди к чёрту, Монтегю, — говорит Джефф, доставая старомодный планшет из копировальной бумаги. На верхнем листе написано моё имя и список книг, которые я купила, когда была здесь в последний раз. Он отрывает его и отдаёт Черчу, прежде чем начать новый, записывая мокко, слоёный пирог с кремом и лимонный пирог.

— Добавь туда французской содовой, прежде чем оплачивать, — говорит Рейнджер низким и мрачным голосом. Если бы я была Джеффом, я бы пришла в ужас от того, что он так смотрит на меня. Джефф сильно хмурится, но всё равно продолжает писать.

— Вам действительно не помешала бы здесь POS-система. (*прим. — терминал для оплаты*) Напомни мне ещё раз, почему у вас его нет?

Я сдерживаю тихий смешок. Обычно, когда я использую термин POS, я имею в виду кусок дерьма. (*прим. — Piece Of Shit (POS) — кусок дерьма*) Почти уверена, что в данном случае это означает *торговый терминал*. Хотя всё равно забавно.

— Я здесь не для того, чтобы обсуждать с тобой бизнес. Ты клиент, на этом всё. — Джефф пробивает покупки, а затем с каменным лицом протягивает Черчу квитанцию на подпись. Как только Черч возвращает квитанцию, Джефф поворачивается и смотрит на меня. — Ты мне нравишься, Шарлотта. Поэтому я считаю, что будет справедливо посоветовать тебе держаться подальше от этих парней. Они могут казаться нормальными, но их семьи съедят тебя и выплюнут. Спроси любого владельца бизнеса на этой улице, кто не такой ухоженный питомец Монтегю, как Меринда. Ну, в любом случае, тех немногих, что остались. — Джефф отворачивается, чтобы приготовить Рейнджеру напиток, а я хмурюсь.

— Моим родителям принадлежит большая часть Натмега, — объясняет Черч, глядя на меня и потягивая кофе. Я уже слышала это от близнецов, но мне всё равно интересно. Я хочу знать больше. — Им нужен весь город.

— Зачем? — спрашиваю я, и Черч моргает, глядя на меня, как будто не совсем понимает вопрос. — Я имею в виду, разве местный колорит не является частью привлекательности? Например, как в закусочной, почему бы просто не позволить Меринде купить её у вас? Она явно выполняет всю работу.

— Это сложно, — произносит Черч, внезапно отворачиваясь и хмурясь. Он смотрит в заднее окно, на внутренний дворик, пока яковыряю вилкой в своём пироге.

— Можно мне? — спрашивает Рейнджер, доставая чистую вилку из-за прилавка. Он вопросительно поднимает её, и я киваю, подвигая тарелку в его сторону, чтобы он мог отломить кусочек. Он задумчиво жуёт, а затем поднимает обе брови. — Неплохо. Ароматы налицо. Хотя с корочкой не помешало бы немного поработать. Немного суховато.

— Это рецепт моей бабушки, — рычит Джефф, разворачиваясь. С этим ужасным выражением лица он выглядит совсем другим человеком. — И с её чёртовой корочкой всё в порядке. Итак, я уже говорил вам однажды и скажу ещё раз: я не знаю, что случилось с вашей сестрой. Мне нравилась Дженика, и я был опустошён, когда она умерла. Оставьте меня, чёрт возьми, в покое.

— Тогда что это, чёрт возьми, такое? — спрашивает Рейнджер, наклоняясь, чтобы вытащить золотой ключ из-под рубашки. Мне требуется мгновение, чтобы понять, почему он показывает ключ Джеффу. И тут до меня доходит. Конечно! Как я могла это пропустить?

«Предсмертная» записка Дженики была адресована ДжР.

Джеффри Работ.

Я сомневаюсь, что я первый человек, который установил эту связь, вероятно, поэтому они все так сильно ненавидят Джеффа.

— Как будто я должен знать, что это такое, — говорит Джефф, протягивая Рейнджеру его содовую. В его голубых глазах сгущаются тучи, и, похоже, он опасно близок к тому, чтобы вышвырнуть нас всех из магазина. — Какое отношение ключ имеет ко мне?

— Ну, мы оба знаем, что последняя записка, которую написала моя сестра, была адресована некоему «ДжР». В то время в Адамсоне учились только три студента с такими инициалами, а двое других практически не общались с Дженикой. Но не ты. Вы были «друзьями». — Рейнджер отпускает ключ, позволяя ему снова опуститься на грудь, пока он

выводит пальцами маленькие кавычки.

— Мне жаль, что Дженика чувствовала себя такой одинокой и потерянной, что сделала то, что сделала, но я уже говорил вам это раньше — я уже говорил это *следователям* — что я ничего не знаю ни о какой записке. Мы были случайными друзьями, но не настолько близкими, чтобы она посвятила мне свою предсмертную записку.

— Это была не предсмертная записка, — рычит Рейнджер, и в его голосе слышатся пугающие нотки, которые очень явно адресованы Джеффу.

— По словам детективов, так оно и было.

Рейнджер внезапно встаёт, и в нём столько ярости, что это пугает. Интересно, почему они раньше не упоминали, что ДжР может быть Джефф? Спенсер встаёт с другой стороны от Рейнджера, в то время как близнецы появляются по обе стороны от меня, выкладывая огромные стопки книг на прилавок.

— Рассчитай нас, Работ, — говорят они в унисон. Джефф с хмурым видом берёт их книги и начинает записывать цены на своём планшете.

— Если я узнаю, что ты знаешь больше, чем говоришь, клянусь, чёрт возьми, я вернусь сюда и надеру тебе задницу, — произносит Рейнджер, и Джефф усмехается.

— Я уже слышал это раньше, Вудрафф. — Он поднимает голову, и его бледно-голубые глаза встречаются с сапфировыми глазами Рейнджера. — Я ничего не знаю о твоей сестре. А теперь, пожалуйста, забирайте покупки и уходите, пока я не вызвал полицию. По крайней мере, Монтегю пока ими не владеют.

— Нет, но всё остальное принадлежит нам. Если ты не заметил, у моих родителей нет проблем с получением того, чего они хотят. — Черч поднимается на ноги, забирая с собой свой кофе. Напряжение в этой комнате настолько велико, что его можно разрезать ножом. На первый взгляд кажется очевидным, почему это так. Но такое чувство, что есть что-то ещё, что-то, скрывающееся прямо под рябью, чего я пока не разгадала.

— Почему вы, ребята, не сказали мне, что фамилия Джеффа — Работ? — спрашиваю я, когда мы садимся на заднее сиденье лимузина, и стараюсь не ёрзать. Из академии в город без машины никак не добраться, если только вы не готовы пройти пешком около шестидесяти миль по дикой местности. И сама школа не предоставляет никакого транспорта. Однако всё это не имеет значения, поскольку каждый студент там (кроме меня) богаче греха. Я не уверена, чей это лимузин и откуда он взялся, но, когда ребята звонят, появляется машина. Это как волшебство. Магия, подпитываемая холодными, звонкими деньгами.

— Ты многого не знаешь, — отвечает Рейнджер, усаживаясь в уголке от меня на шикарных сиденьях, его взгляд устремлён вдаль и загуманен подробностями из прошлого.

Он моргает, чтобы стряхнуть паутину, и поднимает на меня глаза. — Я годами расследовал обстоятельства её смерти, но безуспешно. Потребуется время, чтобы посвятить тебя во все мои тупиковые версии. Я просто подумал... — Рейнджер выдыхает и закрывает глаза. — Я подумал, может быть, если я покажу Джеффу этот ключ...

— Он *чертовски* подозрителен, — говорит Мика, поднимая свой красно-белый клетчатый ботинок и ставя его на приборную панель напротив нас. Терпкий аромат вишни разносится вокруг при его движении, и я вдыхаю глубже, чем намеревалась. Спенсер замечает; я уверена, что он это замечает. — Я ни хрена не доверяю Джеффу.

— Так это Марк и Джефф, да? — спрашивает Рейнджер, приподнимая бровь Мики. — У них разница в возрасте десять лет, и они не имеют никакого отношения друг к другу. Первый — богатый засранец-качок, а второй — относительно бедный бариста из книжного магазина. Зачем им убивать Юджина? Зачем охотиться за Шарлоттой?

— Я, блядь, не знаю. У меня просто внутреннее предчувствие, — Мика откидывает прядь волос с лица, пока я неловко сижу между Тобиасом и Спенсером. Честно говоря, я бы предпочла быть там, между Черчем и Рейнджером. По эту сторону лимузина слишком много напряжения.

— Хочешь потусоваться, когда мы вернёмся в академию? — спрашивает меня Спенсер, его голос звучит так тихо, что мне приходится напрячься, чтобы расслышать его. Я слегка поворачиваю лицо в его сторону, и он протягивает руку, хватая меня за подбородок и прижимается своими губами к моим. Меня охватывает трепет, и в конце концов я стону и наклоняюсь вперёд.

Конечно... Я звучу недостаточно тихо, чтобы кому-то приходилось напрягаться, чтобы расслышать.

Тобиас ощетиливается с другой стороны от меня, когда я отстраняюсь, но он ничего не говорит. Почти потеря Спенсера дала нам всем по-настоящему горький привкус реальности. Ссориться из-за мелочей сейчас кажется нелепым.

— Ну? — спрашивает Спенс, но потом мы подъезжаем к дому моего отца, и я вижу, что он ждёт там с мистером Мерфи. Чёрт. Я пригибаюсь, когда Спенсер смеётся надо мной. — Окна тонированы, Чак. Расслабься.

— Я не хочу, чтобы кто-то ещё знал, — бормочу я, и Черч издает тихий звук понимания.

— Наверное, так будет лучше, пока мы не узнаем больше о том, что происходит. — Он нажимает ближайшую кнопку, и окно между нами и водителем опускается на щёлочку. — Подвезите нас к заднему двору, пожалуйста, — говорит он, а затем снова поднимает стекло, водитель делает, как он просил, и парни прикрывают меня, пока я не вхожу в заднюю дверь.

— Ты не хочешь переодеться и встретиться со мной где-нибудь? — спрашивает Спенсер, но близнецы встают по обе стороны от него.

— Ты не перестанешь проводить с нами время, — говорят они, кладя локти на плечи Спенсера, когда он хмурится, глядя на них, одна тёмная бровь слегка подёргивается.

— Ты не сможешь неделю играть в «опоссума», потом прибежать обратно, а потом проводить всё своё время здесь с Девственником Чаком. — Мика ухмыляется мне и драматично подмигивает.

— Ты имеешь в виду, Не-Девственником Чаком, — поправляет Тобиас... как раз в тот момент, когда мой отец выходит из-за угла.

Арчибальд Карсон замолкает, уставившись на меня в сарафане, все парни расходятся веером передо мной.

— Шарлотта, — говорит он очень тихим и напряжённым голосом. Мой рот дёргается, и я с трудом сдерживаюсь, чтобы не схватить декоративную железную рыбу-меч со стены и не проткнуть ею Тобиаса.

— Чёрт, — бормочет он, краснея. Он знает, что облажался. Спенсер выглядит так, словно собирается сбежать. Интересно, часто ли он так поступал — убегал от разгневанных отцов?

«*Лучше бы нет*», — думаю я, но потом, кажется, я не могу выбросить это число из головы. Пять девушек. Он прикасался к пяти другим девушкам так же, как прикасался ко мне... Ревность поднимает свою большую, уродливую голову, и мне приходится с трудом сглотнуть, чтобы сдержать эмоции.

— Я вижу, мы больше не заинтересованы в том, чтобы играть студента мужского пола? — говорит папа, приближаясь по траве медленной, лёгкой походкой, которую он совершенствовал годами. Это угрожающе спокойное приближение сводит подростков с ума. Поверьте мне, я знаю лучше всех. Арчи специализируется на том, чтобы превратить мою жизнь в сущий ад.

— Просто... не с моими друзьями, — выдыхаю я, ненавидя, что разговор со Спенсером окончен. Я вроде как надеялась, что папа действительно сделает меня его соседкой по комнате, а потом... Ну, я не знаю. Наверное, я фантазировала о том, как мы занимаемся диким, недозволенным сексом каждую ночь в общежитии?

— Угу. — Папа оглядывает группу, поправляя очки на широкой переносице. — Что значит Не-Девственник Чак?

«*Убей меня сейчас, Вселенная, пожалуйста, просто убей меня сейчас*».

— Шарлотта была настоящей кулинарной девственницей, когда мы впервые встретились с ней, — говорит Черч, и ложь слетает с его губ приятно, гладко и легко. Одна рука у него скрещена на груди, локоть другой покоится на ладони, а голова покоится на костяшках пальцев. Очень непринуждённый, очень похож на президента Студенческого совета. — Извините моих коллег — членов совета за грубость, но они находят забавным обсуждать её вступление в удивительный мир кулинарного искусства в такой варварской и незрелой манере. — Черч складывает пальцы на груди и сверкает улыбкой, удостоенной наград. *Блядь, он лжёт так же легко, как дышит. Это ужасно.* Я откладываю эту часть информации на потом.

— Ясно. — Папа выглядит не совсем убеждённым, но, очевидно, у него какая-то странная привязанность к золотому мальчику академии. Тем не менее, я замечаю, что его внимание переключается с Черча на меня, затем на Рейнджера, Мику, Тобиаса, Спенсера... Его глаза слегка прищуриваются, и я краснею с головы до ног. — Помните, парни: слова, которые вы преподносите миру, рассказывают историю. То, что вы говорите, — это то, что видит общество.

— Мудрый совет от самого мудрого директора, который у нас был за последние годы, — соглашается Черч, протягивая руку, чтобы откинуть светлые волосы с лица, как какой-нибудь сказочный принц. — Что ж, сегодня мы отняли у вас достаточно времени, директор Карсон. Если вы не возражаете, мы вернёмся в общежитие, чтобы подготовиться к завтрашнему фантастическому дню обучения. — Я закатываю глаза, и, конечно же, это всё, что видит папа. Меня. Ведущую себя как идиотка.

— Я думаю, что это хорошая идея. Очевидно, у Шарлотты и так был тяжёлый день, — язвительно замечает папа, и я вздыхаю. Я ведь больше не выйду из дома сегодня вечером, не

так ли? — Спокойной ночи, парни. — Арчи продвигается вперёд, загораживая мне вид на Студенческий совет, закрывает заднюю дверь и запирает её на ключ, прежде чем снова взглянуть на меня. Я готова к какой-нибудь лекции, к какому-нибудь предостережению насчёт полуправды или чего-то в этом роде. Вместо этого папа просто гладит меня по голове и идёт по коридору.

Мои глаза сужаются.

Нехороший знак, совсем нехороший.

Как я уже сказала, я не доверяю этому чуваку. Ни на йоту.

На следующее утро в школе царит переполох, новости о самоубийстве распространяются со скоростью лесного пожара. Впервые с тех пор, как я приехала в Коннектикут, я действительно чувствую, что моё место здесь, что я не аутсайдер-неудачник, которого все ненавидят.

Я сижу со Студенческим советом за обедом, когда поезд сплетен отправляется в путь. Возможно, полиция и не разглашает имя студента, но не нужно быть опытным детективом, чтобы понять, что Юджин Мазерс пропал.

— Я была права насчёт серебристых волос, — говорю я, наслаждаясь одним из знаменитых горячих обедов академии. Еда у них действительно вкусная, но я не очень-то предвкушаю свои обязательные две недели ухода за курятниками. Мерзость.

— Этот придурок скопировал меня ещё в девятом классе, — произносит Спенсер, прищуривая глаза и поднимая руку, чтобы поправить свои красивые волосы, как будто он полностью осознает, как чертовски хорошо они ему идут. — Утверждает, что это было просто параллельное мышление, но давайте будем реалистами. Ты можешь либо быть первым, или ты можешь быть лучше всех, и когда кто-то другой делает это первым и лучше всех, тебе лучше просто оставаться на своей полосе.

— Боже, ты слышишь себя, когда говоришь? — спрашивает Мика, вытягивая ноги под столом и задевая ногой одну из моих. Мы обмениваемся взглядами, но по выражению его лица я могу сказать, что он просто играет со Спенсером. Он явно чертовски любит этого парня.

— Я просто не понимаю, кто мог убить Юджина и почему, — размышляет Рейнджер, уставившись в свою еду, и его подстриженные тёмные волосы падают ему на лицо. Теперь, когда я его знаю, весь этот образ эмо приобретает гораздо больше смысла. В глубине души он всё ещё маленький мальчик, который скучает по сестре. — Это то, что нам нужно выяснить, чтобы найти связь между Юджином и Дженикой.

— Легче сказать, чем сделать, — говорит Спенсер, хлопая в ладоши проходящему мимо студенту. Я наблюдаю за обменом репликами, но даже зная, что он делает, трудно уловить какие-либо реальные доказательства этого.

— Ты только что продал этому ребёнку травку? — спрашиваю я, и Спенс пожимает плечами, прежде чем одарить меня одной из своих дерзких улыбочек. Самоуверенный засранец.

— Ага, и что?

— Но твоя семья богаче бога. Зачем запариваться?

— Государственная служба. Кто-то должен это сделать. Неужели ты действительно откажешь студентам Адамсона в целебной силе марихуаны?

Я приподнимаю бровь.

— Предполагается, что она сделает тебя тупым, если ты будешь курить её слишком много до того, как твой мозг полностью разовьётся. Я не буду спорить, что это лекарственное средство и чрезвычайно ценное, но, типа, для взрослых.

— Хорошо, мисс... — Спенсер спохватывается и замолкает. — *Мистер* паинька-двойняшка. В следующий раз, когда я предложу что-нибудь тупое, ты можешь отказаться и побережь свои особые мозговые клетки.

— Ты полный мудак, — ворчу я, но мои щёки всё равно краснеют. Тобиас наблюдает за нами и вздыхает, взъерошивая свои волосы. Он наблюдал за мной и Спенсером всё утро, закатывая глаза, когда у меня заплетался язык при виде придурка в его тёмно-синей форме Академии Адамсона. Конечно, все они чертовски красивы в своих блейзерах, слаксах в тон и галстуках кремового цвета. Все носят мокасины, за исключением Рейнджера, которому почему-то почти всегда сходит с рук армейская обувь.

— Какие у нас планы на сегодня? — спрашивает Рейнджер, когда Мика заканчивает есть, а затем лезет в тарелку к близнецу. Тобиас тычет ему вилкой в руку. — Я имею в виду, помимо того, что целовать задницу Спенсера за то, что он всё ещё жив.

— Я принимаю только французские поцелуи, — говорит Спенс, вставая и подставляя задницу Черчу. Затем Черч вонзает ему вилку в булку. — Ой, это чертовски больно. Разве ты не должен был подлизываться ко мне?

— Не забудь, что завтра ты дежурный по уборке в Кулинарном клубе. И сегодня, — Черч встаёт со своего места, янтарные глаза темны и серьёзны, — у нас заседание студенческого совета.

— Студенческий совет?! — Спенсер стонет, проводя рукой по лицу. — После всего, что только что произошло? — Черч поворачивается и смотрит на него не без сочувствия.

— Мы получили раннее извещение от администрации о... погибшем студенте. — За нашим столом воцаряется тишина. Росс, который молчасидел в конце и делал пометки в телефоне, поднимает взгляд, карие глаза темнеют от сочувствия. — Они хотят, чтобы мы запланировали поминки на пятницу.

— Черт. — Спенсер тяжело опускается обратно, и мы все замираем на мгновение. Это могли бы быть его поминки; мы все это знаем.

Звенит звонок, и студенты встают со своих мест, оставляя подносы. Каждый раз это сводит меня с ума. Заставляет меня думать о маме... Интересно, как у неё вообще дела?

— Могу я проводить тебя до класса? — спрашивает Спенсер, и я киваю, вставая. Когда он наклоняется и берёт меня за руку, я вся дрожу. — Да ладно тебе, Чак, я не кусаюсь, — шепчет он, наклоняясь ближе. — Ты знаешь, если только ты сама этого не захочешь.

— Прекрати это, — шепчу я в ответ, замечая, что люди оборачиваются и смотрят на меня. Кажется, никто особенно не удивлён, но наша близость привлекает много внимания. От внимания учеников не ускользнуло, что студент, над которым когда-то издевались, тощий придурок, сын директора, завёл кучу новых друзей, казалось бы, без всякой причины.

— Почему? Ты не можешь убежать от меня вечно. Нам нужно поговорить о том, что произошло. — Он смотрит на меня сверху вниз, его глаза цвета Карибского моря, его волосы мерцают серебристо-серым, что заставляет моё сердце учащённо биться. А этот его древесный, землистый аромат? От него у меня поджимаются пальцы на ногах в блестящих мокалинах академии. — Может быть, не сегодня из-за заседания Студенческого совета, но завтра, до или после Кулинарного клуба.

— А мы не можем просто попереписываться об этом сегодня вечером? — шепчу я в ответ, и мои щёки заливают тёплый румянец. Я не уверена, от смущения это, от волнения или от того и другого вместе. Я просто так чертовски рада, что Спенсер вернулся, что мне на самом деле всё равно, от чего именно. Он протягивает руку и поправляет мой галстук, разглаживая некоторые складки. Но он ничего не может поделать с пятнышком на лицевой стороне, не так ли? Я в таком беспорядке. Клянусь, раньше я такой не была.

— Никаких переписок. Собственной персоной, Микропенис Чак. — Спенсер

взъерошивает мои волосы, когда оставляет меня у двери на урок английского мистера Мерфи, неторопливо удаляясь по коридору, и его упругая, подтянутая задница привлекает всё моё внимание. Мне требуется около десяти морганий, чтобы убрать звёзды.

— О, милая, — начинает Росс, когда остальные расходятся по своим классам на весь день. — Ты залетела.

— Ничего подобного; мы использовали презерватив, — выпаливаю я, и Росс смотрит на меня так, словно у меня выросли рога. На этот раз, когда я краснею, это определённо от смущения.

— Девочка, ты влюблена в этого парня.

— Нет, — рычу я, когда Росс поворачивается и направляется в класс, останавливаясь, чтобы посмотреть на задницу мистера Мерфи. Теперь, когда я была со Спенсером, я обнаружила, что он мне совсем не интересен, несмотря на его мускулистое совершенство. Представляете? — И перестань называть меня *девочкой*; люди могут неправильно понять.

— Привет, девочка, — зовёт Росс, слегка обнимая одного из своих друзей. Парень огромный, с чертовски большой растительностью на лице. Росс оглядывается на меня, направляясь вдоль ряда столов к нашим любимым местам. — Заткнись. Всё в порядке. Никто этого не ожидает, поэтому они ничего не замечают. Я уже говорил это раньше. — Он садится на своё место, а я занимаю своё, настороженно наблюдая за ним. Этот парень всё делает со вкусом. Я бы сказала, что он был абсолютным гейским клише, но я думаю, что это просто часть его естественной индивидуальности.

— Ты не злишься, что Спенсер и я... — Росс оглядывается на меня, приподняв бровь. — Разве ты не влюблён в него?

Он пожимает плечами, когда последний парень вваливается в класс, и мистер Мерфи оборачивается, чтобы осмотреть своих учеников. От моего внимания не ускользнул, мой разговор с ним о Дженике в последний день занятий перед весенними каникулами. Он фактически убежал от меня и захлопнул дверь у меня перед носом.

Наши взгляды встречаются через весь класс, но мистер Мерфи просто натягивает для меня одну из своих глупых улыбок, и я хмурюсь, когда он приступает к сегодняшнему уроку.

— Спенсер был как раз тем неуловимым типом плохого мальчика, которого, как я знал, у меня никогда не будет. Вождедель его было безопасно, потому что этого никогда не могло случиться. — Росс оглядывает меня и вздыхает, качая головой. — Но, с тобой... это определённо могло бы случиться.

— Что могло случиться? — шепчу я, хватаясь за края стола, моё сердце бешено колотится в груди. Росс смотрит на меня с хитрым, загадочным выражением лица, которое превращается в понимающую ухмылку.

— Девочка, не заставляй меня отвечать на вопрос, ответ на который ты и так знаешь. Мой вопрос к тебе таков: что ты собираешься делать со своими великолепными близнецами?

— Близнецами? Моими? — я задыхаюсь, но уже знаю, что у меня здесь небольшая проблема.

Мне нравится не только Спенсер, но и... Мика и Тобиас тоже.

Либо я просто жадная любительница романтики, либо здесь есть что-то, что мне нужно изучить.

И как, чёрт возьми, мне теперь поговорить с парнями об *этом*?

Процесс обучения в Академии Адамсон разбит на семестры, но во второй половине последнего семестра все младшие классы обязаны пройти трехдневный семинар по охране труда, технике безопасности и домоводству.

— Это смешно, — бормочу я, пока близнецы спорят о том, кто поможет мне надеть фартук. Да, мой *фартук*. Мы все носим их, как море сверкающих домохозяек 1950-х или что-то в этом роде.

— Судя по количеству мятых блейзеров и слаксов, которые я вижу здесь сегодня, — начинает мистер Йохансен, поправляя толстенные очки и расхаживая по классу, — вам всем очень нужно научиться пользоваться утюгом. — Он делает паузу, чтобы взглянуть на меня, драматически прищуриваясь. — Особенно вам, мистер Карсон.

— Да, *мистер* Карсон, — подлизываются близнецы, берясь за половинки завязок фартука и туго затягивая их. — Особенно вам.

— Я знаю, как пользоваться утюгом, — ворчу я, когда Марк Грэндэм фыркает на своём месте рядом с нами.

— Как насчёт курса по обучению тому, как нанять хорошую прислугу? Моя семья платит людям за то, чтобы они делали это для нас. — Несколько парней хихикают, а Черч хмурится. Он самый богатый парень в школе, и, если его раздражает этот комментарий, что ж, это просто говорит вам о том, какой Марк тупой придурок. Но из-за этого Черч нравится мне ещё больше.

— Мужчина, который не может позаботиться о себе, не более, чем большой младенец, — произносит мистер Йохансен, и Спенсер ухмыляется, показывая Марку фак. Футболист Джок хмурится, его ноздри раздуваются, но он ничего не говорит. Он знает, что Студенческий совет надерёт ему задницу, если он это сделает.

— Придурок, — бормочет Спенсер, качая головой и откидывая серебристые волосы со лба таким образом, что мне хочется выдать эту глупую улыбку.

«Но, с тобой... это определённо могло бы случиться».

Типа, что, чёрт возьми, это значит, Росс?! Он серьёзно подводит меня в плане подружек-геев. Я имею в виду, наверное, потому, что он всё ещё ненавидит меня и всё такое.

— Давайте побьём его, — предлагает Спенсер, и близнецы хрюкают в знак согласия.

— Я считаю, что более тонкий подход к ситуации был бы благоразумным, — молвит Черч, закатывая рукава, делая глоток кофе, а затем на мгновение уставившись на гладильную доску, словно пытаюсь расшифровать древнеегипетские иероглифы.

— О, да боже ж мой, — бормочу я, отталкивая его в сторону и хватая утюг. Я проверяю бирку на одежде, на которой мы должны тренироваться, наполняю резервуар утюга водой, а затем включаю его на самую низкую настройку.левой ладонью я разглаживаю все складки, а затем приступаю к работе. Я заканчиваю ещё до того, как мистер Йохансен начинает

раздавать классу идиотские инструкции. — Вот. Всё сделано. Можем мы теперь поговорить о загадочном убийстве?

— Чёрт побери, Чак, это было впечатляюще, — говорит Спенсер, подмигивая мне. — Неужели все бедные люди хороши в таких вещах? — я просто смотрю на него, подёргивая бровью.

— Клянусь богом, я ударю тебя по яйцам. — Я поправляю очки на носу, замечая, как Рейнджер изучает Марка. Темноволосый вице-президент Студенческого совета смотрит на парня прищуренными сапфировыми глазами, его рот сжат в тонкую линию. — Что? — спрашиваю я, и он моргает, словно приходя в себя, возвращая своё внимание ко мне.

— Тебе не кажется, что если бы ты узнал о самоубийстве в школе, а твой лучший друг пропал без вести, ты бы был... Я не знаю, немного более подавленным?

— Марк виноват, — говорят близнецы, беря в руки наш список дел на день. Первым делом нужно было погладить одежду на вешалке позади нас, вторым — испечь пирог с нуля (ха, он у нас в кармане)... Я беру у них список, потому что не могу вспомнить, какими ещё бесполезными вещами мы должны были заниматься сегодня.

Ах, ладно, полировать серебро (хм, слишком старомодно?), использовать уксус и пищевую соду для чистки ванной в общежитии, и... Я делаю паузу и с трудом сглатываю, комок застревает у меня в горле.

— Ты в порядке, Чак? — спрашивает Тобиас, наклоняясь, чтобы заглянуть мне в лицо. Он переводит взгляд с меня на бумагу в моей руке, а затем указывает на строку, о которой идёт речь. — Это из-за *практики надевания презерватива* на часть тела, которая тебя заводит? Или про часть настольных игр о ЗППП?

— Дай-ка мне взглянуть на это, — рявкает Спенсер, забирая бумагу у меня из рук и заглядывая в неё. — О, чёрт. Там действительно есть целый сегмент секса, да? Разве мы уже не обсуждали это в младших классах? Немного поздновато сейчас об этом вспоминать, правда?

— Пожалуйста, перестаньте болтать, — шепчу я, когда Черч забирает рубашку, которую я только что выгладила, и вешает её. Он кладёт передо мной следующий предмет одежды, и я набрасываюсь на него с рвением и энергией. Что угодно, лишь бы не говорить о презервативах.

— Только потому, что у кого-то уже был секс, это не значит, что он не может узнать об этом что-то новое, — парирует Тобиас, и мои щёки вспыхивают. Я пытаюсь в последний раз помолиться Богу, открывающему тёмные дыры, в которые можно заползти, но мои призывы снова остаются без ответа. Очевидно, что вселенная ненавидит меня. — Например, может быть, советы и хитрости для нового партнёра.

— Что, черт возьми, ты хочешь этим сказать? — спрашивает Спенсер, и я с грохотом опускаю утюг на гладильную доску. Все пятеро парней поворачиваются и смотрят на меня. Росс должен был быть частью нашей группы, но вместо этого он переписывается тайком со своим новым приятелем по интернету в углу.

— Именно поэтому я не хотела, чтобы кто-нибудь знал, — шепчу я, резко выдыхая и поднимая взгляд на близнецов и Спенсер. — Парни ведут себя странно рядом с девушками, вы все это знаете. Вы должны быть друзьями. — Я смотрю на Мику, и он сильно хмурится. — Мы думали, что Спенсер *мёртв*. И да, мы переспали. Он мне нравится. Вы мне тоже нравитесь, ребята. — Мои щёки вспыхивают, и я провожу языком по нижней губе. — Но есть вещи поважнее, чем то, кто с кем спит. Давайте постараемся запомнить это.

— Ты права, — говорит Тобиас с тяжёлым вздохом, прислоняясь бедром к столешнице. Они с Микой обмениваются взглядами. — Нам жаль, — ворчат они вместе, скрепя руки на груди.

Спенсер перебрасывает галстук через плечо и бросает на меня такой надутый взгляд. *«Чёрт возьми, и это мне тоже нравится».*

— Извини, Чак, — говорит он, и Рейнджер хмурится, отталкиваясь ботинком от края стойки и выпрямляясь. Он срывает с себя блейзер и набрасывает его на голову Росса.

— Давайте покончим с этим, а потом решим, за каким жутким засранцем мы хотим сегодня поохотиться. — Рейнджер выставляет миски для смешивания на стойку, как опытный крупье, раздающий карты за покерным столом. — Тобиас, Мика, влажные ингредиенты. Я займусь сухими.

— Мы всё равно предпочитаем влажное, — говорят они вместе, и я краснею, ещё сильнее вдавливая утюг в рубашку.

— Будь осторожна с этим, — говорит Черч, протягивая руку и кладя свои длинные, элегантные пальцы на тыльную сторону моей ладони. Я делаю паузу, и у меня временно перехватывает горло.

«Подождите, подождите, подождите, что?!»

Я вдыхаю, и этот аромат сирени и розмарина наполняет мои ноздри, заставляя меня ощетиниться. Я ведь не влюблена в Черча тоже, да? Это просто смешно. Совершенно нелепо. А потом он снова заговаривает, и я понимаю, что, должно быть, мне всё это просто почудилось.

— Тебе больше, чем кому-либо из нас, пригодилась бы хорошая оценка по этому предмету, мистер Последние десять процентов.

— Сейчас я всего лишь в последних двадцати процентах! — кричу я, и весь класс замолкает, а затем начинает хихикать, когда я спускаю воду и нажимаю кнопку подачи пара сбоку утюга.

— Технически, это лучшие восемьдесят процентов, верно? — спрашивает Спенсер, улыбаясь мне и облачаясь на стойку передо мной. Наши глаза встречаются, но я отвожу взгляд, чтобы сосредоточиться на своей работе.

Черч прав: мне действительно не помешала бы эта оценка.

Одна ошибка здесь, и папа действительно может отослать меня навсегда.

Я пока не готова попроситься со Спенсером, близнецами или даже с Рейнджером и Черчем.

Ни за что на свете.

— Наденьте презерватив на пенис, оставив место на кончике для сбора спермы.

— О боже мой, я сейчас умру. — Я прикрываю рот рукой и смотрю на огурец передо мной. Все остальные получили по банану, но не-е-е-ет, старый хрыч мистер Крачек выбежал и достал лимонный огурец из коробки для ланча, чтобы отдать мне. Его лимонный огурец. Кстати, они круглые. — Он даже неправильной формы. — Я бормочу это, прикрываясь рукой, потому что, если быть совсем откровенной, уровень моего смущения зашкаливает.

Я сижу в классе, полном парней, со смазанным презервативом в одной руке, крошечным круглым лимонным огурчиком передо мной, а вокруг меня сидят великолепные парни из Студенческого совета Академии Адамсон для парней. Ну, и я трахнула их сержанта по вооружению всего за несколько дней до этого. Это немного чересчур.

— О, да ладно, Чак, взбодрись, — говорит Спенсер, натягивая презерватив на фрукт гораздо проще, чем прошлой ночью. Я думаю, *он тоже нервничал*, но, глядя на этого парня, с галстуком, перекинутым через одно плечо, и его самоуверенной сутулостью, трудно представить, что он нервничает из-за чего-либо. — Вот. — Спенсер разворачивает презерватив, прихватывает верх, а затем размахивает им перед моим лицом. — Удерживает сперму внутри.

— Ну и дела, спасибо за это, — выдыхаю я, когда он проталкивает банан в мою сторону.

— Можешь взять мой, — предлагает он, лучезарно улыбаясь. Я смотрю на него так, словно с удовольствием воткнула бы ему в шею ножницы, лежащие на столе мистера Крачека. — Что это за взгляд?

— Может быть, ей... — начинает Рейнджер и затем замолкает, заметно бледнея лицом. Его ноздри раздуваются, и он прищуривает свои сапфировые глаза, глядя на Спенсера. — Может быть, *ему* неудобно делать сексуальные действия, когда вы трое пускаете слюни на противоположной стороне стола. Стоит ли удивляться, что Чак не упомянул... его отличительные черты раньше? — Рейнджер берёт мой банан, разворачивает презерватив по всей его желтой длине, а затем возвращает его мне. Он поднимает руку. — Мистер Крачек, мы все здесь закончили.

Наш древний, неуклюжий учитель по сексуальному воспитанию подходит к нам, когда Спенсер берёт новый презерватив и каким-то образом умудряется надеть его на бугристую форму лимонного огурца.

— Отлично, отлично, — говорит мистер Крачек, прищуриваясь на нас. Я не уверена, смог бы он увидеть небоскрёб, завёрнутый в презерватив, если бы он находился в двух футах перед его лицом. — Все отличные оценки. — Он что-то записывает на своём айпаде, а затем резко поднимает взгляд, когда из-под стола звонит телефон Росса. — Мистер Джеймс, вы публикуете это фото в инста-чате онлайн? Половое воспитание — это не просто игра для социальных сетей.

— А? — спрашивает Росс, когда я подавляю приступ смеха, красиво складывая руки на столешнице, а затем обнаруживаю, что мои глаза отведены в сторону. Черч выглядит чертовски скучающим, один локоть лежит на столе, пальцы другой руки изящно поглаживают завернутый в презерватив фрукт.

Он улыбается и подмигивает, когда замечает, что я смотрю, и я бросаю взгляд вперёд, туда, где Мика *ест* эту чертову штуку.

— Вы имеете в виду Instagram и Snapchat, верно? — спрашивает Росс, и мистер Крачек фыркает, роняя стопку бумаг на стол перед нами.

— Я привлекаю вас к ответственности за нарушение субординации, — ворчит он,

шаркая ногами, когда Росс разевает рот и отшвыривает его за спину.

— Этот старый пердун, наверное, уже много лет не трахался, — ворчит он, умело надевая презерватив, а затем морщит нос, вытирая пальцы бумажным полотенцем. — Держу пари, его член меньше похож на этот лимонный огурец и больше на сморщенный маринованный огурчик.

— Чёрт возьми, Росс, какие образы, — стонет Спенсер, зажимая уши руками. — Держи это дерьмо при себе.

— Печально, но это правда, — язвительно замечает Росс, передёргивая плечами, а затем встаёт и встряхивает своими блестящими светлыми волосами. — Я иду в комнату маленького мальчика-гея, чтобы *посрать на радугу*. — На последней фразе он фыркает в адрес Спенсера, который отвечает тем же, отправляя ему фак. — Если позволите, я отойду на минутку.

Росс уходит, плавно двигаясь по проходу. Марк Грэндэм хмурится, проходя мимо, и Росс посылает ему воздушный поцелуй.

— Я чувствую серьёзные флюиды гомофобии от этого парня, — ворчу я, и Тобиас фыркает, взъерошивая пальцами свои красно-оранжевые волосы. То, как они падают ему на лоб, заставляет меня чувствовать себя как бы... расплавленной изнутри. Да, расплавленной, извините, что я не более поэтична, окей?

«Ты же это не всерьёз, правда, влюбляешься в близнецов, когда у тебя что-то со Спенсер?»

Но да, это так. Я серьёзно. Ох.

— Я чувствую серьёзные флюиды убийства, — ворчит Мика над своим бананом, оборачиваясь, чтобы посмотреть на Марка. Он поднимает руку в знак приветствия, а затем приподнимает брови, когда Марк усмехается и отворачивается. — Ха. Он определённо проявляет гораздо более серьёзное внимание, чем раньше. — Мика поворачивается обратно к группе. — Давайте выбьем из него всё дерьмо.

— Нет, больше никаких издевательств, — бормочу я, отодвигая от себя измазанный банан. — Тонкость — это название нашей игры.

Мы все замираем, когда дверь открывается и входит мистер Мерфи с обычной улыбкой на лице. Клянусь богом, его глаза скользят по мне, прежде чем он отворачивается. Я ожидала каких-то странностей между нами после истории с Дженикой, но он был, как обычно, весел.

Это чертовски подозрительно.

— Давайте подкараулим его после урока, — бормочу я, и Черч издаёт тихий звук цок-цок на выдохе.

— После Кулинарного клуба, — поправляет он, и я закатываю глаза.

— Как я могла забыть? Что мы готовим сегодня: поминальные пирожки? Печенье-убийца? Солёные крендельки с горчичным соусом?

— Это неплохая идея, — соглашается Черч, по-прежнему улыбаясь, а затем протягивает руку, чтобы взять лист. — Итак, о чём мы должны сделать нашу настольную игру: о герпесе или хламидиозе?

— У Спенсера есть и то, и другое: спроси у него, — близнецы указывают на друга, и мои глаза расширяются.

— Это неправда, — огрызается он, отталкивая их руки. Я замечаю, что мистер Мерфи наблюдает за нами. Как только он замечает, что я смотрю в его сторону, он поворачивается

обратно к мистеру Крачеку, но не тут-то было, в его глазах мелькнул страх.

— Может быть, он знает, что мы за ним следим?

— Если это так, я отрежу тебе яйца, — бормочу я, облизывая нижнюю губу и наблюдая, как мистер Мерфи выходит из класса. О да, этот парень чертовски подозрителен. В реальной жизни никто не бывает таким милым. Ни за что на свете.

Мы начинаем наш проект с создания этой до глупости простой настольной игры, которая подчёркивает опасность герпеса. Это действительно, гм, поучительно. На это уходит остаток дня, с перерывом на обед в середине.

Позже, когда мы выходим из класса, я чувствую, как Спенсер подходит вплотную ко мне сзади. Он запускает пальцы в мой задний карман и наклоняется, его дыхание шевелит мои волосы.

— На потом, — шепчет он, и когда я протягиваю руку назад, чтобы посмотреть, что он сделал, я нахожу несколько презервативов у себя в кармане. Мои щёки вспыхивают, и я с трудом сглатываю. Но мы не единственные, кто ворует презервативы.

— Итак, куда же, чёрт возьми, я дел остальное? — бормочет мистер Крачек, вытряхивая пустую коробку из-под Троян (*прим. — Троян — популярная марка презервативов*). Упс?

— На потом, моя задница, — ворчу я, и Спенсер улыбается мне.

— Если ты этого хочешь... — говорит он, и я шлёпаю его. Сильно. Но он мускулистый и сексуальный, и это слишком приятно, чтобы быть наказанием.

Чёрт возьми.

Мне действительно нравится этот парень, да?

После занятий мы собираемся на кухне в Кулинарном клубе, и мне на самом деле приходится ненадолго спрятаться в кладовке, чтобы скрыть несколько слезинок счастья. Я никогда не думала, что когда-нибудь снова увижу такой день, как этот — со Спенсером, сидящим на краю одной из столешниц и макающим палец в глазурь Рейнджера (звучит грязнее, чем есть на самом деле), и слыша сладкий, леденящий кровь крик Спенсера, когда Рейнджер тыкает в него вилкой, и он истекает всей упомянутой глазурью.

Чистое блаженство.

Позже, когда мы гуськом выходим из комнаты, Спенсер прижимает меня к двери.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, поворачиваясь и ловя его прекрасный бирюзовый взгляд. Моё сердце бешено колотится, но мне удаётся сохранить самообладание.

— Помнишь, что я сказал вчера? Мы поговорим, Чак. Нравится тебе это или нет. — Он замолкает, облизывает губы и отводит взгляд. Я поворачиваюсь и вижу близнецов в окне, они наблюдают за нами.

Здорово.

Пленённая аудитория.

Пленённая аудитория, состоящая из супергорячих идентичных близнецов, великолепного президента Золотого Мальчика и его татуированного вице-президента.

— Даже если ты просто хочешь остаться друзьями, — продолжает Спенсер, поворачиваясь, чтобы снова посмотреть на меня. Напряжённость в его глазах ошеломляет, как тропический шторм, ради которого мне хочется раздеться догола и танцевать под дождём. *Чёрт.* — Всё нормально. Просто... скажи мне.

— Какие есть альтернативы? — спрашиваю я, потому что на самом деле не позволяла себе заходить так далеко. Честно говоря, я всё ещё не оправилась от переживания его почти-смерти.

— Быть моим... парнем, — говорит Спенсер, сверкая лисьей ухмылкой. Он наклоняется ко мне, как в тот день, когда прижал меня к дереву и зацеловал до усрачки. Его губы скользят по моей шее, и я вздрагиваю. Мои глаза закрываются сами по себе. — Знаю, что я немного придурок, но дай мне шанс, Чак.

— Ты пытался избить меня, — бормочу я, и Спенсер улыбается.

— Не ври: я видел ту книгу о хулиганских романах в твоей комнате. Кому не нравится хороший роман о врагах и возлюбленных? Кроме того, ты сам напросился, придурок.

— Пошёл ты, — бормочу я в ответ, краснея с головы до ног.

Новый парень, да?

Папе бы это не понравилось.

Честно говоря, мне всё равно.

— Спенсер, — начинаю я, и тут дверь распахивается.

— Ребята, вы должны это увидеть, — шепчет Рейнджер, и мы со Спенсером обмениваемся взглядами, прежде чем последовать за ними в коридор.

Ещё одна записка от Адама, приклеенная скотчем к моему шкафчику (моему первоначальному шкафчику, который я только недавно вернула, потому что, знаете, связи в Студенческом совете и всё такое).

Оно написано фиолетовыми чернилами, как и все остальные.

Дорогая Ева,

Та смерть не была самоубийством.

Мы оба знаем, что это ты должна была висеть на том дереве.

Беги, беги так быстро, как только сможешь.

С любовью, Адам.

— Что за вечно любящий трах? — я задыхаюсь, когда Рейнджер выхватывает у меня записку и читает её, стиснув зубы, его рука сжимается в кулак и сминает край бумаги.

— Это такая хренотень. — Он поднимает глаза и смотрит на Черча. — Разве мы не можем заплатить какой-нибудь независимой судебной лаборатории за проверку этой ерунды? Там должны быть отпечатки пальцев, волокна или *что-то* ещё, что они могли бы использовать, чтобы выяснить, кто это написал.

— Это не такая уж ужасная идея, — говорит Черч, пока Спенсер таращится на записку.

— Это и есть те записки, которые ты получала? — спрашивает он, проводя пальцами по своим серебристым волосам. — Кто, чёрт возьми, этот ебанутый ублюдок? — мрачное выражение мелькает на его лице, и я представляю, что, если бы он знал, вся эта мантра «давайте побьём его», которую постоянно выкрикивают парни, звучала бы очень, очень правдоподобно.

— Это уже четвёртая, — признаюсь я, стиснув зубы. — Но они становятся всё хуже, всё более жестокими. Как думаете, я должна показать её отцу?

— Решать тебе, — отвечает Рейнджер, сильно хмурясь. Между его тёмными бровями появляется маленькая складочка, и мне приходится бороться с желанием протянуть руку и разгладить её большим пальцем. — Но это пугает меня. Я беспокоюсь о тебе, Шар...ли. — Я улыбаюсь. Он чуть снова не назвал меня Шарлоттой.

— У меня есть вы, парни, я не боюсь. — Я засовываю пальцы в карманы и дотрагиваюсь до презервативов, губы подёргиваются.

— Но, может быть, тебе стоило бы? — начинает Рейнджер, его взгляд снова устремлён вдаль. Близнецы обмениваются взглядами, когда Черч выхватывает листок из пальцев лучшего друга.

— Я отправлю её начальнику службы безопасности моих родителей. Конечно, он может что-то с этим сделать.

— Ты уверен, что это то, чего ты хочешь? — спрашивает Рейнджер, пристально глядя на своего президента.

— Абсолютно. — Черч кладёт записку в карман как раз в тот момент, когда уборщик Эдди и ночной сторож Натан выходят из-за угла. Ни один из них не выглядит особенно счастливым, увидев нас.

— Школьный совет хочет, чтобы коридоры были свободны после семи. Вам придётся заняться болтовнёй в другом месте. — Натан шмыгает носом и протягивает руку, чтобы потереть его. В его бороде есть что-то подозрительно похожее на крошки Чито, и от него пахнет, как от чана с Маунтин Дью. Мои глаза сужаются. Этот парень на самом деле не такой уж старый? Как он вообще получил эту работу? Он бесполезен.

— Вам нравится слоняться по кампусу, воровать еду у студентов и вообще быть неумелым, неадекватным дураком? — спрашивает Черч, расправляя лацканы своего тёмно-синего блейзера академии. — Вместо того, чтобы беспокоить Кулинарный клуб — кстати, у

нас есть разрешение на ночную работу в этом здании — возможно, вы могли бы лучше позаботиться о том, чтобы студенты не умирали на вашем дежурстве.

Натан сильно хмурится, и его ноздри раздуваются от гнева, но я сомневаюсь, что у него хватит мужества противостоять Черчу Монтегю. Этот парень наводит ужас, хотя теперь я убеждена, что он гораздо глубже и с большим количеством нюансов, чем кажется на первый взгляд. Его эмоции в лесу доказывали это. Вы не сможете подделать такой уровень чувств; даже смотреть на это было мучительно.

Мой взгляд перемещается на Эдди, этого долговязого парня средних лет в накрахмаленной, чистой униформе, с идеально причёсанными волосами, намазанными гелем и с грубыми руками, забрызганными белой краской. Он настолько прост, насколько это возможно, но, на мой взгляд, каждый здесь подозреваемый.

— А теперь, если вы нас извините, — продолжает Черч, а затем уходит по коридору, и остальные следуют за ним.

— Он всегда был таким? — шепчу я Рейнджеру, наклоняясь и вдыхая его запах чего-то сладкого и кожи. Моя кожа покрывается гусиной кожей, но я игнорирую это чувство, засовывая руки в карманы, чтобы скрыть реакцию.

— С тех пор, как нам было по шесть лет, — отвечает он со вздохом, но я замечаю, что его губы слегка подёргиваются, как будто он борется с улыбкой. Черч ведёт нас по коридору и случайно проходит мимо кабинета мистера Мерфи, слегка притормаживая. Он на мгновение заглядывает в окно, а затем окидывает взглядом длинные каменные коридоры.

Я всё ещё не совсем привыкла к истории и величию этого места. Западное побережье — это что-то вроде крошечной Америки. Самому старому отстою, который у нас есть, сто лет. Но здесь многие здания старше, чем сама страна. Может быть, это и ерунда по сравнению с Европой или Африкой, но эту девушку из Калифорнии это чертовски впечатляет.

— Мика, Тобиас, у вас есть ключ от этого кабинета?

— Нет, господин президент, — отвечают они в унисон, а затем обмениваются взглядами.

— Но мы могли бы его раздобыть, — говорит Тобиас.

— Может быть, — добавляет Мика.

— Учительская была бы хорошим местом для снятия копии ключа, — размышляет Спенсер, поглядывая на меня. — Например, скажем, если бы у кого-то был отец, который был там...

— Подожди, ты хочешь, чтобы я украла ключи?! — я задыхаюсь, и тут рука Рейнджера скользит по моему рту, чтобы прикрыть его. Его кожа тёплая, ладонь сухая, и, хотя я быстро отдёргиваю его руку, мне понравилось это ощущение. Не закрытие рта, но просто... его прикосновение, я думаю.

— Мистер Мерфи, — приветствует Черч, когда учитель, о котором идёт речь, выходит из-за угла и окидывает нашу группу немного скептическим взглядом, его улыбка чуть-чуть сползает. — Как у вас сегодня дела?

— Пытаюсь сохранять позитивный настрой перед лицом потери нашей академии, — говорит он, и я не могу сказать, то ли он втайне злой и слишком много врёт, то ли чертовски искренний.

— Это понятно. Собственно, именно по этому поводу мы здесь и собрались. Рейнджер, — Черч указывает через плечо, и Рейнджер прищуривает свои тёмные глаза. — У него были проблемы с тем, чтобы справиться с этим. Он, ну, — Черч складывает пальцы на

груди и смотрит на мистера Мерфи таким свежим взглядом, что я сама подозрительно прищуриваюсь, — был слишком застенчив, чтобы спросить: вы не возражаете, если он зайдёт к вам в кабинет немного поговорить?

— Я... — начинает мистер Мерфи, а затем резко выдыхает. — Я понимаю, что вам, возможно, больно, мистер Вудрафф, но я бы хотел направить вас с вашими опасениями к школьному психологу...

— Я хочу поговорить с *вами*, — говорит Рейнджер, бросая на Черча косой взгляд, который говорит: *Я убью тебя позже*. — Вы знали Дженику. Вы были друзьями.

— Ну, я не могу... — снова начинает мистер Мерфи, на лбу у него выступили капельки пота. — Я не могу говорить о твоей сестре, но, полагаю, если бы ты хотел просто посидеть и поболтать минутку...

— Да. — Рейнджер подходит к мистеру Мерфи, и мы все наблюдаем, как они заходят внутрь, а он тщательно задёргивает шторы и запирает за ними дверь.

— Мы же не просто отправили его туда, чтобы его убили? — спрашивает Мика, прислоняясь спиной к шкафчикам.

— Не так откровенно, нет, — отвечает Черч, а затем замолкает, когда Натан идёт обратно по коридору. На этот раз ночной сторож просто проходит мимо нас, не говоря ни слова, янтарные глаза Черча следят за его движениями.

Все остальные тихо ждут, пока Спенсер роется в сумке с книгами и достаёт коробку с новым телефоном внутри, включает его и настраивает, пока мы стоим там.

Мне и в голову не приходит беспокоиться о чём-либо, пока я не чувствую, как его глаза сверлят меня.

— Что? — спрашиваю я, и он ухмыляется мне, как акула, которая только что почуяла запах крови в воде. — Почему ты так на меня смотришь?

— О, Чак, — говорит Спенсер, а затем придвигается, обхватывает пальцами мой подбородок и целует меня так, что я просто сгораю от нетерпения. В этом поцелуе есть что-то другое, менее порочное, более... *нежное*. В этом есть что-то от той же нежности, которую я увидела на его лице в тот день в холле. Я толкаю его в ответ, и он смеётся, показывая мне экран своего телефона и все те смущающие сообщения, которые я отправляла, когда думала, что он мёртв.

«Я думаю, мы могли бы влюбиться друг в друга», — это лишь один пример.

Моё лицо белеет, и я бормочу что-то невнятное, пока он хихикает и читает список, но тут дверь открывается, и выходит Рейнджер. Его челюсть сжата, глаза как кремь.

— Пошли, — рявкает он, направляясь по коридору в своих армейских ботинках. Он не останавливается, пока мы не оказываемся перед общежитием для парней.

— Что не так? — спрашивает Черч, когда Рейнджер поворачивается, лезет в карман и достаёт фиолетовый фломастер.

Святое. Ёбаное. Дерьмо.

— Фиолетовый фломастер точно не указывает на мистера Мерфи как на убийцу, — говорит Тобиас на следующее утро, сидя на скамейке у мемориала Дж. Вудраффа возле общежития для девочек. Я давненько здесь не была и скучаю поэтому. Это, как бы, *моё* место. Но прямо сейчас, когда происходит вся эта ерунда? Я должна была бы быть чертовски сумасшедшей, чтобы прийти сюда одной.

— Нет, но это уже что-то, — произносит Рейнджер, поигрывая фломастером. — Он лежал там на краю стола, как будто недавно им пользовался.

— Это чертовски далеко идущее дело, — говорит Спенсер, засовывая руки в карманы. — Мистер Мерфи не убийца. Вы помните, как на первом курсе он спас оленёнка и выхаживал его, пока тот не выздоровел? Это же грёбаное дерьмо в стиле матери Терезы.

— Чернила на записках фиолетовые, фломастер фиолетовый. Есть фотография, на которой Дженика прижимается к этому мудаку, и когда Чак столкнулся с ним лицом к лицу, он потерял самообладание. — Рейнджер достаёт пачку сигарет и закуривает одну. — Нам нужно попасть в его кабинет. Я думаю, Чаку стоит попробовать зайти в учительскую, раздобыть нам какие-нибудь ключи.

— Если бы он действительно писал записки, как ты думаешь, он реально оставил бы фломастер просто лежать на столе, когда ты ввалился? — спрашивает Спенсер, но я замечая, что Черч невероятно тих, он погружён в глубокие раздумья. Парень смотрит на женское общежитие с задумчивым выражением лица. — Насколько тупым он должен быть?

— Я всё ещё думаю, что нам следует приглядывать за ним, — ворчит Мика, подпирая подбородок рукой. Его глаза находят мои, и я чувствую, как по мне пробегает дрожь. Когда он поцеловал меня на капоте своей машины, я что-то почувствовала. Это чертовски сбивает с толку.

Мне нравится Спенсер.

Мне... действительно нравится Спенсер.

Но ещё мне нравятся близнецы.

— Добавь его в список, — со вздохом говорит Тобиас, протягивая руку, чтобы протереть глаза. — Мистер. Йохансен, мистер Крачек, Джефф Работ, Натан, Эдди, мистер Мерфи. Чёрт, почему бы нам просто не установить наблюдение за всей школой?

— Я пытался, но школьный совет заблокировал мой запрос на частную службу безопасности, — наконец произносит Черч, оглядывая нас. — Какое-то время нам придётся разбираться с этим самим. Я всё ещё склоняюсь к версии о мужском клубе.

— И всё же это не объясняет смерть Юджина, — парирует Рейнджер, взъерошивая рукой чернильные волосы. Его ногти выкрашены в чёрный цвет, и, хотя дома я, вероятно, посмеялась бы над ним за это... Теперь мне это вроде как нравится.

Я прикусываю нижнюю губу.

— Если только Юджин просто не оказался в неподходящем месте в неподходящее время? Как будто, может быть, он увидел что-то, чего не должен был видеть?

Черч бросает взгляд в мою сторону.

— Почему бы просто не подкупить его каким-нибудь другим способом? — спрашивает он, и я пожимаю плечами.

— Как? Деньгами, которые у него уже есть? Защитник футбольной команды? Сделано. Юджин был недурен собой и чертовски подтянут. Добавьте сюда денежный аспект, и я уверена, что у него не было проблем с поиском девушек. Что вообще могло заставить его молчать?

— Недурен собой? — спрашивает Спенсер, но я игнорирую его, увлекаясь этой идеей и тоже чувствуя себя очень умной.

— И, — я встаю со скамейки и кружусь, мои ноги ворошат гравий. Дует ветер, взъерошивая спутанные светлые волосы у меня на голове. Я поправляю очки одним пальцем. — Если бы они оставили его в живых, всегда была бы эта незавершённая угроза, это возможность увидеть, как всё разваливается на части. Убийцы никогда не смогли бы успокоиться.

— Да, но что он мог увидеть там, в лесу? Как какие-то придурки в толстовках привязывают верёвку к дереву? Одна хорошая ложь могла бы всё это объяснить. До смерти Юджина они не заходили так далеко, чтобы они не смогли отвертеться от того, что натворили. Погоня с ножом, какие-то записки, ну и что? — Тобиас пожимает плечами. — Я думаю, происходит что-то ещё, чего мы не понимаем.

— Что бы это ни было, мы должны с чего-то начать, — говорит Мика, энергично кивая головой. — По одной зацепке за раз. Если вы хотите начать с мистера Мерфи, прекрасно. Давай начнем.

— Отлично. Теперь всё, что мне нужно сделать, это придумать правдоподобную причину навестить папу в учительской. Это будет весело. — Я закатываю глаза, но Спенсер широко улыбается и щёлкает пальцами, как будто он уже всё понял.

— Расскажи ему о нас, ну, ты знаешь, о том, что мы встречаемся и всё такое.

— Я вообще-то не соглашалась встречаться, — бормочу я, ярко вспыхивая. Но... почему бы и нет? Что меня останавливает? Я бросаю быстрый взгляд на близнецов и обнаруживаю, что они оба пристально смотрят на меня. Их слова звучат у меня в голове: *мы делимся только друг с другом.*

Да.

Для меня нет конца с обратным гаремом.

— Ну да ладно. — Я выдыхаю, и Спенсер широко улыбается.

— Да? — спрашивает он, и я пожимаю плечами «Почему бы и нет?» Он издаёт восторженный звук и потрясает кулаком, когда близнецы обмениваются взглядами. Когда он спрыгивает со скамейки и обнимает меня, я обнимаю его за шею, закрываю глаза и вспоминаю тот сладкий-пресладкий момент, когда я проснулась и обнаружила, что он забирается ко мне в постель.

До конца жизни я не забуду эту радость.

Итак... Спенсер Харгроув — мой новый парень.

И я просто должна сказать, что это огромное улучшение по сравнению с прошлым парнем.

Пошёл ты, Коди.

«*Боже, это никогда не сработает*», — думаю я, стоя у входа в учительскую. Дверь заперта, поэтому мне приходится ждать, пока кто-нибудь из персонала подойдёт и откроет её.

Так уж случилось, что это мистер Мерфи.

Здорово.

Он пристально смотрит на меня, и я смотрю в ответ.

— А мой папа, случайно, не там? — спрашиваю я, указывая на дверь. Мистер Мерфи бросает взгляд в ту сторону, а затем снова на меня.

— Давай выясним, — говорит он, доставая свои ключи.

Ключи, которые я пришла сюда украсть.

Он отпирает дверь, а затем открывает её, стоя сбоку, прислонившись к ней спиной, так что я могу заглянуть внутрь и увидеть отца, сидящего за столом с кучкой чопорных профессоров старой академии.

«Глубокий вдох, Шарлотта, постарайся быть хладнокровной».

Я не так хорошо с этим справляюсь.

Вместо того чтобы окликнуть отца, я вхожу в комнату и направляюсь прямо к нему. Мистер Мерфи издаёт тихий звук, но я игнорирую его, сфокусировав взгляд на отце.

«Ага, и как я, по-вашему, должна забрать у мистера Мерфи ключи, когда они у него в грёбаном кармане?»

— Шарлотта, — говорит папа, вставая со своего места. — Тебе не положено здесь находиться.

— Да, но... нам нужно поговорить, — отвечаю я, ненавидя каждую секунду этого. Я серьёзно собираюсь просто ляпнуть, что встречаюсь со Спенсером? Папа посмотрит на меня как на сумасшедшую. Ему будет интересно, почему я почувствовала необходимость прийти сюда и выпалить это.

Мой разум лихорадочно ищет другой план, но вместо этого папа кладёт тяжёлую руку мне на плечо и сжимает его, его лицо приобретает такое мрачное выражение, которое пугает меня до чёртиков.

— Пойдём со мной, — говорит он, ведя меня к двери и прямо мимо кофейного аппарата, где мистер Мерфи готовит себе чашечку. Здорово. Мы оказываемся в коридоре, и эта тяжёлая неловкость саваном повисает между нами. — Я согласен, что нам нужно поговорить. Поужинаешь со мной сегодня в семь?

— Я... ладно, — начинаю я, моргая, чтобы прояснить голову. — С мамой всё в порядке?

— С мамой всё хорошо, — отвечает он, глядя на меня со странной смесью грусти и нежности. Это странное выражение, которого я никогда раньше не видела. — Не опаздывай,

ладно? — он гладит меня по голове — совершенно нехарактерный для него жест, кстати, — а затем поворачивается, понимая, что дверь учительской тем временем захлопнулась и заперлась сама.

Затем папа лезет в карман и достаёт огромный, громоздкий универсальный ключ.

Ох.

Ну, да.

Я почти закрываю лицо ладонью, но потом понимаю, что стою в коридоре, полном студентов, которые уже считают меня чудачком и безмерно недолюбливают.

Верно.

— Увидимся в семь, Чак, — говорит папа и затем исчезает в комнате.

Что ж.

Думаю, у меня есть альтернативный план, не так ли?

Вечером папа зовёт меня на ужин, и я обнаруживаю, что меня встречают с угощением, достойным Дня благодарения. Мы не едим так вкусно даже в мой день рождения. Мои брови подозрительно приподнимаются, но я сажусь за стол, гадая, каким будет объявление на этот раз.

В позапрошлый раз, когда папа удивил меня ужином из всех моих любимых блюд, он сказал мне, что они с мамой разводятся. В следующий раз это было для того, чтобы сообщить мне, что мама отправляется на реабилитацию.

В этот раз... Я даже представить себе не могу.

— Что происходит? — спрашиваю я, когда он садится, его лицо и манеры мрачны. Арчибальд Карсон расстилает у себя на коленях тканевую салфетку (кто, чёрт возьми, вообще пользуется тканевыми салфетками в собственном доме?), а затем поправляет очки на длинной, широкой переносице.

— В последнее время я много думал. — Он драматично вздыхает и поднимает свои голубые глаза от тарелки на моё лицо. — А именно, о том, что лучше для тебя, не обязательно лучше для меня.

— О... кей, — начинаю я, прищуриваясь и накладывая себе кусочек «три-тип». Серьёзно, мой любимый кусок мяса; по-видимому, раньше он назывался *стейк Санта-Мария*, поскольку был так популярен в центральной Калифорнии. Полагаю, я калифорнийская девушка до мозга костей, да? — Что, чёрт возьми, это значит?

— Я хочу, чтобы ты поняла, что во всём этом нет твоей вины, — продолжает папа, и я вздыхаю, откладывая вилку. Это почти слово в слово то, что он сказал мне в тот день, когда сообщил, что мама уезжает. — Но я не чувствую, что для тебя здесь безопасно.

— Почему? — сухо спрашиваю я, откидываясь на спинку стула. — Из-за «самоубийства»? — я вывожу пальцами маленькие кавычки, пока папа смотрит на меня, переходя из режима папы в режим директора, вот так просто.

— Помимо всего прочего. Я решил отправить тебя обратно в Калифорнию.

У меня отвисает челюсть, а сердце раскалывается пополам.

Ладно, может быть, я не так сильно привязана к штату, как думала.

— Нет! — слова вырываются из меня, когда я встаю, роняя вилку на пол, кусочки еды разлетаются повсюду. — Почему? Я уже говорила тебе, что не хочу туда возвращаться. Разве ты не слышал, что я сказал о Моники и Коди...

— Пожалуйста, Шарлотта, остановись на минутку и выслушай меня.

— Я не хочу слушать. Я сказала тебе, что хочу остаться здесь. Ты делаешь это нарочно, чтобы помучить меня? — мысль о возвращении в Калифорнию сейчас после того, как вернулся Спенсер. После... ну, вы знаете, со Спенсером. Это уже слишком. А ещё есть ключи, и фломастер мистера Мерфи, и Юджин, и таинственный Адам, присылающий мне записки...

— Я делаю это, потому что люблю тебя, — произносит папа, и мои щёки вспыхивают. Мы не очень откровенны друг с другом, редко обнимаемся или употребляем слово на букву «Л». Я думаю, у меня развиваются серьёзные проблемы с проявлением нежности. — Но, хочешь верь, хочешь нет, я также понимаю, каково это — быть подростком, и не хочу давить на тебя, чтобы ты оказалась в ситуации, когда будешь несчастна.

— Неважно, какие варианты ты мне предложишь, если это повлечёт за собой мой уход из Адамсона, я буду несчастна. — Мои руки сжимаются в кулаки на поверхности стола, когда я смотрю на папу сверху вниз.

«Теперь всё обрело смысл: почему, он был милым всю неделю. Ясно».

— Твоя мать вышла из реабилитационного центра, и у неё всё хорошо. Ей даже удалось устроиться на работу и снять квартиру.

— Она вышла, и даже мне не позвонила? — спрашиваю я, сильно хмурясь. Осколок льда пронзает моё сердце, но я отбрасываю это чувство в сторону. Почему я должна этому удивляться? Мы с мамой не были близки... ну, никогда.

— Она работала над тем, чтобы наладить свою жизнь, чтобы ей было о чём тебе рассказать, — продолжает папа, всегда принимая её сторону. Это очень расстраивает, но на данный момент я к этому привыкла. — Я уже поговорил с ней, и она хочет, чтобы ты переехала к ней. Ты можешь посетить несколько школ, которые мы выбрали, и выбрать ту, которая покажется тебе наиболее подходящей.

Мои губы сжаты так плотно, что это причиняет боль, и я дрожу.

— Или? — я спрашиваю, потому что вижу, что здесь мне дают «варианты».

— Ты можешь переехать к своей тёте Элизе и вернуться в среднюю школу Санта-Круз.

— Отлично. — Я откидываюсь на спинку стула, закрывая глаза от переполняющей меня ярости и разочарования. Насколько это иронично — получать то, о чём я всегда просила, но только тогда, когда я больше этого не хочу? Жизнь — сука. — Лос-Анджелес с мамой, которой настолько всё равно, что она не соизволила даже позвонить, или Санта-Круз с моим бывшим-изменником и лучшей подругой, которая спала с ним. Замечательные варианты.

— Шарлотта, сарказм не поможет в твоей ситуации. Я даю тебе ещё неделю, чтобы попрощаться и сделать свой выбор. Постарайся вести себя как взрослая и действительно подумай об этом.

— Мне не нужно время на раздумья; я остаюсь здесь.

— К сожалению, нет, ты не останешься. — Папа пристально смотрит на меня, губы сжаты в тонкую линию, в очках отражается мерцающее пламя канделябров. — А теперь, пожалуйста, садись и ешь то вкусное блюдо, которое я тебе приготовил.

— Извини, но мне нужно сделать *взрослый выбор*, — выплёвываю я, бросаясь к входной двери и хватая свою куртку. Папа следует за мной, но даже его команды вернуться не останавливают меня от того, чтобы отправиться по тропинке в одиночку.

К счастью, астрономический клуб случайно оказался снаружи, в поле, и они смотрели на звёзды. Если бы я закричала, они бы меня услышали. Так что, к счастью для меня, на этот раз я возвращаюсь в общежитие для парней живой — и за мной не гонится парень с ножом. Удача.

Я отправляю папе фотографию таблички с правилами общежития и надписью: «Жива, не беспокойся». А затем поднимаюсь по лестнице в комнату Спенсера, стучу кулаком по двери. Никто не отвечает, и я хмурюсь, направляясь в комнату близнецов.

Ничего.

— Их здесь нет, — говорит Черч, появляясь в дверях того, что должно быть комнатой Спенсера. Он улыбается мне, а затем возвращается внутрь, явно ожидая, что я последую за ним. Я делаю это и оказываюсь в комнате, очень похожей на другие, но с большим количеством домашних штрихов, чем я могла бы предположить. У него повсюду нелепые вывески, на которых помешаны домохозяйки и писатели, на которых написано всякое

дёрмо, типа «*Сейчас час кофе*» и «*Но сначала... Кофе*». У чувака серьёзная проблема.

— Где они? — спрашиваю я, когда Черч указывает на дополнительную кровать, и я сажусь на неё. Здесь всё продумано до мелочей, свежо, чисто и хорошо организовано. Там целая полка с фантастическими романами и мангой, а целая стена увешана фотографиями далёких мест.

Черч садится на свою кровать и скрещивает длинные ноги. Легко понять, почему его лицо мелькает во всех рекламных брошюрах. На него действительно приятно смотреть, парень с такими блестящими медовыми волосами в сочетании с яркими янтарными глазами и улыбкой, которая становится серьёзной.

Сейчас он использует её на мне, и это работает. Мой рот дёргается.

— Ужинают. — Всего одно это слово, произнесённое со вспышкой самоуверенной ухмылки. Он ведёт себя как принц школы.

— И ты не захотел пойти с ними?

— Я подозревал, что ты можешь зайти, — отвечает он, внимательно изучая меня. — Твой отец подошёл ко мне сегодня, чтобы узнать, не заинтересуется ли Кулинарный клуб организацией твоей прощальной вечеринки.

Моё лицо бледнеет, и я со вздохом прислоняюсь спиной к стене.

— Ты ещё кому-нибудь рассказывал? — спрашиваю я, и Черч очень мягко качает головой «нет». — Почему нет?

— Разве не поэтому ты сразу пришла сюда? — спрашивает он меня, протягивая руку, чтобы взять с тумбочки кофейный напиток. Он потягивает его, пристально глядя на меня.

— Да, в значительной степени. — Мой голос звучит хрипло и низко. Это удручающе слышать. — Я не хочу возвращаться в Калифорнию.

— Ты хочешь остаться со Спенсером, — догадывается Черч, но в конце его предложения нет вопросительного знака. Он знает, что это так. — И близнецами, более чем вероятно. — На секунду я задумываюсь, не собирается ли он добавить что-нибудь ещё. Но нет. Это похоже на то, что он ищет информацию и в то же время что-то скрывает, я этого не понимаю.

— Ты когда-нибудь был влюблён более чем в одного человека одновременно? — спрашиваю я, и Черч просто улыбается мне.

— Нет.

Наступает долгая пауза, затем он встаёт и подходит к красному мини-холодильнику, который подключён к розетке в изножье кровати, где я сижу. У него приятная глянцевая отделка и винтажный стиль, который придаёт ему такой очаровательный вид. Черч открывает его и сгибает своё длинное тело пополам, чтобы заглянуть внутрь.

— Что бы ты хотела выпить? У меня есть кофе, кофе или ещё раз кофе. — Он поднимает голову, чтобы посмотреть на меня, и сверкает огромной, ослепительной улыбкой. — Мокко? Ванильный латте? Карамельно-шоколадная штучка, от вида которой просто замирает сердце.

— Это больше, чем интерес, это зависимость, — говорю я ему, но потом тоже слегка улыбаюсь. Я никогда не забуду, как он выглядел в тот день в лесу, когда подумал, что потерял сначала одного друга, потом другого. В президенте Студенческого совета была глубина, которая меня удивила. Он испытывает эмоции на совершенно другом уровне. Честно говоря, это заставляет меня хотеть стать лучше. Если бы это было так, понимала бы я его лучше? — Но я возьму карамельно-шоколадную штучку.

— Это был бы и мой выбор, — молвит Черч, вставая и протягивая мне банку. Он кладёт её мне на ладонь, следя за тем, чтобы наши пальцы не соприкасались. Я принимаю это к сведению.

Он снова садится на свою кровать, а я открываю крышку напитка и делаю глоток.

— Чёрт возьми, заходит так мягко, — бормочу я, и Черч ухмыляется.

— Это то, что ты сказала Спенсеру? — спрашивает он, и я закатываю глаза.

— Я не отсасывала его член.

— Пока нет.

Я прищуриваюсь, глядя на Черча Монтегю, но он просто сидит там, весь такой непринуждённый и раскинувшийся, как будто он здесь хозяин. Чёрт, а может, так и есть? Я понятия не имею. Но я почти уверена, что Монтегю — самая богатая семья, из всех учеников в этой школе.

— Расскажи мне о своих родителях, — начинаю я, и он качает головой.

— Скажи мне, что ты собираешься сказать Спенсеру. Он не обрадуется этому.

— *Он* не будет рад? — спрашиваю я, наклоняясь вперёд. — *Я* не в восторге от этого. Ты пытался поспорить с Арчи? — я даже не уверена, почему спрашиваю об этом. Просто кажется, что Черч уже некоторое время спорит от моего имени с моим отцом. Может быть, это его конёк, именно то, что он делает как лидер этой маленькой команды?

— Я спросил директора, нельзя ли его переубедить. — Черч шумно отхлёбывает через соломинку, не сводя с меня глаз. Напряжённость его взгляда нервирует; это заставляет меня поёжиться. — Даже взятка не сработала. Он угрожал мне задержанием. Мне. Монтегю. Ты можешь в это поверить?

— О, какая дерзость, — говорю я, закатывая глаза. — Но ты реально пытался подкупить его?

— Работает с большинством людей, — отвечает Черч, а затем вздыхает. — Но теперь, я уверен, школьный совет выбрал твоего отца директором школы не просто так. Нелегко найти кого-то, кто может контролировать целую популяцию богатых, избалованных мудаков, не поддаваясь при этом небольшому подкупу.

— Значит, по крайней мере, ты признаёшь, что ты богатый, избалованный мудака?

— Я не имел в виду себя, — продолжает Черч, приподнимая медовую бровь и отставляя напиток в сторону. — Я имел в виду всех остальных. — Он снова улыбается, как будто действительно ожидает, что я сочту его шутку забавной. Я встаю и упираю руки в бока.

— Ты не считаешь себя избалованным мудаком? — спрашиваю я, потягивая кофе. Это действительно потрясающе вкусно. Я переворачиваю банку и изучаю этикетку, обнаруживая, что это продукт местного производства из двух соседних городов. Мило.

— А ты? — Черч возражает, и я делаю паузу.

В этом он прав.

— Если бы я была избалованным ребёнком, неужели ты думаешь, что я не смогла бы убедить своего отца не отправлять меня через всю страну? Он фактически обманул меня, чтобы заманить сюда, и теперь, когда я, наконец, хочу остаться, он снова заставляет меня уехать?

— Он заботится о тебе, — произносит Черч с лёгким намёком на понимание в голосе. Мои брови поднимаются, и я делаю шаг вперёд, чтобы поставить банку на прикроватную тумбочку, спотыкаясь о пару тапочек, которые наполовину засунуты под кровать. Я спотыкаюсь, но Черч протягивает руку и подхватывает банку с кофе одной рукой, умудряясь

не расплескать её, когда я падаю на него.

В итоге мы оказываемся лицом к лицу на его кровати, банка отодвинута в сторону, наши губы опасно сближены. Не проходит и доли секунды, как дверь открывается, и появляется Спенсер с ключом в руке и широко-широко раскрытыми глазами.

— Что за вечно-ёбаная чертовщина?! — кричит он, врываясь в комнату и выхватывая банку кофе из протянутой руки Черча. Он откидывает её в сторону и бросает ключи на противоположную кровать. — Ладно, поднимайся, Монтегю. Я надеру тебе задницу.

— Спенсер, — стону я, поднимаясь на ноги и поворачиваясь к нему лицом. Внезапно он делает шаг вперёд и обхватывает моё лицо ладонями, наклоняясь и целуя меня так глубоко, что у меня поджимаются пальцы на ногах, а в голове становится совершенно пусто, кроме него. *Где я нахожусь? Что я делаю?* Единственное, что, кажется, имеет значение в этот момент — это то, что этот парень прикасается ко мне, целует меня, заставляя мечтать о вещах, которые я никогда не позволяла себе раньше.

Помните, как я сказала, что не верю в настоящую любовь? Я имею в виду, мы ещё не достигли этого, но я легко могу представить, как это могло бы произойти. Спенсер заставляет меня чувствовать себя... другой, как будто я сделана из мыльных пузырей, хрупкой, но свободной. Я могла бы плыть куда угодно.

Он отступает назад и выдыхает, одаривая Черча мрачным взглядом, который напоминает мне о том, как он смотрел на меня в ту первую ночь в лесу, когда прижал меня к дереву за шею. Рада, что теперь мы далеко ушли от этого.

— Чувак, что, чёрт возьми, с тобой не так?

Черч садится и берёт свой мокко-фраппе или что-то в этом роде, делая глоток, прежде чем потрудиться ответить.

— Почему бы тебе не спросить Шарлотту? Это она споткнулась и упала.

— Ага. — Спенсер закатывает глаза. — Она просто *случайно* споткнулась и упала на тебя сверху?

— Ты думаешь, мы стали бы заниматься чем-то ещё? — спрашиваю я, и это немного успокаивает его. Спенсер делает глоток моего кофе и вздыхает.

— Извини, прошла неделя. — Он изучает меня своими бирюзовыми глазами, и я краснею. Глядя на него вот так, всё, о чём я могу думать — это о том, как он двигался надо мной, внутри меня. Я прикусываю губу и отвожу взгляд.

Я буду скучать по нему.

Я уверена, что он уйдёт от меня.

— Что ты вообще здесь делаешь? — спрашивает Спенсер, засовывая одну руку в карман тёмно-синих слаксов. Он хорошо смотрится в форме Академии Адамсон для парней; они все так выглядят.

— Мой папа отправляет меня обратно в Калифорнию в конце недели, — шепчу я, и глаза Спенсера расширяются. — У меня есть время до пятницы, чтобы решить, куда я хочу поехать: в Лос-Анджелес к маме или в Санта-Круз к тёте.

— Нет. — Спенсер разворачивается на каблуках и стремительно уходит. Мы с Черчем обмениваемся быстрым взглядом, прежде чем я бросаюсь за ним.

— Куда, по-твоему, ты направляешься? — спрашиваю я, хватаясь за рукав его синего блейзера, синие и красные полосы на его руке обозначают его должность в Студенческом совете, а также его должность сержанта по вооружению. Какая ирония, не правда ли, что студент, который должен отвечать за охрану порядка в академии, на самом деле тот, кто

продает травку в кампусе?

— Поговорить с директором, — отвечает он, но я продолжаю держать его за руку и не даю ему спуститься по лестнице. Близнецы и Рейнджер поднимаются и останавливаются рядом с нами, замечая сердитое выражение лица Спенсера.

— Что происходит? — спрашивает Рейнджер, изучая нас обоих своими сапфировыми глазами, такая же голубая прядь в его эбеновых волосах играет на свету.

— Чак возвращается в Калифорнию, — огрызается Спенсер, сильно хмурясь. Его дыхание прерывистое, сердитое. Он явно расстроен, и я тоже. Я не глупа; я знаю, как устроены отношения в старших классах. Если я уеду, Спенсер будет двигаться дальше. Я никогда не увижу, как далёко это зайдёт и к чему мы можем прийти.

Я только что потеряла девственность с этим парнем. Разве я не заслуживаю шанса разобраться во всём вместе с ним?

— Что? Почему? — в унисон спрашивают близнецы, обмениваясь взглядами, прежде чем снова повернуться ко мне. — Ты не можешь сейчас вернуться.

— Это то, что я сказала директору, — огрызаюсь я, потому что папа всегда был чуть больше учителем, чем отцом. — Но он, кажется, не склонен меня слушать.

— Может, это и к лучшему, — произносит Рейнджер, останавливаясь, положив правую руку на столбик перил. Он поднимает глаза и видит, что Спенсер смотрит на него, разинув рот. — Что? Не смотри на меня так. Я имею в виду, мы знали, что всё это опасно, когда всё это дерьмо случилось на вечеринке в честь Дня Святого Валентина, но серьёзно. Кто-то умер. Юджин мёртв. Кто бы это ни был, кто бы ни издевался над нами, он играет до конца, и Шарлотта явно является мишенью. Разве ты не хочешь, чтобы она была в безопасности?

— Ты хочешь, чтобы мой отец отослал меня прочь? — я задыхаюсь. Имею в виду, я знала, что мы с Рейнджером не были самыми близкими друзьями, но да ладно! Я думала, нас связало нечто большее.

— Если это значит, что ты не закончишь тем, что повиснешь на ветке дерева в лесу? Конечно. — Рейнджер делает последний шаг и останавливается рядом с нами на лестничной площадке. — Ты хочешь, чтобы Шарлотта пострадала, Спенс?

— Чак, — бормочу я, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что никто из других студентов не собирается выходить из своих комнат.

— Прости. — Рейнджер морщится, глядя на меня со своим мрачным, пугающим выражением. Хотя трудно воспринимать его всерьёз после того, как я видела, как он гольшом выпекает ерунду, одетый только в бабушкин фартук. — Чак.

— Или Чарли. Моего дедушку звали Чарли. — Я замолкаю и прикусываю нижнюю губу, оглядываясь и вижу, что Мика и Тобиас пристально смотрят на меня. — Я не хочу возвращаться. Я не боюсь, кем бы ни были эти придурки.

— Нет, но, может быть, тебе следовало бы бояться? — предполагает Рейнджер, проходя мимо нас и направляясь в свою комнату с таким видом, будто он совсем взбесился. Черч смотрит ему вслед, прислонившись к дверному проёму своей комнаты.

— Ты хочешь, чтобы мы поговорили с директором? — спрашивают близнецы, когда я оглядываюсь на них. Тобиас явно расстроен; Мика выглядит смиренным, но разъяренным. Несмотря на то, что я всё ещё расстроена всей этой ситуацией, приятно видеть, что им не всё равно. — Мы можем быть весьма убедительными, когда захотим. — Они оба разводят руки в стороны в хорошо скоординированном жесте.

— Как бы я ни ценила ваше предложение... — начинаю я, но Спенсер перебивает меня.

— Мы все вместе пойдём поговорим с ним, представим твоё дело, — объявляет он, расправляя блейзер и скидывая галстук с плеча, чтобы он висел ровно. Я заметила, что он часто вот так закидывает его назад, будто тот ему мешает. — Я имею в виду, полиция квалифицировала смерть Юджина как самоубийство, верно? Так почему же всё ещё отсылает тебя прочь?

— Если только директор знает что-то, чего не знаем мы, — предполагает Черч, по-прежнему слоняясь в дверях своей комнаты. Он приподнимает одно плечо в элегантном пожатии, а затем улыбается. Это загадочное выражение, и оно заставляет меня задуматься, не единственный ли мой папа, кто знает больше, чем показывает.

— Я написала письмо, в котором объясняю все причины, по которым мне не следует покидать Адамсон, — говорю я позже тем же вечером, протягивая тщательно написанную от руки записку отцу. К его чести, он действительно берёт её, достаёт очки из переднего кармана и начинает читать. Слава богу, чёрт возьми, что мне удалось убедить Студенческий совет — в частности, Спенсера — держаться от этого подальше. Если папа уже пригрозил Черчу задержанием за то, что он торговался от моего имени, то приведение сюда всей команды не принесёт мне никакой пользы.

Арчибальд Карсон — упрямый сукин сын.

Моё сердце воспаряет, когда он поднимает глаза и улыбается мне. Но потом я понимаю, что в этом выражении есть что-то покровительственное, и хмурюсь.

— Я действительно горжусь тобой, Шарлотта, — говорит он, и я приподнимаю бровь.

«Грядёт какое-то «но», я просто знаю это. С моим отцом всегда есть «но»».

Я облизываю губы и переминаюсь с ноги на ногу.

«Пожалуйста, не будь куском придурка», — умоляю я Вселенную, изобретая ещё одно новое оскорбление. Кусок придурка. Хех. Я должна шить футболки.

— В прошлом ты бы закатила истерику или оскорбила меня, чтобы добиться своего.

— Эм, спасибо? — спрашиваю я, думая, что на самом деле его комплимент — это одна из тех ситуаций, когда оскорбления выдаются за комплименты. — Итак, ты собираешься хотя бы подумать о том, чтобы позволить мне остаться?

Папа продолжает улыбаться, но выражение его лица напряжённое.

Чёрт.

— Как бы я ни ценил, что ты нашла время привести убедительные аргументы, боюсь, мой ответ всё тот же. Ты можешь вернуться в Санта-Круз и закончить год со своими старыми друзьями, а можешь начать всё сначала в Лос-Анджелесе со своей матерью.

— Я уже начала с чистого листа, — выдавливаю я из себя, пытаюсь сохранить самообладание. Сохранять спокойствие и ровный киль никогда по-настоящему не было моей

сильной стороной. Но я пытаюсь, я действительно пытаюсь. — Потому что *ты* получил работу мечты. Ты не дал мне права голоса в этом вопросе. На самом деле, ты *солгал* мне, чтобы затащить сюда. И теперь я здесь, и я хочу остаться, а ты упорно хочешь отослать меня прочь?

— Здесь небезопасно, Шарлотта, — наконец говорит папа, и я приподнимаю бровь.

— Я думала, что Юджин и Дженика покончили с собой, — возражаю я, скрещивая руки на груди. Папа игнорирует это замечание, снимает очки и кладёт их на стол.

— Дело не в этом, — молвит он со вздохом, но я не могу сказать, лжёт ли он мне снова или просто чертовски устал. Я полагаю, что если ученик совершает самоубийство на территории учебного заведения, то это случит плохой характеристикой директору, да? Мне почти жаль его.

— Тогда в чём же дело? — умоляю я, кладя ладони на стол и наклоняясь вниз. — Ты не хочешь, чтобы я была здесь? Это всё? — мой голос немного срывается, и я понимаю, что, хотя я и не признавалась в этом самой себе, я тоже расстроена из-за этой части уравнения. Мы с папой так долго были против всего мира, а теперь он просто покончил со мной? Меня просто отправят через всю страну, как ненужную посылку?

— Конечно, я хочу, чтобы ты была здесь, — говорит он, но уже встаёт и кладёт столовые приборы поверх своей тарелки. — Но обстоятельства изменились.

— Какие обстоятельства? — требую я, следуя за ним на кухню. Одно из окон открыто, выпуская прохладный весенний ветерок. Он взъерошивает мои волосы, когда я встаю позади отца, ожидая, пока он сполоснёт тарелку и поставит её в посудомоечную машину, чтобы повернуться ко мне лицом.

— Ты с самого начала была права: тебе не следовало быть подопытным кроликом академии. Это нечестно по отношению к тебе, и это нечестно по отношению к другим студентам. Я получил множество жалоб на то, что ты выходишь из себя. — У меня отвисает челюсть. Почти уверена, что моя челюсть просто свободно свисает с нижней части лица. — Это, и многие студенты расценивают моё отношение к тебе как вопиющий фаворитизм.

— Как же так?! Ты строже ко мне, чем кто-либо другой. — Слова просто непроизвольно срываются с губ, но как только они вырываются наружу, я не могу взять их обратно. Я бы всё равно не стала, учитывая, что это правда. Это всегда было одной из моих проблем с отцом: он в два раза строже ко мне, чем к любому ученику, которого он когда-либо учил. Меня от этого тошнит.

— Отдельная комната, — начинает он, и я делаю шаг вперёд.

— Я разделю комнату со Спенсером Харгроувом, — выпаливаю я, и папа вздыхает. — У него больше нет соседа по комнате. — Я снова облизываю губы, изо всех сил стараясь контролировать свой обычно неуправляемый темперамент. За всё это время папа ни разу не спросил меня, о чём я хотела поговорить. Ему буквально всё равно. Ну и чёрт с ним тогда, я ему ничего не скажу. — Проблема решена.

— Не только это. Есть ситуация с физкультурой...

— Я займусь физкультурой. Я просто переоденусь в кабинке и надену спортивные бюстгалтеры. Ладно, продолжай. Давай разберёмся с этим. — Я выдыхаю, но папа не улыбается. Он явно не ведётся на мои уловки.

— Шарлотта, достаточно. — Его тон не терпит возражений, но я ничего не могу с собой поделать. Я слеую за ним в кабинет.

— Продолжай быть честными со мной в отношении проблем, и мы найдём решения.

— Мне нужно наверстать многое по работе, и мне жаль, но моё решение окончательное. — Он садится за стол, и я чувствую, как во мне поднимается желание кричать. Вместо этого я закрываю глаза, делаю глубокий вдох и разворачиваюсь, уходя и захлопывая за собой дверь кабинета.

Я ещё не закончила, но знаю отца, и он возвёл стену на ночь. Завтра я попробую ещё раз.

Проходя мимо кухонного окна, я замечаю, что оконной сетки нет, а на подоконнике лежит маленький камешек. Я бы, возможно, и не заметила этого, если бы не остановилась, чтобы выпить стакан воды. Я протягиваю руку и беру его, изучая гладкую, матово-чёрную поверхность. На нём вырезан символ, закрашенный красным.

— Что за чертовщина? — спрашиваю я, поднимая голову и вглядываясь в темноту. Одна из этих чёртовых сов снова ухает, и я вздрагиваю. На секунду я подумываю о том, чтобы пойти и рассказать об этом отцу, но он уже хочет, чтобы я уехала. Я не смогу убедить его в обратном, если подолью масла в огонь.

Но камень и отсутствующая сетка — это чертовски жутко. Это *мог быть* просто какой-то случайный розыгрыш, но мне кажется, что нарисовать пенис на лужайке краской из баллончика или что-то ещё было бы более уместно для старшеклассника. Положить жуткий камень со странным символом на чей-нибудь подоконник?

Это пиздец следующего уровня.

Я закрываю окно, запираю его на ключ, а затем отправляю сообщение парням.

Это слишком странно, чтобы быть совпадением.

В Адамсоне происходит что-то странное, и у меня возникает ужасное чувство, что как бы сильно я не хотела остаться... Может быть, Рейнджер прав насчёт моего отъезда?

За мной охотятся.

Я это чувствую.

Глава 11

— Это не краска, это воск, — замечает Мика, проводя большим пальцем по символу, вырезанному на камне. Он ковыряет её ногтем, и он сворачивается в маленькие завитки. — Да, определённо воск. — Парень передаёт его Тобиасу, чтобы тот мог в свою очередь осмотреть его.

— Воск? — спрашиваю я, проводя пальцами по волосам. Сейчас они такие кудрявые, спутанные и отвратительные. Я собиралась встать пораньше и принять душ, но проспала и в итоге проснулась от того, что папа отшвырнул моё одеяло на пол и выкрикнул приказ. Так неприятно.

Спенсер смотрит на меня так, словно я персонаж фильма ужасов. Я прищуриваюсь, глядя на него, и поправляю очки на носу.

— Что? — огрызаюсь я, когда Тобиас передаёт камень следующему, Рейнджеру. — Ты пялишься на меня всё утро.

— Ты вообще можешь видеть через эти очки? — спрашивает он, наклоняясь вперёд и убирая их с моего лица. — Они буквально покрыты отпечатками пальцев и брызгами бог знает чего. — Он начинает вытирать их о свою рубашку, а я хмурюсь. — И ты когда-нибудь слышала о расчёске для волос? Знаешь, ее изобрели в 1602 году.

— Во-первых, ты полностью выдумал этот год. Это совсем не точная информация. И ещё, пошёл ты. — Я позволяю Спенсеру протереть очки, а затем забираю их обратно, напяливая на лицо и стараясь не удивляться тому, насколько на самом деле лучше, когда они чистые.

— Даже в этой слишком большой униформе, с причёской «крысиное гнездо» и грязными очками, ты возбудила его. — Черч как ни в чём не бывало указывает на Спенсера, прежде чем взять камень в руку. — У него буквально встал в первую секунду, как он увидел тебя.

— Не правда, — усмехается Спенсер, оглядываясь в поисках кого-нибудь из притаившихся сотрудников, прежде чем закурить косяк. — Вопиющая ложь.

— Тогда встань и дай мне посмотреть, — возражаю я, забирая у него косяк и затягиваясь. В конце концов я начинаю каплять как сумасшедшая, а Спенсер смеётся надо мной.

— Нуб, — бормочет он, и я прищуриваю глаза.

— Мастер стояка, — парирую я, и Спенсер воеет от смеха. Даже близнецы смеются. Рейнджер, кажется, немного напуган камнем, а Черч слишком занят тем, что вертит его в руках с длинными пальцами.

— «Мастер стояка» на самом деле звучит довольно круто. Я запомню это. Для меня это звучит как комплимент. Спасибо, ёршик для унитаза.

Я бросаюсь к нему и оказываюсь у него на коленях, сталкивая сумку с книгами на пол, а затем указывая на выпуклость в его слаксах академического образца.

— Правда выходит наружу, — говорю я, моё лицо всего в трёх дюймах от его. Это слишком сильно, этот его аромат, эта древесная смесь кедра и лотоса, от которой у меня слюнки текут. Возможно, мне придётся спросить, каким одеколоном он пользуется, потому что я обязательно куплю его и обрызгаю им свою подушку.

Я имею в виду, не потому, что его носит Спенсер или что-то в этом роде... Мне просто

нравится этот запах.

Да, это всё, дело только в этом.

— Ты действительно хочешь, чтобы правда выплыла наружу? — поддразнивает он, приподнимая тёмную бровь. Соблазнительный изгиб его рта творит со мной всевозможные ужасные вещи, и я дрожу. Однако, когда собираюсь поспешно ретироваться, он хватается за меня и удерживает на месте, крепко прижимаясь ртом к моему.

Жар пробегает по мне, и я дрожу. Есть что-то особенное во вкусе губ этого парня...

— О, смотрите, Спенсер стал геем, — говорит проходящий мимо студент, и его друзья хихикают. — Но, серьёзно, чувак, здесь есть парни намного сексуальнее, если ты хочешь попробовать. — Чувак хватается своё барахло, и Спенсер показывает ему фак, хватая меня за затылок, чтобы помешать мне закончить наш поцелуй. Часть меня смущена тем, что меня видят целующейся в губы со Спенсером Харгроувом, а другой половине... *нравится* это.

— Давай, чувак, — ворчит Тобиас, и мы отстраняемся друг от друга. Наши глаза встречаются, и по мне пробегает дрожь, которая не имеет никакого отношения к погоде. Я оглядываюсь и замечаю, что близнецы наблюдают за нами. Мика ухмыляется, как будто почувал вызов, в то время как Тобиас хмурится.

— Этот символ выглядит таким знакомым, — ворчит Рейнджер, когда Черч делает снимок на телефон и выполняет обратный поиск изображений. Он прищуривает глаза, просматривая фотографии. — Клянусь, я где-то видел его раньше. — Рейнджер поднимает руку и прикладывает пальцы ко лбу, сапфировые глаза наблюдают за лесом сразу за тропинкой.

Мы сидим снаружи на куче больших декоративных камней рядом с указателем, который направляет студентов к главному зданию академии. Можно было бы подумать, что это просто камни, но папа сказал, что ему пришлось одобрить счёт за благоустройство на несколько тысяч долларов, чтобы их доставили.

Мы решили, что с таким же успехом можем ими насладиться.

— У меня ничего не получается, — говорит Черч, уходя со страницы, на которой он находится, и вводя описание символа в поисковую систему. *W-образная руна* — это то, что он набирает. Неплохо. По-моему, это немного похоже на трезубец. — Это немного похоже на греческую букву *пси* или, может быть, даже на древнескандинавскую руну *альгиз*.

Я поднимаюсь с колен Спенсера и оставляю его, э-э, стояк, чтобы разобраться с ним позже.

Он смотрит мне вслед, а затем откусывает кусочек зелёного яблока, не сводя с меня глаз, пока я снова сажусь на свой камень. Я всё ещё с трудом могу поверить, что он вернулся, что он жив. Что мы *встречаемся*, всё вроде официально. Интересно, сколько времени потребуется, чтобы по-настоящему вникнуть.

— Хорошо, но если это и то, и другое, то какой в этом смысл? — спрашивает Спенсер, делая паузу, чтобы откусить ещё кусочек яблока. — Греческая буква? Скандинавская руна? Какое, чёрт возьми, всё это имеет отношение к Дженике, или Чаку, или Юджину, если уж на то пошло?

— Может быть, это ничего не значит? — отвечает Мика, забирая камень обратно и изучая его. — Может быть, мы придаём этому слишком большое значение? Очевидно, какие-то старые придурки с деньгами не хотели, чтобы Дженика ходила в школу для их драгоценных мальчиков, и то же самое с Шарлоттой. — Он собирается бросить камень, но Рейнджер останавливает его, хватая за запястье и забирая камень обратно.

— Я уже видел его раньше. Не помню, где именно, но дайте мне немного времени, и я разберусь с этим. — Он встаёт, эта крупная смуглая фигура с коротко подстриженными чёрными волосами и самыми пронзительными голубыми глазами, которые я когда-либо видела, а затем поворачивается с таким серьёзным выражением лица, что я почти отшатываюсь. — А теперь вставайте. Завтра мы готовим «Запечённую Аляску» для поминовения Юджина (*прим. — «Запечённая Аляска» (англ. Baked Alaska) — десерт, мороженое на бисквитной подложке, покрытое взбитыми яичными белками, зарумяненными в духовке*).

Рейнджер поворачивается и уходит в сторону академии, а остальные обмениваются взглядами.

— Он же не собирается раздеваться и надевать один из своих пушистых фартуков, не так ли? — спрашиваю я, и Мика ухмыляется.

— Он мог бы. А что? Ты захотела посмотреть?

Спенсер издаёт насмешливый звук себе под нос, когда я встаю и, зевая, вытягиваю руки над головой. Когда он поднимается на ноги, возвышаясь надо мной с улыбкой, я чувствую, как моё сердце начинает бешено колотиться. Его бирюзовые глаза сверкают, когда он наклоняется ближе и прижимается щекой к моей, касаясь губами моего уха.

— Давай потусуем вместе, только ты и я. Ну, знаешь, после Кулинарного клуба.

— Спенсер, — начинаю я, но тут близнецы хватают его за руки и тащат вниз по тропинке. Я прикусываю нижнюю губу, думая о том, что Тобиас сказал мне в шкафу той ночью.

«Я не собирался ничего говорить из уважения к Спенсеру, но я вроде как влюблён в Шарлотту. Когда он вернётся, ему, возможно, придётся бороться со мной за её расположение».

Вау.

Я переплетаю руки и слеую за мальчиками, направляясь вверх по каменным ступеням здания академии на кухню, где мы всегда проводим наши клубные собрания. Трудно поверить, что эти придурки оделись в мантии и забросали меня пауками всего несколько месяцев назад, да?

— Что это, чёрт возьми, такое? — требовательно спрашивает Рейнджер, указывая на фунтовый пирог, который стоит в пластиковом контейнере на прилавке. Он выглядит разъярённым. — Кто принёс это сюда? — близнецы обмениваются взглядами, а затем пожимают плечами.

— Чувак, это всего лишь фунтовый пирог (*прим. — Фунтовый пирог — это простой сладкий кекс/сладкий хлеб*), — говорит Спенсер, но Рейнджер уже хватает его и выбрасывает в мусорное ведро.

— Мусор, купленный в магазине, — бормочет он, открывая один из ящиков и доставая оттуда целую кучу посуды. — Мы испечём фунтовый пирог с нуля.

Черч обменивается взглядом с близнецами, а Спенсер приподнимает бровь. Примерно через минуту, когда все ингредиенты и кухонная утварь уже на столе, Рейнджер, выругавшись, кладёт ладони на столешницу и крепко зажмуривается.

— Ты в порядке? — тихо спрашивает Черч, как раз таким тоном, что я слышу в его голосе истинную привязанность к другу.

— Я хочу приготовить этот десерт правильно, — произносит Рейнджер низким и ворчливым голосом, но полным эмоций. От этого звука у меня сжимается грудь, и я сжимаю

руку в кулак у кромки своего блейзера. — Это было любимое блюдо Юджина, и я не собираюсь его портить.

— «Запечённая Аляска» была его любимым блюдом? — спрашивает Спенсер, и голубые глаза Рейнджера распахиваются, уставившись в его сторону. Клянусь, он немного рычит.

— Прояви немного уважения. Мы подумали, что это ты был на том дереве; мы были опустошены. Представьте, что чувствуют его друзья и семья. — Рейнджер выпрямляется, а затем проводит пальцами обеих рук по выбритым вискам. — Какая-то часть меня чувствует себя ответственной за его смерть. Я просто хочу сделать хоть что-то правильно.

Наступает долгая пауза, прежде чем Черч снимает свой блейзер и бросает его на стул в углу, закатывает рукава рубашки и снимает галстук.

— Хорошо, тогда давайте сделаем это в стиле Кулинарного клуба.

Дверь открывается, и Росс проскальзывает внутрь с покрасневшимся лицом, поправляя свой галстук.

— Извините, я опоздал, — говорит он, и Черч улыбается.

— Давай сварим кофе и испечём фунтовый пирог, хорошо?

— Спасибо, — говорит Рейнджер, и я не думаю, что кто-то из нас не замечает, как расслабляются его плечи.

Меня бесит, что он чувствует себя ответственным за смерть Юджина. Никто из нас не должен этого чувствовать. Но каким-то образом мы оказались вовлечены в неразбериху, которую не начинали, и теперь должны расхлёбывать. Хотя Рейнджер прав: Юджин, возможно, и был придурком по отношению к нам, но я уверена, что он был таким не для всех. У него тоже были люди, которым не всё равно.

— Ну, чёрт возьми, тогда давай приготовим «Запечённую Аляску», — бормочет Спенсер, а затем Рейнджер достаёт фартуки с оборками. Это дерьмо продолжается.

— Ты серьёзно испоганил эту «Запечённую Аляску», Чак. — Спенсер переворачивается на бок, чтобы посмотреть на меня. Я сижу на краю его кровати, тяжело дыша и отчаянно жалея, что не воспользовалась дезодорантом этим утром; я потею как сумасшедшая. — Я никогда не видел, чтобы кто-то *так* не следовал указаниям, как это делаешь ты.

— Я нервничала! — огрызаюсь я, поворачиваясь, чтобы посмотреть на него. Он развалился на кровати, как принц без костей. *Чёрт, он горяч.* Я прикусываю нижнюю губу и мгновенно прощаю его за то, что он был полным придурком. Я такая ужасная. Никогда не верить в настоящую любовь, нет, но быть влюблённой в каждого парня? Да, это в значительной степени в моём духе. — Рейнджер ужасен, когда готовит.

— Я готовлю с чистой любовью, — рычит он, возвращая моё внимание на ту сторону комнаты. Рейнджер одет в чёрные спортивные штаны, обтягивающую белую рубашку,

которая подчёркивает затвердевшие кончики его сосков, и... носки с розовыми кошечками. Я решаю не комментировать. — Чистая, блядь, любовь.

— Ты размазал мне сзади на рубашке шарик мороженого, — ворчу я, и губы Рейнджера кривятся в улыбке, которую он снова с трудом сдерживает.

— Это были близнецы, а не я, — признаётся он, глядя на нас со Спенсером. Его глаза слегка прищуриваются, и он вздыхает. — Я полностью нарушаю вашу атмосферу, не так ли?

— В значительной степени. Мастер стояка не может работать, когда в комнате находится блокиратор члена. Это, блядь, общеизвестный факт, — говорит Спенсер, ухмыляясь, и мои щёки вспыхивают. Внезапный прилив смущения заставляет меня захотеть остаться упрямой.

— Лично я рада, что Рейнджер здесь, — парирую я, поправляя очки на носу и скрещивая руки на груди футболки, которую я одолжила у Спенсера (моя белая рубашка на пуговицах, выданная академией, теперь окрашена в розовый цвет клубничным мороженым). — Втроём безопаснее, и всё такое.

— Угу, конечно, — мурлычет Спенсер, щекоча пальцами мой позвоночник и посылая по мне лёгкую дрожь. Я бросаю сердитый взгляд через плечо, и он ухмыляется. — Что? Не говори мне, что ты этого не чувствуешь.

— Чувствуешь, что? — возражаю я, хотя, по сути, беру бразды правления смущением в свои руки и направляю его прямо на себя.

— Сексуальное напряжение между нами, — выпаливает Спенсер, и я хватаю книгу с его тумбочки и бью его ею. Он выхватывает её у меня из рук, хватая меня за запястья и притягивает к себе, подмяв. Его серебристые волосы свисают по бокам лица, а ухмылка по-настоящему дикая. — Ну же, не лги мне. Вы, ребята, уже потратили этот жетон в аркаде дерьма.

— Ух ты, прекрасная метафора, — бормочет Рейнджер, откидываясь на подушки и скрещивая лодыжки в носках с рисунком котёнка. Он выглядит таким крутым с большими чёрными тоннелями в ушах, блестящими волосами цвета воронова крыла с сапфировой прожилкой... и в кошачьих носочках. Верно. — Как будто ты когда-нибудь был в игровом зале. Кстати, Спенсер одержим девяностами, как будто хотел бы быть ребёнком девяностных.

Я оглядываюсь на парня надо мной, и его улыбка слегка смягчается. Я притворяюсь, что хмурюсь, но на самом деле моё сердце бешено колотится, и я вроде как хочу, чтобы Рейнджер нашёл себе какое-нибудь занятие в комнате Черча.

Проходит долгий, напряжённый момент, и моё сердцебиение учащается, кровь приливает к голове, заглушая звуки вокруг меня.

Спенсер стонет и садится на корточки, пристально глядя на Рейнджера.

— Ты серьёзно собираешься просто сидеть там и смотреть?

Рейнджер поднимает на него взгляд, отрывая его от экрана своего телефона.

— Смотреть на что? Ты больше не будешь трахаться здесь со мной в комнате. Этого точно не случится, друг мой.

— Тогда убирайся! Сходи к Черчу, — бормочет Спенсер, для убедительности махнув рукой в сторону двери. — Вы двое можете стать геями, быть вместе, и все выиграют.

— Если бы я не был натуралом, это было бы прекрасно, я уверен. — Рейнджер продолжает прокручивать страницу в телефоне. — Вы видели, как Черч сосёт соломинку? Я уверен, что с членом он тоже великолепен.

— Черч гей? — спрашиваю я, садясь и стараясь не ёрзать. Моё тело разгорячено и

бунтует, мои пальцы чешутся от желания прикоснуться к Спенсеру. На этой неделе у нас было несколько поцелуев, но сейчас вечер четверга, и я не могу перестать мечтать о том, как он будет держать меня в своих объятиях. И, знаете ли, заниматься многим другим...

— Би, может быть? — Спенсер размышляет, а затем пожимает плечами. — Понятия не имею. Хотя он определённо встречается с девушками. — Он достаёт собственный телефон из кармана блейзера, набирает сообщение большими пальцами и проверяет его, прежде чем поднять взгляд с кривой ухмылкой. — Давай, Микропенис Чак, у меня есть идея.

Он встаёт и хватается за руку, таща за собой, в то время как Рейнджер рычит и ругается у нас за спиной.

Мы направляемся в коридор, и я рада сообщить, что все лампочки снова в рабочем состоянии. Похоже, Эдди на что-то да годится.

Близнецы ждут, скрестив руки на груди.

— И что это мы здесь делаем? — спрашивают они, пока Спенсер тащит меня по коридору.

— Чак хочет принять душ, и я полагаю, ему нужна охрана. — Спенсер пожимает плечами и подталкивает меня к двери ванной. — Я буду внутренней охраной. Вы двое занимайтесь своими близнецовыми делами прямо здесь.

— Серьёзно? — спрашивает Тобиас, когда Спенсер захлопывает дверь у него перед носом, прежде чем заглянуть в ванную, чтобы убедиться, что там больше никого нет. Затем он смотрит на меня с этой звериной ухмылочкой, и я делаю шаг назад.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я его, когда он снимает галстук и засовывает его в карман блейзера.

— Раздеваюсь. — Спенсер движется ко мне, его лицо — это тёмная маска желания, которая заставляет меня напевать. Коди никогда не смотрел на меня так, как какой-нибудь хитрый лис, нацелившийся на свою пару. Нет, он был просто приставучим подростковым засранцем. Это намного лучше.

Спенсер разворачивается полукругом вокруг меня, пока не начинает пятиться назад, а затем исчезает за дверью одной из душевых кабин.

Я колеблюсь мгновение, а затем тихо чертыхаюсь, следуя за ним и запирая за собой дверь.

— Ты сейчас серьёзно? Близнецы прямо за дверью.

— И? — Спенсер бросает свою рубашку на пол, стоя рядом с выложенной плиткой зоной во всей своей мускулистой красе. — Мы встречаемся, они не будут возражать.

Я переплетаю руки перед собой.

Моё тело чувствует жар и нужду, как будто, если я буду бороться с этим и дальше, то сгорю в огне. Но...

— Хотя они могли бы, — шепчу я, и Спенсер хмурится, глядя на меня.

— Почему? — он делает несколько шагов ко мне и кладёт руки мне на плечи, скользя одной из них вверх по шее и обхватывая мой затылок. — Ты им нравишься; я их лучший грёбаный друг. Почему они не хотят, чтобы мы были вместе?

Звук открывающейся двери ванной заставляет нас обоих замереть.

— Поторопись там. Марк устраивает истерику из-за того, что ему нужно отлить. — Эйс Мика. Я не знаю, как у меня получается это определить; я просто могу. Даже голоса у них разные.

— Скажи ему, чтобы он вышел на улицу! — кричит в ответ Спенсер, и вздох Мики эхом

разносится по всей комнате.

— Рейнджер тоже вышел на тропу войны. Он не думает, что вы, ребята, там в достаточной безопасности. Я сказал ему, что тебе просто нужно оторваться, так что давай, поторопись. — Он хлопает дверью, и Спенсер сверкает улыбкой.

— Говорил же тебе, — произносит он, и я чувствую, как моё сердце немного замирает. Близнецы поощряют это? Я имею в виду... это хорошо, верно? Это то, чего я хочу. Я хочу, чтобы они были счастливы, что я встречаюсь со Спенсером. В конце концов, я не могу встречаться больше чем с одним парнем одновременно, верно? Если только это не были бы близнецы. Я думаю, тогда их было бы двое, но это особое исключение.

— Я не... супер разбираюсь в сексе, — шепчу я, и Спенсер смеётся, на мгновение прижимаясь своим лбом к моему, его аромат иссопа и кедра смешивается с запахом отбеливателя и мыла в ванной.

— Я научу тебя, — шепчет он в ответ, а затем стягивает мою рубашку через голову и отбрасывает её в сторону. Его глаза темнеют, когда он осматривает меня, бинты прикрывают мою грудь. — О, Чак-лет, — бормочет он. Не говоря ни слова, я поворачиваюсь, и он берёт конец повязки, заправленный за бретельку моего лифчика, и вытаскивает его. — Покрутись для меня.

— Это слишком похоже на *«Влюблённого Шекспира»*, — стону я, закрывая лицо руками. — Я не могу этого сделать, я слишком сильно ненавижу этот фильм.

Спенсер замолкает, а затем фыркает от смеха, дёргая за повязку с такой силой, что я, спотыкаясь, возвращаюсь в его объятия.

— Это уж слишком, Чак Карсон, — говорит он, аккуратно разворачивая мою утреннюю работу. Белая лента падает на пол, и моё сердце снова начинает бешено колотиться. Задняя часть моего лифчика расстёгивается, и ярко-розовая ткань спадает вперёд, обнажая грудь.

«Я, блядь, не могу дышать», — думаю я, когда Спенсер кладёт ладонь мне на живот. Его рот слишком близок к моему уху. Каждый раз, когда он дышит, я чувствую, как мои волосы развеваются, а колени слабеют.

— Я ненавижу, что вы ввали мне, но очень доволен этим вашим маленьким секретом. — Тёплая ладонь Спенсера скользит вниз по моему животу, и его пальцы ловко расстёгивают ширинку на моих брюках. Он ныряет внутрь, обхватывая меня через ткань нижнего белья. — Я не могу дождаться, когда увижу эти сексуальные маленькие трусики... — а потом он другой рукой сбрасывает мои брюки на пол, открывая не милые кружевные розовые трусики, которые сочетались с лифчиком, который был на мне, а вместо этого пару мужских белых трусов с парой свернутых носков, засунутых в свободную промежность. — Что за чертовщина?

Всё моё тело охвачено пламенем, и я изо всех сил пытаюсь высвободиться из его хватки.

— Просто на случай, если кто-нибудь схватит меня за штаны! — ворчу я, толкая его локтем и не получая ничего, кроме стены из твёрдых мускулов. — Вы, ребята, можете быть мудаками, знаете ли. Не говоря уже об остальной школе. Я и представить не могла, что кто-то может пойти на классический приём запугивания.

Спенсер сжимает мои свёрнутые носки и стонет, прижимаясь ко мне.

— Во второй раз, Чак, я ощупываю твой член, и я так возбуждён. — Он на мгновение замолкает. — Типа, это полностью похоже на фальшь, но в прошлый раз... что именно я хватал?

— Ладно, хватит об этом, — бормочу я, пытаюсь отстраниться. Вместо этого Спенсер

запускает руку в нижнее бельё, чтобы достать носки, отбрасывая их в сторону, прежде чем обхватить моё обнажённое тело, отчего у меня кружится голова.

— Ты прекрасна, Шарлотта Карсон, — бормочет он, проводя пальцем по влажной жаре между моих бёдер. — Нижнее бельё для стариков и всё такое. — Спенсер проскальзывает в меня двумя пальцами, и я вижу цвета, радуги, вспыхивающие перед глазами, когда удовольствие проносится сквозь меня, как летняя гроза.

Он приподнимает меня, обхватив правой рукой за талию, его обнажённая грудь прижимается к моей спине, его зубы покусывают мочку моего уха. Всё моё тело покрывается гусиной кожей, и тихий звук срывается с губ. Мои веки внезапно отяжелели, как будто меня накачали феромонами.

Я чувствую, как бьётся сердце Спенсера у меня за спиной, слышу его прерывистое дыхание, когда он погружает эти два пальца в мою сердцевину, и звёзды танцуют на разноцветных пятнах у меня перед глазами. Это как симфония света внутри меня, все эти падающие звёзды мерцают с головы до ног.

Наше дыхание эхом отдаётся в тихой ванной, и я просто чертовски надеюсь, что сюда никто не вломится и снова не перелезет через стену. Сомневаюсь, что я бы их услышала; у Рейнджера есть все основания для беспокойства.

Правая рука парня скользит вверх и обхватывает тяжёлый холмик моей груди, дразня воспалённую плоть нежными разминающими движениями, его большой палец обводит мой сосок.

Это так приятно, что я теряюсь в ощущениях, настолько, что забываю, где именно нахожусь. Если вдуматься, это довольно рискованное место для такого занятия — в школе для парней, в общежитии для парней, в ванной для парней. И когда убийца, или двое, или трое, разгуливают на свободе?

Мы, должно быть, идиоты.

И всё же я не могу остановиться.

Спенсер отпускает меня и отступает назад. Когда я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него, его бирюзовые глаза темнеют от желания, и он медленно и тщательно снимает с себя остатки одежды.

Я следую его примеру.

Мы оказываемся под обжигающе горячим душем, моя спина прижата к белым мраморным стенам, одна из рук Спенсера на моей заднице, когда он целует меня с порочным желанием, которое превращает мои запреты в пепел. Дело в том, что он целует меня с той же страстью и желанием, что и тогда, когда думал, что я мальчик.

«Чёрт возьми, этот парень действительно завоёвывает моё расположение».

— Почему ты не сказала мне раньше? — бормочет он, уткнувшись лицом в изгиб между моей шеей и плечом. — Я бы понял; я мог бы помочь.

— Я боялась. — Слова вылетают прежде, чем я успеваю их произнести. Как только я произношу их, то не могу решить, имею ли я в виду всю эту историю с загадочным убийством или моё влечение к Спенсеру, мой флирт с близнецами. Всё это. Всё.

— Мы найдём этих кусков дерьма, я обещаю тебе, — говорит он мне, поднимая голову, чтобы посмотреть на меня. Наши взгляды соединяются искрой, которая возвращает меня к жизни, и кажется, что моё тело движется само по себе.

Спенсер разворачивает меня и кладёт мои руки на стену, растопырив пальцы. Он переплетает пальцы своей правой руки с моими, и я вздрагиваю, когда его губы целуют

горячие капельки воды на моих обнажённых плечах.

— Презерватив? — мне удаётся запомнить эту маленькую часть уравнения, даже когда Спенсер прижимается ко мне бёдрами, дразня меня в тех местах, к которым ещё никто никогда не прикасался.

— Чёрт, да, чуть не забыл. — Он ненадолго отпускает меня, и я прислоняюсь лбом к стене, изо всех сил стараясь контролировать дыхание. Я потеряла девственность на прошлой неделе; на этой неделе я стою под горячим душем и жду, когда парень, которого я считала мёртвым, займётся со мной любовью.

Я рисую в голове песок, солнце и прибор. Это намного лучше.

Спенсер возвращается и слегка отодвигает насадку для душа, так что это просто тёплый туман, оседающий на нашей коже. Он проводит руками по моему телу, пока я стою там, дрожа.

— Ты в порядке, Девственник Чак? — спрашивает он с ноткой смеха в голосе. Я киваю, но мне и страшно, и радостно одновременно. Это очень много — пройти путь от той, кто едва добралась до второй базы, до той, кто сейчас голая стоит под горячим душем со своим возлюбленным.

— Просто нервничаю, — шепчу я, и Спенсер обнимает меня сзади, наша гладкая кожа трётся друг о друга, тепло наших тел смешивается. — Но я хочу этого, правда.

— Ты уверена? Вместо этого мы можем вернуться туда и поиграть в Candy Crush с близнецами.

— Ты такой придурок, — ворчу я, но затем он снова опускает руку мне между ног и прикасается ко мне так, как когда-либо прикасалась только я к себе. Однако, когда он делает это, я чувствую себя в сто раз лучше, его пальцы танцуют ритм, который снимает напряжение с моих мышц.

Спенсер целует меня в шею сбоку, используя левую руку, чтобы расположиться у ноющего жара моей сердцевины. Он подаётся вперёд, заполняя меня одним сильным толчком. Вот и всё, мы объединились.

Мои пальцы сжимаются на мокрой плитке стены, когда Спенсер начинает двигаться, устраиваясь всем телом между моих бёдер, его губы дразнят мою шею. Когда он протягивает руку и приподнимает пальцами мой подбородок, мы обмениваемся горячим, беспорядочным поцелуем через плечо, от которого у меня в животе происходит что угодно, превращая его в узел чувств и эмоций, с которыми я даже не могу справиться.

Моя спина выгибается, когда левая рука Спенсера обхватывает мою грудь. Он прикасается к каждой частичке меня, и мне это нравится. Я хочу большего; но я чувствую, что не могу подобраться достаточно близко.

Мы двигаем нашими телами вместе, пока я не начинаю задыхаться и дрожать, а мои колени не обещают прижать мою задницу к полу, если я не сяду. В этот момент Спенсер подхватывает меня на руки и укладывает на полотенце на полу ванной, накрывая моё тело своим горячим телом, от которого исходит пар, его мышцы напряжены и покрыты тёплыми капельками, его таз идеально помещается между моими бёдрами.

Мне нравится чувствовать его на себе, его вес, давление его тела, прижимающегося к моему. На этом полу нет мягкости, так что это совершенно другие ощущения, чем в спальне на прошлой неделе, когда мы оба были погружены в смятение, разбитое сердце и безумие.

Спенсер кончает первым, его тело напрягается надо мной, руки сжимаются на моих бёдрах, когда он изливается в презерватив. Он быстро вытаскивает его, обливаясь потом и

тяжело дыша, и завязывает его.

— Видишь? — дразнит он с ухмылкой, а затем заворачивает его в туалетную бумагу, прежде чем выбросить в мусорное ведро. Прежде чем я успеваю придумать остроумный ответ, он сворачивается калачиком рядом со мной, его рука скользит между моих ног, его губы заявляют права на мои собственные.

Он терпелив со мной, и, хотя это занимает некоторое время, Спенсер добивается от меня оргазма, используя большой и два других пальца, чтобы воздействовать на все мои самые чувствительные места. Его горячий язычок перемещается с моего рта на грудь, заставляя меня дрожать, белые пятна мерцают под моими веками.

Это чувство накрывает меня с головой, эта тёплая волна удовольствия, которая исходит из моего центра и охватывает всё моё тело. Крик начинает вырываться из моего горла, и Спенсер зажимает мне рот рукой.

Слишком поздно.

Дверь в ванную открывается, когда я вскакиваю и хватаю полотенце, как раз вовремя, чтобы близнецы успели вместе выбить дверь в душевую кабинку. Они таращат на нас свои большие зелёные глаза.

— Что случилось? — спрашивает Тобиас, переключая внимание со Спенсера, сидящего голым на полу, на меня, стоящую рядом с ванной в одном полотенце. Я едва могу его видеть, так как каким-то образом потеряла очки, но чувствую этот острый укол ревности. Это щиплет мою кожу, и мне хочется поёжиться. — Мы слышали, как Чак кри... — он обрывает себя, когда в комнату вваливается Мика, наклоняется и поднимает мои запотевшие очки, протирая их о рубашку, прежде чем передать мне.

Я надеваю их на лицо как раз вовремя, чтобы увидеть напряжённое, настороженное выражение лица Тобиаса, когда он собирает всю сцену воедино. Он оглядывает меня, затем переводит взгляд на Спенсера.

— Ты такой придурок, — говорит он, и Спенсер хмурится, глядя на него.

— Извините, что заставили вас, ребята, поволноваться. — Его хмурый взгляд слегка разглаживается в улыбке. — Я и не знал, что Шарлотта такая крикунья.

— Я... Я... нет! — кричу я в ответ, всё ещё дрожащая и бескостная от оргазма.

— Ты «нет»? Это что-то новенькое. — Мика окидывает меня оценивающим взглядом, а затем встречается со мной взглядом, в котором горит вызов. — Настоящий креатив, Чак. А теперь одевай свою задницу, и мы с Тобиасом проводим тебя обратно к директору. Рейнджер хочет вывести Спенсера из себя.

— Серьёзно? — спрашивает Спенсер, когда Тобиас наклоняется и протягивает мне одежду. Затем близнецы вытаскивают голого Спенсера из комнаты и пинком закрывают дверь.

Но то, как они смотрели на меня...

Это ещё не конец, да ведь?

Панихида по Юджину проходит в дальних садах в пятницу, место, куда я практически не хожу. Теперь, когда я вроде как дружу со Студенческим советом или что-то подобное, мне кажется, что кампус увеличился в размерах втрое. Все места, которых я раньше избегала, кажутся открытыми. Я не так беспокоюсь о том, что другие студенты раскроют мой секрет, когда эти ребята стоят у меня за спиной.

Там есть свечи и слёзы, цветы и фотографии. Это и целый стол, уставленный едой. Наша «Запечённая Аляска», которая, кстати, представляет собой фунтовый пирог, покрытый сверху мороженым и безе, а затем, ну, *запечённая*, красиво располагается в центре.

— Это в высшей степени удручает, — говорит Спенсер, куря сигарету в тени деревьев, в то время как мой отец стоит к нам спиной. Мне было трудно смотреть на него весь день. То же самое и с близнецами. Будет намного проще, если я просто втиснусь между Черчем и Рейнджером и притворюсь, что прошлой ночью ничего не произошло.

— Представь, если бы это был ты, — говорю я, и он поворачивается, чтобы посмотреть на меня, лицо скрыто в тени, если не считать оранжевого огонька его зажжённой сигареты. Мой желудок скручивается в узел, и всё, о чём я могу думать — это о том, что бы я чувствовала, если бы он умер, если бы я никогда больше его не увидела.

Я никогда раньше не испытывала такого болезненного чувства потери. Я чувствую, что это серьёзно выбило всё дерьмо из меня и моих эмоций. А потом приходится беспокоиться об этом предполагаемом переезде в Кали? Это уже слишком.

— Это так чертовски угнетает, — шепчет Мика, прислонившись спиной к дереву со стеклянной бутылкой содовой в руке. Он подносит её к губам, и я вижу характерную вишнёвую этикетку на лицевой стороне. Близнецы МакКарти, похоже, равнодушны к вишням.

— Мы можем уйти? — спрашивают они в унисон, поворачиваясь, чтобы посмотреть на Рейнджера, а не на Черча, как они обычно делают. Вероятно, потому, что это казалось ему важным — почтить Юджина и всё такое.

— В городе студенческая вечеринка, — предлагает Черч, и ребята обмениваются взглядами.

Мой папа подходит к столу и берёт нож, нарезает «Запечённую Аляску» и раздаёт кусочки меланхоличным друзьям Юджина.

— Мы можем идти, — говорит Рейнджер, кивая и выдыхая. На его лице выражение мрачного удовлетворения, как будто мы сделали здесь то, что должны были сделать.

— Ты должна пойти как девочка, — предлагают близнецы, сцепляя руки и указывая на меня. Они оба ухмыляются. — Вечеринка в колледже, городские ребята, не беспокойся о том, что твой секрет выйдет наружу.

— Да, хорошо, — отвечаю я, чувствуя этот маленький огонёк возбуждения во всей темноте. Я просто пока отложила в сторону вопрос о Калифорнии; я не собираюсь возвращаться. Папа *должен* увидеть, что мне здесь лучше. — Давайте вернёмся в дом, и я переоденусь.

Мы пробираемся через лес и двигаемся по тропинке, направляясь к повороту, где стоит одна из скамеек. Перед ней расставлено кольцо из красных свечей, и я приподнимаю бровь.

— Далековато от мемориала, а? — спрашиваю я, и тут Рейнджер замолкает, протягивая

руку, чтобы схватить меня за локоть. Он держит крепко, но на удивление нежно, оттаскивая меня на шаг назад.

— Что это, блядь, такое? — шепчет он, и мы все шуримся в сгущающихся сумерках на маленькое птичье тельце в центре круга.

— Это... кровь? — шепчу я, расширяя глаза.

— У этой птицы отсутствует голова, — говорит Черч, скрещивая руки на груди. Рейнджер опускается на колени рядом с кругом из свечей и задувает фитиль, используя его длинную толстую красную часть, чтобы коснуться тела птицы.

— У неё не отсутствует голова как таковая, — говорит он, морща нос. — Она просто не присоединена. — Он указывает на маленький, покрытый перьями комочек неподалёку, и у меня внутри всё переворачивается.

— Зачем кому-то оставлять здесь мёртвую птицу во время поминовения Юджина? — спрашиваю я, и тут до меня доходит, когда я это говорю. — Потому что это они убили его. — Слова произносятся шёпотом, и я клянусь, это похоже на заговор природы против нас. Ветер колышет деревья, от прохладного ветерка у меня по рукам бегут мурашки, когда я скрещиваю их на груди. И тут одна из этих чёртовых сов начинает ухать.

— Это капец жутко, — бормочут близнецы, а затем делают снимок на телефоны, ослепляя нас всех вспышкой.

— Чёрт, это становится странным, — бормочет Рейнджер, вставая и бросая свечу в кучу. — Мы должны сообщить об этом директору.

— Да, и тогда он запретит мне идти на вечеринку сегодня вечером. Давай пока просто уберёмся отсюда, а утром всё ему расскажем. Либо так, либо кто-то другой обязательно наткнётся на это и сообщит. — Я делаю паузу и хмурюсь. На самом деле... Я не могу решить, отнёсся бы папа к этому как к пустякам или воспринял бы это слишком серьёзно. С ним ничего нельзя сказать наверняка. Честно говоря, мне кажется, что любая реакция, которая была бы *наименее* выгодна для меня — это та, которую он всегда принимает.

— Чего я не понимаю, так это какое отношение убийство птицы имеет к, ну, типа, *к чему угодно?* — спрашивает Спенсер, но у меня нет никаких ответов. Похоже, что и ни у кого другого их нет.

— Знаете, в ту же ночь, когда вы, ребята, удивили меня пауками, я пошла в общежитие для девочек и обнаружила красный воск по всему кофейному столику. Я подумала, что вы, ребята, сначала устроились у себя, но потом перешли на кухню...

— Мы никогда там не были, — отвечают близнецы, а затем Тобиас вздыхает.

— Единственный человек, который регулярно ходит в женское общежитие, кроме тебя — это Рейнджер. И мы никому больше не говорили, что это было твоим местом.

— Значит, красный воск... вполне возможно, от тех же психов? — я продолжаю, указывая на кольцо из свечей с мёртвой птицей. И чувствую физическую боль в животе. Кто бы ни был тем, кто наводняет эту школу, он явно сумасшедший. Я имею в виду, не то чтобы это не было очевидно раньше со всей этой «историей с убийствами людей», но на самом деле, жертвоприношение животных? Это такое клише на месте преступления девяностых.

Вместо того чтобы напугать меня, вся эта нездоровая демонстрация только выводит меня из себя.

— Я бы не сказал, что *возможно*, — продолжает Черч низким и ровным голосом. — Я бы зашёл дальше, и сказал, что, *скорее всего*, так оно и есть.

— Ну и нахуй этих придурков, — говорю я, чувствуя, как моё тело накаляется от

гнева. — Я имею в виду, серьёзно? Убийство маленькой, беспомощной птички заставляет их чувствовать себя крутыми? — я поднимаю руки вверх и поворачиваюсь к лесу. — Так ли это? *Пошли вы!* Я не боюсь ни ваших записок, ни ваших свечей, ни чего-либо ещё. Идёмте. — Я поворачиваюсь и иду вниз по тропинке, Студенческий совет следует за мной.

Надеюсь, эти ублюдки меня услышали. Потому что я была серьёзна. Я их не боюсь. И я отказываюсь бежать.

Когда я спускаюсь по лестнице, одетая в короткое тёмно-синее коктейльное платье, парни оборачиваются, все как один, и, клянусь, все они таращатся на меня. Ну, может быть, за исключением Черча. Он просто не похож на человека, который будет таращить глаза.

— Хорошо выглядишь, Чак, — хором говорят близнецы, сверкая одинаковыми улыбками.

— Чёрт возьми, ты горячая штучка, — выдыхает Спенсер, когда Рейнджер слегка краснеет. Он и раньше видел меня разодетой, но, думаю, в ту ночь произошло слишком много событий, чтобы правильно всё осмыслить.

Я краснею и немного кружусь на лестничной площадке, чтобы они могли всё рассмотреть. На мне сексуальные красные туфли на каблуках, на их покупке настояла Моника, я потратила всё до последнего цента из личных денег на шестнадцатый день рождения, а также больше косметики, чем я носила с тех пор, как переехала сюда. Я даже накрасила накладные ресницы и очень быстро нанесла на ногти красный слой, который, знаю, вероятно, сниму перед школой в понедельник. Не то чтобы мальчикам нельзя было красить ногти лаком — Рейнджер иногда это делает — но я просто пока не хочу привлекать к себе такого рода внимание. Я счастлива сохранить секрет в тайне от этой группы прямо здесь.

— Ты прекрасно выглядишь, — говорит Черч, улыбаясь мне и постукивая пальцем по губам. Он на мгновение закрывает глаза, словно наслаждаясь моментом, прежде чем снова медленно открыть свой янтарный взгляд.

— Разве ты не говорил, что собираешься повоевать со Спенсером из-за Шарлотты? Сейчас самое время, братан. — Мика отпрыгивает с пути своего брата, когда Тобиас бросает в его сторону зелёный взгляд.

— О, правда? — спрашивает Спенсер, прислоняясь спиной к стене в дерзкой манере, приподнимая одну тёмную бровь и рукой взъерошивая серебристые волосы. — Ты хочешь сразиться со мной, Тобиас?

— Не совсем, — отвечает Тобиас, скрещивая руки на груди. — Я имею в виду, разве всё, что бы ни случилось, не должно быть решением Шарлотты в любом случае? Вы, ребята, действительно встречаетесь? Похоже, это просто секс.

— О боже мой, — стону я, закрывая лицо руками.

— Это не просто секс, ты, свинья в презервативе, — рычит Спенсер, слегка ухмыляясь в конце, чтобы показать, что он серьёзен лишь наполовину. — Между нами есть кое-что.

— Я бы поспорил, — продолжает Тобиас, засовывая руки в карманы и одаривая Спенсера долгим изучающим взглядом. — У нас тоже что-то было. Ты знаешь, я позволил ей остаться в комнате Эмбер.

Глаза Спенсера расширяются, и он переводит взгляд с меня на Тобиаса, а затем на Мику.

— А что насчёт тебя? — бросает он вызов, пока я пытаюсь сообразить, как выкопать яму и заползти в неё. — Ты тоже хочешь повоевать со мной?

Мика просто выдаёт эту самоуверенную улыбочку, а Рейнджер тихо ворчит себе под нос, явно только что разобравшись со всей ситуацией.

— Ты же знаешь, Тобиас и я всем делимся, — говорит он, бросая мрачный взгляд в мою сторону. То, как он впитывает меня, от пяток до волос, я чувствую это, определённое напряжение в воздухе между нами, которое было той ночью на капоте его машины, это жгучее желание, которое заставляет меня извиваться.

— Ты имеешь в виду, после Эмбер, — поправляет Спенсер, и оба близнеца бросают на него испепеляющие взгляды, которые он встречает в упор.

— Вы, блядь, издеваетесь надо мной? — рычит Рейнджер, становясь между ними троими. — Нам нужно разобраться с убийцами, жертвенными животными и переездом через всю страну, а вы, ребята, боретесь из-за Шарлотты, как самцы в период течки? Господи Иисусе, повзрослейте.

— Знаете, — говорю я, спускаясь по оставшейся части лестницы и останавливаясь перед ними. — Именно поэтому я не хотела быть единственной девочкой в школе для мальчиков.

— Если ты думаешь, что нравишься нам, потому что ты единственная девушка, — начинают близнецы, с удивительной точностью произнося довольно длинное и сложное предложение, — то ты жестоко ошибаешься.

— Ты мне нравилась, когда я думал, что ты парень, — утверждает Спенсер, его ухмылка слегка увядает.

— А я хотел бы убраться отсюда до того, как появится директор и узнает, что мы задумали, — настаивает Черч, а затем мы все замираем при звуке шагов.

— Чёрт.

Я захожу за угол и направляюсь к задней двери, выхожу и тихо закрываю её за собой. Слышу приглушённые голоса внутри, когда прокрадываюсь ко входу и жду, пока ребята выйдут.

— Что вы ему сказали? — шепчу я, когда мы встречаемся прямо перед жёлтым пятном, отбрасываемым фонарём на крыльце.

— Что мы везём тебя на выпуск бумажных фонариков. — Черч засовывает руки в карманы своих тёмно-синих слаксов и лучезарно улыбается. — Похоже, ему было нетрудно поверить, что ты была так зла на него, что сбежала через заднюю дверь.

— Я злюсь на него, — говорю я, бросая взгляд вверх тёмного участка леса, где в ночном небе парят десятки бумажных фонариков. Чёрт. Многим людям действительно *был* безразличен Юджин Мазерс, да? Я чувствую себя полной дурой. — Разве это правильно, что мы идём на вечеринку, когда все остальные, знаете ли, в трауре...

— Мы провели целую неделю в трауре. Я провёл большую часть своей *жизни* в трауре. Пошли. — Рейнджер ведёт нас вниз по дороге, туда, где на краю территории академии ждёт машина.

Это ещё один лимузин, и мои брови поднимаются, но я не спорю.

Когда ребята сказали мне, что мы едем в «город» на студенческую вечеринку, я предположила, что это Бриджпорт или что-то в этом роде (это единственный город в Коннектикуте, о котором я вообще знаю). Но вместо этого лимузин доставляет нас за полтора часа в самое сердце Нью-Йорка.

— Чёрт возьми, — выпаливаю я, когда наша машина останавливается у обочины перед массивным небоскрёбом. Я сразу могу сказать, что это шикарное заведение, со швейцаром и вестибюлем с мраморными полами и бархатными шезлонгами. Да, Тотошка, мы определённо больше не в Натмеге.

— Мистер Монтегю, — приветствует нас швейцар, впуская внутрь, и мои брови поднимаются вверх.

— Ты часто сюда приходишь? — спрашиваю я, и Черч небрежно пожимает одним плечом, всё ещё в униформе Адамсона. Похоже, никого из парней не волнует, переоделись они или нет. Чёрт, может, это что-то вроде символа статуса? У всех них на нагрудных карманах, прямо рядом с гербом Адамсона, маленькие эмалевые булавки в виде чёрной розы. Может быть, они носят форму из уважения к покойному?

У меня перехватывает дыхание, и я очень, очень стараюсь не думать об этом кольце из красных свечей и обезглавленной птице внутри.

Или мёртвом парне, висящем на дереве.

Дрожь пробегает по мне, и я протягиваю руку, чтобы сжать руку Спенсера. Он берёт мою руку и сжимает в ответ, наши пальцы переплетены. Мой взгляд переходит на него, и я краснею.

— Мои родители владеют этим зданием. У меня есть открытое приглашение. — Черч даже не смотрит на меня, когда бросает через плечо эту сочную реплику высокомерия, и я прищуриваю глаза.

— Он самый богатый человек в школе, да? — спрашиваю я, и Спенсер улыбается.

— Совершенно точно. Несравнимо. А что? Думаешь, ты выбрала не того парня?

— Несравнимо, да? — начинаю я, но тут лифт со свистом открывается, и появляется море сверкающих девушек с волосами, как шёлк, платьями, как драгоценности, и лицами, раскрашенными, как у журнальных моделей. Мой желудок сжимается, и я чувствую внутри себя всё того же старого, застенчивого монстра зависти. Я никогда не была самой красивой или популярной, но это было то, чего я всегда хотела.

За исключением того, что потом я смотрю на Спенсера и вспоминаю ту зияющую пустоту в сердце, когда я думала, что он мёртв. Но это не так. Сейчас он здесь, и в тёмном небе парят бумажные фонарики в честь какого-то другого парня, которого я не знала.

Я выдыхаю, и часть этой неуверенности уходит вместе с дыханием.

Может быть... это просто то, чего я *раньше* хотела?

— Дамы, — мурлычет Черч, когда они хихикают и кусают губы, глядя в его сторону.

— Он семнадцатилетний старшеклассник, — выпаливаю я, прищурившись на студенток.

— И что? У нас разница всего в год, — говорит та, что впереди, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня, окружённую парнями. — Кроме того, у тебя есть ещё несколько парней.

Ты могла бы выделить одного или двух, верно? — девушки смеются, а затем обтекают нас, пропуская в лифт, у которого, кстати, тоже есть свой сопровождающий.

— Ты защищала меня от студенток-извращенков? — спрашивает Черч, лучезарно улыбаясь и отбрасывая золотистые волосы со лба. Если бы это было японское аниме, там были бы искорки. Я хмуро смотрю на него.

— Что бы ты сказал, если бы кучка парней из колледжа приударила за мной? Мерзость, правда? Типа, я учусь в старшей школе.

— Многим девушкам нравятся парни из колледжа, — парирует Черч, поднимая свои янтарные глаза к потолку, словно в раздумье. — Моим сёстрам они всегда нравились. Они считали их зрелыми, опытными, чуть-чуть находящимися в сфере запретного. — Он снова переключает внимание на моё лицо и бросает в мою сторону королевскую ухмылку. — Тебя не смутит, если я пойду домой с одной из этих девушек сегодня вечером?

— Они захотят трахнуть тебя только в том случае, если получат и твои деньги тоже, — хором заявляют близнецы, разводя руки в стороны в жесте притворной невинности.

— Верно. — Черч протягивает руку и ослабляет галстук, когда двери распахиваются и по коридору разносится громкая музыка. Рейнджер вздыхает, а затем достаёт пачку сигарет из заднего кармана, предлагая одну Спенсеру.

— Я ненавижу эти вечеринки, — бормочет Рейнджер, но затем они со Спенсером закуривают, и близнецы направляются к открытым дверям. Играет «Isis» Джойнера Лукаса и «Логика», и первое, что я замечаю, когда мы входим — это наркотики.

— Святой, сладкий младенец Иисус, это кокаин?! — я задыхаюсь, и Рейнджер смотрит на меня своими тёмно-сапфировыми глазами.

— Травка, кокс, алкоголь. Довольно стандартный тариф. Вы не устраиваете вечеринок в Калифорнии?

— Я... — начинаю я, но, кажется, *видела*, как Моника и некоторые другие наши друзья охали и ахали из-за связи двоюродной сестры Хизер с каким-то мелким наркоторговцем. Однажды она принесла кокаин на вечеринку, и все попробовали его, кроме меня. — Думаю да.

Но так, как здесь? Здесь люди выстраиваются в очередь на кофейном столике. Или как бы наваливаются друг на друга.

Я чувствую себя не в своей тарелке.

— Это безумие.

— Не беспокойся ни о ком из этих людей, — говорит Спенсер, махая одной рукой, в то время как в другой он держит сигарету. — Это просто фоновый шум.

Близнецы возвращаются с напитками в руках, они оба держат один стакан. Они протягивают его мне, а потом свирепо смотрят друг на друга.

— Мы принесли тебе выпить, — говорят они, когда я протягиваю руку, чтобы взять его, мои пальцы касаются их, и по мне пробегает горячая дрожь. Спенсер внимательно наблюдает за нами, а затем тушит сигарету в пепельнице.

— Ты знаешь, что курение вызывает рак? — я шучу, и он с ухмылкой переводит на меня взгляд своих бирюзовых глаз, обнимая меня за плечи.

— У всех нас есть свои пороки, — признаёт он, ведя меня сквозь толкующуюся, потную толпу к балкону. Здесь есть и другие старшеклассники, одетые в форму, похожую на нашу. Больше всего выделяется *Северо-Йоркская подготовительная школа* (прим. *North-York — Северо-Йоркская*). Они все одеты в белоснежное, девочки и мальчики в безупречно чистых

брюках. Они пристально смотрят на нас, когда мы проходим мимо, и я приподнимаю бровь.

— Что всё это значит? — спрашиваю я, когда Спенсер подводит меня к краю стеклянного ограждения, и мой желудок опасно переворачивается. О Боже. Мы ведь на верхнем этаже, не так ли? После короткого приступа тошноты я делаю шаг вперёд и обхватываю руками металлические перила, которые венчают стеклянные панели. Город вокруг нас живёт, дышит и сверкает. Я была в Нью-Йорке всего один раз, и мне определённо не довелось увидеть его ночью с крыши пентхауса.

— Подготовительная школа в Северо-Йорке — это местный центр мудачья, — сообщает Тобиас, подходя ко мне с другой стороны. — Просто не обращай на них внимания. Они лишь хотят изгнать нас обратно в Бриджпорт. — Он вздрагивает, когда я делаю глоток своего напитка, а затем замечает моё озадаченное выражение лица. — Это как, э-э, Хантингтон-парк для Лос-Анджелеса.

— Ясно. — Я стою там мгновение, а затем поворачиваюсь обратно к городу. — Мы на Манхэттене, да?

— Конечно, — отвечает Черч, устроившись в углу, его длинное тело прижато к стеклу именно таким образом, что, я думаю, если бы кто-то захотел, они могли бы столкнуть его прямо через край. Но его это ничуть не беспокоит. — А куда ещё нам было идти?

Я закатываю глаза, а затем делаю ещё один глоток напитка, уставившись на коктейль с причудливой маленькой веточкой мяты и большим круглым кубиком льда. Ни за что на свете близнецы не смогли бы его сделать.

— Бармен, — шепчет Мика, появляясь с другой стороны от меня. Он протискивается между мной и Спенсером, и я вижу, как Спенсер сильно хмурится. Он от этого не в восторге.

— Бармен, который не беспокоится о том, чтобы обслуживать несовершеннолетних детей, да? — спрашиваю я, а потом осушаю весь бокал и ухмыляюсь. — Весело.

— Давайте выпьем по рюмочке и выпьем за Юджина. Он умер за правое дело.

— Неужели? — спрашивает Спенсер Мику, и они обмениваются взглядами.

— Он умер, чтобы тебе не пришлось этого делать, — отвечает Мика, пожимая плечами, а затем уходит с Тобиасом, и они возвращаются с новой порцией напитков. Мы все поднимаем их в знак уважения. — За Юджина, — говорит Мика.

— За Юджина, — повторяем мы все, а затем переливаем чуть-чуть через край, прежде чем выпить их. Спенсер достаёт свою записку с травкой и раскуривает маленькую стеклянную трубку.

— Разве тебе не положено сначала курить, а *потом* пить? — спрашиваю я, вспоминая вечеринку в честь Дня Святого Валентина, где мы со Спенсером танцевали, а он не знал, что это была я, как в каком-нибудь дурацком эпизоде с Золушкой.

— Только если ты не хочешь, чтобы алкоголь повысил содержание ТГК в... — Спенсер останавливается, чтобы посмотреть на меня, по-настоящему посмотреть. Его бирюзовые глаза расширяются, и часть той боли, которую я видела в коридоре в тот день, выходит наружу. — Ты. Ты... ты та твоя кузина.

— Что за чушь ты несёшь? — спрашивает Рейнджер, переводя взгляд между мной и Спенсером, а мигающие огни от дискобола отражаются на голубых прядях его волос. У него такая ни на кого не похожая внешность, с чёрными тоннелями в ушах и подведёнными глазами, татуировкой, которую я вижу у него на груди теперь, когда его рубашка частично расстёгнута. Но, честно говоря, он выглядит наименее счастливым от того, что находится здесь.

— Кузина, с которой я танцевал на вечеринке у Эверли. Ты... Шарлотта, да, *блядь*. — Спенсер проводит пальцами по волосам, а затем передаёт трубку Тобиасу, как будто он серьёзно передумал её курить. — Ты была прямо перед моим грёбаным лицом, ия *не заметил этого*.

— Вот почему я спрашивала, действительно ли ты хочешь курить это после того, как столько выпил, — уклоняюсь я, и Спенсер бросает на меня взгляд, как будто он одновременно зол и пристыжен. — Кстати, моего дедушку на самом деле зовут Чарли. Некоторые из моих тетушек называют меня Чарли...

— Это безумие, — шепчет Спенсер, проводя ладонями по лицу и затем останавливаясь. Он опускает руки по швам, а затем резко выдыхает. — Я чувствую, что так и не смог по-настоящему разозлиться на вас, ребята, потому что вы все были так расстроены. Но я имею в виду, что всё ещё злюсь. И я снова и снова прокручивал в голове фрагмент того разговора, который у нас был. — Он поджигает свои горячие губы и прищуривает глаза. — Объясните мне про поддельный член.

Близнецы смеются, а Мика расплывается в широкой улыбке.

— Мы подарили Шарлотте имитатор пениса, похожий на тот, который геи засовывают в штаны, чтобы казаться больше.

— Или тот, что иногда используют трансгендерные парни.

— Понятно, — говорит Спенсер, хватая ещё один напиток с проходящего мимо подноса. Я уже упоминала, что вокруг ходят официанты с подносами с едой и напитками? Как будто это какое-то вполне оправданное дерьмо, не похожее ни на одну вечеринку, на которой я когда-либо была раньше. Полагаю, представители высшего света в Нью-Йорке поступают немного по-другому. Я привыкла к холодильникам, полным газировки и пива, лучшей травке в стране по очень низкой цене и песчаным пляжам, освещенным лунным светом и кострами. — Так вот за что я ухватился, да?

— Ты схватил это? — хором спрашивают близнецы, обмениваясь взглядами, а затем снова поворачиваются к нам. Следующим говорит Мика, в то время как Тобиас поджигает губы. — И это сработало? Ты поверил, что он реальный? Видишь, я же говорил тебе, что у него были хорошие отзывы.

— Так вы двое были, типа, увлечены друг другом ещё до того, как ты узнал её секрет? — спрашивает Тобиас, сильно хмурясь в нашу сторону, зелёные глаза темнеют от разочарования.

— А ты был? — парирует Спенсер, вздёргивая подбородок. — Ну, ты знаешь, я имею в виду *после* того, как ты узнал её секрет, поскольку ты знал об этом несколько месяцев.

— Хватит! — кричу я, и, к счастью, музыка слишком громкая, чтобы кто-нибудь, кроме завсегдатаев закрытых вечеринок, мог нас услышать. — Я ненавижу, что вы, парни, были близки, а теперь ссоритесь из-за меня.

— Мы ссоримся, потому что они ввали мне, — рычит Спенсер, в его голосе слышится обида.

— Мы ссоримся, потому что нам обоим нравится Шарлотта, — шепчет Тобиас в ответ, и, клянусь, настроение меняется. «*Дыра, пожалуйста, услышь мой зов и откройся подо мной, чтобы я могла умереть с миром*». Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. — И под обоими я подразумеваю Мику и себя.

Мика выдыхает, когда я открываю глаза, а затем пожимает плечами, почти извиняющимся тоном, когда смотрит на меня.

— Ты создала симпатичную картинку на капоте моего «Ламбо», — говорит он, и Спенсер сильно хмурится. — Но мой лучший друг чуть не умер. Прости, но я не могу ссориться с ним из-за девушки, даже такой хорошенькой, как ты, Чак.

— Вам действительно нравится Шарлотта? — спрашивает Спенсер с таким видом, словно он тоже с радостью согласился бы нырнуть в прорубь. Он откидывает голову назад и проводит руками по лицу. — Чёрт возьми.

— Разве меньше трёх часов назад я не отчитывал вас, ребята, за это дерьмо? — Рейнджер огрызается, раздувая ноздри. Он суёт по бокалу в руки Спенсеру и Тобиасу. — *Оставьте это.* Это не ваш чёртов выбор.

— Я просто хочу, чтобы Шарлотта знала, что она мне нравится, — говорит Тобиас, проводя рукой по своим колючим оранжево-рыжим волосам на затылке. Он выглядит почти... застенчивым.

— Мы должны провести соревнование, — говорит Черч, появляясь с... ну, чем-то, отдалённо напоминающим кофе, в руках. Вероятно, ирландский кофе или что-нибудь ещё с добавлением алкоголя. — Как мы всегда делаем, когда у нас возникают разногласия между членами Студенческого совета.

— Соревнование? — спрашиваю я, приподнимая бровь. — Эм, например, за мою руку и сердце? Мы просто встречаемся.

— Просто? — Спенсер вздрагивает, глядя на меня. — Нет никакого просто. Ночью ты была со мной в той постели, в той ванной. У нас безумная химия. Ты ведь знаешь, что напряжение между нами ненормально, верно? Я никогда ни к кому в своей жизни не испытывал таких сильных чувств.

Мой рот дёргается, но близнецы обмениваются взглядами, а затем пожимают плечами.

— Если это пейнтбол, то мы в деле. Давай поиграем в пейнтбол.

— Вы хотите сыграть в пейнтбол... чтобы побороться за моё расположение? — спрашиваю я, и Спенсер стискивает зубы. — Это самое тупое дерьмо, которое я когда-либо слышала. Нет.

— Я сделаю это, — говорит Спенсер, вызывающе вздёргивая подбородок. — Я буду драться с вами за Шарлотту.

— Только, привет, новостная лента: это *мой* выбор, — ворчу я, и Рейнджер бросает на меня сочувственный взгляд. Мы обмениваемся долгим молчаливым выражением лица в стиле *эти парни — идиоты*, прежде чем я поворачиваюсь обратно к Спенсеру.

— Признайся: тебя интересуют эти дырочки для пенисов, — говорит мне он, но его взгляд направлен на его друзей, а не на меня. — А как насчёт такого? Если я выиграю, останемся только мы с Шарлоттой. Если вы, ребята, выиграете, она сможет... типа, я не знаю, заняться своим гаремом наоборот на некоторое время, пока она не решит, кто ей больше нравится.

У меня отвисает челюсть. Даже Рейнджер и Черч выглядят немного шокированными.

— Серьёзно? — спрашивает Рейнджер, как будто он даже представить себе не мог, что друг сделает подобное предложение. — Ты такой же ревнивый, как и они. Тобиас и Мика настолько ревнивы, насколько это возможно. Это никогда не сработает.

Но потом я перевожу взгляд между Спенсером и близнецами и вижу, что между ними что-то произошло за последние несколько недель. Они действительно лучшие друзья, и братья МакКарти думали, что потеряли лучшего друга навсегда. Это меняет людей, такого рода травмы. Чёрт возьми, это изменило меня. Они заботятся о Спенсере, а он заботится о

них.

Это касается не столько меня, сколько их отношений друг с другом.

— Соревнование по пейнтболу? — спрашиваю я, а потом вздыхаю. Это примерно так же глупо, как и все обычные мероприятия Кулинарного клуба/Студенческого совета. Я не удивлена. — Я полагаю, это не повредит.

— Приготовься к тому, что тебе надерут задницу, — говорит Мика, ухмыляясь другу. — Мы никогда раньше не боролись из-за девушки. Это должно быть весело.

— Как обычно бывает на мероприятиях Студенческого совета, подобных этому, мы все будем участвовать, — добавляет Черч, задумчиво дотрагиваясь до своего подбородка. Я чувствую, как мои щёки краснеют, когда перевожу взгляд с него на Рейнджера. Ни один из них не ведёт себя так, будто я им особенно интересна, но они тоже собираются присоединиться к дуэли, да? — Росс может быть судьёй.

— Эй, эй, эй, — говорит Спенсер, скидывая руки. — Теперь я должен победить вас всех четверых?! — он бросает на меня взгляд, и я улыбаюсь, целуя его в уголок рта. Его руки опускаются на мои бёдра, и я чувствую, как он смотрит на друзей поверх моего плеча.

— Рейнджер и Черч здесь только для того, чтобы сравнять счёт, — говорю я, потому что не могу представить, чтобы они играли по какой-то другой причине. Представьте себе, весь Студенческий совет Академии Адамсон ссорится из-за меня. Это просто смешно. — Но как это будет, когда оба близнеца и всё такое?

— Один из нас останется в стороне, — говорят они вместе, обмениваясь одним из тех тайных взглядов близнецов.

— Завтра ровно в двенадцать мы встретимся в доме директора и отправимся в пейнтбольный парк. — Черч допивает кофе, а затем, проходя мимо, отставляет его на подносе, и улыбаясь при этом по-настоящему озорной улыбкой. — А теперь я отправляюсь на поиски тех студенток, — говорит он, и Рейнджер хмыкает, следуя за ним. Они вдвоём исчезают в толпе, и я чувствую, как мой желудок сжимается от беспокойства.

Это глупо.

Совет мне не принадлежит.

Но мне кажется, что так оно и есть. Какой-то тёмной, тихой части меня нравится быть единственной девушкой в их мире. Я чувствую себя защищённой в школе, как будто у меня есть своя команда. И я не хочу, чтобы моя команда спала со студентками.

— Они не собираются подцеплять девушек, пока ты здесь, — говорит Тобиас, наблюдая, как его друзья пробираются сквозь толпу. Он снова поворачивает ко мне лицом и улыбается. — Доверься мне.

— Почему нет? — спрашиваю я с искренним любопытством, всё ещё находясь в объятиях Спенсера. Не уверена, как я отношусь к этой истории с дуэлью. Когда я думаю об этом, у меня порхают бабочки. Я более чем счастлива только со Спенсером, но каково было бы иметь всех их? Я не осмеливаюсь даже думать об этом.

«Ты просто эгоистичная соплячка», — говорю я себе, и на самом деле, это последнее, кем я хочу быть. Это прежняя Шарлотта. Новая... Я всё ещё пытаюсь выяснить, кто именно она такая.

— Я не знаю, — продолжает Тобиас, глядя на Мика, который пожимает плечами. — Это просто кажется неправильным. Они, наверное, отправились придирается к соплякам из Северо-Йоркской подготовительной школы. Пойдём. — Он указывает подбородком в сторону танцпола, а затем протягивает мне руку. Спенсер бросает на него взгляд, а затем

убирает руки с моих бёдер.

— Иди, — говорит он, одаривая меня своей коварной ухмылкой. — Эти идиоты мне не угроза. Два дня «свиданий» с этими придурками, и ты бы покончила с этим клише о близнецах.

Я позволяю Тобиасу увести меня на танцпол, но пока мы двигаемся, я замечаю, что остальные наблюдают за мной.

И не только Мика и Спенсер.

Черч и Рейнджер.

Я никогда даже не осмеливалась о таком подумать...

Глава 13

В субботу папа будит меня, как будто сегодня учебный день, срывает с меня одеяло после пятой или шестой попытки вырвать меня из моего, по общему признанию, постыдного сна об оргии с участием всех пяти парней из Студенческого совета. Я стону и, шаркая ногами, спускаюсь вниз в розовом халате, плюхаясь в кресло за столом. У меня ужасное похмелье, и я чертовски раздражена, хотя прошлая ночь была весёлой. Интересная, но весёлая.

Коробка хлопьев, миска с ложкой и немного обезжиренного молока.

Обычно, когда папа вываливает на меня плохие новости, он пытается умастить меня вкусной едой. Сегодня это не так. Мой нос морщится, когда я беру коробку с хлопьями и изучаю лицевую сторону.

Это какая-то полезная хрень из гранолы. Я ставлю её обратно на стол и отодвигаю миску.

— Почему я встаю ни свет, ни заря в субботу? — спрашиваю я, моё сердце бешено колотится, когда я думаю обо всей этой истории с Калифорнией. Я всё ещё пытаюсь найти новый взгляд на ситуацию, но у меня с этим проблемы. Каждый аргумент, который я выдвигаю, папа, кажется, опровергает.

— Я хочу услышать твоё решение, — говорит он, садясь во главе стола, где он всегда сидит. Я просто смотрю на него в ответ.

— Серьёзно? — спрашиваю я, чувствуя, как моё сердце начинает бешено колотиться. — Я же сказала тебе: я не хочу покидать Адамсон. Мне здесь *нравится*.

— И иногда, став взрослыми, мы должны принимать решения, нравится ли нам поставленный перед нами выбор или нет. Санта-Круз или Лос-Анджелес, Шарлотта.

Я изумлённо смотрю на него, сидящего там, сложив руки на столе.

«Злой, ненавистный диктатор-людоед, Член директората», — думаю я, пытаюсь сдержать худшие мысли при себе.

— Ты что, типа, пытаешься отправить меня уже завтра куда-нибудь или как?

— Это было бы идеально, — говорит он, и моё сердце разрывается пополам.

— Что?! — я с трудом сдерживаюсь, чтобы не схватить вилку и не запустить ею в него. — Это полная хрень собачья.

— Как и твой язык. Говори, как взрослый человек, и я продолжу относиться к тебе как к взрослой. — Папа откидывается на спинку стула, наблюдая за мной сквозь очки, голубые глаза суровы, рот сжат в тонкую линию. — Если ты не сделаешь выбор, мне придётся сделать его за тебя, а я не хочу этого делать.

— Почему ты так решительно настроен уничтожить любой мой шанс быть счастливой? — спрашиваю я, чувствуя, как наворачиваются слёзы. — Я была счастлива в Санта-Крузе; сейчас я гораздо счастливее здесь. И всё же ты, кажется, хочешь перевозить меня только тогда, когда тебе это удобно. Папа, *пожалуйста*. Если ты прогонишь меня на этот раз, я никогда тебя не прощу.

— Мне жаль, но моё решение окончательное.

Я просто смотрю на него, сидящего там, как будто ему насрать на мои чувства, такого холодного, пустого и стерильного.

— Неудивительно, что мама пристрастилась к наркотикам. Ты серьёзно ебнутый

мудак. — Я встаю и направляюсь к лестнице, игнорируя его крики, когда он зовёт меня. Я запираю дверь, загораживаю её стулом и переодеваюсь в форму. Может, сегодня и суббота, но у меня сегодня много дел.

Слёзы текут по щекам, когда я собираю одежду, и в конце концов сажусь на край кровати, закрыв лицо руками. Я не хочу покидать Адамсон или его причудливый Студенческий совет. Может, они и богатые засранцы, но они ещё и весёлые.

Зная моего отца, он пришлёт сюда полицию, чтобы сопроводить меня в самолёт, если я буду сопротивляться.

Иногда я его ненавижу.

После того, как одеваюсь, я отправляю сообщение парням, а затем выскальзываю через заднюю дверь, чтобы встретиться с ними.

Они все одеты в джинсы и свитера несмотря на то, что на улице солнечно — всё для матча по пейнтболу, который должен состояться сегодня. Я пытаюсь скрыть меланхолию на своём лице, но эти придурки слишком пронизательны.

— Ты уезжаешь, не так ли? — спрашивает Черч, глядя на меня прекрасными янтарными глазами. Он одет в джинсы, коричневые ботинки и толстовку кремового цвета, которая подчёркивает яркие крапинки в его глазах и естественные блики в волосах. Он внимательно наблюдает за мной, когда я киваю. — Когда?

— Завтра.

Слово срывается с моих губ, как проклятие, и близнецы обмениваются взглядами. Выражение лица Спенсера наполовину выражает ужас, на две части — ярость.

— Ни за что, чёрт возьми. Я не позволю ему отослать тебя! — огрызается он, но даже когда парень захватывает меня в тесные объятия, я знаю, что никакая страсть или мольбы Студенческого совета не удержат меня здесь. Есть причина, по которой я избегала этого спора, ха? Потому что знала, что не выиграю. Старая Шарлотта закатила бы истерику, попыталась бы сделать что-нибудь ребяческое или мстительное, чтобы заставить Арчи сдаться. Никогда не получалось, но она хотя бы попыталась. Новая Шарлотта... Ну, как я уже сказала, я всё ещё пытаюсь точно выяснить, кто она такая, но я не добьюсь своего, устраивая истерику.

— Он, должно быть, знает что-то, о чём не говорит тебе, — произносит Рейнджер, вытаскивая камень из кармана и держа его между двумя пальцами, его ногти выкрашены в сапфирово-синий цвет.

«Эмо-придурок», — думаю я, но не могу удержаться от того, чтобы не оценить его с головы до ног, полностью в чёрном цвете, в комплекте с боевыми ботинками.

— Кстати, я вспомнил, где видел этот символ раньше.

— Правда? — я моргаю, на мгновение забывая о страхе перед неизбежным переездом. А вот близнецы и Спенсер, они все дымятся, как чайники. — Где?

— Моя мать большую часть времени отказывается признавать, что Дженика вообще существовала, поэтому я попросил нашу домработницу прислать мне фотографии из её дневника. В середине было несколько страниц, которые были склеены, когда я впервые получил их. Мне удалось разъединить их, но тогда я не придавал этому особого значения, как будто она пролила напиток на книгу или что-то в этом роде. — Рейнджер выдыхает и поворачивает камень, разглядывая рисунок на верхней части. — Но я думаю, что она сделала это нарочно, спрятала эти страницы.

— Почему? — спрашиваю я, засовывая руки в карманы брюк, когда ветерок ерошит мои

волосы.

— Потому что она нарисовала это на одном из них. — Рейнджер достаёт телефон и протягивает мне оба предмета, чтобы я могла сравнить их.

Чёрт возьми.

Он прав.

Символ на камне и тот, что в дневнике... они — одинаковые.

Несмотря на двойную сенсацию — мой переезд и камень — мы всё равно направляемся в пейнтбольный парк. Хорошо, что Росс ждал нас в лимузине, потому что, как только мы сели, то все замолчали; он заполнил пустое пространство болтовнёй.

— Если в тебя попадут пейнтбольным мячом, ты вылетитишь. Это должно быть настоящее попадание, по крайней мере, в четверть размера, — продолжает Росс, размахивая руками. — Случайные капли не считаются.

— Я это уже слышал, — смеётся Мика, когда его брат поднимает пейнтбольное ружьё к плечу и ухмыляется. — Да, да, мы понимаем это. В тебя стреляют, ты выбываешь. Побеждает последний оставшийся в живых.

— И что именно он выиграет, зависит от меня, — говорю я, скреживая руки на груди и вздёргивая подбородок. Я стараюсь не думать о том факте, что пробуду здесь всего один день. Это слишком душераздирающе; я не хочу в это верить. — А теперь идите и обрызгайте друг друга яркой краской в рамках какого-то странного ядовитого мужского ритуала.

Спенсер смеётся и кивает, опуская пластиковый капюшон на своей маске.

Я могу сказать, что он всё ещё думает, что найдёт какой-нибудь способ удержать меня здесь. Черч и Рейнджер, похоже, гораздо лучше понимают ситуацию, хотя я по-прежнему не могу до конца понять их мотивацию участвовать в этой глупой дуэли, или соревновании, или как вам угодно это называть.

— Это официальное заседание Студенческого совета, — продолжает Росс, набирая что-то на телефоне. — Протокол и результаты будут записаны. Займитесь этим, парни. — Он кладёт телефон на стол перед собой и хлопает в ладоши.

Ребята спускаются с холма в сторону поля, а мы отдыхаем в маленьком кафе с большими стеклянными окнами. Отсюда открывается прекрасный вид на всё происходящее, и я устраиваюсь поудобнее, чтобы понаблюдать.

— Могу я предложить тебе что-нибудь выпить? — спрашивает Мика, постукивая пальцами по столешнице и ухмыляясь мне. — Я знаю девушку, которая работает за прилавком. Она даст нам всё, что мы захотим.

— Сегодня на улице холодно — а это *не то*, как я люблю проводить свои апрельские дни, — так что, полагаю, горячее какао не помешает.

Он кивает и уходит, на мгновение оставляя меня наедине с Россом.

— Ты действительно уезжаешь, да? — спрашивает он меня, не отрывая взгляда от поля. Предполагается, что он рефери, судья или кто-то в этом роде, но всё же он сидит здесь, в тёплом здании, вне опасности. Фигурально.

— Я не знаю, что делать. Если папа говорит, что я не могу остаться, что я могу сделать? Физически отказываться двигаться? Он прикажет Натану оттащить меня, брыкающуюся и кричащую, возможно, позвонит в полицию и скажет им, что я прогульщица или что-то в этом роде. — Я подпираю голову рукой, наблюдая, как четверо парней расходятся по четырём углам поля. Раздаётся звуковой сигнал, и все они начинают шнырять вокруг, как будто они на войне.

Улыбка изгибает мои губы, быстро сменяясь хмурым выражением.

— Знаешь, я слышал, как твой папа разговаривал об этом с мистером Мерфи и мистером Дэйвом. — Мои уши наостряются при этих словах, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на Росса. Он слишком занят тем, что смотрит в окно, чтобы заметить это, поэтому продолжает говорить небрежно, как будто в этом нет ничего особенного. — Вчера в библиотеке. Они думали, что все ушли на ночь, но, как у помощника Студенческого совета, у меня есть ключ, который позволяет мне приходить в нерабочее время. Почти уверен, что они забыли об этом. — Он хихикает, а затем смотрит в мою сторону, наконец замечая выражение моих широко раскрытых глаз. — В чём проблема?

— О чём именно они говорили? — спрашиваю я, наклоняясь вперёд, табурет скрипит подо мной. Это может быть важно. Безумно. Это изменит правила игры.

— Мистер Дэйв и мистер Мерфи подбадривали и поздравляли директора с его решением отослать тебя. Дело в том, что все они в какой-то момент перепутали и сказали *она* или даже Шарлотта. Оба учителя знают твой секрет. Весь персонал знает?

У меня отвисает челюсть.

Предполагается, что об этом знают только руководители отделов. Я думаю... тогда мистер Мерфи знал бы об этом. Но мистер Дэйв? Он библиотекарь. Он ничего не должен знать об этом. Меня пробирает озноб, и у меня перехватывает дыхание. Все его сердитые взгляды и ворчание, его злость на меня за то, что я заглядываю в ежегодники... Что, если это он пишет те записки?

— Принёс твой горячий какао, — говорит Мика, ставя кружку на стол. Там огромная гора взбитых сливок, посыпанных радужной посыпкой. Я улыбаюсь.

— Спасибо, — отвечаю я, когда он протягивает Россу воду с долькой лимона и расслабляется с пивом для себя. Думаю, он был прав насчёт наличия связей. Я оглядываюсь и вижу, как девушка за прилавком разглядывает его. Я ощетиливаюсь, хотя и говорю себе, насколько это нелепо. — Росс только что рассказал мне кое-что интересное.

— О, да? — спрашивает Мика, устраиваясь в позе «плохой мальчик», он занимает в десять раз больше места, чем положено человеку по праву, вытянув ноги, сложив руки за головой, просто развалившись на фоне кафе, как будто он здесь хозяин. Кого я обманываю? Монтегю, вероятно, и вправду владельцы.

Я указываю на Росса, и помощник члена совета вздыхает, кратко излагая свои наблюдения.

— Не мог бы ты оставить нас на секунду? — спрашивает Мика, когда Росс заканчивает. Он смотрит на нас обоих, приподняв бровь, но берёт свой напиток и идёт к столику в конце ряда, чтобы продолжить наблюдать за эпической битвой внизу. Я тоже наблюдаю, мой

желудок скручивает нервный узел, который я, кажется, не могу распутать. Я хочу, чтобы победил... кто? Спенсер? Он легко мог бы стать любовью всей моей жизни (я знаю, знаю, мне семнадцать, и это звучит чертовски глупо, не так ли?). Во всяком случае, он мог бы им стать.

Но близнецы... они интригуют. Я почувствовала искру между нами; я чувствую её до сих пор.

Ах.

Коди был таким... Я не хочу сказать тупым, но тупой — это то, что первым приходит на ум. Отношения с ним были лёгкими. Теперь я знаю, это потому, что я и близко не заботилась о нём так сильно, как, по сути, о любом из моих новых друзей, но, чёрт возьми, всё это романтическое дерьмо такое сложное.

— Как ты думаешь, мистер Дэйв мог бы быть Адамом? — спрашиваю я, и Мика наклоняется ко мне, кладя локти на стол, зелёные глаза сверкают. Как бы мне ни было неприятно это признавать, но в его жестокости есть что-то такое, что привлекает меня. Этого не должно быть. Нет, это должно заставлять меня бежать в другом направлении, но кому не нравятся время от времени немного плохих парней?

— Он мог бы быть, но он такой мудака, что это просто кажется слишком очевидным, верно?

— Но он знает мой секрет, а он не должен, — добавляю я, разинув рот, когда Черч попадает Спенсеру в спину, разбрызгивая повсюду розовую краску. Я сижу там в полном шоке, когда он срывает свой шлем и с силой швыряет его в гигантскую кучу тюков сена. Поэтому, как он срывается с места, совершенно ясно, что он *чертовски зол*.

— Ах, чёрт, я так и думал, что это произойдёт, — растягивает Мика, подпирая голову рукой, постукивая длинными пальцами по щеке и ухмыляясь. — Он будет в полном бешенстве. Лучше поостеречься. Тебе нравится трахаться в гневе? Держу пари, ты могла бы получить что-нибудь стоящее, если бы обратилась к нему сейчас.

— Ты такой... писсуарный пирог, — ворчу я, и Мика ухмыляется.

— Мистер Дэйв, да? Мы тоже можем присмотреть за ним. Это ведь не повредит, верно? По крайней мере, когда ты уедешь из Адамсона, нам не придётся так сильно беспокоиться.

— Откуда ты знаешь, что убийцы не придут за тобой в следующий раз? Если мы не знаем их мотивов, мы не знаем, за кем они охотятся и почему. — Я не отрываю взгляда от соревнований, пока Спенсер запрыгивает на край ограждения, чтобы понаблюдать.

Теперь, когда он проиграл... всё будет зависеть от меня, хочу я встречаться с близнецами или нет.

Так много давления.

Потом я понимаю, что меня здесь вообще не будет, так что о свиданиях с кем бы то ни было не может быть и речи. Я уеду, и они совсем забудут обо мне. Жизнь — отстой.

— Я не знаю, но мы *знаем*, что они заинтересованы в тебе. — Мика поворачивается, чтобы посмотреть на меня с почти озадаченным выражением на лице, его красно-оранжевые волосы блестят на свету. — Кажется, все в тебе заинтересованы. Интересно, почему это так? Честно говоря, ты немного придурочная.

— Как будто ты нет? — парирую я в ответ, покусывая нижнюю губу. По крайней мере, если я выберу Санта-Круз, я смогу видаться с близнецами во время каникул и всё такое, верно? Может быть, даже на всё лето? — Ты или Тобиас когда-нибудь встречались с этой девушкой Эмили? — я не уверена, почему задаю этот вопрос, или почему меня это вообще

волнует, но вот он, висит в воздухе между нами, как дым.

Мику, похоже, это не беспокоит.

— С кем? — спрашивает он, и я почти улыбаюсь.

— Девушка, которая была с тобой на кухне тем утром, та, что продолжала называть тебя Тоби. — Он на мгновение моргает своими зелёными глазами, а затем переводит внимание с поля на моё лицо.

— Чёрт возьми, нет. Я едва знаю, кто это. Люди постоянно заглядывают на наши вечеринки, но я не могу утруждать себя запоминанием моря любителей целовать задницы и золотоискателей. Слишком много работы.

— Ты спал с ней? — и ещё один вопрос, который мне не следовало задавать. На самом деле, это не моё дело. Я отвожу глаза от лица Мики и ненадолго сосредотачиваюсь на кирпичном полу под моим стулом.

— Нет. А что? Ты что, приревновала?

Я фыркаю.

— Мне было бы всё равно. — Я поправляю очки на носу, и Мика ухмыляется, протягивая руку и снимая их с моего лица. Я пытаюсь забрать их обратно, но он держит их вне пределов моей досягаемости. — Если ты не отдашь их обратно, я ударю тебя по яйцам.

— По крайней мере, ты будешь к ним прикасаться, — мурлычет он, пахнущий терпкой вишней и всякой ерундой. Я с радостью поглощаю этот аромат. — Почему ты так сильно волнуешься об Эмме, если не ревнуешь?

— Эмили, — поправляю я, и Мика встаёт, слишком высокий для своего же блага. Мне придётся залезть на него, как на дерево, чтобы вернуть очки. Это не та идея, против которой я целиком и полностью выступаю... — Мне просто было любопытно. На самом деле это не моё дело. Мне не следовало даже спрашивать.

— За исключением того, что ты это *сделала*, — говорит он, возвращая очки мне на лицо, хватая за плечи и поворачивая лицом к окну. Мика наклоняется и дышит мне в ухо. — Ну, ты только посмотри на это. — Я разеваю рот, когда понимаю, что за те десять секунд, что я не смотрела, Тобиас успел подстрелить *и* Черча, *и* Рейнджера.

Он победил.

Он, блядь, победил.

— Теперь ты можешь поцеловать меня и не чувствовать себя виноватой из-за этого, — говорит Мика, когда Росс подбадривает и свистит, махая парням через окно.

Чёрт.

Суровое место. Почему ты так мучаешь меня?

Мика наклоняется ко мне, но я танцую в сторону от него, ожидая, пока остальные поднимутся на холм.

— Ты видела это дерьмо?! — зовёт Тобиас, врываясь в комнату и подхватывая меня на руки прежде, чем я успеваю даже подумать о том, как мне следует реагировать. Он целует меня в губы — *крепко* — и я чувствую, как во мне вспыхивает огонь, наполовину вызванный чувством вины, наполовину неподдельной похотью.

Спенсер хмурится, когда его друг ставит меня на пол, торжествуя ухмыляясь. Черч выглядит довольным, как кот, получивший сливки, а Рейнджер, похоже, просто раздражён всей ситуацией.

— Теперь, когда с этим покончено, нам просто нужно придумать, как удержать Чака здесь, — продолжает Тобиас, но очевидно, что Спенсер настроен по-другому. Он смотрит на

меня своим прекрасным взглядом, и я не могу устоять, подхожу к нему и позволяю ему обнять меня. Я чувствую, что остальные наблюдают за мной, но не двигаюсь.

— Я не изменница, — говорю я ему, и он смеётся, ероша мои волосы.

— Никогда не думал, что ты такая. А ещё я не лжец. Я сказал то, что имел в виду. Если ты хочешь... Я не знаю, исследовать это дерьмо с этими придурками с палочками корицы, тогда ладно. — Он отталкивает меня на шаг назад и так глубоко заглядывает мне в глаза, что я чувствую, будто падаю. — Я не боюсь. У нас здесь кое-что есть, Чак-лет. Как только ты проведёшь с ними время, ты это поймёшь.

— Придурки с палочками корицы? — спрашиваю я, потому что, да ладно, это странно даже для меня.

— Они рыжие, поэтому у них красные лобки на членах, поэтому, знаешь ли, они похожи на палочки корицы. — Я фыркаю и прикрываю рот рукой, но сдержать это трудно.

— Пошёл ты, Спенсер, — говорит Тобиас, когда Рейнджер подходит к стойке, чтобы что-то заказать.

— Вы уже рассказали ей об Эмбер? — парирует Спенсер, и без того прищуренные глаза Тобиаса превращаются в щёлочки. — Вы не сможете встречаться с Чаком, если не расскажете ей об Эмбер.

— А что тут можно рассказать? — Тобиас плюёт в ответ, а Мика хмурится. Они никогда не выглядели менее синхронно, чем сейчас. Это приводит в замешательство. *«Ты знаешь, я позволил ей остаться в комнате Эмбер»*. Должно быть, это большое дело, если они разбрасываются именем этой девушки, как будто она — всё, в конце концов. Тобиас смотрит мне прямо в лицо, и по мне пробегает дрожь. — Я встречался с девушкой, которая мне действительно нравилась. Она... — он пожимает плечами и проводит руками по лицу. — Мика и Эмбер трахались у меня за спиной.

Мои глаза расширяются, и Мика чертыхается, выплёскивая остатки пива и выбегая из комнаты прежде, чем я успеваю подумать, что ответить. Несколько случайных комментариев и аргументов, с которыми я столкнулась, имеют теперь гораздо больше смысла, например, когда Тобиас говорил о том, что Рейнджер хотел защитить наследие своей сестры, независимо от того, что она сделала, а Мика разозлился и... ну, в общем, сбежал, как он только что сделал.

Затем был комментарий Спенсера о близнецах, которые говорили, что у них общие девушки — *начиная с Эмбер, ты имеешь в виду*.

У меня такое чувство, будто я только что разворошила муравейник.

— Мы можем, пожалуйста, поговорить о чём-нибудь другом? — Тобиас стонет, взъерошивая волосы. Его глаза встречаются с моими. — У нас чуть больше суток, чтобы решить, что делать с твоим отцом.

— Может быть, если я скажу ему, что встречаюсь со Студенческим советом, он сдастся и позволит мне остаться? — я шучу, и Росс издаёт насмешливый звук себе под нос.

— Не со всем Студенческим советом, милая, — говорит он, бросая на меня взгляд, а затем выходит с напитком на улицу. Как только дверь закрывается, он отвечает на телефонный звонок и прислоняется к стене здания.

— Есть какие-нибудь идеи? — спрашивает Спенсер, скептически глядя на Тобиаса. — Я имею в виду, мы же не можем позволить нашей девушке улететь через всю страну, верно? — он опирается о стену, принимая газировку, которую Рейнджер приносит ему. Черч присоединяется к нам, и мы стоим небольшим кружком в тихом кафе. Единственные

посетители, кроме нас, сидят в дальнем углу, хихикают и заигрывают друг с другом. М-да.

— Я уже пытался подкупить директора, — добавляет Черч, поднимая глаза к потолку и размышляя, помешивая кофе со льдом, отчего кубики звякают о стакан. — Не сработало. А если попросить вашу матушку пригрозить, а, Тобиас?

— Нет, если я попрошу об этом, она отправит меня в какое-нибудь военное училище, — говорит он, хмурясь, и я приподнимаю бровь. Недавно у меня была такая же мысль, только о себе. Интересно, что он делал до приезда сюда, чтобы заслужить такой уровень недоверия со стороны мамы? — Ты уверен, что не хочешь, чтобы мы все отправились туда?

— Директор что-то знает, — повторяет Черч, и я хмурюсь. Я не хочу верить, что папа каким-то образом замешан во всём этом дерьме. Итак, я передаю то, что рассказал Росс о мистере Мерфи и мистере Дэйве. Рейнджер и Черч обмениваются взглядами, но я не могу понять, о чём они думают.

— Может быть, мы начнём с этого — допросим их двоих? — спрашивает Спенсер, но всё это кажется таким безнадёжным.

Я нутром чувствую: вернусь в Калифорнию.

— Я поговорю с ним ещё раз, — говорю я, но особой надежды у меня нет.

Арчи Карсон такой же упрямый, как и я.

Набрав мамин номер, я ничего не добиваюсь. Она снова его поменяла. И когда я спускаюсь вниз, чтобы попросить папу дать мне её новый номер, он одаривает меня таким взглядом.

— Любые твои увещевания матери за моей спиной ничего не изменят.

Я скрещиваю руки на груди.

— Почему?

— Шарлотта, я объяснял это много раз. — Он встаёт из-за стола, собираясь снова убежать. Да, он определённо лжет. Мой отец не любит отступать от споров, особенно тех, в которых, как он уже знает, что победил. — Сейчас я буду бронировать тебе билет на самолёт, так что, если у тебя есть какие-то предпочтения, мне нужно знать.

Он начинает идти, и я следую за ним, вытаскивая камень из кармана.

— Ты знаешь, что это такое? — спрашиваю я, и он быстро берёт его, изучая мгновение, прежде чем вернуть мне.

— Нет, не знаю. И, честно говоря, я не понимаю, какое это имеет отношение к чему-либо. — Я хмурюсь, но всё равно снова кладу камень в карман.

— Я встречаюсь со Спенсером, — говорю я, просто для пущего эффекта. Папа никак не реагирует, проходит в кабинет и садится за стол.

— Ещё одна причина для твоего отъезда, — бормочет он себе под нос, открывая

авиакомпанию и вводя дату рейса в один конец. — Мы оба знаем, сколько твоего времени и внимания отнимают эти отношения.

— Это такая глупая отговорка, и ты это знаешь, — молвлю я, задаваясь вопросом, не стоит ли мне добавить ещё и «близнецов», действительно задать ему жару. — Здесь у меня оценки лучше, чем когда-либо дома.

— И всё же прошлой ночью ты сбежала в Нью-Йорк, солгав мне о церемонии с фонариками. — У меня отвисает челюсть, и я тарашусь на него, когда он начинает указывать Лос-Анджелес в качестве города назначения.

— Сан-Хосе, — бормочу я, чувствуя, как замирает сердце и из меня уходит вся энергия. — В любом случае, я буду убита горем и одинока, лучше быть там, где мне всё хорошо знакомо. И почему ты думаешь, что из всех мест Лос-Анджелес хоть немного лучше или безопаснее, чем здесь, это просто смешно.

Он игнорирует меня, выбирает рейс и переходит к следующей странице, а я плюхаюсь в кресло по другую сторону его стола.

— На самом деле, у меня ещё и четырёхсторонние открытые отношения с близнецами МакКарти, — добавляю я, просто чтобы посмотреть, не вытянет ли это немного энергии из старика. Его ноздри раздуваются, но он всё равно достаёт кредитную карточку и вводит информацию.

— Вместо того чтобы ещё больше позорить себя, почему бы тебе не начать собирать вещи? Всё, что ты не уместишь в чемоданы, мы отправим.

— Ты что-то от меня скрываешь, — говорю я, но он по-прежнему отказывается смотреть на меня. — Чем больше ты меня игнорируешь, тем очевиднее это становится.

— Иди начинай собираться, — велит он мне, и я с раздражением заставляю себя подняться на ноги, одаривая его мрачным взглядом.

— Отослать меня будет самой большой ошибкой, которую ты когда-либо совершал, — говорю я, прежде чем направиться к двери и подняться по лестнице в свою комнату.

Я не задерживаюсь там надолго.

Почему я должна это делать?

Арчи уже назначает мне самое страшное наказание, которое у него припасено в рукаве: изгнание.

— Я отправил тебе полный дневник Дженики, — говорит мне Рейнджер, когда мы сидим в женском общежитии, и он смотрит на то место на стене, где раньше висела её фотография. Там, где она должна быть, цвет стены немного выгорел. Интересно, узнаем ли мы когда-нибудь, кто это сделал? — И её предсмертную записку. По крайней мере, фотографии всего этого.

— Спасибо, — говорю я ему, потому что знаю, что ему трудно вот так раскрывать секреты сестры. Когда была младше, я радовалась, что у меня нет братьев и сестёр, потому что это означало, что мне не нужно было ничем делиться. Теперь я вроде как рада, потому что это просто означает, что мне не нужно волноваться.

«И всё же в тебе есть маленькая зелёная жилка зависти, которая хочет, чтобы у тебя был кто-то, кому ты могла бы довериться, кто-то, о ком ты заботилась бы так же сильно, как Тобиас и Мика заботятся друг о друге».

— Нам нужно пойти что-нибудь приготовить, — говорит он наконец, когда все остальные молча рассаживаются по комнате. Я сижу на диване между Спенсером и Тобиасом, стараясь не ёрзать, но настолько не уверена в том, что именно у нас здесь происходит, что боюсь поднимать эту тему.

— Последнее «ура» Кулинарному клубу, а? — говорит Мика, хмурясь. — Это, блядь, полный отстой. Ты серьёзно уезжаешь утром?

— Серьёзно, — говорю я, чувствуя тошноту в животе, когда откидываюсь на подушки. — *Ровно в семь часов.* — Я размахиваю кулаком и имитирую грубость отцовского голоса. — И сразу после того, как я завоевала право встречаться со всем Студенческим советом. Можете себе это только представить?

— Не всем Студенческим советом, — ворчит Спенсер, глядя на Тобиаса. Они долго смотрят друг на друга, пока Рейнджер фыркает.

— Я не встречаюсь, — говорит он, и на этом всё. Черч ничего не говорит, а Мика улыбается.

— Только потому, что ты уезжаешь, это не значит, что мы не можем встречаться.

— Да ладно, — говорю я ему, протягивая руку, чтобы взять одну из холодных газировок из холодильника на столе, — я уже пробовала отношения на расстоянии в старшей школе. Это не совсем сработало.

— Не сравнивай нас с этим бесполезным тортом из писсуара, — фыркает Мика, качая головой, а затем обменивается взглядом с братом. — Ты никогда не встречалась с парнями, у которых есть частные самолёты. Мы можем быть в Санта-Крузе во время каждой каникулы. Кроме того, у нас осталось всего два месяца до летних.

— Вы, ребята, собираетесь навещать меня? — я поддразниваю, потому что не могу представить, чем, чёрт возьми, я буду заниматься всё лето одна. Заниматься серфингом? Думаю, по крайней мере, я буду подтянутой, когда они увидят меня в следующий раз.

— Конечно, приедем, — усмехается Спенсер, откидывая назад свои серебристые волосы. Он выглядит опустошённым, что странным образом делает меня счастливой. Ему действительно не всё равно, что я уезжаю. — Это не навсегда. В следующем году ты вернёшься в Адамсон, клянусь.

— Вы все действительно собираетесь попробовать эту штуку с отношениями? — спрашивает Рейнджер, откидываясь на спинку стула и изучая нас троих.

— Определённо, — говорят близнецы в унисон.

— Почти, — со вздохом отвечает Спенсер, наклоняясь, чтобы взять меня за руку. Он сильно сжимает её, и я чувствую, как у меня замирает сердце. Расставаться с моими новыми друзьями будет больно.

Я только надеюсь, что это меня не убьёт.

Я никогда в жизни не была так несчастна в самолёте. Спенсер дал мне денег на переход в первый класс (не говорите Арчи, мы сделали это через приложение), так что обслуживание хорошее, и сиденья удобные, но, чёрт возьми... Мне хочется плакать.

На борту есть вай-фай, но я не утруждаю себя подключением. Если я это сделаю, то закончу тем, что буду болтать с ребятами, и мне станет ещё больше, чем сейчас.

Как только приземляемся, я забираю сумки, вижу тётю Элизу, стоящую на обочине и флиртующую с дежурным офицером службы безопасности, чья работа заключается в том, чтобы следить за тем, чтобы люди *не* проводили слишком много времени, бездельничая на обочине.

Я вздыхаю.

Некоторые вещи никогда не меняются.

— Тётя, — говорю я, пытаюсь заставить себя улыбнуться. Нет смысла начинать с плохих отношений с тётей, единственным человеком, стоящим между мной и Лос-Анджелесом. Кстати, о...

— Чарли! — кричит моя мама, удивляя меня с заднего сиденья крошечной тётиной «Хонды Аккорд» 97-го года. Много лет назад Элиза заказала тонировку стёкол в качестве подарка на день рождения у бывшего парня, потому что, по её словам, на заднем сиденье происходят все лучшие вещи, а на переднем. Мерзость.

— Мам, — выпаливаю я, стоя там с сумками в обеих руках и таращась на женщину, которую, кажется, не видела целую вечность. Она выглядит... лучше, чем, когда я видела её в последний раз, но совсем не так, как её рисовала моя память, как красивую молодую женщину с непревзойдённой внутренней энергией. Как она познакомилась с Арчи, выше моего понимания, но, может быть, это было что-то вроде притяжения противоположностей? Их разница в возрасте всегда немного беспокоила меня, хотя я знаю, что мой папа не из тех извращенцев. Он любил мою мать, вероятно, больше, чем меня. Я всегда так думала. — Что ты здесь делаешь?

— Я здесь, чтобы увидеть тебя, глупышка, — отвечает она, её светлые волосы собраны сзади в свободный хвост, новые морщины на лице свидетельствуют о том, какими тяжёлыми были последние несколько лет. Очевидно, у неё есть демоны, о которых я ничего не знаю. В течение четырёх лет я пыталась понять, что это такое, но недавно пришла к осознанию, что знаю мать не так хорошо, как мне казалось. Может быть, я никогда её по-настоящему не знала? — Я приехала сюда на автобусе, и твоя тётя собирается отвезти нас обратно. — Мои глаза подозрительно сужаются. Я сделала свой выбор. Я не поеду в Лос-Анджелес. Я бы предпочла остаться в Санта-Крузе, где, по крайней мере, я знаю, что могу тусоваться с близнецами во время школьных каникул. Ну, и я действительно знаю здешних людей. Начинать всё сначала — это похоже на ад.

— Ладно. Но почему? Я решила вернуться в Среднюю Школу Санта-Круза.

— Ты можешь, по крайней мере, поехать посмотреть мою новую квартиру и пройтись по школам, которые мы с твоим отцом выбрали для тебя.

— Я не поеду в Лос-Анджелес, — повторяю я, и мама хмурится. Что заставляет её думать, что она может приказывать мне после того, как исчезла, не сказав ни слова? — Последнее, чего я хочу, — это сидеть в раскалённой машине в течение пяти часов. Могу я,

пожалуйста, просто вернуться к Элизе и устроиться?

Моя тётя застывает на переднем сиденье, положив руки на руль, и переводит взгляд с нас двоих на меня любопытными карими глазами. Она хорошенькая, но её макияж мне не нравится, очень резкий и тёмный. Из-за этого она выглядит старше, чем следовало бы. Я почти уверена, что моя навязчивая потребность вписаться в общество досталась мне от этой части семьи; у Арчи явно нет проблем с тем, что его ненавидят все окружающие.

— Шарлотта, ты пытаешься задеть мои чувства? — спрашивает мама, хмурясь, несколько выбившихся прядей волос крупными локонами свисают вокруг её лица. Они немного тоньше и тусклее, чем я её помню, но полагаю, это часть цены, которую она заплатила за то, что так сильно пристрастилась к наркотикам? Вокруг её рта появились морщинки, которых раньше тоже никогда не было, морщинки, которых не должно быть у тридцатилетней женщины.

— А ты думала об этом, когда отказалась встретиться со мной перед возвращением в реабилитационный центр? — спрашиваю я, а потом забираюсь внутрь и закрываю дверь. Я не собираюсь добираться из Сан-Хосе в Санта-Круз самостоятельно, как бы мне ни хотелось, чтобы был такой способ.

— Мы едем в Лос-Анджелес, — говорит мама, и в её голосе появляется деловитый тон. Я сижу там с минуту, пока тётя Элиза включает сигнал поворота, а потом вылезая и иду по тротуару с сумками. — Шарлотта! — мама зовёт, но я не останавливаюсь. Я продолжаю двигаться, теряя её в толпе, а потом запираюсь в кабинке туалета в аэропорту.

Есть только один человек, который, возможно, согласился бы меня подвезти.

Я набираю номер Моники.

— Алло? — неуверенно спрашивает она, её голос дрожит от волнения. — Шарлотта?

— Я вернулась в город. Ты можешь встретить меня в аэропорту?

Повисает долгая пауза. Я уверена, что она потрясена, услышав это от меня.

— Дай мне час, — говорит она и вешает трубку. Мой телефон разрывается от сообщений от Элизы, мамы и, наконец, от папы. Он тоже разозлился. Но я игнорирую его, наконец набираясь смелости проверить сообщения от Студенческого совета.

«Как прошел полет?» — коротко и бесцеремонно от Рейнджера.

«Спенсер заперся в своей комнате на всё утро. Просто подумал, что тебе было бы интересно знать». Это от Черча.

«Ты забыла это». Там фотография поддельного члена, который купили мне близнецы. Я позаботилась о том, чтобы оставить его у них на пороге, чтобы они нашли его, когда проснутся. Рада видеть, что им это понравилось. Это сообщение с телефона Мики, и я получила ещё одно от Тобиаса: *«Мы будем скучать по тебе, не-Девственник Чак».*

Ха.

«Всего два с половиной месяца, и мы сможем тусоваться всё лето». От Спенсера.

Моё сердце сильно сжимается, и я отправляю несколько быстрых ответов, включая групповое сообщение моим родителям.

«Моника довезёт меня в Санта-Круз. Я приеду к Элизе завтра».

Как и было обещано, примерно через час Моника подъезжает к обочине на своём блестящем серебристом «Бимере», на лице зеркальные солнцезащитные очки, её тёмные волосы развеваются на теплом ветру.

— Привет, — говорит она неуверенным голосом, которого я никогда раньше не слышала. Бросив сумки на заднее сиденье, я забираюсь на пассажирское сиденье из белой

кожи и пристёгиваюсь. Моника водит машину как сумасшедшая. Мне повезёт, если я выживу на участке шоссе 17 с ней за рулём.

— Привет.

Снова тишина, когда она включает поворотник и вливается в поток машин.

— Как у тебя дела? — наконец спрашивает она, и я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на неё.

— Как поживает Коди? — отвечаю я, что на самом деле несправедливо. Серьёзно, я пытаюсь разобраться со своими проблемами. Знаю, что я наполовину язвительна, наполовину саркастична, но с примесью придурковатости. Неудивительно, что все ребята в Адамсоне ненавидели меня.

— Мы не разговаривали с тех пор, как ты уехала. Сейчас он встречается с Андреа. — Моника пожимает плечами, как будто ей всё равно, но в её хмуром взгляде есть тяжесть, которая говорит об обратном. Мы знаем друг друга слишком долго, чтобы она могла так мне лгать. Может быть, она лжёт даже самой себе? — Как поживают твои сексуальные близнецы?

— Они покатались со мной на карусели, взяли меня на гонки в своих одинаковых жёлтых «Ламборджини», а потом устроили мне вечеринку в дворце на берегу моря на мой день рождения. — Я изучаю её лицо, жалея, что на ней её солнцезащитные очки, хотела бы прочесть выражение её глаз. — Они великолепны. Они превратили ужасный день в удивительный.

— Я сожалею о том, что произошло, — говорит Моника, понижая голос. — Я не уверена, поможет это или навредит ситуации, но я не забыла, что это был твой день рождения. Я ревновала, потому что Коди продолжал обещать порвать с тобой, а потом он спрыгивал... Но он забыл о твоём дне рождения, и я решила, что если он забудет, то...

Между нами воцаряется тишина. Слышен только шум ветра, когда Моника мчит нас по городу на крутых поворотах одной из самых опасных дорог Калифорнии. Я видела так много крушений на этом участке, что это даже не смешно.

— Стоило ли это того? Терять лучшую подругу из-за парня? — спрашиваю я, и Моника съёживается.

— Нет. — Она смотрит на меня, а затем приподнимает очки, чтобы я могла видеть её карие глаза. Она действительно одна из самых красивых девушек, которых я когда-либо видела. Раньше она меня пугала, но прямо сейчас я чувствую, что могу противостоять ей, как будто ничто не может меня взволновать. Я здесь, когда хочу быть в Коннектикуте. Что ещё может пойти не так? — Я скучаю по тебе, Шарлотта. Я давно собиралась написать тебе, но никак не могла придумать, что сказать. *Мне жаль*, не достаточно.

— Это так, но приехать сюда за мной — это уже начало. — Ещё одна пауза. Есть так много вещей, о которых нам нужно поговорить, так много вещей, которые мне нужно рассказать ей. Но вместо этого всё, что я хочу сделать, это поговорить об Адамсоне, и ребятах, и обо всём том дерьме, которое произошло. Некоторые люди, вероятно, навсегда списали бы Монике со счётов за то, что она сделала, но это не то, чего хочу я. Люди совершают ошибки. Я всё ещё верю в искупление. — Наконец-то я лишилась своей девственности.

— Серьёзно? — спрашивает Моника, ухмыляясь. — С каким из близнецов? Или и тем, и другим? Пожалуйста, скажи и с тем, и другим.

— Со Спенсером Харгроувом, — признаюсь я, поднимая свой телефон, чтобы она могла

увидеть его фотографию. У меня есть только этот снимок, который я сделала на последнем собрании Кулинарного клуба, где мы с ним вместе. У меня болит сердце, когда я смотрю на это. — Разве он не симпатяжка?

— Симпатяжка? Неправда. Красивчик. Энергичный. Огонь. Что же тогда случилось с близнецами? Я думала, вы, ребята, встречаетесь?

Я чуть не давлюсь собственной слюной.

— Это сложно.

— Вы расстались? — спрашивает она и замолкает. — И когда они сказали, что ты встречаешься с ними обоими...

— Я как бы пробую открытые отношения, понимаешь? — прислоняюсь спиной к двери, ожидая увидеть её реакцию. — То есть, встречаюсь со Спенсером и обоими близнецами.

— Да? Я в некотором роде тоже в таком же положении. Встречаюсь с двумя парнями прямо сейчас, и они об этом осведомлены. Это интересно. — Ещё одна пауза. — И вообще, что ты здесь делаешь? Я имею в виду, не то чтобы я не рада тебя видеть...

— Мой отец заставил меня вернуться, — признаюсь я, вздыхая. — Я не хотела этого делать. Имею в виду, сначала, когда мы переехали, всё, чего я хотела, это вернуться домой и быть с тобой и Коди. Но потом вы, продолжали меня отшивать, читали мои сообщения и не отвечали, а потом я попала сюда и узнала о... — я замолкаю. Нет смысла говорить это вслух; мы обе знаем, что произошло. — В любом случае, мне нравится то, что происходит у меня в Адамсоне.

— Девочка, даже мне нравится то, что у тебя происходит в Адамсоне. — Она оглядывается и затем немного съёживается. — Извини, слишком рано? Это неловко, не так ли?

— Если ты переспшишь с одним из этих парней, я никогда тебя не прощу, — говорю я, но в то же время я не волнуюсь. Не из-за Моника, а потому что не думаю, что Спенсер или близнецы, или даже Черч или Рейнджер поступили бы так со мной.

— Принято, — говорит Моника, и затем мы обе замолкаем и остаёмся в таком положении, пока не заезжаем на её подъездную дорожку. Её родители уже уходят, но перед уходом они быстро обнимают меня.

Именно тогда я вспоминаю, что сказал Мика о том, что Питеры задерживают выплаты по ипотеке.

— Всё в порядке? — спрашиваю я, когда Моника отмахивается от них, а затем, нахмурившись, смотрит на меня.

— Не совсем. Но мой дедушка вмешался, так что мы не потеряем дом. Кроме этого, я не знаю, что будет дальше. Бизнес моих родителей находится в дерьме. В конце концов, все в городе узнают, и у меня не останется никакой репутации, на которую можно было бы опереться.

— Есть вещи и похуже, — говорю я, думая о Дженике. О Юджине. О сумасшедшем преследователе, который называл себя Адамом. — Вы разберётесь с этим.

— Я надеюсь на это. — Моника неловко замолкает на минуту. — Не хочешь надеть купальник и просто немного расслабиться в бассейне? Я могу приготовить нам напитки.

— Звучит заманчиво, — отвечаю я ей, а затем направляюсь вверх, чтобы разобрать сумки. Может быть, я останусь ненадолго? Это должно быть лучше, чем позволить маме затащить меня в Лос-Анджелес, верно?

Тусоваться с Моникой одновременно и приятно, и странно. Я безумно скучала по ней, но, несмотря на наше общение, мы как будто начинаем всё сначала. Доверие и дружба, которые были у нас раньше, разрушены, по-настоящему разбиты вдребезги, и я всё ещё истекаю кровью от этих ран.

Хотя, в каком-то смысле, это даже хорошо. Я рассталась с Коди, поняла, что на самом деле он мне никогда особо не нравился, и теперь я здесь с дюжиной сообщений от моих, э-э, трёх новых парней?

Это чертовски странно, ребят.

Я отвечаю всем, пытаюсь сдержать прилив беспричинных слёз. Это не конец света. Конечно, чертовски *похоже* на него, но это всего лишь пустяк. Я продолжаю говорить себе это, продолжаю пытаться смотреть на всё с хорошей стороны.

«По крайней мере, меня не повесят на дереве, верно?»

Но петли, записки, камень, мертвая птица... это слишком много. И оставить эту тайну неразгаданной — выбивает меня из колеи. Вдобавок ко всему, я беспокоюсь о своей команде. Одна неделя, когда я думала, что Спенсер мёртв, была почти невыносима для меня. Как бы я выжила, если бы мне пришлось пройти через это снова?

Со стоном я переворачиваюсь на бок и вместо этого открываю дневник Дженики. Рейнджер прислал мне скриншоты каждой страницы, включая ту, на которой нарисован символ камня. И он также прислал мне её предсмертную записку. Черч смог процитировать её слово в слово, но, видя, как это написано неровным, причудливым почерком Дженики, это почему-то кажется ещё более трагичным.

Я перелистываю дневник к началу и начинаю читать.

Всё начинается с её первого дня в старшей школе Адамсон, когда она была единственной ученицей женского пола. Однако, в отличие от меня, Дженика Вудрафф была чертовски храбрее. Она вошла в юбке, её длинные волосы были перекинута через одно плечо, и она направилась прямо в кафетерий. По её словам, она объявила: *я здесь не ради членов, я здесь ради учёбы.*

Я фыркаю и переворачиваюсь на спину, переходя к следующей странице.

Не уверена, почему это сказала. На самом деле, это было чертовски глупо. И в этом не было никакого смысла. Но все рассмеялись и похлопали меня по спине, и я почувствовала себя там более желанным гостем, чем когда-либо в Эверли. Издевательства прекратятся, я уверена в этом. То, через что я прошла за последние три года, здесь не повторится; я не позволю этому случиться.

Я читаю до тех пор, пока больше не могу держать глаза открытыми, но ничего из того

«хренового», о чём говорил Рейнджер, здесь пока нет. Здесь упоминаются Рик, её друг детства, с которым она встречалась, и даже Лайонел, он же мистер Мерфи, который был добр к ней с первого дня.

Я чертовски подозрительно отношусь к этому парню.

— Что я могу сделать отсюда? — ворчу я, поворачиваясь на бок и устанавливая телефон на беспроводную зарядную панель, встроенную в прикроватную тумбочку (да, здесь довольно шикарно, я знаю). Мои глаза закрываются, и прежде чем я успеваю это осознать, отключаюсь.

В понедельник я возвращаюсь в школу, одетая в короткую юбку, майку и сандалии. Я надела контактные линзы, накрасилась, а мои волосы настолько прямые и блестящие, насколько это возможно.

Это немного странно — ходить на занятия и не надевать форму. Я думала, что ненавижу Адамсон, но теперь, когда стою в вестибюле средней школы Санта-Круз с её ярко раскрашенными стенами и учениками, готовым к пляжному отдыху, я скучаю по каменным стенам и грубо обтёсаным деревянным балкам.

Я скучаю по дурацкому Студенческому совету и Кулинарному клубу.

Вздыхнув, я направляюсь по коридору, нахожу свой старый шкафчик и запикиваю в него куртку, которая мне определённо не нужна. О чём я только думала? Дурацкая погода на северо-востоке дурманит мне голову.

Учебный день довольно скучный, почти такой, как я и ожидала. Мои старые друзья и учителя тепло приветствуют меня, но я всё равно заканчиваю день, чувствуя себя как рыба, вытасченная из воды. Моника возвращает меня в лоно семьи, и к концу недели всё начинает казаться таким, как будто... ну, как будто это снова десятый класс. То есть за вычетом Коди.

Однажды я замечаю его в коридоре, и его глаза расширяются, но в итоге я просто отмахиваюсь от него и неторопливо иду по коридору вслед за Моникой. У меня нет времени на подонков.

Вместо этого каждый день после школы я возвращаюсь к Монике и общаюсь с парнями по видеосвязи.

Они всегда отвечают на мои звонки. Все до единого. И мои сообщения тоже.

— Ничего нового сообщить не могу, — говорит Спенсер, лёжа на спине на своей кровати, полностью без рубашки и пуская слюни. Я неловко ёрзаю, а затем откидываюсь на подушки кровати в гостевой комнате, имитируя его позу. — Я имею в виду, с тех пор, как мы в последний раз разговаривали несколько часов назад. — Он ухмыляется мне. — Мне нравится, что ты звонишь мне каждый день.

— Ты звонишь мне каждый день, — возражаю я, и это правда. Он знает. Мы до сих пор

точно не выяснили, чего оба ожидаем от наших отношений, или что означает, что близнецы теперь каким-то образом стали их частью. Это просто похоже на разговор, который лучше было бы провести лично.

— Ага, потому что ты мне нравишься. — Он делает паузу и прикусывает нижнюю губу, держа телефон прямо над собой, чтобы я могла видеть всю его верхнюю половину, от серебристо-пепельных волос до глубоких V-образных мышц на бёдрах. Я с трудом сглатываю.

— Да?

— Чувак, Чак, — говорит Спенсер, ухмыляясь и протягивая руку, чтобы взерошить его серебристые волосы. Он похож на лису, когда вот так улыбается. — Ты мне нравилась, когда я думал, что у тебя есть член. Члены вызывают у меня отвращение, но я возбуждался при мысли о том, чтобы отсосать у тебя.

— Пожалуйста, прекрати, — выдыхаю я, но смеюсь и краснею одновременно. — Это неправда.

— Да, так и было. В тот день, когда я пришёл в твою комнату, чтобы починить дверь, я был готов это сделать. Я *хотел* это сделать. Типа, я действительно рад, что у тебя вместо него есть вагина, но это всего лишь бонус. — Он пожимает мускулистыми плечами, и я чувствую это покалывание, которое распространяется от груди вниз к кончикам пальцев рук и ног. Моя рука скользит между бёдер и просто касается тонкого хлопка шорт. В сочетании с видом Спенсера и звуком его голоса этого достаточно, чтобы заставить меня вздрогнуть.

— Итак, — начинает он, и я убираю руку, с трудом сглатывая и надеясь, что он не заметил, что я замышляю что-то предосудительное. — Как твои родители относятся к тому, что ты остановилась у Моники?

— Они разозлились, — говорю я, думая о своём последнем разговоре с отцом. Он позвонил мне в видеочате, но я не ответила. Ни за что на свете я не хотела видеть, как он сверлит меня этими кинжалами, которые он называет глазами. Я перезвонила ему, и у нас состоялся короткий, немногословный разговор, который ничем хорошим не закончился. Он хочет, чтобы я вернулась к тётке Элизе, но я не доверяю маме. Она пыталась затащить меня в Лос-Анджелес против моей воли, и я знаю, что она всё ещё живет со своей сестрой. Я попросила Монику отвезти меня на следующий день после инцидента в аэропорту, а потом ещё раз вчера. Элиза и мама стояли перед многоквартирным домом и курили сигареты. — Я имею в виду, что моей тётке насрать на то, чем я занимаюсь. На самом деле, я уверена, она в восторге от того, что я остановилась у Моники. Но оба родителя в ярости. Арчи угрожал вызвать полицию, но Питерсы, в конце концов, позвонили ему и отговорили от этого. — Я сильно хмурюсь и прикусываю нижнюю губу.

— Значит, ты останешься там до конца учебного года? — спрашивает Спенсер, рассеянно проводя пальцами по своему подтянутому животу. Мои глаза следят за движением, и в мозгу происходит небольшое короткое замыкание. Мне требуется мгновение, чтобы переориентироваться.

— Очевидно. Я имею в виду, не думаю, что они перестанут давить на меня, чтобы я поехала к Элизе, но прямо сейчас мы в тупике. Они, по сути, отняли у меня то, чего я хотела больше всего, а именно остаться в Адамсоне. Я не боюсь ничего из того, что они могут придумать. Тем не менее, я согласилась провести по крайней мере две недели у мамы летом. — У меня вырывается вздох, и я провожу рукой по лицу. Я *действительно* хочу провести время с мамой, проблема не в этом. Просто я не верю, что они с папой не устроят

какой-нибудь переворот и не заставят меня провести выпускной год в Лос-Анджелесе. Это мой худший кошмар.

— Ну, чёрт, тогда мы присоединимся к тебе, — говорит он, и я заставляю себя перевести взгляд с его упругого пресса на лицо. — У мамы Рейнджера есть потрясающее поместье в Лос-Анджелесе, которым она никогда не пользуется. Мы можем немного потусоваться там и быть твоим прикрытием.

Улыбка появляется на моих губах, и я выдыхаю, замечая, как Спенсер проводит пальцем по поясу своих шорт.

— Что мы делаем? — спрашиваю я его через минуту, мои чувства обостряются, когда он кладёт ладонь себе на низ живота. Между нами существует напряжённость, которую я чувствую, даже несмотря на то, что он находится на противоположном конце страны.

— Я, честно говоря, надеялся, что ты мне это скажешь. Но раз уж ты спросила... ты хочешь, э-э, воплотить это в жизнь? — его рука скользит немного ниже, пальцы теребят пояс его спортивных штанов. — Что-то вроде секса по переписке?

Это не совсем то, что я имела в виду, но... Я приму это.

— Разве это секс по переписке, если, знаешь, что никаких текстовых сообщений не будет? — я приподнимаю бровь, но Спенсер уже проводит языком по нижней губе в маленьком соблазнительном жесте.

— А это имеет значение? — спрашивает он, скривив губы в одну сторону, а его веки опускаются, придавая соблазнительный, тяжёлый томный вид. — Ты действительно хочешь поговорить о семантике, или хочешь сделать это? — Спенсер издаёт этот низкий, стонущий горловой звук, движение под его серыми боксерами указывает на то, что он, ну, дрожит. — Я уже представляю, как ты прикасаешься ко мне, как твоя рука обхватывает мой член...

— На самом деле я никогда не прикасалась к нему рукой, — добавляю я, ёрзая на роскошных атласных простынях и ненавидя эту идеальную кровать, и эту идеальную комнату, и этот идеальный дом. Я просто хочу вернуться в Коннектикут, к Студенческому совету. Дурацкий, тупой Студенческий совет.

Спенсер замолкает, а затем чертыхается себе под нос.

— Мы можем исправить это, когда увидимся в следующий раз, — мурлычет он, поглаживая себя. Или, по крайней мере, я думаю, что он гладит себя. Я с трудом сглатываю. Хочу спросить, когда это может произойти, но не хочу портить момент. — Давай, Чак, не оставляй меня в подвешенном состоянии.

— Сними боксеры, — приказываю я, желая увидеть его обнажённым и уязвимым, прежде чем осмелюсь присоединиться к нему. Если я закрою глаза, то смогу просто представить его древесный запах, похожий на кедр и иссоп. Ох. — И ещё... каким ароматом ты пользуешься?

— Ароматом? — спрашивает Спенсер, его глаза раскрываются шире, бирюзовый цвет шокирует, даже когда это всего лишь пиксели на экране. Через мгновение на его лице появляется самоуверенная ухмылка. — А-а-а, ладно, я понял. Ты хочешь купить одеколон, которым я пользуюсь, и обрызгать им все свои вещи, да?

— Что?! Нет! — кричу я слишком воодушевлённо. Я притворяюсь, что зеваю, надеюсь, что Спенсер не сможет увидеть румянец на моих щеках при слабом свете прикроватной лампы. — Я просто... Мне нужен подарок для моего нового кавалера. И твой запах был не так уж плох.

— Твоего нового кавалера, да? — спрашивает Спенсер, а затем стягивает боксеры с

бёдер, открывая путь, который эти великолепные V-образные мышцы прокладывают вниз, к твердой длине всего члена. У меня снова перехватывает горло, и я не нахожу слов. — Я думаю, может быть, твоему новому кавалеру не понравилось бы, что ты тайком встречаешься со мной за его спиной? Нам, наверное, стоит остановиться. — Спенсер обхватывает себя рукой и дразнит головку большим пальцем.

Чёрт, чёрт, чёрт.

— Ладно, хорошо, я хочу купить твой аромат. Ну и что? Это ничего не значит. Мне просто он нравится, и недавно у меня закончилась туалетная вода с запахом лимонной меренги.

— Это Кеннет Коул Блэк, и я думаю, что даже такая бедная, маленькая крестьянка, как ты, могла бы себе его позволить. — Спенсер проводит рукой по всей длине своего тела, а затем переворачивается, роясь в тумбочке в поисках смазки.

«*Это становится по-настоящему реальным*», — думаю я, когда он поправляет телефон, держа его высоко над собой, чтобы я могла всё видеть. Типа, вообще всё.

Медленно я откладываю собственный телефон в сторону, а затем снимаю рубашку и пижамные штаны, беру его обратно, чтобы показать Спенсеру новую обнажённую себя.

— О, да ладно, — рычит он, скривив губы в хищной ухмылке. — Ты прикрываешь грудь рукой, и... что, чёрт возьми, это за трусики? И почему ты всегда носишь странные трусики, Чак-лет?

Мои щёки из розовых становятся неоновыми-красными.

— Они... ты видел эти трусики раньше, — выдыхаю я, удивляясь, почему у меня до сих пор нет той волшебной силы, чтобы открыть под собой дыру и упасть в неё. Смерть была бы предпочтительнее того смущения, которое я испытываю прямо сейчас. Да, ладно, отлично, на мне трусики с разрезом, которые Мика нашёл в моих вещах, когда парни помогали мне переезжать. Какой же я должна быть застенчивой, чтобы думать, что всё скрыто, когда на самом деле я показываю ему всё самое лучшее? — Остальные были... Мне пришлось их постирать, а эти...

— Ты надела их только ради меня, Чак? — он растягивает слова, голос хриплый от возжелания. О, да, он определённо возбуждён. И он точно не ненавидит эти трусики с разрезом так сильно, как я. — Скажи мне: ты фантазировала о том, как я стягиваю их с тебя, когда ты надевала их сегодня утром?

— Во-первых, прямо сейчас ты хватаешься за соломинку. Во-вторых, я ношу их только потому, что у меня нет других чистых, — ворчу я, глядя на большую дыру у себя в промежности — я имею в виду дыру в ткани, а не... ну, вы понимаете, что я имела в виду. Возможно, мне следовало подумать о том, чтобы переодеться во что-нибудь другое, прежде чем раздеться до нижнего белья.

— Ты всё ещё не ответила на мой вопрос, — настаивает Спенсер, и я решаю отвлечь его, медленно скользя рукой вниз по груди, чтобы показать, ну, всё. Его глаза сверкают, и он улыбается. — Я всё ещё не могу поверить, что ты прятала их все эти месяцы.

— Это отстойно и больно, — шепчу я, но на самом деле меня не так уж волнует, что моя грудь перевязана. Нет, я слишком сосредоточена на реакции Спенсера на них.

Он проводит рукой по всей длине своего тела, его веки отяжелели, и глаза полуприкрыты. Парень наблюдает за мной, его дыхание становится резким, рваным. Я бы всё отдала, чтобы быть рядом с ним прямо сейчас, лежать, положив голову ему на грудь, и моя собственная рука заняла бы место его руки.

Пока мои мысли уносились прочь, я просунула руку под трусики, собрав немного влаги, чтобы потереть клитор. У Спенсера прекрасный обзор через ту часть, где нет ткани, но мне всё равно. Я хочу, чтобы он увидел. У меня только одна свободная рука, но, если бы я могла, я бы дотронулась и до груди. Мои соски ноют, и всё, о чём я могу думать, — это горячий рот Спенсера на них, его язык, очерчивающий круги вокруг твердой розовой точки.

Спенсер стонет и двигает бёдрами, толкаясь в руку, явно представляя, что вместо этого там нахожусь я.

— Я так сильно хочу тебя, — шепчет он, его голос прерывистый и резкий.

— Я практически чувствую тебя здесь. — Мои пальцы погружаются внутрь, и Спенсер издаёт этот ужасный, мучительный звук, на лбу у него выступают капельки пота. Он дрожит всё быстрее и усерднее, и я подстраиваюсь под его темп. Наши глаза, кажется, одновременно поднимаются от наших рук к лицам. Наши взгляды встретились, я работаю над собой, пока он не кончает для меня, выплёскиваясь в руку и на живот. Это зрелище не похоже ни на что, что я когда-либо видела раньше, и через несколько минут я тоже достигаю оргазма, на мгновение забыв о смущении из-за того, что Спенсер просто лежит там, тяжело дыша и наблюдая, как я трогаю себя. Тихий вскрик вырывается из меня в последний момент, и расслабление разливается по моему телу.

Клянусь, я таю в этих подушках.

Несколько минут после этого мы просто сидим в тишине, глядя друг на друга.

— Ты даже не представляешь, как сильно я по тебе скучаю, — говорит он, и я качаю головой.

— Ты даже не представляешь, как сильно *мы* скучали по тебе, когда ты пропал. Никогда больше так с нами не поступай, ладно?

— Я обещаю, — говорит он, но может ли кто-то действительно дать такое обещание, оставаться в безопасности?

Иногда это не совсем в нашей власти, не так ли?

— Я слышала, ты вчера допоздна не спала, — поддразнивает Моника, когда я появляюсь на кухне, сонная и с затуманенными глазами, но улыбающаяся как идиотка. — Твой новый парень кажется довольно крутым.

— Что именно ты слышала? — спрашиваю я, наливая молоко в миску и стараясь не думать о Монике и Коди. Она предала меня, и всё уже никогда не будет по-прежнему. Но ещё я скучала по ней. Это странная головоломка, разыгрывающаяся у меня в груди. Хотя лучше быть здесь, чем с моей тётей или матерью.

Серьёзно, так *гораздо* лучше. В доме Питерсов я почти всегда остаюсь одна. Папа от этого не в восторге, но я хожу в школу, и мои оценки намного лучше, чем были раньше.

Учебная программа в Адамсоне настолько выходит за рамки всего, что мы делаем в школе Санта-Круза, что в кои-то веки я действительно лидирую в классе. Занятия с Черчем, однозначно, не повредили.

— Эм, в основном много стонов, но и немного криков тоже, — смеётся Моника, а затем взвизгивает, когда я швыряю в неё хлопьями. — Но серьёзно, раз ты даёшь себе такую волю, он, должно быть, действительно особенный.

Мои щёки вспыхивают, но я облизываю нижнюю губу.

— Он такой, а я нет, — бормочу я, и она бросает на меня взгляд, её тёмные глаза подозрительно сужаются.

— Серьёзно? А он об этом знает? — она перекидывает свои блестящие волосы цвета эспрессо через плечо, а затем украдкой бросает взгляд на телефон. Моника встречается с каким-то богатым придурком из Подготовительной Академии Бёрберри. Думаю, я не могу по-настоящему судить, учитывая, что все мои новые друзья в Студенческом совете тоже богатые придурки. *Правда, что... может быть, они просто богатые, но не такие уж придурки?* — А что насчёт твоих красавчиков-близнецов? Шарлотта, даже не начинай сейчас расстраиваться. Очевидно, все они что-то в тебе видят.

— Наверно. — Я отправляю в рот кусочек хлопьев, когда Моника кладёт руку на бедро и бросает на меня взгляд.

— Серьёзно? — спрашивает она, и затем её лицо слегка смягчается. — Я имею в виду, посмотри на себя. Ты действительно чертовски крутая, раз встречаешься с тремя такими чуваками. Пришло наше время, понимаешь? Как будто после столетий патриархального дерьма немного свободных отношений — это меньшее, что могут сделать мужчины. — Она нажимает кнопку на блендере и взбивает зелёную кашу, которую я бы не стала есть, если бы не была настоящей коровой, чьими любимыми блюдами были жвачка и клевер. Оно даже пахнет грязью.

— У нас всё в порядке? — спрашивает она после того, как выключает его и перекладывает в термос из нержавеющей стали, поглядывая на меня с такой нерешительностью и стыдом, каких я никогда не видела на её лице. Гнев бурлит во мне, но я прогоняю боль того единственного дня и пытаюсь вспомнить всё хорошие времена, которые мы провели вместе.

Это работает, по крайней мере, немного.

— Мы могли бы всё уладить, — отвечаю я, — если ты позволишь мне остаться здесь до конца учебного года.

— О, конечно, — выпаливает она, стараясь сохранять хладнокровие. Хотя я могу сказать, что она взволнована. Думаю, что, несмотря на количество людей, которыми она себя окружает, Моника втайне одинока. По-моему, до того, как я встретила со Студенческим советом, я тоже была такой.

— Как только доверие разрушено, чтобы залечить эту рану, требуется ещё больше усилий, чем для того, чтобы начать всё сначала, но давай попробуем, хорошо? Я скучаю по тебе. — Щёки Моника вспыхивают, и она кивает, но в её взгляде есть решимость, которую я ценю. — Может, нам пойти позаниматься серфингом после школы? Я не была там целую вечность. Нам повезёт, если мне удастся встать на доску.

— О, чёрт возьми, да. Я соберу девочек... но только если ты захочешь?

Я киваю.

Когда я переехала в Коннектикут, то поставила свою жизнь на паузу, просто ожидая,

когда она начнется снова. Я больше не повторю ту же ошибку.

Кроме того, чем больше я буду занята здесь, тем быстрее пролетят дни, и я снова смогу увидеть своих друзей.

И моих... парней.

Серьёзно, во множественном числе.

Насколько это странно?

Когда наступает первое мая, я начинаю отсчитывать дни до окончания школьных занятий. В Адамсоне ничего не происходило с тех пор, как я ушла, и у меня начинает скручиваться под ложечкой это тошнотворное чувство вины.

Юджин умер из-за меня?

Я знаю, это странная мысль, но очевидно, что люди, ответственные за его убийство — те же самые, кто охотился за мной, те, кто оставлял записки с требованием уйти. Если бы я ушла раньше, остановило бы это насилие? Спасло бы это Рейнджера от того, что он чуть не утонул?

На это невозможно ответить, поэтому я и не пытаюсь.

У меня заканчиваются занятия, и я сижу и жду Монику, пока не получаю сообщение о том, что она застряла с решением теста по математике. Подруга обещает, что будет через полчаса, поэтому я решаю подождать на заднем дворе, который с любовью называют *Двор одуванчиков*, потому что, знаете ли, наш клуб садоводов — отстой, и это место заполнено большими белыми одуванчиками.

Греясь на солнышке у одной из кирпичных стен, я достаю дневник Дженики и начинаю читать. Я пыталась читать хотя бы страницу или две каждый вечер, но только вчера вечером по-настоящему добралась до хорошего. И под хорошим я подразумеваю *плохое*.

Через несколько месяцев после начала учебного года Дженика была близка к нервному срыву. Разрываясь между учебой в школе, своими новыми отношениями с Риком и попытками определиться с колледжем, она в конечном итоге приняла несколько довольно сомнительных решений. Брат Спенсера, Джек, продал ей немного кокса и несколько таблеток, и записи после стали сильно отличаться.

Я думаю, что она, возможно, была немного зависимой.

Сегодня, возвращаясь в общежитие, я поняла, что мне просто нужно минутку побыть одной. Я пробралась сквозь деревья и бросилась бежать, понятия не имея, куда направляюсь. Вот тогда-то я и столкнулась с ними.

Они не хотели, чтобы я была там; они были взбешены.

Всё стало плохо, по-настоящему, очень плохо.

Поэтому побежала домой, заперла дверь и зажала уши руками.

Это выйдем мне боком, я просто знаю, что это так.

У меня отвисает челюсть, и я перелистываю предыдущие страницы назад-вперёд, чтобы посмотреть, не пропустила ли я чего-нибудь. Но нет, Дженика просто намеренно говорила расплывчато. Я имею в виду, в конце концов, это был её дневник. Думаю, она не ожидала, что кто-то ещё его прочтёт. Либо так, либо она была под кайфом, когда писала этот раздел. Кто знает?

Разочарованно вздохнув, я продолжаю, но следующие несколько страниц довольно скучны. Её парень Рик кажется придурком-шовинистом, но там ничего нет о том, что случилось с ней в лесу.

Я просматриваю записи за несколько недель, а затем останавливаюсь на странице с символом. Набросок Дженики не выглядит спешным или неуверенным; как будто она

рисовала по чему-то из реальной жизни. Я достаю камень из кармана и рассматриваю его. Мы с парнями пытались разобраться в этом, но нет никакой информации об этом символе. Он *похож* на множество других хорошо известных символов, но не совпадает ни с одним из них.

Вздыхнув, я снова убираю камень и переворачиваю страницу.

Прямо здесь, похоже, была оторвана целая секция. Я увеличиваю изображение, и вот оно, ясное как божий день, края оторванной бумаги рядом с записью о Лайонеле Мерфи.

Он такой хороший, добросердечный друг, единственный человек, с которым я могла бы стольким поделиться.

Ага.

Да, они встречались за спиной Рика, в этом у меня не было никаких сомнений.

Я дочитываю половину следующей страницы, когда слышу шум. Поднимаю голову, ожидая увидеть другого студента, уборщика, преподавателя. Но вместо этого там никого нет.

Неважно.

Я снова начинаю читать, когда слышу стук ботинок по гравию.

На этот раз, когда я поднимаю глаза, то вижу парня, стоящего чуть дальше по дорожке от меня. Он одет в толстовку с капюшоном, плотно закрывающую его лицо.

Что. За. Хуйня?

— Э-э, я могу вам помочь? — с трудом говорю я, и тут парень мчится ко мне по дорожке. Я роняю телефон, откатываясь в сторону, и бейсбольная бита врежется в кирпичную стену, где я только что сидела.

«*Этого просто не может быть!*» — думаю я, вскакивая на ноги и убегая к дверям в коридор, которые оказываются запертыми. Я дергаю за ручки, а затем, повинувшись какому-то глубоко спрятанному инстинкту, пригибаюсь.

Бейсбольная бита ударяется о пуленепробиваемое стекло окна и отскакивает назад, заставляя нападавшего выругаться.

Я уже ползу на четвереньках, опираясь рукой о стену, чтобы встать, и кидаюсь к открытому окну за деревянным садовым ящиком, наполненным овощами (и одуванчиками). Я перепрыгиваю через коробку, раздавив при этом огурец, а затем открываю москитную сетку, вползаю в класс и приземляюсь на пол задыхающейся кучей.

К сожалению, там никого нет, так что я всё ещё предоставлена сама себе. Бросаюсь к двери и распахиваю её, врываясь в пустой коридор.

Второй из двух нападавших на меня стоит там с ножом в руке.

Иисус.

— Это сумасшествие! — кричу, мой голос эхом отдаётся в пустом коридоре. Где, чёрт возьми, *все*? Я срываюсь в кафетерий, поскользываясь на полу, когда пробираюсь мимо столиков для пикника в направлении пожарного выхода. Позади меня раздаются шаги, они быстро приближаются. И хотя в последнее время я занимаюсь серфингом, я всё ещё немного не в форме; задыхаюсь как сумасшедшая.

Мой третий нападающий, гораздо меньшего телосложения, выскакивает из-за мусорного бака, одетый в ещё одну невзрачную чёрную толстовку с капюшоном и вооруженный электрошокером. Долбаный электрошокер. И где мой, когда он мне понадобился? Верно, у Моники, потому что мне не разрешают приносить в школу чёртово

оружие. *Нахуй мою жизнь.*

Попытка остановиться на этих покрытых воском полах — верный путь к катастрофе, и в итоге меня заносит, и я врезаюсь в ноги придурка номер три. Она — это определено *она* — издаёт женский стон и падает на меня сверху. Она не может использовать электрошокер в такой непосредственной близости, но эта дама чертовски уверена, что сможет удерживать меня столько, сколько ей понадобится, пока сюда не доберутся двое других парней.

— *Отпусти меня!* — кричу я, и звук хлопающей двери на кухне эхом разносится по комнате.

— Что, чёрт возьми, здесь происходит? — спрашивает одна из поваров, выбегая из двери, ведущей на кухню столовой, с ножом в руке. Девушка, которая меня удерживает, пинает меня и ругается, поднимаясь на ноги. Я не до конца уверена, что одной разгневанной поварищи достаточно, чтобы остановить этих уродов, поэтому пробираюсь вперёд к выходу, хватаюсь за ручку, чтобы подняться на ноги.

Дверь распаивается передо мной, впуская волну солнечного света, когда я поворачиваюсь и хлопаю по ней ладонями, чтобы заставить её закрыться.

Последнее, что вижу перед тем, как она закрывается — это трио придурков в толстовках, уставившихся на меня. Обернувшись, я обнаруживаю, что смотрю на группу детей-готов, курящих сигареты. Я улыбаюсь; они не улыбаются в ответ. И я заставляю себя пройти мимо них так медленно, как только могу.

Никто не следует за мной из кафетерия, но чего бы ни добивались эти психи — это сработало.

Я до смерти напугана.

Запугивать меня, пока я была в Адамсоне, спала в комнате Дженики, исследовала общежитие для девочек — в этом был смысл.

Сейчас... его нет.

Что, чёрт возьми, происходит, во имя вечной любви?!

— Ты, блядь, должно быть, издеваешься надо мной? — бормочет Тобиас, когда Спенсер подходит к нему сзади. Мика сидит слева от брата, в то время как Черч отдыхает на заднем плане. Рейнджер подходит к экрану вплотную.

— Как ты думаешь, нападавшие на тебя были мужчинами или женщинами? — спрашивает он, сжав губы в тонкую линию. Он выглядит готовым кого-нибудь убить.

— Двое мужчин, одна женщина, как мы и думали, — отвечаю я, выдыхая и проводя руками по лицу. Я сообщила о нападении в службу безопасности, но после обыска в кампусе не было обнаружено никаких доказательств каких-либо правонарушений. Так получилось, что камеры видеонаблюдения вышли из строя во время инцидента. Хотя они приняли мое

заявление, я могла бы сказать, что двое полицейских-мужчин скептически отнеслись к моей истории. Придурки. — Как вы думаете, мне следует позвонить отцу и поговорить с ним об этом?

— Чёрт возьми, да, — огрызается Рейнджер, закрывая глаза и прикрывая рот рукой. Он снова открывает их, эти тёмно-сапфировые радужки пронзают меня насквозь. Он на другом конце страны, и всё же он мог бы убить своим свирепым взглядом. — Это чертовски серьёзно.

— Он мне не поверит, — бормочу я, но Рейнджер бросает на меня обжигающий взгляд. Интересно, он действительно думает обо мне как о замене Дженики?

«Надеюсь, что нет», — думаю я, неловко ёрзая на диване в комнате для гостей Моники. Вот насколько велико это место, в спальне есть собственный камин и зона отдыха. Я надеюсь, что в конечном итоге они не потеряют его из-за потери права выкупа, как предполагал Мика.

— Он поверит. Он отослал тебя не просто так. Он знает больше, чем показывает, — выдыхает Рейнджер. — У тебя уже была возможность закончить дневник?

— Я еще в процессе, — говорю я, мои мысли возвращаются к Дженике. Она действительно писала о каких-то хреновых вещах, но она также описывала свои страхи, надежды и мечты. Зная, что её больше нет, пережить это нелегко. Когда я это читаю, мне всегда хочется плакать.

— Мы тут кое-что разузнали, но с тех пор, как ты ушла, всё было тихо. Чего я не понимаю, так это почему ты получала записки с просьбой уйти только для того, чтобы нападавший преследовал тебя?

— Может быть, это розыгрыш? — предлагает Спенсер, кладя руки на спинку стула Тобиаса и наклоняясь вперёд. Я вдыхаю аромат Кеннет Коул Блэк, который купила специально для таких моментов. Его бирюзовые глаза притягивают и удерживают моё внимание. — Ты рассказывала кому-нибудь ещё о записках или нападениях? Монике? Тому придурку, Коди?

— Никому, — твёрдо говорю я. И на самом деле, это не совсем в их стиле. Моника слишком дрянная девчонка, а Коди... ну, он не такой уж умный. Тонкость точно не в его компетенции.

— Итак, записки не обязательно связаны с нападениями, — размышляет Черч, откидываясь на спинку стула и скрещивая длинные ноги в коленях. — Мы ищем две разные группировки.

— Кто-то пытался защитить тебя, — говорит Тобиас, обмениваясь взглядом со братом. Брови Мики поднимаются вверх. Мой взгляд скользит к Черчу, чей полуприкрытый взгляд и чрезмерно спокойное поведение заставляют меня задуматься. В ту ночь он запер меня в багажнике; кто-то меня выпустил. Кто-то, у кого были ключи, но кому не нужно было заходить в дом, чтобы разбудить папу. И этот самый кто-то ждал, чтобы погнаться за мной с ножом, и всё же...

— Первый нападавший с ножом, — выпаливаю я, и всё складывается воедино. Мой взгляд перебегает на Черча, но он отвечает на мой взгляд своим холодным. — Это автор записок. — Я щёлкаю пальцами, испытывая огромную гордость за себя. — Я имею в виду, если он был там с ножом и хотел убить меня, почему просто не сделал этого, как только открыл багажник?

— И в тот раз там был только один человек. В других инцидентах каждый раз

участвовало по меньшей мере два человека, — продолжает Рейнджер, доставая блокнот и записывая всё это. Я замечаю, что это розовый блокнот с золотыми краями и единорогом на обложке. Для парня, который расхаживает в армейских ботинках, постоянно орёт на людей, курит сигареты и щеголяет татуировкой на груди, ему определённо нравятся милые вещи.

— В первый раз — мужчина и женщина. Во второй раз — двое мужчин. — Я киваю подбородком и выдыхаю. — Ладно, в этом больше смысла, но также это означает, что люди, которые действительно пытаются убить меня, здесь. — Я на мгновение задумываюсь над этим, а затем поднимаю взгляд. — В школе кто-нибудь пропал? Студенты? Учителя? Жуткий Натан?

— Жуткий Натан определённо здесь, — хором отвечают близнецы, переглядываясь. — Но библиотекаря — нет.

— Мистер Дэйв? — спрашиваю я, и они оба кивают, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня. Их красно-оранжевые волосы взъерошены и торчат во все стороны, смазаны гелем, чтобы сохранить форму, и чертовски очаровательны. Жаль, что я не могу провести по ним пальцами. Вместо этого я прикусываю губу и складываю руки на коленях. — Он вёл себя со мной как полный придурок. Это, и ему никогда не нравилось, что я роюсь в ежегодниках. — Я делаю паузу. — А как насчёт мистера Мерфи?

— Он был здесь сегодня, — сообщает Спенсер, всё ещё облокотившись на стул, его галстук цвета шампанского свисает вниз. — Но Марка не было. Пара его приятелей по футболу тоже пропали без вести.

— Ну всё же Юджин был его лучшим другом, — говорит Рейнджер, тихо ворча себе под нос. — Что за монстр мог вот так повесить своего приятеля на дереве? И почему? Очевидно, что у Дженики и Чака есть какая-то связь. — Рейнджер поднимает один палец. — Во-первых, они обе девочки. А во-вторых, они обе каким-то образом связаны со мной. Но Юджин? Я едва знал этого парня.

Я достаю камень из кармана и смотрю на него, стараясь не слишком сильно задумываться о безголовой птице.

— Спенсер, — начинаю я, потому что мне только что кое-что пришло в голову.

— Да? — спрашивает он, когда я поднимаю глаза от камня к его лицу, такому далекому и в то же время такому чёткому, ясному и прекрасному на моем экране. Это, как если бы я просто подняла пальцы вверх, я могла бы протянуть руку и прикоснуться ими к его губам.

— Когда мы пошли искать тебя в десятом домике, то обнаружили, что заднее стекло разбито, а входная дверь заперта на засов. Ты знаешь, что там произошло?

— Э-э, да, — отвечает он, выпрямляясь и засовывая руки в карманы своих брюк. — Кто-то запер меня, пока я спал, и я не мог выбраться. Заднее стекло не открывается, и я не собирался спускаться со второго этажа. — Он пожимает плечами. — В то время я не придавал этому особого значения; я думал, что это была шутка сотрудника или что-то в этом роде. Но теперь, когда вы упомянули об этом, Джека это тоже напугало.

— Джек, да? — Рейнджер вздрагивает, и Спенсер бросает на него взгляд.

— Не начинай о моём брате, чувак, — предупреждает он, но у Рейнджера на лице всё то же решительное выражение прищуренных глаз.

— Это он подбивал тебя тусоваться с ним всю неделю, каждый день допекал тебя и предлагал не проверять сообщения, пока ты не остынешь?

— К чему ты клонишь? — огрызается Спенсер, сильно хмурясь. — Джек не замешан в этом дерьме. С чего бы ему? Что бы он от этого выиграл?

— Давайте сделаем шаг назад, — предлагает Черч, поднимаясь на ноги. — Шарлотта, ты собираешься поговорить с отцом?

— Можно испытать удачу. Что он сделает? Отправит меня обратно в Адамсон? — я могу только надеяться. Выдыхаю, позволяя своему взгляду скользнуть по лицам парней. Я ничего так не хочу, как вернуться в Адамсон прямо сейчас, но вместо этого я совсем одна в Санта-Крузе с тремя психами на хвосте. — Пожелайте мне удачи, парни.

А потом я вешаю трубку и набираю номер Арчибальда Карсона.

Наш разговор проходит не очень хорошо.

— Мне уже позвонили из школы, — это первое, что он говорит мне, нахмурившись. — И, честно говоря, Шарлотта, я начинаю сомневаться в достоверности твоих рассказов. Никогда нет никаких доказательств, и инциденты, кажется, происходят только тогда, когда ты чего-то хочешь. Во-первых, потому, что ты не хотела быть здесь. А теперь это потому, что ты не хочешь там быть. И что я должен с этим делать?

Я таращусь на него, разинув рот.

— За мной гнались три человека с бейсбольной битой, ножом и электрошокером, а тебе насрать, ты это хочешь сказать? — Арчи снимает очки и потирает переносицу.

— Послушай, Шарлотта, я всё ещё разбираюсь с тем случаем плагиата. Студенты, которые участвовали, наняли *юристов*, они действительно участвовали в том мозаичном плагиате, но это трудно доказать в суде, так что же мне с этим делать? Это вдобавок к тому факту, что студент покончил с собой под моим руководством. Я вполне могу потерять свою должность, и, если это произойдёт, моя репутация будет подорвана. Я никогда не получу другую работу преподавателя. — Обида и разочарование в его голосе очевидны, но я хочу, чтобы он также верил мне, даже если у него стресс, беспокойство, переутомление. Мне *нужно* это от него.

— Карма рано или поздно настигнет этих вороватых засранцев, — говорю я, махая рукой в сторону напористых студентов и их нелепых адвокатов. — Но мне здесь действительно страшно, папа. Эти люди следовали за мной из Адамсона. У меня на спине мишень.

— Ты хочешь остаться с матерью? — спрашивает он наконец, поднимая голову. — Ты разбила ей сердце, сбжав в аэропорту. Ты ведь понимаешь это, верно? — я отвожу взгляд, но я не хочу говорить об этом. У меня сложные отношения с мамой. — Отлично. Я перезвоню в школу и сообщу им о своих опасениях, это поможет? — я киваю, и папа замолкает. Наступает этот странный неловкий момент молчания, когда я почти чувствую, что он может произнести слово на букву «Л». Но потом это проходит, и он снова вздыхает. — Спокойной ночи, Шарлотта. Позвони мне завтра.

Отец вешает трубку, и я плюхаюсь на кровать.

Трудно заставить других поверить тебе, когда нет ни малейших доказательств, раз за разом. Но я отказываюсь закончить как Юджин или Дженика, раскачиваясь на ветках дерева, и единственным звуком будет скрип верёвки и шёпот ветра.

Ни за что, чёрт возьми.

На следующее утро меня сопровождают в школу мужчина и женщина в чёрном внедорожнике. Первое, что я делаю, это отправляю сообщение ребятам, чтобы узнать, знают ли они что-нибудь об этом.

«Частная охрана. Школьный совет Адамсона не имеет никакого влияния на то, что происходит в Санта-Крузе».

Первым реагирует Тобиас. Я засовываю телефон обратно в карман и продолжаю день, пытаюсь притвориться, что всё нормально. Сотрудники службы безопасности по большей части остаются в своей машине, но, когда я выхожу после школы с Моникой и направляюсь на пляж, они уже там.

— Кто они, чёрт возьми, такие? — спрашивает она, когда я достаю доску из её машины и несу её вниз, на песок.

— Просто... кое-какая охрана, которую наняли мои новые парни.

Я снимаю рубашку и шорты — мы здесь часто надеваем купальные костюмы под одежду — и бросаюсь в волны. Моника определённо не в себе, но какая-то часть меня хочет сохранить то, что случилось, в тайне. Так легче разобраться, кто говорит правду, а кто врёт.

«Даже не погружайся в эти мысли», — шепчет мой разум, но теперь, когда мне пришла в голову эта мысль, я не могу перестать задаваться вопросом, не Черч ли тот, кто писал мне записки. Он не хотел, чтобы я копалась в смерти Дженики, это он запер меня в багажнике, и мне всегда кажется, что он на шаг впереди всех нас. Я не думаю, что он на самом деле собирается убить меня, но, может быть, он действительно пытался спугнуть меня?

Впервые вернувшись, я была настолько не в форме, что это было даже не смешно, но последние несколько недель пошли мне на пользу. Я уже не совсем похожа на викторианское привидение, мои волосы выцвели на солнце добела, и у меня снова плоский животик. Придурковатый Чак в слишком большой униформе, с растрёпанными волосами и дурацкими очками кажется за миллион миль отсюда.

Я думаю... он примерно в трёх тысячах миль отсюда, в буквальном смысле, не так ли?

Я катаюсь на волнах, пока солнце не начинает садиться, а затем падаю на полотенце рядом с Моникой, полуголой и греющейся на солнце. Она приподнимает свои гигантские солнцезащитные очки, чтобы взглянуть на меня, тяжело дышащую и мокрую, мои светлые

волосы наконец-то отросли и свисают кудрявыми завитками вокруг лица.

— Зачем тебе понадобилась частная охрана? Твои новые парни ведь не из тех странных богатых контролирующих типов, не так ли? Поверь мне: я встречалась со многими из них раньше, и ты этого не захочешь.

— Нет, ничего подобного, — отвечаю я, тыкая пальцем в песок. Мимо проходит пара парней, кажется, ухмыляющихся *нам* с Моникой. Она одаривает их кокетливой улыбкой в ответ, в то время как я просто смотрю. Я так привыкла играть сына директора-интроверта, что почти забыла, какой была жизнь здесь раньше.

И всё же, я всё ещё хочу вернуться.

Если дело касается недвижимости, это может быть местоположение, территория, участок, но если касается *дома*, это компания, команда, сообщество.

Я выдыхаю и откидываюсь на полотенце, моя розовая доска для серфинга уютно устроилась рядом со мной, как старый друг.

По крайней мере, мне не нужно беспокоиться о смерти прямо сейчас. Я удивлена тем, какое облегчение испытываю, как будто, возможно, я жила с большим страхом и напряжением, чем предполагала.

Моника снова устраивается поудобнее, и некоторое время мы лежим в дружеской тишине, прежде чем я снова достаю телефон и продолжаю читать дневник Дженики. Это небольшая заноза в заднице — увеличивать изображения на этих старых страницах, её очень характерный почерк порой непросто разобрать. Он красив, просто супер стилизованный, но трудно читается.

Рик давит на меня, чтобы мы переспали, но я не готова. Он говорит мне об этом каждый день, и я больше не знаю, как сказать «нет». Я почти хочу сделать это просто для того, чтобы покончить со всем этим.

Я делаю паузу и сильно хмурюсь. Старый парень Дженики, Рик, живёт в Сингапуре и женат на местной жительнице. У него двое детей и какая-то важная должность в международной компании. Крайне маловероятно, что он замешан во всём этом, но, если я когда-нибудь встречу этого парня, то врежу ему по яйцам. Ни одна девушка или женщина не должна чувствовать себя так, как Дженика. «Нет» на самом деле означает чёртово нет.

Когда я снова поднимаю глаза к странице, я кое-что замечаю.

Дженика пишет свои «Р» с заглавной буквы, даже когда они находятся в середине слова. Внезапно садясь, я заправляю солнцезащитные очки в пропитанные солью волосы и перелистываю страницы.

Ага.

Она всегда заглавная, пусть и немного меньше, но тем не менее заглавная.

Затем я перехожу к изображению её предполагаемой предсмертной записки. Должно быть, Рейнджеру потребовалось чертовски много мужества, чтобы показать её нам. Просто сейчас расценивая его поступок, я чувствую тепло; он доверяет мне. У него нет для этого реальной причины, но он доверяет.

Я прикусываю губу.

«Дорогой ДжР» написано в начале записки, как пара инициалов, как у Джеффа Работа. Но что, если бы это был младший, как «Джуниор» вместо этого?

Я отправляю Рейнджеру сообщение о своих находках, моё сердце бьётся как

сумасшедшее. Может быть, это ерунда, но, может быть, это и есть та подсказка, которую мы так долго искали?

«Блядь», — это сообщение, которое он отправляет в ответ. И затем. *«Ты знала, что отец мистера Мерфи раньше преподавал в Адамсоне? У них был один год совместной работы, и мы привыкли называть старшего мистера Мерфи, Мерф-старший».*

Я прикусываю губу и пытаюсь сдержать визг. Может, и неправильно так волноваться из-за расследования убийства, но, эй, так оно и есть.

«Мы разберёмся с этим и свяжемся с тобой», — отправляет Рейнджер, и я убираю телефон обратно в сумку, возвращая внимание к прохладным голубым водам Тихого океана.

Если мистер Мерфи замешан в этом, то он должен быть автором записки, а не убийцей, верно? Я имею в виду, он подбивал отца отослать меня, не так ли? С другой стороны, может быть, это было просто прикрытием, чтобы избежать каких-либо подозрений в его адрес?

Как бы я ни была взволнована этим новым открытием, у меня есть предчувствие, что всё станет ещё хуже, прежде чем станет лучше.

В пятницу, когда все остальные заняты прихорашиванием для какого-то большого мероприятия у костра на пляже, я сижу в любимой закусочной на берегу океана и записываю всё в бело-розовый блокнот, который купила, потому что Рейнджер вдохновил меня. Я могла бы делать заметки на телефоне, но с перьевой ручкой и настоящей бумагой это гораздо веселее.

Список подозреваемых

Мистер Мерфи (фиолетовая ручка, странно относится к Дженике, мог бы быть младшим)

Мистер Дэйв (пропал в течение недели после нападения, имел доступ к пропавшему ежегоднику, полный придурок)

Эдди-уборщик (никогда не запирает то, что должен запираеть, интроверт, имеет доступ ко всем местам в Адамсоне)

Натан, ночной сторож (еле волочит ноги — АГА! носит оружие, также имеет доступ ко всем местам в Адамсоне)

Марк Грандэм (королевский кусок дерьма, дружил с Юджином, дыра в потолке, которая волшебным образом исчезла)

Дерьмовые друзья Марка по футболу (особенно его тупоголовый сосед по комнате, смотрите выше о волшебной исчезающей дыре)

Рик, бывший Дженики (женоненавистник, дрочила, придурок)

Джефф Работ (имя совпадает с именем младшего в записке, ненавидит парней, знал Дженику)

Мистер Йохансен (он заставил меня испечь этот дурацкий торт, я не знаю, все под подозрением)

Мистер Крачек (он едва может двигаться, так что, вероятно, нет, но неважно)

Тот учитель физкультуры, который толкнул меня в раздевалку и заставил увидеть все те члены (это маловероятно, но я записываю его)

Парень, который прислал мне фото из ежегодника (я ни за что на свете не вспомню его имени, тоже маловероятно, всё ещё считается).

Я делаю паузу и на мгновение постукиваю ручкой по краю губы, прежде чем продолжить.

Джек Харгроув (продавал наркотики Дженике, убедил Спенсера остаться с ним на всю неделю)

Кеша (спала с Рейнджером, была без сознания на земле во время нападения, может быть, в качестве приманки?)

Селена (она одолжила мне своё платье, но также есть нападавшая женщина, так что я должна с чего-то начать)

Астер (она заставила нас с Россом потанцевать с ней, я понятия не имею, почему я её записываю)

Ещё одна пауза. Я откусываю кусочек рыбы с жареной картошкой, обильно поливаю соусом тартар и добавляю чуть-чуть соуса барбекю. Некоторые люди находят это ещё более отвратительным, чем кетчуп на яйцах или острый соус на французских тостах. Их потеря.

Я изучаю свой список и пытаюсь решить, стоит ли мне добавить в него Черча. Ну, его, или кого-либо другого из членов Студенческого совета.

Нет.

Ни за что на свете.

Я никогда раньше не чувствовала себя такой желанной гостьей в компании друзей. Когда я со Студенческим советом, то мы словно одна семья. Если я начну их подозревать, то скоро сыграю в ящик от беспокойства. Я должна кому-то доверять во всём этом, верно?

Но... только потому, что он придурок...

Росс (он мне вроде как нравится, но в то же время он сволочь, раньше был влюблён в Спенсера)

Я бросаю ручку на блокнот, делаю фотографию и отправляю её в групповой чат с ребятами, просто чтобы посмотреть, есть ли у них ещё что добавить. Кратковременное волнение от того, что я действительно составила список, мимолётно, потому что, когда я смотрю на него, то понимаю, как мало мы на самом деле знаем.

Внизу я добавляю: *странный камень, красный воск, мёртвая птица, два ключа.*

Да, это полезно.

Чтобы действительно разобраться во всём этом, мне нужно вернуться в Адамсон. Я просто не уверена, что это когда-нибудь станет возможным.

Я доедаю, собираю свои вещи и возвращаюсь к Монике, а чёрный внедорожник следует за мной по пятам.

Последний учебный день, к счастью, длится полдня. Я так взволнована тем, что выберусь отсюда, что практически пишу. Когда выхожу на улицу с Моникой и несколькими другими девушками, я внезапно останавливаюсь с открытым ртом.

Вдоль обочины припарковано несколько спортивных автомобилей, и все они чертовски красивее, чем те, что даже у богатых ребят из школы Санта-Круза. Две из них — одинаковые «Ламборджини», а другая — блестящая чёрная... ну, какая-то. Я не очень разбираюсь в автомобилях. Но выглядит она чертовски дорого.

— Чак! — кричат близнецы, махая в унисон, а затем несутся ко мне вверх по кирпичным ступеням. Тобиас первым подхватывает меня на руки, кружит по кругу и сжимает так крепко, что я чувствую, как по мне пробегают маленькие тёплые мурашки.

Я так взволнована возможностью увидеть его, прикоснуться к нему, понюхать его, что едва могу дышать.

«Мне не терпится почувствовать запах своего парня? Это так ненормально».

— Скучал по тебе, придурок, — шепчет Тобиас мне на ухо, заставляя меня вздрогнуть. Он опускает меня на землю, а его брат подхватывает меня следующим, обнимая так же тепло и всеохватывающе, как его брат-близнец. Может, он и «самый злой» из них двоих, но в его придурковатом характере ещё много сердечности.

— Скучала по нам? — шепчет он, а затем запечатлевает маленький тайный поцелуй возле моего уха, от которого меня бросает в дрожь. Когда он опускает меня на землю, я вижу, что Спенсер ждёт меня.

— Чак, — говорит он, засовывая руки в карманы джинсов. Лично он намного красивее, чем по телефону, у меня на минуту перехватывает дыхание, и мне приходится трижды сглотнуть, прежде чем я могу заговорить.

— Привет, — отвечаю я, как ни в чём не бывало. Я заправляю прядь волос за ухо и притворяюсь невозмутимой. Не работает. Спенсер просто улыбается своей лисьей ухмылкой.

— Серьёзно, Чак? Ты действительно свинья в заднице — брюки или юбка, похоже, не имеет значения. — Он обхватывает пальцами мою шею, притягивая меня ближе и даря поцелуй, который прожигает меня насквозь, этот пылкий взрыв фейерверка, который освещает всю мою душу. *Святой ад.* Его язык скользит по моему, и я стону, прижимаясь к нему всем телом, кладу ладони на белый хлопок его футболки и впиваюсь в него накрашенными розовым лаком ногтями.

— Снимите комнату, — фыркает Мика, и я ухмыляюсь, отступая назад, чтобы увидеть Рейнджера и Черча, ожидающих внизу лестницы. Я, не задумываясь, обвиваю руками шею Рейнджера. На минуту он кажется удивлённым, но потом обнимает меня в ответ.

«Чёрт, он мог бы проводить занятия по всем этим штучкам с объятиями».

— Что вы, ребята, здесь делаете? — спрашиваю я, отстраняясь, а затем смотрю на Черча. Он не кажется самым подходящим для объятий человеком в мире, но потом я вспоминаю, как он приносил мне шоколад и грелку во время месячных.

В уголках его глаз появляются морщинки, и он одаривает меня своей самоуверенной улыбкой.

— Иди сюда, Чак, — говорит он, а затем на удивление крепко обнимает.

— Что, блядь, всё это значит? — спрашивает голос у меня за спиной, и я

поворачиваюсь, чтобы увидеть Коди, стоящего всего в нескольких футах от Моники. Он оставил меня в покое на последние два с половиной месяца, а *теперь* хочет что-то начать? Говорила же вам, что он идиот. — У тебя теперь есть свой собственный гарем или что?

Я оборачиваюсь, всё ещё находясь в объятиях Черча, и вижу, что Коди смотрит на нас сверху-вниз. Близнецы обмениваются взглядами, а Спенсер стискивает зубы. Мы здесь на быстром пути к насилию, и мне это не нравится. Мантра Студенческого совета для людей, которые их выводят из себя: избежите их. Не то чтобы я была против того, чтобы увидеть лицо Коди, размазанное по бетону. Просто мне не так хочется начинать своё воссоединение с ребятами.

— Это тот самый изменяющий парень? — спрашивает Черч, делая глоток кофе, который держит в правой руке. Я киваю, и он улыбается. — Понимаю. Тогда он не стоит нашего времени.

— Это стоит моего времени, чтобы надрать его изменяющую задницу, — говорит Спенсер, но Рейнджер протягивает руку и хватается за него.

— У нас другие планы, чувак. Оставь его.

— Ага, берите свою шлюху и развлекайтесь, засовывая друг другу в задницы, пока ждёте своей очереди, — рычит Коди, и несколько его друзей смеются.

Челюсть Спенсера сжимается, и близнецы обмениваются взглядами, как будто все они собираются пойти на убийство. Вместо этого Рейнджер без предупреждения подходит к Коди, обхватывает его рукой за шею и фиксирует его голову.

— Какого чёрта... — голос Коди обрывается, когда Рейнджер сжимает его чуть крепче, мышцы на его руках бугрятся, на лице — мрачная маска, которая напугала бы меня до смерти, если бы я была одним из маленьких пронырливых друзей Коди.

Должно быть сработало, потому что они все отступают на шаг.

— Кто научил тебя так обращаться с женщинами, ты, маленький подонок? — спрашивает Рейнджер, пока Коди мечется вокруг, его лицо розовеет. — Или кем-нибудь еще, если уж на то пошло? Ты ни хрена не знаешь ни о Шарлотте, ни об её отношениях, ни с кем из нас. — Он отпускает его, и мой бывший падает на землю, задыхаясь и кашляя. Рейнджер хрустит костяшками пальцев, и я признаю, что эта супер-первобытная часть меня начинает визжать при мысли о том, что он вмешивается, чтобы защитить меня. Но, типа, я тоже могу защитить себя.

— Ты изменил мне с моей лучшей подругой, Коди. И знаешь, что? Я просто отошла от этого. Чёрт, я даже *простила* Монику. Но ты явно не сожалеешь и не видишь ничего плохого в том, что ты сделал. Так что... ебись как хочешь. — Я спускаюсь по ступенькам и подхожу к открытому окну его джипа, достаю из сумки розовую авторучку и втыкаю её прямо в центр его красивого кожаного сиденья.

— Что за нахер?! — выпаливает он, спотыкаясь, бежит ко мне, проводя пальцами по заиндевевшим кончикам своих песочных волос. Я вытаскиваю ручку и втыкаю её в другое место, поворачиваясь к нему и вызывающе вздёргивая подбородок.

— Предполагается, что джип покупается для активного отдыха на природе, а не из-за кожи. Это выглядит чертовски глупо, и тебе следует серьёзно подумать о приобретении тканевой обивки. — Я протискиваюсь мимо него, и он хватается за руку, впиваясь пальцами в мою кожу так сильно, что уверена, от них останутся синяки.

— Послушай меня, ты, уродливая сука...

Дальше этого он не продвинулся, потому что Рейнджер оттаскивает его назад за

футболку, разворачивает и бьёт так, что Коди падает на землю, как мешок без костей.

Остальная часть школьников наблюдает за происходящим в полном шоке. Моника даже снимает свои солнцезащитные очки и бросает их на тротуар рядом с собой.

— Пошли, — говорит мне Рейнджер, когда близнецы и Спенсер ухмыляются. Черч приподнимает бровь, всё ещё прислонившись к боку какого-то гладкого чёрного седана... Я думаю, это «Роллс-ройс»? Это соответствует его характеру. В то время как близнецы ездят на роскошном спортивном автомобиле, у него что-то элегантное и сдержанное. — Нам предстоит долгая поездка.

— Нам? — спрашиваю я, когда Рейнджер уводит меня прочь, и близнецы вступают друг с другом в эпическую войну пальцев, чтобы узнать, в чьей машине я поеду.

— Да, — говорит Рейнджер, но больше ничего мне не рассказывает, поскольку Спенсер скользит на пассажирское сиденье одной из «Ламбо» и сажает меня к себе на колени.

Я всегда готова к приключениям... особенно приятно то, что я вижу коматозное состояние моего бывшего парня, когда мы отъезжаем от обочины.

Карма — сука, не так ли?

— Что вы, ребята, здесь делаете? — я повторяю, как только благополучно усаживаюсь на колени Спенсера, а Мика садится за руль «Ламбо». Он водит как чёртов скоростной демон, и я понимаю, что мы участвуем в какой-то гонке с Тобиасом. Черч ведёт другую машину, «Фантом», или как там Мика её назвал, но он совершенно определённо не участвует в гонке. Мы оставляем его в пыли.

— Сейчас летние каникулы, разве нет? — спрашивает Мика, оглядываясь на нас, когда проезжает мимо нескольких медленно движущихся машин на обочине. *«О Боже, он водит ещё хуже, чем Моника. Мы все умрём».* — Почему бы нам не быть здесь?

— Разве ты не хотела, чтобы мы приехали? — спрашивает Спенсер, приподнимая тёмную бровь.

— Вы даже не представляете, как я рада, что вы здесь, — отвечаю я им как раз перед тем, как осознаю, куда мы направляемся. Мы направляемся на юг, в сторону Лос-Анджелеса. — Я просто немного удивлена, что вы, ребята, проделали весь этот путь, чтобы увидеть меня.

— Э-э, мы же говорили тебе, что сделаем это, не так ли? — Мика закатывает свои зелёные глаза, а затем жмёт на газ, и мы вливаемся в поток машин. Моё тело оказывается прижатым к телу Спенсера, но я не возражаю. Нет, я почти уверена, что мне досталось лучшее место.

— Куда мы направляемся? — спрашиваю я, когда он сворачивает на трассу I-5 на юг, Тобиас не сильно отстаёт от нас. Но затем мы выезжаем на автостраду, и там «Фантом»,

управляемый Черчем, мчится впереди нас по скоростной полосе.

— Вот сукин сын! — рычит Мика, вдавливая педаль в пол. Мы летим по дороге, а я молча молюсь всем богам, которые меня услышат, чтобы я сегодня не умерла. Дорожно-транспортное происшествие — не самый предпочтительный для меня вариант, большое вам спасибо.

— У нас для тебя сюрприз, — произносит Спенсер, шепча что-то мне в шею и заставляя меня поёжиться. Я в некотором роде отчаянно хочу побыть с ним наедине, если вы понимаете, к чему я клоню. Или... с близнецами. Хотя, поскольку у нас никогда раньше не было такого времени наедине, я ещё чертовски нервничаю.

— Какого рода сюрприз? — спрашиваю я, но Спенсер и Мика просто обмениваются взглядами и ухмылками.

Несколько часов спустя мы останавливаемся передохнуть, пока Черч доликает себе кофе, а другие парни направляются в туалет, оставляя нас вдвоём в вестибюле.

— Ты правда не скажешь мне, куда мы направляемся? — спрашиваю я, но Черч только улыбается, отхлёбывает кофе, а затем хмурится.

— Боже, он отвратителен. Возможно, мне придётся зайти в Старбакс или ещё куда-нибудь. Не то чтобы там было намного лучше. — Он все равно выпивает кофе, а затем снова наполняет свою чашку. — И нет. Разве ты не знаешь, что такое сюрприз?

— Я чуть не умерла на прошлой неделе. Неужели тебе меня не жаль? Что, если я не дотяну до сюрприза? — я беру пенопластовый стаканчик и наполняю его, делаю глоток и съёживаюсь. — Ладно, я даже не кофейный сноб, но ты прав: он отвратителен. — Черч смеётся, когда я выливаю коричневую жижу в ближайшее мусорное ведро. — Ты всё ещё пьёшь его? — спрашиваю я, когда оглядываюсь и вижу, что он прикончил половину чашки.

— Это часть моей личности, — говорит он, и я удивлённо моргаю, полностью поворачиваясь к нему лицом и облакачиваясь на край стола.

— Что ты имеешь в виду? — спрашиваю я, склонив голову набок, и светлые локоны падают мне на лоб. Сейчас это почти приемлемая длина. Ну, и я поправила все локоны этим утром, чтобы хорошо выглядеть в последний день учёбы. Жаль только, что я не могла провести его в Адамсоне с колтунами в волосах, грязными очками и мешковатой униформой. И это даже не шутка.

— Я имею в виду, — начинает Черч, вытягивая длинную руку и позволяя своей чашке упасть в мусорное ведро. Он наклоняется ближе ко мне, проводя пальцем по линии бретельки моей майки, заставляя меня вздрогнуть. *Он... действительно прикасается ко мне?* Я не забыла, как он избегал меня в тот день, когда передал мне банку кофе. Этого парня действительно трудно понять, и в нём гораздо больше нюансов, чем я изначально думала. — Это приятный маленький признак, который люди могут использовать, чтобы описать меня. Кто такой Черч Монтегю? О, он президент Студенческого совета и любит кофе.

— Позволь мне уточнить: ты выбрал черту характера, чтобы придать её себе? — спрашиваю я, и его лицо слегка вытягивается. Я ожидаю, что его чересчур жизнерадостная натура примчится обратно. Вместо этого выражение его лица мрачнеет ещё больше.

— Почему бы и нет? Если это помогает людям понять меня, то что в этом плохого? Это не полная ложь: я действительно люблю кофе. — Он снова откидывается назад, на лице застывает задумчивая меланхолия. Черч выглядит одиноким. Вот что это такое. Он похож на меня до того, как я нашла Студенческий совет.

— Расскажи мне что-нибудь реальное о себе, — говорю я тихим голосом.

Единственный звук в кирпичном здании — жужжание торговых автоматов. Моё сердце бешено колотится, и я нервничаю из-за того, что другие ребята выйдут и увидят нас с Черчем... стоящих и тихо болтающих? На самом деле, мы не делаем ничего предосудительного, но почему-то мне так кажется.

Этот обмен ощущается как нечто интимное.

— У меня пять сестёр, — отвечает он, но не улыбается. — Только никто из них не состоит со мной в кровном родстве. — Он смотрит на меня своими янтарными глазами, этот золотой мальчик, у ног которого весь мир, и он выглядит чертовски несчастным из-за этого.

— Не связаны кровным родством? — спрашиваю я, и Черч выдыхает, закрывая свои прекрасные глаза.

— Ты знаешь, что такое синдром самозванца? — спрашивает он, снова открывая их. Я качаю головой, и он улыбается мне, но это не его обычная ослепительная улыбка. Вместо этого это мягкая, печальная улыбка.

— Это когда тебя хвалят за то, чего, по твоему мнению, ты не заслуживаешь, когда ты член клуба, к которому не принадлежишь. И мне здесь не место. Все думают, что это так, но это не так.

— Чертовски мерзко, — кричит Спенсер, распахивая дверь уборной ладонями, когда близнецы выходят следом за ним, ухмыляясь от уха до уха. — Вы меня обоссали.

— Мы этого не делали, — спорят они, подходя и становясь рядом со мной и Черчем. Момент прошёл так же быстро, как и наступил, и я остаюсь наблюдать, как президент Студенческого совета берёт себя в руки, придавая лицу ироничное выражение, когда он оглядывает своих разномастных членов совета. — Мы пересекали ручьи.

— Да, и несколько капель попало мне на туфли, — возражает Спенсер, когда я приподнимаю бровь. Вау. Ладно, есть некоторые аспекты посещения школы для парней, по которым я не скучаю. Постоянные ссоры у писсуара — одна из них.

— Лжец, — напевают близнецы, показывая ему языки и скрещивая руки на груди. Я смотрю на них и знаю, что технически мы должны встречаться, но всё, что я чувствую — это сильное притяжение, наполовину вызванное чувством вины, наполовину отчаянным, ноющим желанием.

Мой взгляд перемещается на Спенсера.

— Что вы двое здесь делали? — спрашивает он как раз в тот момент, когда Рейнджер выходит из уборной, и входит девушка с волосами цвета розового золота, а за ней компания из пяти красивых парней.

«Интересно, такая же ли сложная у неё жизнь, как у меня?» — думаю я, когда она слегка улыбается мне и исчезает в женском туалете. Её окружение направляется в мужской туалет, и снова всё стихает.

— Просто болтали, — отвечает Черч, пренебрежительно махая рукой. — Может, продолжим? Мы почти на месте.

— Почти где? — я стону, умоляюще складывая руки вместе. — Вы должны мне сказать. В какой-то момент я должна проинформировать отца. — Я хмурюсь, но продолжаю. — Ну, пожалуйста?

— Поцелуй нас, и мы тебе расскажем, — говорят близнецы, наклоняясь по обе стороны от меня. Я чмокаю каждого из них в щеку, а затем отталкиваю их назад. Спенсер не удивлен, но ничего не говорит.

— Ладно, так куда мы направляемся? — повторяю я, переводя взгляд с одного на

другого. Они просто ухмыляются, и Тобиас стаскивает с себя толстовку.

— Становится холодно, — говорит он, натягивая её мне на голову, пока я мечусь и пытаюсь освободиться. У него свой неповторимый аромат, острота кедра и ветивера с оттенком вишни. — Кроме того, мы солгали. Извини, нам не жаль. Поторопись, Чак.

— Я рада, что не поцеловала вас в губы! — кричу я, стягивая толстовку и освобождая голову, свирепо глядя на их удаляющиеся спины, самоуверенные, высокие, мускулистые, сексуальные и уверенные в себе.

Мудаки.

— Ты могла бы, ты же знаешь, — тихо говорит Спенсер, засовывая руки в карманы чёрных джинсов, в то время как Черч и Рейнджер обмениваются взглядами, а затем отходят, чтобы дать нам минутку уединения. — Я имею в виду, поцеловать их. — Он поднимает на меня свой сверкающий, как драгоценный камень, взгляд и дарит полуулыбку, которая творит всевозможные чудеса с моими внутренностями. Моё сердце начинает выполнять гимнастические упражнения, в то время как желудок кружится как балерина. Я чувствую одновременно тошноту и приподнятое настроение. — Сделка есть сделка. Кроме того... — он делает шаг ко мне, и я автоматически запрокидываю голову, ожидая поцелуя, желая поцелуя, *отчаянно нуждаясь* в нём. — Я думаю, то, что у нас есть, могло бы продолжаться вечно, и я не хочу, чтобы ты задавалась вопросом, что могло бы быть. Я твой первый, и я хочу быть твоим последним, поэтому мне нужно, чтобы ты знала, что сделала правильный выбор.

— Тебя никогда нельзя было считать неправильным выбором, — говорю я ему, но парень прерывает меня поцелуем, который обжигает так горячо, что я не могу сопротивляться, когда он толкает меня спиной к торговому автомату. Огонь бежит по венам, заставляя мою кожу натянуться, причиняя мне боль.

Спенсер прикусывает мою нижнюю губу и втягивает её в рот, дразня меня смешком, который я чувствую до самых костей.

— Дай Тобиасу и Мике шанс, я не боюсь. — Он отступает от меня и выдыхает, протягивая руку, чтобы коснуться моего лица, его большой палец проводит по дрожащей, ноющей влаге моей нижней губы. — Единственное, чего я боюсь, — это потерять их или потерять тебя. И если они чувствуют хотя бы малую толику того, что я чувствую к тебе, тогда, по крайней мере, давай попробуем. Я лучше совершу несколько небрежных ошибок вместе, чем буду наблюдать, как ревность разлучает нас.

— Ты удивительно зрелый для мудака, торгующего травкой, — молвлю я ему, останавливаясь, когда девушка с волосами цвета розового золота выходит из уборной, притворяясь, что не смотрит на нас из-за нашего странного сексуального напряжения. Она вежливо извиняется и выходит на улицу.

— Я полон сюрпризов, — говорит Спенсер, снова делая шаг вперёд и обнимая меня. Он прижимается губами к моему уху. — Включая тот, о котором ты не знаешь, пока мы не доберёмся туда.

Он со смехом отстраняется, и я краснею, пыхтя, когда выхожу за ним на улицу. В наказание вместо этого я сажусь в блестящий чёрный «Роллс-ройс» вместе с Рейнджером и Черчем.

Они, кажется, удивлены, увидев меня, но не жалуются.

— Есть какие-нибудь новости на фронте мистера Мерфи? — спрашиваю я, но Рейнджер качает головой, взъерошивая чёрные волосы ногтями, покрашенными синим. От него пахнет

кожей и сахаром, когда я наклоняюсь ближе и делаю глубокий, тихий вдох, чтобы насладиться запахом. Может быть, это странно, но я ничего не могу с собой поделать. Он — идеальное сочетание сладости и опасности.

— Ничего. После твоего ухода всё как будто стихло. Я имею в виду, кроме того факта, что он был чрезвычайно мил. Меня от этого тошнит.

— Ах, да, адская проблема учителя, который слишком добр к ученику. Это, безусловно, доказывает его вину.

Рейнджер поворачивается и свирепо смотрит на Черча, а я хихикаю.

— Может быть, это ерунда? Может быть, он просто супер приятный парень, который учится в младших классах — как и многие парни, могу добавить — и у него есть фиолетовый фломастер, и он знал Дженику. Это могло бы быть буквально так просто. — Я откидываюсь на мягкие кожаные сиденья и притворяюсь, что не провожу по ним ладонью, вытирая всё дерьмо из салона.

— Я забыл: крестьяне ведь любят кожу, не так ли? Так вот почему ты проткнула сиденья своего бывшего? Что-то вроде восстания по типу Французской революции?

— И я забыла, как сильно ненавижу богатых людей. — Я щёлкаю Черча по уху, но он только ухмыляется. — Вернёмся к обсуждаемой теме: *убийству*. Никаких зацепок по Юджину? Вражда, происходящая за кулисами? Может быть, это как-то связано со сверхбогатыми и их политикой? Отец моей матери часто разглагольствовал о мировой элите; он был убеждён, что у сверхбогатых было что-то вроде тайного общества, которым они пользовались, чтобы играть всеми нами, как пешками.

— Так и есть: он называется Клуб Бесконечности, но сейчас это не важно, — произносит Черч, и я разеваю рот, как рыба. Существует суперсекретная организация богатых людей?! Что, чёрт возьми, на самом деле происходит? — Он не имеет к этому никакого отношения.

— Кто-то — нет, *трое* — следовали за мной всю дорогу до Санта-Круза, а затем набросились с оружием на готове. Мне это кажется огромным заговором. — Я скрещиваю руки на груди и вздыхаю, наклоняясь, чтобы порыться в своём рюкзаке. Он всё, что у меня есть. Парни настояли на том, что купят мне всё, что мне понадобится в этой поездке, включая одежду, обувь и зубную щётку. О, и близнецы очень хотели сообщить мне, что они предоставят бюстгальтеры и трусики в изобилии. Как великодушно с их стороны.

Я достаю блокнот и постукиваю ручкой по странице.

— Что ты делаешь? — спрашивает Рейнджер, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня своим фирменным хмурым выражением лица. Я поднимаю розовую тетрадь с белым котёнком на обложке, и, клянусь богом, у него на щеках появляется светло-розовый румянец. — Для чего это, чёрт возьми?

Или... может быть, мне это просто показалось? Да, держу пари, что так и было. Он придурок мирового класса.

— Это мой суперсекретный шпионский блокнот, придурок. Если кто-то собирается попытаться убить меня, я, по крайней мере, имею право поиграть в детектива, не так ли? Это единственная надежда, которая у меня есть.

— Как много из дневника Дженики ты прочитала? — спрашивает он, и его голос внезапно становится тихим и странным. Я с трудом сглатываю, но понимаю. Она через многое прошла, встречалась с Риком, но, возможно, дурачилась с Лайонелом, он же мистер Мерфи, и тусовалась с Джеффом и Джеком. А потом ещё эти неприятные моменты с

наркотиками. Дженика не была идеальной, но не заслуживала смерти.

— Всё, — отвечаю я ему, потому что только вчера вечером закончила. Самое жуткое в её дневнике — это то, что он обрывается на полуслове, как будто она всё ещё где-то ждёт, чтобы закончить эти свои странно добрую мысли.

На следующей неделе во время Кулинарного клуба я хотела бы посмотреть, смогу ли привнести немного соревновательного духа, собрав команду...

И всё. Только это. Больше ничего, это были последние слова, которые она когда-либо писала.

Ну, ладно, не последние слова.

Есть странный факт, что оторванный листок бумаги, составляющий её предсмертную записку, совпадает с оторванным краем последней страницы в дневнике. Рейнджер не сказал мне об этой части; он позволил мне разобраться с этим самостоятельно.

Дорогой младший, я думаю, они знают о нас. Я мало что ещё могу сделать. Если ты захочешь встретиться со мной, ты знаешь, где меня найти. Я буду ждать вместе с ангелами. С любовью, Джей.

Она оставила её в своей комнате в женском общежитии вместе со своим дневником. Серебряный ключ, открывавший её дверь, висел у неё на шее, но золотой ключ, ведущий в катакомбы, лежал в её старой комнате в общежитии для парней, она же моя комната.

Я рисую себе маленькую картинку, но от этого легче не становится. Никакие подсказки не осеняют меня, как это было однажды.

Рука Рейнджера тянется через сиденье, и он осторожно закрывает мой блокнот. Когда я поднимаю глаза, то вижу, что его сапфировые глаза смотрят на меня в темноте, подсвеченные лампочками на приборной панели.

— Отвлекись от этого на минутку, — говорит он, его пальцы касаются моих. — Мы здесь, ты в безопасности. Мы побеспокоимся об этом позже. Я думаю, нам всем не помешало бы поднять настроение.

— Как долго? — спрашиваю я, и, по крайней мере, мне кажется, Рейнджер знает, о чём я говорю. Он переплетает свои пальцы с моими и слегка сжимает их.

«*В этом ничего нет*», — говорю я себе, с трудом сглатывая. «*Между нами ничего не происходит, кроме дружбы*».

— В этой поездке всего три дня. Но потом мы останемся с тобой на всё лето. Теперь, когда мы знаем, что здесь тоже небезопасно, я хочу, чтобы ты вернулась в Адамсон.

— *Мы* хотим, чтобы ты вернулась в Адамсон, — говорит Черч почти загадочно. — И я думаю, что придумал план, как это осуществить.

Услышав это, я оживляюсь, и Рейнджер убирает руку.

— Как именно? — спрашиваю я, на время откладывая блокнот в сторону.

— Увидишь. — Загадочный ответ Черча приводит меня в бесконечное бешенство, но потом я вижу впереди знак, и мой рот открывается от удивления.

— Диснейленд? — спрашиваю я, и его улыбка становится шире. Рейнджер тоже на самом деле сверкает маленькой, редкой улыбкой.

— Грёбанный Диснейленд, — произносит он, и, клянусь, я визжу, обвивая руками шею

Рейнджера, а затем Черча. Оба парня напрягаются, как будто я дала им пощёчину, но я слишком взволнована, чтобы обращать на это внимание. Я никогда не была в Диснейленде, несмотря на то, что находилась совсем рядом. На самом деле это никогда не входило в папин бюджет. Ну, и никто из моих друзей, которые могли бы позволить себе взять меня с собой — как, например, Моника — не был заинтересован в поездке.

— Серьёзно? — спрашиваю я, когда мы делаем ещё один поворот и направляемся прямо к отелю «Диснейленд». — Ребята, вы что, издеваетесь надо мной?

— У нас есть для тебя кое-что ещё, — говорит Рейнджер, доставая маленькую бархатную коробочку из-под приборной панели и передавая её мне. Моё сердце бешено колотится, потому что это *выглядит* так, будто он пытается вручить мне обручальное кольцо. Конечно, я знаю, что это полная чушь, но всё равно какая-то странная часть меня любит фантазировать на эту тему.

— Это значок Студенческого совета, — молвлю я, открывая коробку, и обнаруживая одну из маленьких эмалевых булавок с гербом Академии Адамсон. На нём изображён грифон внутри щита, и он увенчан короной. — Зачем вы мне его даёте?

— Потому что Росс только что закончил школу, и нам нужен новый ассистент. — Рейнджер бросает взгляд в мою сторону, и я в ответ прищуриваюсь.

— Ух ты, привилегия быть вашим помощником? Как я могу устоять? — я всё равно достаю булавку из коробки и держу её на ладони. — Кроме того, разве Студенческий совет не является выборной должностью? Разве вам не нужно, чтобы за вас снова проголосовали?

— За нас снова проголосуют, — говорит Черч, сворачивая на парковку. — И мы сами выбираем себе помощника. Поздравляю, Чак Микропенис. — Он произносит эту последнюю часть, опуская стекло, чтобы поприветствовать служащего. Мужчина бросает на меня очень любопытный взгляд через плечо Черча, но я слишком взволнована, чтобы обращать на это внимание.

Мы подъезжаем ко входу в отель, и первое, что я делаю, это обнимаю Тобиаса, Мику и Спенсера в знак благодарности.

— Подожди, пока не увидишь комнату, — говорит Мика себе под нос, одаривая меня ухмылкой. Я закидываю рюкзак на плечо, и мы ждём, пока Черч регистрирует нас.

— Нам вообще разрешат остановиться здесь одним? — спрашиваю я, направляясь к сувенирному магазину. Там есть объявление о завтрашнем раннем закрытии парка, целая выставка мышинных ушек в разных стилях и вывеска об истории отеля.

— А почему бы и нет? — спрашивает Тобиас, надевая мне на голову пару ушек с радугой Гордости (*прим. — Радуга Гордости — флаг ЛГБТК сообщества*). Он на мгновение перебирает пальцами мои волосы, его зелёные глаза сияют в свете белых огней сувенирного магазина.

— Разве тебе не должно быть, типа, двадцать один, чтобы снять номер в отеле?

Тобиас улыбается мне, когда я беру пару розово-золотых ушек с бантиком и приподнимаюсь на цыпочки, чтобы надеть их ему на голову.

— Может быть, некоторым людям и нужно. Только не нам. У нас свои способы. — Он позволяет мне заправить его красно-оранжевые волосы за уши, а затем берёт меня за запястья, когда я пытаюсь отстраниться. — Помнишь, как мы говорили о курсе поцелуев, который я собирался тебе провести?

— Курс поцелуев? — спрашивает Спенсер, надевая красную бейсболку с радужными ушками и переводя взгляд с одного на другого. Головной убор отбрасывает пряди

серебристых волос ему на лицо, придавая ему дерзкий вид.

— Я давал Чаку урок поцелуев в женском общежитии и пообещал, что позже мы продолжим занятия, — объясняет он, притягивая меня к себе. Наши тела прижимаются друг к другу, когда Тобиас опускает руки на мои бёдра. Когда я смотрю на него снизу-вверх, все эти чувства снова накатывают. — Знаешь, нам нужно потренироваться, раз уж мы в отпуске и всё такое.

— Я... — я начинаю, но не уверена, *смогу* ли поцеловать Тобиаса, когда Спенсер стоит прямо там. К счастью, мне не приходится делать выбор, так как Черч появляется с ключами от нашей комнаты.

На лице Тобиаса мелькает обида, когда я отстраняюсь, но не знаю, что делать. Как бы мне ни нравилось читать книги об обратном гареме или смотреть японское аниме, я не уверена, как это реализовать в реальной жизни.

— Эй, — говорит Мика, хватая меня за руку и немного оттаскивая назад, чтобы мы могли идти и разговаривать одновременно. Дорожки здесь окружены хорошо ухоженной листвой, пышной и тропической, создавая все эти маленькие укромные уголки по всему двору. — Ты такая задумчивая. Тебе здесь не нравится?

— Мне нравится, я просто... — у меня на мгновение сжимается грудь, когда я смотрю на Мику, такого же красивого, как его брат, но по-другому. У Тобиаса такая сильная, но нежная энергетика, в то время как у Мики все жесткие углы и ухмылки. Они оба прекрасны и, о, такие разные. — Тебе когда-нибудь казалось, что всё идет слишком хорошо? Как будто ты получаешь больше, чем, по твоему мнению, заслуживаешь?

— Это из-за нас и Спенсера? — спрашивает он, и я киваю. Мика натянуто улыбается мне, а затем сцепляет руки за головой, когда мы входим в холл на первом этаже отеля. Это заведение состоит из первого здания, в котором находится главный вестибюль, и три отдельных здания, которые окружают центральный бассейн с водной горкой и гидромассажными ваннами.

— Я не хочу потерять Спенсера, — признаюсь я, и Мика кивает, его улыбка превращается в лёгкую ухмылку.

— Ты бы нам не понравилась, если бы тебя это не беспокоило, — говорит он, но затем притягивает меня ближе и прислоняет к колонне, прижимая меня руками по обе стороны от моего лица. Он такой высокий, что ему приходится наклоняться вперёд, чтобы быть на одном уровне со мной. — Но серьёзно, просто доверься нам, Шарлотта. Ты не думаешь, что заслуживаешь всего этого. Но знаешь, что?

— Ты безжалостен, — бормочу я, и он ухмыляется.

— Я могу таким быть. И я буду таким, когда узнаю, кто тебя преследует. Поверь мне. А теперь поцелуй меня, чёрт возьми, пока ты не ранила мои чувства.

— Просто поцелуй его, чтобы он заткнулся к чёртовой матери, — говорит Спенсер, но мои глаза устремляются прямо на Тобиаса. Он замечает, что я смотрю, и затем делает шаг вперёд, отводя одну руку брата в сторону и кладя на ее место свою, по одному близнецу по обе стороны от меня.

— Мы так и не получили приветственного поцелуя, — говорят они в унисон, наклоняясь с парой одинаковых улыбок. — Давайте исправим это.

Моё сердце бешено колотится, и здесь чертовски много семей с маленькими детьми, глазающих на диораму железной дороги Биг-Тандер-Маунтин, которую я вижу позади близнецов МакКарти.

Напряжение между нами абсурдно, горячо и непристойно, определённо похотливо, определённо неуместно в данный момент. И всё же, когда Тобиас наклоняется и дышит мне в ухо, с моих губ срывается тихий вздох тоски.

— Попробуй, Чак, — шепчет он, поворачивая голову и захватывая мой рот в таком долгом, тягучем поцелуе. Это кажется таким запоздалым, таким запретным, но в то же время таким желанным. Я наклоняюсь, и он целует меня глубже, крепче, раздвигая мои губы языком.

«Я думаю, что нас сейчас выгонят из парка», — но тут Мика целует уголок моих губ и поворачивает мой подбородок к себе. Прежде чем я успеваю осознать это, я целую его вместо Тобиаса. Изменение происходит мгновенно, разительное в реальности своих различий. Там, где Тобиас целуется с тёплой, голодной страстью, поцелуй его брата острый, как нож.

Я отстраняюсь, прислоняюсь головой к колонне, тяжело дыша, как сумасшедшая.

— Приберегите остальное для комнаты, — рычит Рейнджер, беря меня за руку и вытаскивая из-под них двоих. У меня кружится голова, и я чувствую лёгкую дурноту. Не только от поцелуев (хотя это огромная часть всего), но и от всего остального. Появление парней в моей школе, сюрприз и речи. Я ничего такого не ожидала.

У меня сжимается грудь, когда мы поднимаемся на лифте и идём по коридору к двойным дверям.

— Это выглядит чертовски шикарно, — шепчу я, протягивая пальцы, чтобы коснуться таблички рядом с дверью с надписью: «Сказочный номер».

— О, это так, — обещает Рейнджер, отпирая дверь карточкой-ключом и прижимаясь к ней спиной, чтобы удержать её открытой.

У меня отвисает челюсть, когда я вхожу в комнату, оформленную в белых и фиолетовых тонах, повсюду сверкающие завитки, на стенах картины «Спящая красавица». Раздаётся весёлый звук колокольчика, и на стене слева от меня загораются три изображения, включая светящийся замок. И это всего лишь *фойе*.

В самой спальне есть целый ряд окон, выходящих в центр Диснея, и ванная комната с джакузи, достаточно большой для двух... или трёх, или даже четырёх человек.

Там есть кровать с балдахином, бархатные шезлонги и простыни, похожие на шёлк. Я падаю на них, но только на секунду. Затем я совершаю второй обход этого места, поражаясь размерам и великолепию чёртовой комнаты.

— Сколько это, блядь, стоит? — шепчу я, и Рейнджер с Черчем обмениваются взглядами. Спенсер тем временем открывает бутылку шампанского, которую достал из мини-бара, и наполняет несколько бокалов.

— Это не имеет значения, так ведь? — спрашивает Черч, открывая дверь на лёгкий стук и впуская швейцара с сумками парней. Всё, что есть у меня, — это мой рюкзак, но, если они говорят, что собираются купить мне новую одежду, меня это устраивает. Они не поймают эту цыпочку на сопротивлении бесплатной одежде.

Я украдкой наблюдаю, как Черч даёт чаевые швейцару, ожидая, может быть, доллар или два за сумку. Вместо этого он дает ему сто баксов, и я прикусываю губу. То, что моя мать работает горничной, заставило меня остро осознать, насколько плохо могут относиться к тем, кто работает в сфере услуг. Если бы Черч был груб, я не уверена, что смогла бы снова смотреть на него как раньше.

— Давайте поднимем тост, — говорит Спенсер, раздавая бокалы, его пальцы касаются

моих. Я не могу не задаться вопросом, как здесь будут устроены спальные места. Насколько я могу видеть, здесь только одна кровать. — За Чака, нашего нового помощника.

— За Спенсера, за то, что он не умер, — добавляет Мика, поднимая свой бокал.

— И за Черча... — начинает Тобиас, а затем замолкает, когда Черч одаривает его убийственным взглядом холодных янтарных глаз. — Предложившего снять два номера: люкс «Пираты Карибского моря» и этот, для Чака.

— Это прекрасно. — Слова вырываются шёпотом, но я не уверена, что ещё могу сказать. Прямо сейчас я в буквальном смысле живу мечтой, и всё плохое просто исчезает. Трудно вспомнить, что кто-то хочет убить меня, когда я нахожусь на высоте двадцати девяти этажей и окружена друзьями. — Это уже слишком, парни, спасибо вам. — Мои щёки горят, когда мы чокаемся и пьём.

Рейнджер отходит, чтобы полюбоваться видом, в то время как Мика включает телевизор, нажимая кнопку, которая запускает бесконечный поток диснеевской музыки. «Go the distance», из фильма Геркулес, который сейчас показывают.

— Не слишком по-детски? — спрашивает меня Черч, элегантно держа бокал в одной руке и указывая другой на роскошную комнату. Я бросаю на него взгляд.

— Волшебная бесплатная поездка в Диснейленд, в люксе принцессы, с шампанским и хорошей компанией? Ты ведь шутишь, да? — он улыбается мне, когда я снова сажусь на край кровати, достаю телефон, чтобы отправить сообщение Монике. Она никогда не поверит в это дерьмо.

Конечно, есть ещё сообщение от папы с требованием, чтобы я ему перезвонила. Я мгновение размышляю над этим, а затем отправляю ему сообщение, давая понять, что со мной всё в порядке. Если он хочет контролировать всю мою жизнь, может быть, ему стоило подумать о том, чтобы оставить меня в Адамсоне? Я увижусь с мамой, пока буду здесь; это немного успокоит его.

— Каков план, как вернуть меня в Адамсон в следующем году? — небрежно спрашиваю я, но Черч игнорирует вопрос, глядя в окно на толпы, текущие по главной улице.

— Это летние каникулы — *каникулы*. Расслабься, Чак. — Мика падает на кровать и сбрасывает обувь, допивает шампанское и отставляет бокал в сторону. — Хорошо, так как же мы собираемся устроиться? Я говорю, что мы с Тобиасом проведём здесь две ночи, а потом Спенсер — последнюю. Это довольно справедливо.

— Ты предполагаешь, что Шарлотта вообще захочет, чтобы вы были в её комнате, — говорит Рейнджер, скрещивая руки на груди. Он создаёт довольно устрашающую картину, стоя там, за спиной у него виднеется горизонт, он одетый во всё черное, и видна его татуировка.

— Наверное, тебе лучше не оставаться здесь одной, на всякий случай, — размышляет Черч, усаживаясь в шезлонг и скрещивая длинные ноги. — Конечно, ты всегда можешь назначить одного из нас на этот диван. Он достаточно удобен.

— И вообще, зачем вам, ребята, две ночи подряд? — вставляет Спенсер, плюхаясь на один из фиолетовых стульев, а затем хватая лежащий на столе пакет, завернутый в пластик и украшенный бантом. Я ставлю своё шампанское на стол, и он протягивает его мне. Внутри есть множество тематических закусок. Забавно.

— Потому что нас двое, — говорят парни МакКарти, в унисон высовывая языки. Тобиас садится справа от меня и достаёт пакетик попкорна размером с закуску.

— Как долго вы, ребята, собираетесь заниматься этими вещами близнецов? —

спрашиваю я с неподдельным любопытством. Тобиас встречает мой взгляд и приподнимает бровь. — Я имею в виду, например, говорить в унисон или... встречаться в унисон.

— Мы хотим жениться на одной и той же девушке, — отвечают они, и настаёт моя очередь приподнимать брови.

— Разве это, типа, не незаконно? — спрашиваю я, пока Спенсер достаёт бесплатную бутылку водки «Ketel One» и немного сока, чтобы смешать его с ней. Затем он хватается ведёрко со льдом и направляется в холл.

— Только если вы оба попытаетесь получить разрешение на брак. — Тобиас пожимает плечами, а затем улыбается, глядя себе на колени. — Мы просто лучше работаем, когда вместе. То, как мы поступали в прошлом... разрывало нас на части.

— И кроме того, — добавляет Мика, зевая, а затем стягивает рубашку через голову. Он бросает её на пол, как будто собирается уютно устроиться в моей комнате. Помню, я подумала, что близнецам было почти пугающе комфортно в папином доме, как будто они брали всё на себя, даже не осознавая этого. Однако на этот раз я действительно могу наблюдать за ними, воспринимать всё это, не беспокоясь о Спенсере. — Моногамия мертва. Посмотрите, что это сделало с нашими родителями? Нет уж, спасибо.

— Вы когда-нибудь пробовали встречаться с однойцевыми близнецами? — спрашиваю я, и, клянусь, оба парня съёживаются.

— Пробовали, — отвечают они, а затем Тобиас обменивается взглядом через плечо с братом.

— Честно говоря, мы ненавидим близнецов, — говорит Мика, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня, и пожимая одним сексуальным, идеальным плечом. Его татуировка в виде вишни привлекает моё внимание, и дальше всё катится под откос, когда я смотрю на выпуклые формы его бицепсов, плоскую грудь, на то, как сползают его серые спортивные штаны, обнажая великолепную нижнюю часть пресса.

«*Боже милостивый, я жаждущая сучка*», — думаю я, поворачиваясь обратно к двери, когда входит Спенсер со льдом.

— Почему вы ненавидите близнецов? — спрашиваю я, и он смеётся.

— Они слишком много значат сами для себя. Ты думаешь, они смогут справиться с очередным набором своего собственного дерьма? Поверь мне: так им будет намного лучше. — Спенсер кладёт несколько кубиков в мой бокал, а затем смешивает мне напиток, протягивая его с самодовольной улыбкой на красивом лице. Его красивое, определённо-немертвое лицо.

— Мы уже встречались с парой однойцевых близнецов раньше. «Это ужасно утомительно», — говорит Тобиас, слегка прищуривая зелёные глаза. — Вы смотрели то реалити-шоу, где две однойцевые женщины-близнецы выходят замуж за двух идентичных мужчин-близнецов? Это грёбаный неизбежный провал. Вот на что это было похоже.

— Значит, вы предпочли бы делить девушку с кем-то другим? — спрашиваю я, допивая свой напиток так быстро, что в итоге испытываю приятное лёгкое возбуждение. Это заставляет меня чувствовать себя смелее. Я откидываюсь на кровать, кладу голову на плоский живот Мики. Его пальцы танцуют в моих волосах, и я дрожу.

— Гораздо больше, — отвечает он, подёргивая выгоревшие на солнце локоны. — Чувак, ты выглядишь совсем по-другому. Я имею в виду, я знаю, что мы общались в видео-чате, но, клянусь, я едва узнал тебя, когда ты вышла на улицу.

Я сверкаю улыбкой, когда Рейнджер садится рядом с Черчем на шезлонг и принимает

напиток от Спенсера.

— Я жила на солнце, — признаюсь я, вздыхая и закрывая глаза. Это был долгий день, и я счастливо насытилась, кайфую и нахожусь в безопасности друзей. Я могла бы заснуть прямо сейчас. Вместо этого я заставляю себя открыть глаза. Я ни за что не позволю этому прекрасному моменту ускользнуть. — Скоро мне придётся сводить вас, ребята, на сёрфинг.

— Спенсер, вероятно, будет сопротивляться изо всех сил и в конечном итоге умрёт, — говорит Тобиас, позволяя другу игриво хлопнуть его по плечу. Приятно видеть, что они снова стали такими, как обычно. Последнее, что я бы когда-либо хотела сделать — это поссорить ребят.

— О пожалуйста. — Спенсер фыркает и закатывает глаза, делая глоток прямо из бутылки с водкой. — Тебе повезёт, если ты вообще сможешь встать на доску.

— Заключишь на это пари? — Тобиас подначивает Рейнджера, когда тот бросает печенье с Минни Маус через всю комнату, точно попадая Мике в центр груди. Он приходит в себя, фыркнув, и я понимаю, что не я одна здесь засыпаю.

— Давайте разберёмся с размещением в номерах, чтобы мы могли перенести весь багаж, — говорит Рейнджер, поднимаясь на ноги и потягиваясь.

— Один брат-актобат уже почти вырубился, — молвит Спенсер, переключая внимание с Мики на меня. — Если Шарлотта не против, члены МакКарти могут остаться на ночь.

Я открываю рот, чтобы возразить, но потом вспоминаю наш разговор во время остановки, обиду на лице Тобиаса, когда я отказалась поцеловать его, лекцию, которую я получила от Мики.

— У тебя есть какие-нибудь презервативы? — спрашивает Тобиас, и, чёрт возьми, клянусь, когда я пинаю его в спину, это чисто рефлекторно.

— Слишком самонадеянно? — выпаливаю я, краснея и садясь. — Ты можешь уложить свою задницу на шезлонг.

Спенсер выходит из комнаты и возвращается с коробкой, бросая её мне.

— Как я уже сказал, я их не боюсь. У меня *определённо* член больше. Поверь мне, я видел их больше раз, чем хотел бы это признать.

— Сегодня ночью в этой комнате никто не будет заниматься сексом, — бормочу я, спихивая Тобиаса с края кровати. Он спотыкается, но удерживается, поворачиваясь, чтобы улыбнуться мне, когда я забираюсь на роскошные простыни. — А теперь пошли вон из моей комнаты.

— Так точно, мэм, — говорит Спенсер, и я улыбаюсь, когда Черч, проходя мимо, хлопывает меня по ноге, Рейнджер следует за ним. Я засыпаю ещё до того, как за ними закрывается дверь.

В парке очень многолюдно, а очереди безумно длинные. Даже с приложением быстрого пропуска на телефоне Рейнджера нам всем удастся прокатиться на горке Биг Тандер только перед тем, как отправиться в ресторан на обед.

Честно говоря, кататься в старых вагонах поезда по искусственному западному ландшафту было весело, особенно с такими парнями на буксире. Спенсер и близнецы кричали без остановки, в то время как Рейнджер держался изо всех сил, сохраняя хмурый вид, который пугал детей. Черч, тем временем, сидел весь такой хорошенький, как будто пьёт послеобеденный чай.

— Разочаровывает, что парк сегодня закрывается так рано, — говорю я, когда мы сидим в этом супермодном ресторане в соседнем тематическом парке. Все официанты одеты в костюмы, а меню похоже на что-то вроде «комплексного обеда», где все заранее запланировано. Единственный выбор, который у нас есть — это между говядиной, рыбой или вегетарианскими блюдами.

— Всегда есть завтра, — произносит Рейнджер, когда я накалываю кусочек салата-латука и подношу его ко рту. Я не жалуясь на бесплатную поездку, особенно когда живу в номере принцессы и тусуюсь с этими парнями.

После обеда мы выходим из парка вместе с остальной толпой, но, когда я пытаюсь направиться в отель, Спенсер берёт меня за локоть.

— Эй, — говорит он, улыбаясь мне, в бирюзовых глазах светится озорство. — Хочешь прокатиться ещё несколько раз?

— Парк закрыт, — молвлю я, указывая в направлении ворот и быстро расходящейся толпы.

— Не для нас, — произносит Спенсер, ухмыляясь. Близнецы появляются по обе стороны от него и протягивают руки, указывая на парк.

— Мы зарезервировали парк на следующие пять часов, — говорят они, и, клянусь, моё сердце на секунду перестаёт биться.

— Вы... зарезервировали... весь парк? — я не хочу показаться саркастичным и сумасшедшим человеком, но именно так всё и выходит. — Вы не могли этого сделать, не могли ведь?

— Могли; и сделали.

Они берут меня за руки, и Спенсер хмурится, но всё равно следует за мной, пока братья МакКарти тащат меня через площадь. Я вырываюсь из их хватки и просто стою, моё новое платье развевается на ветру.

— Весь парк... только для нас?

— Весь парк, — повторяет Спенсер, сверкая яркой улыбкой. — То, что мы над тобой издевались, было лучшим, что когда-либо случалось с тобой, говнючка. — Он взъерошивает мои волосы, а затем направляется вперёд, засунув руки в карманы и уверенно направляясь ко входу.

— Я серьёзно не могу поверить, что это происходит на самом деле, — шепчу я, когда мы проходим через главные ворота в Диснейленд.

Парк чертовски пуст, за исключением некоторых сотрудников.

Святое. Дерьмо.

Мои глаза наполняются слезами, но я с невозмутимым видом иду вперёд. Я ни за что не дам этим парням понять, как сильно мне это нравится.

— Я всегда принципиально ненавидела богатых людей, но должна сказать: это чертовски эпично. — Я раскидываю руки, указывая на бескрайность парка, абсолютно пустую главную улицу и замок Золушки вдалеке. — Я решила простить вас, ребята, за то, что вы старые денежные засранцы.

— Ах, мы благодарим тебя за это, — говорит Мика, прикладывая руку к сердцу. Он ухмыляется, когда я раскидываю руки и кружусь по кругу, выпитывая всё это в себя.

Святое. Долбанное. Дерьмо.

Я чувствую, что внутри всё горит, вроде как в ту ночь, когда Спенсер появился в дождливой темноте. Ну, может быть, не совсем так хорошо, но близко.

— Это чертовски *круто*, — стону я, проводя руками по лицу. Мне немного трудно это осмыслить. Буквально вчера я была в школе в Санта-Крузе, пытаюсь пережить ещё один день. А теперь... Я здесь. Я опускаю руки вниз, а затем встряхиваю ими, выдыхая.

— Перво-наперво, давайте купим несколько ушек. Я слишком поторопилась раньше.

— Ушки? — спрашивает Черч, когда я ухмыляюсь, а затем киваю головой в сторону магазинов. Ребята позволили мне пройти вперёд, прямиком к витрине с ушками Микки и Минни самых разных цветов.

— Я, блядь, это не надену, — говорит Рейнджер, но потом я сую ему пару розовых ушек с бантом на голове. Он прищуривает глаза, но не протестует. Близнецы выбирают одинаковые, те же ушки с радугой Гордости, что были на Тобиасе прошлой ночью. Спенсер предпочитает эти жуткие ушки из особняка с привидениями с чёрным цилиндром, в то время как Черч предпочитает ушки с короной.

Конечно, кто бы сомневался.

Я беру пару с бело-голубым бантом в горошек и прыгающей маргариткой. Это так же нелепо, как и весело. Монике бы это не понравилось.

— Наверное, нам стоит заплатить за них, — говорю я, когда Черч начинает уходить. Он останавливается и оглядывается с усмешкой.

— Не беспокойся об этом, — произносит он, а затем продолжает путь. Я оглядываюсь на женщину за кассой, но она просто улыбается мне.

— Мистер Монтегю — очень особенный гость, — молвит она мне, а затем близнецы тащат меня по улице.

— Тебе решать, — говорит Спенсер, отступая назад и наблюдая за мной своим всепоглощающим взглядом. — Куда мы отправимся в первую очередь?

— Грёбанные пираты, — говорю я, и близнецы ухмыляются.

— А-а-а, пираты! — каждый из них выхватывает пластиковые мечи из корзины возле сувенирного магазина, и они прыгают по лавочкам, окружающим дерево, размахивая оружием друг перед другом.

— Будь начеку, мой дорогой брат, — кричит Мика, а затем они вдвоём начинают довольно эпичный поединок импровизированным оружием.

— Понимаешь, что я имел в виду? — говорит Спенсер, бросая на меня взгляд. — Как я уже сказал, одной пары близнецов более чем достаточно.

Близнецы продолжают ожесточённую битву, спрыгивая со скамеек и используя заборы и мусорные баки в качестве платформ и щитов. Никто из сотрудников не беспокоит нас до тех пор, пока мы не спускаемся по извилистой каменной дорожке внутри аттракциона

«Пираты Карибского моря» и не приближаемся к мягко покачивающейся лодке.

— Добро пожаловать, мистер Монтегю и друзья, — говорит сотрудница, — забирайтесь внутрь.

Тобиас шлёпает Мику по заднице, когда тот не смотрит, объявляет о победе, а затем садится рядом со мной.

— Здесь достаточно места для троих, — возражает Мика, но затем он просто садится в центральный ряд со Спенсером, Рейнджер и Черч сзади.

— Я так чертовски взволнована, — шепчу я, когда лодка взлетает по воде в тёмное место с импровизированным болотом, дополненным искусственным аллигатором, жуткой хижиной и креслом-качалкой со стариком в нём. Атмосфера просто потрясающая. Честно говоря, поездка в Диснейленд стоит одного этого аттракциона.

— Будет только лучше, — шепчет Мика, перегибаясь через сиденье и облизывая моё ухо. Я вздрагиваю, и Тобиас бьёт его своим мечом. Но сейчас мы приближаемся к первому спуску, и поездка действительно начинается.

Я теряю дар речи, пока мы пробираемся по горке, свет от огня искусственной пушки отражается на наших лицах, когда играет печально известная песня «*You Ho (a Pirate's Life for Me)*». Как только поездка заканчивается, я уже готова снова снова пуститься в путь.

Ребята — которые, по-видимому, все были в Диснейворлде, а также в Диснейленде — подшучивают надо мной, позволяя мне таскать их с аттракциона на аттракцион, пока небо не потемнело и не засияли огни Мэйн-стрит, США.

— Ещё одна поездка на пиратах, и сможем сделать перерыв? — говорю я, и Мика встаёт, протягивая руку.

— Давай сделаем это, миледи.

Тобиас присоединяется к нему, и каждый из них берёт меня за руку. Трое других парней чувствуют себя совершенно комфортно, растянувшись во внутреннем дворике на балконе ресторана; отсюда даже открывается вид на водный объект, где обычно проходят ночные шоу. Однако сегодня вечером здесь только мы, так что представления не будет, но меня это более чем устраивает.

— Вы, парни, идите, — говорит Рейнджер, и мой взгляд переходит на Спенсера.

— Иди, — говорит он, кивая головой в направлении аттракциона. — Я доем картошку фри, а потом мы сможем вернуться в отель. Его губы изгибаются в соблазнительной улыбке. — В конце концов, это моя ночь.

— Если только я не решу, что предпочла бы, чтобы Черч был моим охранником, — шучу я, швыряя в его сторону пропитанный кетчупом картофель фри. Чудесным образом ему удается поймать его *ртом*, прежде чем близнецы уводят меня к аттракциону.

— Весь этот день был потрясающим, — говорю я им низким и нежным голосом. Я не хочу показаться эмоциональной, но месяцы, проведённые вдали от них, заставили меня ещё больше ценить их дружбу. Правда, мы знаем друг друга всего сколько, девять месяцев? И несколько из них были потрачены на то, что я изображала из себя мудака, а они — задиристых придурков. И всё же я скучала по ним так, как никогда не скучала по Коди или Монике. — Один из лучших за всю мою жизнь.

— Правда? — спрашивают они вместе, глядя на меня с одинаковым выражением удивления.

— Правда. — Мика первым забирается в лодку, я за ним, а Тобиас втискивается рядом с нами. Мы взлетаем, мягко покачиваясь на волнах воображаемого болота, над нашими

головами море искусственных звёзд, которые мерцают, как настоящие. — Если я вернусь в Адамсон в выпускном классе, — шепчу я, — я хочу расстелить одеяло и смотреть на звёзды. Здесь их трудно разглядеть. Но бьюсь об заклад, вид из кампуса потрясающий... Я никогда раньше не удосуживалась посмотреть.

— Мы украли ключ от крыши общежития и однажды сделали копию, — начинает Тобиас, переплетая пальцы с моими, и небольшой выброс адреналина моментально пошел в крови.

— Он всё ещё у нас. Мы могли бы как-нибудь сводить тебя туда.

Улыбка озаряет моё лицо, когда мы натываемся на первый маленький спуск, и вода окатывает нас брызгами. Поездка заканчивается слишком быстро, и я решаю, что мы поедем снова, когда заканчиваем круг. Это за гранью роскоши — просто сидеть на месте и проехать ещё один круг без необходимости стоять в очереди. Я сомневаюсь, что даже президенты получают такой уровень звёздного обращения.

— Я не могу поверить, что вы, ребята, всё это подстроили. — Близнецы обмениваются взглядами поверх моей головы, что сразу же вызывает у меня подозрения. — Что?

— Мы все вместе придумали эту идею, — начинает Тобиас, на мгновение замолкая.

— Но Черч заплатил за всё это, — говорят они в унисон. — За всё.

— Серьёзно?! — выдыхаю я, когда мы проезжаем мимо пиратских скелетов справа, а над нашими головами кружится воображаемый шторм. — Это должно было стоить...

— Миллионы, — отвечают близнецы, поднимая руки в слаженном пожатии плечами, прежде чем Мика продолжает.

— И дело не только в деньгах. Он единственный человек с достаточно сильными связями, чтобы всё это организовать. Они едва ли разрешают членам королевской семьи арендовать парк, если только это не в нерабочее время. Ради этого ему пришлось подергать за очень серьезные ниточки.

— Но почему? — спрашиваю я, пытаюсь перекричать звуки музыки, хриплую пиратскую песню и смех, которые заставляют мою предприимчивую сторону желать, чтобы я могла сесть на корабль и отправиться в плавание с абордажной саблей и старой пожелтевшей картой.

— Не знаю. — В голосе Тобиаса звучит лёгкое разочарование, и я прищуриваю глаза. — Может быть, ты ему нравишься? Я не уверен. В последнее время он ведёт себя чертовски странно.

— Каким образом?

— Убегал тайком, делал странные телефонные звонки, я не знаю. Он просто был... не в себе с тех пор, как ты уехала. — Мика пожимает плечами, как будто в этом нет ничего особенного. — А потом он пропал на целую неделю. Я не хотел ничего говорить, но это было на той же неделе, когда на тебя напали. Я имею в виду, он был там в тот день, но не в те несколько дней, что предшествовали ему...

Мои брови поднимаются вверх.

— Вы же не подозреваете его? — спрашиваю я, потому что какая-то крошечная часть меня задавалась этим вопросом. Черч сам объяснил мне, как работают социопаты и психопаты-самоучки. Это, ну и он всегда был яростно агрессивен по отношению к Дженике. Я просто предполагала, что это его любовь к Рейнджеру подстегнула его вспыльчивость, но...

— Нет, нет. — Мика отшатывается, как будто я дала ему пощёчину. — Ни за что, чёрт

возьми. Я просто говорю, что он был странным. И он заплатил за всю эту ерунду. И приглашает тебя на вечеринку к родителям? Он, наверное, влюблён в тебя.

— Что?! — я встаю, и лодка немного опасно раскачивается. Тобиас сажает меня к себе на колени и обнимает, заставляя моё сердце трепетать. От воды здесь пахнет плесенью, но я всё ещё чувствую его аромат кедра и ветивера. — Это нелепо. — Слова вырываются с фырканьем, но в то же время я не до конца уверена, что это так нелепо, как звучит.

— Может быть, — хором говорят близнецы, но в их голосе такая же неуверенность, как и у меня.

Лодка покачивается на мелководе, и некоторое время мы все молчим. Я не могу поверить, что Черч заплатил за всё это... для меня. Либо я действительно нравлюсь ему — как друг или как-то ещё, — либо он каким-то образом замешан во всём, что происходит в Адамсоне. Очевидно, что он не настоящий убийца, но, может быть, он связан с этим каким-то другим образом?

Когда мы приближаемся к концу, Мика начинает вставать, и я протягиваю руку, накрывая его ладонь своей.

— Ещё раз? — я умоляю, потому что это единственная ночь, когда парк в нашем распоряжении. Даже у Черча недостаточно сил, чтобы это повторялось несколько дней подряд; я не думаю, что у кого-то это вообще получится.

— Ты слишком милый, Чак, — хором говорят близнецы, а затем Мика озорно улыбается. — Может, после этого мы сходим в сувенирный магазин пиратов и купим тебе симпатичный наряд для маленькой девочки?

— Лучше бы ты пошутил, — предупреждаю я, одаривая его адски холодным взглядом. — Если я куплю одежду в таком магазине, это будет капитанская фуражка, и тогда я накажу тебя за неподчинение.

— Я бы хотел посмотреть, как ты осмелишься сделать это, — бросает вызов Мика, выхватывая свой меч (без двусмысленности, я имею в виду его настоящий пластиковый меч). Я отмахиваюсь от него, и он внезапно наклоняется, прижимаясь губами к моим, дразня языком мою нижнюю губу. Это происходит так быстро, и я настолько застигнута врасплох, что впускаю его. — Попался, капитан, — шепчет он горячим ртом, в этом столько же вызова, как и в его словах. Там же есть предложение, которому я сопротивляюсь с тех пор... может быть с тех пор, как эти придурки прижали меня к двери в «Щелкунчике»?

— Вы двое сейчас серьёзно? — Тобиас стонет, и, хотя я его не вижу, но могу сказать, что он закатывает глаза. Я всё ещё сижу у него на коленях, поэтому, когда ёрзаю, тихонько постанывая от прикосновений его брата, чувствую, как он твердеет подо мной. — И вообще, сколько длится эта поездка?

— Шестнадцать минут, — бормочу я, потому что ранее засекала время на телефоне. Моя правая рука поднимается к затылку Мики, когда он прижимается ближе, целуя меня с такой обжигающей страстью, что тонкие волоски на моей руке встают дыбом. То, как он целуется, возбуждает, как будто за его твёрдыми, но нежными прикосновениями скрывается что-то опасное, что уничтожит меня, если я подойду слишком близко.

И всё же я всё равно подхожу слишком близко.

Наши языки переплетаются, и я наклоняюсь вперёд, всё ещё сидя боком на коленях Тобиаса, но теперь мои руки лежат на ногах Мики. Если бы я чуть-чуть приподнялась...

— Сколько мы уже в пути, две минуты? — шепчет он, и я киваю ему в губы. — Насколько ты можешь быть быстрой?

— Ты же не всерьёз предлагаешь нам зайти дальше поцелуев? Здесь? Там должны быть камеры. — Мои слова вырываются в спешке, но я не могу не поддаться фантазиям. Имею в виду, что я путешествую на лодке по пиратскому гроту, дно, заваленное сокровищами, позади меня, мягкий плеск воды о борта лодки — как нежное утешение. Когда у меня ещё будет такой шанс, как этот?

— У семьи Черча есть связи; не беспокойтесь о камерах. — Тобиас протягивает руку и касается моей щеки, поворачивая меня обратно, чтобы я посмотрела на него. Мгновение мы смотрим друг на друга в темноте, и мои веки внезапно тяжелеют, как будто моё тело знает лучше, чем разум, как долго я этого хотела.

— Должно быть, в воду в Адамсоне что-то добавляют, — ворчу я, и Тобиас смеётся. Его смешок затихает, когда наши губы встречаются, его поцелуй одновременно поразительно знакомый и отчётливо чуждый поцелую его близнеца. Кстати, руки Мики скользят вверх по моим ногам, под юбку, и стягивают дурацкие чёрные кружевные трусики, которые купил мне Рейнджер.

У меня перехватывает дыхание, когда я оглядываюсь и вижу, что он засовывает их в карман. С колотящимся сердцем я наблюдаю, как он расстёгивает молнию на брюках и освобождает себя прямо во время поездки.

«*Мы отправимся в ад из-за этого*», — думаю я, но затем Мика тянет меня к себе на колени, чтобы я оседлала его, его пальцы щекочут мой подбородок.

— Смотри, какой я умный, — говорит он, двумя пальцами доставая из кармана презерватив. — Хороший пират всегда готов.

— Ты взял с собой презерватив в Диснейленд? — я задыхаюсь, и Тобиас смеётся рядом со мной, демонстрируя свой презерватив. — Вы двое серьёзно извращенцы.

— Весь парк в нашем распоряжении. Такое бывает раз в жизни, — говорит он, расстёгивая брюки, в его зелёных глазах вызов. — И есть только одна девушка, с которой мы хотим разделить это.

— Может быть. — Я облизываю губы. Может быть, мне не следовало бы поднимать эту тему, но я ничего не могу с собой поделать. — Вы сказали, что не делите девушек ни с кем, кроме как друг с другом, и всё же Спенсер...

— Мы этого не делаем, — произносит Тобиас, и его голос такой жёсткий и мрачный, что на минуту он звучит почти как Мика. — Но пока ты не поймёшь, чего ты хочешь, мы попробуем. Только в этот единственный раз. — Я смотрю, как он наблюдает за мной, и чувствую пустоту в животе. Типа, однажды мне серьёзно придётся выбирать парня? От этой мысли меня укачивает так, как никогда не укачивала раскачивающаяся лодка. Но, с другой стороны, он прав: я отправляюсь в путешествие длиною в жизнь и не хочу тратить его впустую. Через сорок лет, через пятьдесят или шестьдесят, я хочу иметь возможность оглянуться назад на этот момент и вспомнить, что я, так сказать, схватила жизнь за яйца. На этот раз, да, подразумевается двойной смысл.

Я беру презерватив из пальцев Мики и пытаюсь вспомнить чёртовы лимонный огурец и банан в классе.

«*Чёрт, мне действительно следовало попрактиковаться, а не позволять Рейнджеру делать всё за меня...*»

— Тебе нужна помощь? Может быть, ещё один урок с мистером Крачком?

— Мика, не пойми меня неправильно, — начинаю я, разрывая презерватив дрожащими пальцами, но притворяюсь, что делала это миллион раз раньше. — Но заткнись на хрен. —

Он смеётся, когда я надеваю на него скользкое кольцо, раскатывая его вниз, когда он стонет и откидывает голову назад.

— Я никогда не думал, что ты будешь так прикасаться ко мне, — шепчет он, притягивая меня к себе. Я поднимаюсь на колени, обхватываю пальцами его плечи, а затем перевожу взгляд в сторону Тобиаса. Мне кажется, что каким-то образом мы с ним должны сделать это первыми. И всё же я вижу, как он наблюдает за нами с этим выражением из-под отяжелевших век, которое творит со мной самые разные вещи. Этот дикий огонь овладевает мной, и, клянусь, я стораю изнутри, как будто, если я не буду двигаться дальше, то сломаюсь.

— Лучше поторопись, — говорит он, слегка ухмыляясь. — Шестнадцать минут — это не так уж много на двух парней.

Я почти задыхаюсь, возвращая своё внимание к Мике.

«Мы на лодке, катаемся по тематическому парку, и со мной здесь два парня. Кто-то из них будет наблюдать?!» Это большой скачок, основанный на моём предыдущем, э-э-э, отсутствии опыта во всём, что касается секса.

Гормоны берут верх, как раз в тот момент, когда Мика протягивается между нами и пристраивается так, что всё, что мне нужно сделать, чтобы это произошло — это сесть назад. Наши глаза встречаются, пламя пиратской войны, бушующей вокруг нас, отражается на его лице. Брызги от искусственного пушечного ядра щекоют мои руки прохладной водой.

Медленно я отклоняю тело назад, пока не чувствую, как мы с Микой соединяемся вместе, его тело толкается внутрь моего. С моих губ срывается вздох, который он быстро прерывает поцелуем, а затем и его брат, хватая меня за лицо и поворачивая к себе. В конце концов, мы втроём целуемся по очереди, когда руки Мики обхватывают мою задницу и побуждают меня двигаться так, что мы оба стонем.

— Быстрее, — шепчет он, прикусывая мою нижнюю губу. Моё сердце бешено колотится, страх быть пойманной смешивается с явным удовольствием, которое доставляет мне его тело. А потом Тобиас опускает руку между нами и поглаживает моё тело, пока я не чувствую, как мои мышцы начинают сжиматься, усердно работая, чтобы довести Мику до оргазма. — Чёрт возьми, Чак, ты такая узкая, — рычит он. Я не привыкла, чтобы со мной так разговаривали, и это выводит меня из себя. Это кажется таким неправильным и таким правильным одновременно.

Мика правой рукой скользит вверх по моему боку, обхватывая мою грудь через ткань платья и щипая сосок таким образом, что из моего горла вырывается тихий вскрик, заглушаемый звуками езды.

Тобиас ухмыляется.

— Ты и вправду крикунья, — говорят они вместе, и я краснею, мои движения становятся более неистовыми, менее отработанными (не то, чтобы у меня вообще была в этом практика), и вскоре Мика запрокидывает голову, его руки сжимаются на моём теле, когда он жёстко кончает. Он вздрагивает, обмякает, когда Тобиас отстраняется и сажает меня к себе на колени.

— Сколько у нас осталось времени? — шепчет он, и я качаю головой. Я не знаю. Я также знаю, что не собираюсь останавливаться, пока мы не поднимемся на последний холм, ведущий к концу горки. А может быть, и не тогда.

Он уже надел презерватив, так что остаётся только принять правильное положение. Наши взгляды встречаются, и меня охватывает странный трепет. Если бы вы сказали мне в тот первый день в школе, когда близнецы сидели рядом со мной в кафетерии, что я окажусь

здесь, занимаясь этим, я бы рассмеялась вам в лицо. И всё же мне кажется, что именно здесь мне с самого начала суждено было оказаться.

Вместо того, чтобы позволить мне откинуться назад и задать темп, Тобиас тянет меня вниз, и мои щёки вспыхивают, когда мы соединяемся, наши глаза встречаются. Он улыбается мне как раз перед тем, как наклониться и поцеловать меня, и в воздухе витает его терпкий вишнёвый аромат.

В этот момент моё тело — просто комок нервов, чистый экстаз момента смешан с небольшим уколом страха, что нас могут поймать, что кто-то может нас увидеть, что кто-то, возможно, даже наблюдает где-нибудь с камеры видеонаблюдения. Но это меня не останавливает. Нет, острые ощущения от этого — вот что заставляет меня двигаться, и я двигаю бёдрами так же быстро и сильно, как делала это для Мики, может быть, даже сильнее.

— Поторопись, — шепчет Мика, наклоняясь и задирая моё платье, чтобы шлёпнуть меня по заднице. Его губы покрывают поцелуями мою шею и плечо, и он нежно, легонько прикусывает меня, отчего я вздрагиваю и прижимаюсь к нему вдвое сильнее. — У нас осталось в лучшем случае три минуты.

Тобиас обхватывает моё лицо ладонями и целует меня так, словно все чувства, которые он когда-либо испытывал ко мне, находятся в его губах, его языке. Этот жест настолько выразителен, что обрушивается на меня, как тонна кирпичей, и я вздрагиваю, кончая на нем сверху и цепляясь за него изо всех сил. Он держит меня, хватая за задницу и побуждая мои бёдра продолжать двигаться, пока он тоже не кончает, и мы оба останавливаемся, задыхаясь вместе, наши тела всё ещё соединены.

Я не хочу двигаться.

Я могла бы сидеть здесь вечно.

Щёлкающий звук лодки, которую вытаскивают на дорожку, заставляет меня действовать, и я соскакиваю с Тобиаса, выхватываю трусики из кармана Мики и надеваю их руками, которые трясутся в два раза сильнее, чем раньше.

К тому времени, когда мы добираемся до вершины аттракциона и направляемся к выходу из него, я уверена, что моё лицо пунцовое.

— Вы видели, как этот сотрудник улыбался нам?! — шепчу я, и Мика оглядывается, чтобы помахать ему. Я шлёпаю его по руке, и он смеётся надо мной.

— Никто ничего не видел, Чак, успокойся.

— Мы были очень сдержанны, — поддразнивает Тобиас, ущипнув меня за задницу через платье.

— Очень сдержанны, — повторяет Мика, а затем делает то же самое. Я шлёпаю их обоих, щурясь в тёплую темноту лос-анджелесского вечера, когда мы выходим на улицу и обнаруживаем, что остальные нас ждут. Один взгляд на лица близнецов, и рот Спенсера открывается в шок.

— Вы этого не сделали?! — выдыхает он, но близнецы ухмыляются, как маньяки, а я краснею как сумасшедшая.

— Смотри, — говорит Мика, доставая презерватив из кармана и указывая на узел, который он завязал на конце. — Удерживает всю сперму внутри. Разве не так ты сказал, Спенсер? — он выбрасывает его в мусорное ведро, прежде чем Спенсер бросается на него, и они заканчивают дракой, которая не совсем настоящая, но и не совсем поддельная.

— Так, так, — говорит Черч, доставая из кармана телефон, мерцающие лампы

поблизости превращают его медовые волосы в полированное золото. — Я лучше сделаю несколько звонков, чтобы мы могли быть уверены, что ничего из этого не просочится наружу.

— Ничего из этого не просочится, — говорит Тобиас, доставая из кармана собственный презерватив. — Я туго завязал узел.

Я стону и закрываю лицо руками, но я не совсем недовольна.

На самом деле... Теперь я уверена.

Это действительно лучший день в моей жизни, честное слово.

Слишком плохо, что все хорошие вещи должны заканчиваться...

Квартира матери находится не в лучшей части Лос-Анджелеса. На самом деле, она даже не совсем в нормальной части. Нет, это что-то вроде худшего из худших.

— Чёрт, я знал, что быть бедным тяжело, но это... следующий уровень. — Спенсер оглядывает приземистые домики с решётками на окнах, а затем переключает внимание на двухэтажный жилой дом перед нами. Воздух горячий и сухой, а небо серое от смога. Я хмурюсь, поджимая губы, когда близнецы смотрят на меня с сочувствием.

— Бедный Чак, — воркуют они, взявшись за руки и глядя вверх, на второй этаж, где дверь моей мамы полуоткрыта, и её булькающий смех доносится туда, где мы стоим. Единственные украшения, которые у неё есть — это грязный приветственный коврик и засохший кактус. Типа, я понимаю, что мы в Лос-Анджелесе, но сколько усилий требуется, чтобы сохранить кактус живым, чёрт возьми?! — Это истинное лицо бедности.

— Серьёзно, если вы, ребята, не прекратите шутить над бедными людьми, я собираюсь надавать каждому из вас по яйцам.

— Рад за тебя, — говорит Рейнджер, но даже он не убеждён, его сапфировые глаза следят за движением пешехода с тележкой для покупок. Правда, в детстве у моей семьи было не так уж много денег, но у нас всё было хорошо. То, где сейчас живет моя мать, совсем не похоже на те квартиры, в которых я выросла. И даже в этом случае нет ничего плохого в том, чтобы быть бедным.

Мне нужно воспитать этих богатых придурков.

— Должны ли мы? — спрашивает Черч, указывая на лестницу своими длинными пальцами.

Мы только сегодня утром выписались из отеля «Диснейленд», и я чуть не расплакалась из-за того, что мне пришлось попрощаться с номером «Сказка». Всё это было по-настоящему волшебно. *Даже тройничок с близнецами.* Я задыхаюсь и заставляю себя подниматься по лестнице, чтобы не тратить слишком много времени на заикливание на этом. Той ночью я забралась в роскошную ванну, пока Спенсер расслаблялся на нашей кровати, и позволила бомбочке для ванны шипеть на моих пальцах, пока я заиклилась на этой мысли. Сначала парень казался немного напуганным. То есть, он продолжал прикасаться ко мне и задавать вопросы, и я решила, что лучше всего просто быть честной. Спенсер прокрутил все события в деталях, а затем сел на кровать, скрестив ноги, и некоторое время тихо злился.

— *С ними было лучше, чем со мной?* — спросил он, и я отрицательно покачала головой. Лучше не было. Хуже тоже не было. Это было... то же самое, в лучшем из возможных способов. Поскольку я точно не знала, как ответить на этот вопрос, я отвлекла его, свернувшись калачиком у него под боком в полотенце, пахнущем лемонграссом, и мы заснули вместе.

На третью ночь в отеле я пригласила Рейнджера и Черча остаться у меня на ночь, чтобы я смогла избежать всей этой политики отношений. И что ж, теперь мы здесь, стоим перед квартирой моей матери, в то время как моё сердце бешено колотится, и я пытаюсь понять, как мне пережить здесь две недели.

— Пойдёмте, — говорю я, кладу руку на обожжённые солнцем перила и поднимаюсь по усыпанному галькой ступеням к её входной двери, коротко стучу, прежде чем войти. Мама сидит на маленьком балкончике напротив двери, сразу за углом, где мы не могли видеть её,

находясь снаружи. В одной руке у неё сигарета, в другой — сотовый, и она улыбается мне, жестом приглашая войти. Её брови поднимаются, когда она видит свиту, которую я привела с собой.

— Мне нужно идти, я поговорю с тобой позже, — говорит она, вешая трубку и убирая с лица белокурый локон. — Шарлотта! — моя мать, Элоиза Питерс, урождённая Рейтман, встаёт и протягивает руки, чтобы обнять. Я подхожу и обнимаю её за талию, пока парни ставят мой багаж возле двери, сумки, которые они купили мне, наполнены платьями, рубашками и обувью с Родео-Драйв. Да, чёртово Родео-Драйв. Мы вдохновились «Красоткой» и отправились за покупками. — Я так счастлива, что ты здесь. — Она отстраняет меня на расстояние вытянутой руки и хмурится. — Хотя я всё ещё расстроена, что ты не приехала раньше.

— Мам, — начинаю я, оборачиваясь, чтобы указать на своих друзей... и парней. Я намеренно игнорирую её заявление, потому что мне, нечего сказать. Она бросала меня и раньше, так что я не чувствую, что она имеет большое влияние на мои поступки. — Это мои друзья из Адамсона. — Я с трудом сглатываю и выдыхаю. — А также мои парни.

— Парни? — спрашивает она, выглядя смущённой, и близнецы обмениваются взглядами, прежде чем сделать шаг вперёд, чтобы представиться, одновременно протягивая руки.

— Мика, — говорит Тобиас, что заставляет меня закатить глаза.

— Тобиас, — добавляет его брат.

Мама пожимает им руки, но выглядит чертовски озадаченной. Я не виню её.

— А это Спенсер, — добавляю я, когда он подходит ближе и кивает подбородком в знак приветствия. — Это те трое, с кем я встречаюсь. А это Рейнджер Вудрафф и Черч Монтегю, президент и вице-президент прославленного Студенческого совета.

— Приятно познакомиться, — осторожно отвечает она, её карие глаза слегка темнеют от подозрения. — Я думала, что будем только мы с тобой, детка. Сходим куда-то пообедать, а потом можем поплавать в бассейне в новом отеле, в котором я только начала работать.

— Я надеялась, что мы могли бы пойти куда-нибудь все вместе, — говорю я, зная, что выиграю немного времени. Папа сказал, что я здесь на две недели, и полна решимости подыграть ему. Если у Черча действительно есть идея о том, как вернуть меня в Адамсон, до этого мне нужно будет добиться от директора как можно большей доброжелательности. — Может, поужинаем вместе?

— Я угощаю, — плавно произносит Черч, но мама уже снова хмурится.

— Вообще-то, — начинает она, выдыхая и почти виновато глядя в мою сторону. — Сегодня вечером я приглашаю Шарлотту кое с кем встретиться.

— Кое с кем? — спрашиваю я, приподнимая бровь.

— Ну, я снова начала встречаться, — начинает она, и мой рот опускается в суровой гримасе. Встречаться? Моя мама никогда ни с кем не встречалась, кроме отца, по крайней мере, насколько я знаю. Я не идиотка; я уверена, что во время некоторых из её худших рецидивов она, возможно, спала с другими мужчинами, но у неё никогда не было парня. На самом деле, я примерно на девяносто процентов уверена, что Арчи всё ещё влюблён в неё. Наверное, какая-то глупая, неразумная детская часть меня думала, что, может быть, после того как ей станет лучше, они снова будут вместе. — Он отличный парень, я думаю, он тебе действительно понравится. — Она поднимает глаза на парней и ещё раз слегка улыбается. — Поэтому, сегодня поужинать не получится, но, может быть, мы могли бы поужинать в

пятницу?

— В пятницу было бы чудесно, — произносит Черч, в то время как близнецы и Спенсер обмениваются взглядами. Рейнджер прищуривает глаза, но что он может сделать? Это моя мама, мой выбор, и я действительно скучаю по ней.

Я оборачиваюсь, чтобы посмотреть на них, и снова понимаю, что у меня заплетается язык. Я всё ещё не оправилась ни от истории с тремя парнями, ни от секса... Это слишком много. Моя жизнь сейчас в некотором роде сумасшедшая.

— Тогда увидимся, ребята, в пятницу, — говорю я, понимая, что сегодня всего лишь долбаный вторник. Кажется, пройдёт вечность, пока я просижу здесь, в этой душной квартире с отстойным кондиционером на окне и ловушками для тараканов повсюду.

— Мы вернём охрану, чтобы присматривать за тобой, — шепчет Черч, когда близнецы обнимают меня с обеих сторон, сжимая так крепко, что это почти причиняет боль. Но, с другой стороны, это лучшее чувство в мире, поэтому я не борюсь с ним. Спенсер следующий, он обнимает меня и зарывается лицом в мои волосы.

— Увидимся, Чак-лет, — говорит он, а затем я машу Рейнджеру и Черчу, когда они выводят остальных парней из комнаты.

— Тебе следует переодеться, — говорит мне мама, как только дверь закрывается, и у меня наконец появляется возможность осмотреться. Ковёр коричневый и потёртый, и только квадрат линолеума семидесятых годов на кухне может дать ему фору. Слева от меня ванная, справа спальня с односпальной кроватью, и атмосфера в этом месте такая подавленная, что мне хочется подхватить маму на руки и увезти её куда-нибудь в другое место, действительно куда угодно.

— Хорошо, — говорю я, выдыхая и встряхивая руками.

Это будут чертовски долгие две недели, да?

Я переодеваюсь в платье из «Алисы в стране чудес», которое близнецы купили мне в Диснейленде, потому что им понравились надписи Траляля и Труляля на подоле. В сочетании с обалденными красными туфлями на каблуках, которые я прихватила во время нашего похода по магазинам, и значком Студенческого совета, который я прикрепила к карману, чувствую, что готова справиться со всем этим фиаско.

Мама. Встречается.

Мне это ни капельки не нравится.

Новый мамин парень вызывает для нас такси, и в итоге мы оказываемся в милом ресторане с цветущими по ночам жасмином и гибискусом снаружи. Пахнет божественно, и я ловлю себя на том, что немного расслабляюсь. Я имею в виду, то, что её новый парень может позволить себе пригласить нас сюда, ещё не значит, что он хороший парень, но, по

крайней мере, еда должна быть вкусной, верно? Эта ночь не будет полным провалом.

— Я думала, ты всё ещё любишь папу, — говорю я, когда мы поднимаемся по извилистой тропинке, и мама останавливается, одетая в платье клюквенного цвета и со свежим макияжем на лице, который снимает с неё лишние годы. Она почти похожа на ту женщину, которую я знала до того, как появились наркотики.

— Милая, — произносит она, и на её губах появляется слегка покровительственная улыбка. — Дело не в том, что я не люблю твоего папу. Это просто... мы больше не сможем быть вместе. Я познакомилась с ним так рано, что мне казалось, будто я никогда не экспериментировала и не исследовала свои собственные границы. — Она замолкает и смотрит на меня с немного озадаченным выражением на лице. — Хотя, похоже, ты не совершаешь тех же ошибок, что и я. — Смешок срывается с её накрашенных красным губ, и я хмурюсь. — Три парня. Твой отец знает?

— Я сказала ему, но не решила, поверил он мне или нет, — говорю я, небрежно пожимая плечами. — Не то, чтобы это имело значение. Это не изменило его решения отослать меня, и уж точно не поможет ему вернуть меня обратно. Потому что это всё, чего я хочу, мама, вернуться в Адамсон.

— Однозначно нет, с этим повешением и всей прочей ерундой, — шепчет она, а затем её глаза расширяются, и она встаёт на цыпочки, чтобы помахать кому-то через моё плечо. — Сюда, Йен! — она отчаянно машет, и я вздыхаю, поворачиваясь, чтобы посмотреть, кто этот мудака, поднимающийся...

— Чёрт подери, это мистер Дэйв, — выдыхаю я, лихорадочно оглядываясь в поисках куста гибискуса, в который можно было бы запрыгнуть. Но уже слишком поздно. Он увидел меня, и его глаза расширились от удивления. Мы стоим там, уставившись друг на друга, злобный жуткий-библиотекарь против надоедливого студента мужского пола, ставшего дочерью женщины, с которой он трахается.

«Дорогой Бог Дыр и других подобных пространств, пожалуйста, откройся и проглоти меня сейчас. Я знаю, ты никогда не слушал меня раньше и продолжаешь позволять ужасным, смущающим вещам происходить со мной, но только в этот раз, не мог бы ты сделать исключение?»

Не повезло.

Мистер Дэйв прокладывает путь в нашу сторону, его тёмные глаза похожи на копыя, а рот так сильно нахмурен, что я бы не удивилась, если бы он так и остался.

— Вы новый парень моей матери? — спрашиваю я, глядя на него с выражением абсолютного недоверия. — Как? Вы живёте в Коннектикуте.

— Я знаю, ты встречалась с Йеном раньше, — говорит мама, обходя меня сзади, чтобы взять за руку своего нового кавалера. — Но я хотела сделать тебе сюрприз.

— Как вы познакомились? — спрашиваю я, пытаюсь разобраться во всём этом. Вы не можете просто так случайно столкнуться с кем-то с другого конца континента. Совпадений не бывает. *«Ну, конечно, за исключением того, как ты однажды столкнулась с близнецами на набережной...»* Внезапно я обливаюсь потом, и мой разум сходит с ума.

Все под подозрением, не так ли? Каждый человек, которого я знаю.

— Я приехал сюда навестить семью во время зимних каникул и столкнулся с твоей матерью, — грохочет мистер Дэйв, и этот голос подобен камням, катящимся с горы. — Мы просто случайно смогли найти общий язык. — Он бросает на неё взгляд, и его лицо смягчается почти правдоподобным образом.

«Психопаты не испытывают человеческих эмоций как таковых, но чрезвычайно искусны в их имитации».

Слова Черча поражают меня, как товарный поезд, и я осознаю, что делаю шаг назад. Не может быть, чтобы мистер Дэйв — если это вообще его настоящее грёбаное имя — случайно столкнулся с моей мамой в районе метро, где проживает более тринадцати миллионов человек. Всё это как-то связано со школой, и со мной, и с убийством Дженики. Я это чувствую.

— Я знаю, это немного странно, милая, — начинает мама, но я уже отступаю ещё на шаг. Тёмные глаза мистера Дэйва отслеживают мои движения, прежде чем перевести взгляд на улицу и обратно. Он ищет своих сообщников? Мужчина проверяет охрану, которая следила за мной и мамой здесь сегодня вечером?

— Это больше, чем просто немного странно, — говорю я ей, возвращая внимание к Йену Дэйву. Я имею в виду, что это за имя такое?! Это такая же подделка, как накладные ногти. — Это жутко. Ты ведь знаешь, что кто-то напал на меня в школе, верно? И я не имею в виду в Адамсоне, я имею в виду в Санта-Крузе. И в течение недели, когда мистер Дэйв отсутствовал.

— Ты в чём-то обвиняешь Йена? — спрашивает мама, и её голос звучит чрезвычайно озадаченно. — Это нелепо.

— Шарлотта, — начинает мистер Дэйв, и я шокирована отсутствием у него удивления по поводу моего раскрытия пола, пока не вспоминаю, что он знал. Он знал всё это время, даже когда не должен был знать. — Я обещаю тебе, что эта история с твоей матерью была незапланированной. Честно говоря, это немного неуместно, но...

— Извините, мне нужно в уборную, — выпаливаю я, поворачиваясь и направляясь в ресторан. Я в лёгком оцепенении ищу и нахожу женский туалет, проскальзываю внутрь и запираю за собой дверь на засов. — Чёрт возьми, чёрт возьми, чёрт возьми, — ворчу я, набирая номер Рейнджера. Я не уверена, почему из всех парней я выбираю именно его, чтобы позвонить первым. Это просто происходит.

— Шарлотта? — спрашивает он, его голос резкий и мрачный. — Всё в порядке?

— Моя мама встречается с мистером Дэйвом. *Он* её новый парень. Они пытались скормить мне какую-то дерьмовую ложь о том, как она познакомилась с ним, когда он приехал сюда навестить семью в декабре, но... серьезно?! Я не дура. Ты не можешь просто случайно найти мать одного из своих учеников в Лос-Анджелесе, когда живёшь в грёбаном Натмеге, в штате Коннектикута.

— Мы сейчас приедем, — говорит Рейнджер, но я не понимаю, что от этого поменяется. Не похоже, что мистер Дэйв пришёл сюда сегодня вечером, чтобы убить меня.

— Нет, нет, в этом нет необходимости, — говорю я, потирая пальцами переносицу. — Давай я просто поужинаю с этим мудаком и посмотрю, не выдаст ли он чего-нибудь.

— Ты уверена? — спрашивает Рейнджер, и позвякивание ключей на заднем плане, возможно, указывает на то, что он уже в пути.

— У меня есть охрана, мы в переполненном ресторане, со мной всё будет в порядке. — Я выдыхаю и прислоняюсь спиной к стене. — Просто... держи телефон при себе на случай, если что-нибудь случится, хорошо?

— Понял, — говорит он, а затем наступает долгая, неловкая пауза, во время которой кажется, что Рейнджер может сказать что-то важное. Вместо этого всё, что я получаю, это: — Будь осторожна и сообщай о новостях. — А потом друг вешает трубку. Вздохнув, я

засовываю телефон в карман и направляюсь к двери, чтобы найти мистера Дэйва и маму, которые уже ждут за соседним столиком.

— Ты в порядке? — спрашивает мама, когда я сажусь и открываю меню, отвечая фирменным взглядом мистера Дэйва на его же. Этот мужик — самый злобный библиотекарь, которого я когда-либо встречала, и поверьте мне, я встречала несколько настоящих победителей. Однажды библиотекаря на школьной книжной ярмарке избил меня мухобойкой за то, что я помяла страницу в книжке с картинками.

— В порядке, — говорю я, заставляя себя улыбнуться, и утыкаюсь лицом в меню.

Первую половину ужина мама пытается разговорить нас, вытягивая из нас обоих неохотные ответы. Разговор ни к чему не приводит, и в конце концов она просто флиртует и болтает с *Йеном*, пока я вонзаю вилку в свой, по общему признанию, вкусный чизкейк и притворяюсь, что не слушаю.

К сожалению, большую часть разговоров ведёт мама, и к тому времени, когда ужин заканчивается, я не получаю от Йена никакой новой информации, никаких подсказок.

Он выводит нас на улицу и помогает сесть в такси, прежде чем подарить маме самый страстный поцелуй на прощание, который я когда-либо видела. У меня отвисает челюсть, и, клянусь, мистер Дэйв ухмыляется мне, прежде чем закрыть дверь, и такси уносится вниз по улице.

— Что думаешь? — спрашивает мама, поворачиваясь, чтобы посмотреть на меня, и беря мои руки в свои. Я бросаю на неё свой самый скептический взгляд, который оттачиваю с пяти лет. Этот взгляд очень ясно говорит: *«ты, блядь, сейчас серьёзно?»*

— Мам, этот мужик — подонок. Он явно преследователь. — Я выбрасываю руку вперед для пущей выразительности. — Как так получилось, что учитель из моей школы встречается с моей мамой? А после этого, был убит студент?

— Твой отец сказал, что это было самоубийство, — таков её единственный ответ, её губы поджаты с каким-то надутым выражением. — И иногда судьба вмешивается в жизнь человека, Шарлотта.

— Я не верю в судьбу, — бормочу я, скрещивая руки на груди и выдыхая. — Но я правда верю в убийц, преследователей и библиотекарей-психопатов, которые следуют за мной по всей стране, чтобы повесить меня в петле.

— Может, ты перестанешь так драматизировать? — мама стонет, прикладывая ладонь ко лбу. — Мне он нравится — очень нравится. И я не собираюсь прекращать встречаться с ним без уважительной причины. Просто потому, что тебе не нравится, как мы встретились, это не значит, что он убийца.

Я плотно сжимаю губы и отворачиваюсь к окну. На сегодня я больше не буду с ней спорить.

Мистер Дэйв причастен к убийству Дженики, к убийству *Юджина*, и я собираюсь, чёрт возьми, доказать это.

Пятница не наступает слишком долго. Я буквально отсчитываю *секунды*. Дело не в том, что мне не нравится проводить время с мамой, но, клянусь, каждый день происходит какое-то мероприятие с участием Йена Дэйва. Но я не могу сбежать, не тогда, когда мама взяла отгул на неделю, чтобы провести время со мной. Я знаю из подслушанного разговора между ней и папой, что он давал ей дополнительные деньги, чтобы помочь оплачивать счета и наши прогулки.

Так что я выдерживаю, и мы делаем маникюр, устраиваем пикник в парке и вместе отправляемся на дегтярные ямы Ла Бреа. В целом это неплохая поездка, но квартира маленькая и душная, и я не чувствую себя как дома. По какой-то причине это всё заставляет меня скучать по Академии Адамсон ещё больше.

— Какое милое платье, — говорит мама, когда я выхожу из ванной в розовом коктейльном платье, туфлях-лодочках телесного цвета и с маленькой блестящей сумочкой, которую выбрал Рейнджер. Клянусь, этот парень помещан на милых штучках. Его щёки розовеют, когда он видит что-то, что ему нравится, а потом, если вы попытаетесь упрекнуть его в этом, он злится до чёртиков.

— Спасибо, — отвечаю я, кладя руку на живот, чтобы унять бабочек. Ужин с родителями никогда не бывает лёгким, особенно когда тебе нужно беспокоиться не только о парне. — Я нормально выгляжу?

— Ты же моя дочь? — говорит она, и я улыбаюсь.

Раздаётся стук в дверь, и я ловлю себя на том, что резко втягиваю воздух, чтобы успокоить нервы, прежде чем пойти открывать.

Дверь широко распахивается, и вот они стоят группой, все в строгих костюмах и галстуках. У меня отвисает челюсть, и я остолбенело смотрю, как Спенсер суёт мне в руки огромный букет роз.

«Ну, здравствуй, *Студенческий совет Адамсона*».

— Я тоже рад тебя видеть, — говорит он, сверкая улыбкой.

— Добрый вечер, Чак, — говорят близнецы в унисон.

Рейнджер предлагает один розовый тюльпан, в то время как Черч оценивающе оглядывает меня.

— Я должен сказать, что наш последний помощник и близко не был таким привлекательный.

Мои щёки вспыхивают, и я на мгновение замолкаю, но Черч просто... ну, такой кокетливый. Иногда. Я имею в виду, когда он не ведёт себя как хладнокровный социопат, психопат или что-то в этом роде. «*Он, наверное, влюблен в тебя*». Слова Мики на мгновение мелькают у меня в голове, но я отмахиваюсь от них.

— Спасибо вам, ребята, что пришли, — говорю я, оглядываюсь и вижу ожидающий нас лимузин.

Ах, да, преимущества свиданий с богатыми чуваками.

Я не буду жаловаться на это.

— Мама, ты помнишь парней? — говорю я, беря её за руку, когда она направляется к двери.

— Верно. Трое из них — твои парни, а двое других...

— Просто друзья, — добавляет Рейнджер, отвечая на вопрос моей матери прежде, чем я успеваю это сделать. Он поворачивается и направляется вниз по лестнице, остальные следуют за ним.

— Он был в плохом настроении после истории с мистером Дэйвом, — шепчет Тобиас, беря меня за левую руку и заставляя Спенсера нахмуриться. — Он чертовски беспокоится о тебе. Говорил же тебе, что он превратит тебя в Дженику.

— В его сестру, верно, — молвлю я, когда мы все садимся в лимузин, и Черч вручает моей матери бутылку, должно быть, очень дорогого шампанского. Её глаза загораются, а щёки краснеют.

— Спасибо, я бы с удовольствием выпила бокал, но не могу, — говорит она. — Я всё ещё выздоравливаю, и, хотя алкоголь никогда не был моим пороком, сегодня вечером мне придётся ограничиться лимонной водой.

— Вполне понятно, — произносит Черч, а затем наливает себе бокал, что маме не особенно нравится, учитывая, что он несовершеннолетний. Но я полагаю, вы не можете сказать семнадцатилетнему парню, которому почти восемнадцать, что он не может пить дорогое шампанское на заднем сиденье собственного лимузина. Или, ну, я просто предполагаю, что эта машина принадлежит Монтегю. Но на самом деле это мог быть кто угодно из парней.

— Миссис Карсон, не так ли? Или вы предпочитаете, чтобы вас называли Элоизой? — спрашивает Черч, и я прищуриваюсь, глядя на него. Он снова запудривает мозги взрослому человеку, на что, честно говоря, моя мать клюнет в два раза лучше, чем мой отец. А учитывая, что он купил крючок, леску и грузило, мама обречена.

— Элоиза великолепно, или даже мисс Рейтман. Я меняю фамилию на девичью. Самое время, учитывая, что мы в разводе уже четыре года. — Мама замолкает и смотрит на меня так, словно ожидает, что я устрою из-за этого какую-нибудь истерику. Я признаю, когда родители только развелись, у меня было разбито сердце, но с тех пор я прошла долгий путь. Она бы знала это, если бы была рядом и видела. — На самом деле, в моей жизни появился новый мужчина, так что это вполне уместно.

— Ты же не думаешь выйти замуж за этого парня? — спрашиваю я, потому что одно дело, когда мать встречается, и совсем другое, когда она влюблена в мужчину, который вполне может оказаться серийным убийцей. Или подождите, обязательно ли убивать больше двух человек, чтобы стать серийным убийцей? И потом, во всём этом замешаны по меньшей мере три сообщника... Тьфу. Я провожу рукой по лицу.

— Пока нет, Шарлотта, но мне нравится смотреть на вещи непредвзято. — Мама улыбается и откидывает с лица несколько локонов, её карие глаза осматривают парней, рассеявшихся веером по сиденьям. — А теперь, если ты выйдешь замуж за трёх мальчиков, чью фамилию ты возьмёшь? — спрашивает она, а затем смеётся, как будто действительно считает это забавной шуткой.

— Сейчас уже не средневековье, мам. Ты не берёшь ничью фамилию. Ты просто сожительствуешь с тремя любовниками и разделяешь счета.

— Шарлотта, — упрекает она, бросив на меня взгляд. — Не будь такой. Я просто дразнила тебя.

— Чем вы занимаетесь по работе? — спрашивает Спенсер, прочищая горло и пытаясь принять участие в разговоре. Это чертовски неловко, но, по крайней мере, он хорошо выглядит в угольно-сером костюме и бирюзовом галстуке, который подходит к его глазам.

— Я горничная в крупном сетевом отеле, — отвечает мама, и близнецы обмениваются взглядами. Мои щёки краснеют, но я не смотрю на них. Может быть, они складывают два и два, как, например, когда я пыталась сама помыть посуду у них дома, или как я ненавижу оставлять поднос в кафетерии, чтобы кто-то другой убрал его...

Или блядь.

До сих пор мне это не приходило в голову, но... может быть, их интересует что-то другое во мне? Что, если они подумают, что я золотоискательница? Что, если они подумают, что я недостаточно хороша для них из-за моей мамы?

Внезапно становится трудно дышать, и я безмерно благодарна, когда мы добираемся до ресторана и у меня появляется свободная минутка, чтобы ускользнуть в уборную. В течение нескольких минут я просто прислоняюсь головой к стене и пытаюсь успокоить бешено колотящееся сердце.

Когда выхожу в холл, близнецы уже ждут меня.

Они поднимают руки по обе стороны двери, когда она захлопывается за мной.

— Что? — спрашиваю я, чувствуя, как горит моё лицо, когда они внимательно изучают меня. — Чего вы хотите? Могу я спокойно пописать?

— Ты убегаешь от нас, — говорит Тобиас, и я открываю рот, чтобы возразить. Мика прикладывает палец к моим губам, чтобы успокоить меня, и качает головой.

— Нет, ты убежала. Почему? — он смотрит мне прямо в лицо своими пронзительными зелёными глазами, но я не знаю, что сказать. Что я внезапно начинаю чувствовать себя неловко? Что я поняла, насколько нелепо для бедной девушки, у которой мама — горничная, а отец — директор, иметь не одного, не двух, а *трёх* богатых, сексуальных парней, интересующихся ею?

— Это не гарем наоборот, — выпаливаю я, и близнецы обмениваются взглядами.

— А? — спрашивают они, оглядываясь на меня.

— Я имею в виду... для меня во всем этом нет счастливого конца, да? — я не знаю, откуда всё это берётся, но внезапно чувствую себя подавленной. У меня, наверное, вот-вот начнутся месячные или просто гормональный сбой. Нет, нет, это чушь собачья, скидывать эмоции на цикл. Я просто отвлеклась на минутку. Думаю, у всех нас они иногда бывают, не так ли? Один из тех моментов, когда тебе просто плохо и грустно, и кажется, что весь мир против тебя.

— О чём ты говоришь? — спрашивает Тобиас, протягивая руку, чтобы убрать прядь волос с моего лица. — Это из-за мистера Дэйва и твоей мамы?

— Нет, это из-за... меня, и тебя, и тебя, — я смотрю на Мику, — и того факта, что моя мама горничная. Мой отец всего лишь директор вашей средней школы. Вы, ребята, все предназначены для больших и лучших дел, а я всего лишь студентка-троечница, которая ещё даже не подавала заявления ни в один колледж. Вы, наверное, думаете, что я какая-то золотоискательница.

— Я думаю, ты сама себе перечишь, Чак, — говорит Мика, изучая меня гораздо более серьёзным взглядом, чем я привыкла. — Какое отношение к тебе имеет работа твоих родителей? И поверь мне, если бы ты была охотницей за деньгами, ты бы сразу отнеслась к нам намного лучше. — Он улыбается, и в его улыбке есть та острота, которая есть всегда, но в выражении его лица есть что-то более глубокое и мягкое, что заставляет меня чувствовать себя слабой в коленях. — Нам не нужно встречаться с девушкой с деньгами; у нас их предостаточно. И ты больше, чем просто троечница. Ты человек с достаточно большими

яйцами, — он делает паузу, мгновение обдумывает это, продолжает, — с достаточно большими яичниками, чтобы ввалиться в школу, полную придурков со старыми деньгами, и начать демонстрировать свою значимость. Ты крутая девчонка, Шарлотта Карсон.

— И, кроме того, мы с Микой просто доставляющие неприятности избалованные сопляки, которые слишком сильно тусовались, и их отправили в старую школу нашего отца, чтобы уберечь от неприятностей. У нас нет никаких особых интересов или навыков, как у Рейнджера с его выпечкой, и мы также не подавали заявления ни в один колледж.

— Вы, ребята, всё равно попадёте туда только из-за денег и прочего дерьма, верно? — спрашиваю я с лёгким смешком. В моих глазах стоят слёзы, но я не уверена почему. Близнецы пожимают плечами.

— Возможно. Но мы могли бы пригласить и тебя тоже? — они оба отталкиваются от дверного косяка и встают прямо. — Мы тут подумали... Университет Борнстед.

— Борнстед? — спрашиваю я, приподнимая бровь. — Как в Колорадо? Почему?

— Это хороший университет, и он ни здесь, ни там, — говорит Тобиас, неопределённо указывая в направлении уборной, как будто это каким-то образом может указывать на Коннектикут. — Я имею в виду, почему бы и нет? Там прекрасный кампус. Моя мама однажды проводила там семинар, мы тогда были у неё несколько дней и отлично провели время.

— Это при условии, что мы останемся друзьями даже в выпускном классе, учитывая отношения на расстоянии и всё такое... — я замолкаю, и близнецы обмениваются ещё одним взглядом, прежде чем снова повернуться ко мне.

— Имей немного веры, Чак, — говорит Тобиас, вымучивая из себя улыбку и убирая рыжие волосы со лба. Близнецы одеты в одинаковые тёмно-синие костюмы с красными галстуками. Они выглядят так, будто играют в косплей — наряжаются как персонажи из фильма, аниме, книги, видеоигры и т. д., — но мне это нравится. Я снова улавливаю серьёзные флюиды Гостевого Клуба Школы Орана. — Если Черч говорит, что у него есть идея, значит, она хорошая.

Я киваю, а затем делаю шаг вперёд, но близнецы берут меня за руки, в то время как Мика открывает дверь уборной. Затем они затаскивают меня обратно в неё, прежде чем закрыть её за нами и щёлкнуть замком.

— Что вы делаете? — шепчу я, когда они оба опускаются и кладут руки мне на бедра, прижимая меня к стене. Каждый из них запускает руку мне под юбку и стаскивает трусики на пол. — Моя мама где-то там...

— И что? — спрашивают они, поощряя меня слегка раздвинуть ноги. А потом они по очереди наклоняются и используют свой язык в таких местах, где, уверяю вас, у меня никогда раньше не было языка. Это так приятно, что в конце концов я прикусываю свою руку, чтобы не шуметь.

Когда мы, наконец, выходим оттуда, остальная часть стола уже ждёт нас с напитками и закусками.

— Мы взяли на себя смелость сделать заказ за вас, поскольку вас ужасно задержали, — растягивает слова Черч, пренебрежительно махая рукой. — Поскольку я знаю, что Мика и Тобиас — *большие* поклонники эскарго, я позаботился о том, чтобы заказать каждому из них по тарелке на ужин.

— Ты кусок дерьма, — рычит Тобиас, садясь с правого бока, Мика рядом с ним. Следующим идёт Рейнджер, затем Спенсер, я, мама, и снова возвращаемся к Черчу. Просто

одна большая, счастливая семья. — У нас аллергия на эскарго.

— Что такое эскарго? — весело спрашивает моя мама, и я слегка прижимаю ладонь к лицу.

— Улитки, — отвечает за меня Спенсер, прищуриваясь и глядя на меня и близнецов.

— У вас аллергия на улиток? — спрашиваю я, поднимая голову и бросая взгляд на близнецов. Они оба намазывают маслом ломтики хлеба в идеальном унисоне, что чертовски впечатляет.

— Именно, — говорят они, но почему-то я чувствую, что они врут.

— Ни у кого нет аллергии на улиток, — возражаю я, и они оба пожимают плечами, ухмыляясь, но не глядя на меня. Это к лучшему, потому что я только что испытала двойной близнецовый оргазм в туалете. Надеюсь, никто этого не заметит. Почти уверена, что все, кроме мамы, замечают, что, по крайней мере, само по себе является небольшим благословением.

— У нас также аллергия на кальмаров, — говорят они. — И осьминогов.

— У них просто забиты вкусовые рецепторы, и они предпочитают гамбургеры и картошку фри, — произносит Черч, когда Рейнджер бросает на меня сочувственный взгляд.

— Просто не обращай на них внимания, — говорит он, а затем переадресовывает разговор своим мрачным голосом. — Итак, Элоиза, расскажите нам побольше о своём новом парне. — Сапфировые глаза Рейнджера скользят по моим. — Мы как раз обсуждали их второе свидание — на стрельбище. Очевидно, Йен чертовски меткий стрелок. — Мои глаза расширяются, и я оглядываюсь на маму, когда она начинает поэтично описывать засранца-библиотекаря нашей школы. В то же время я кладу свою сумочку на стол, намереваясь порываться в ней в поисках бальзама для губ. Вместо этого я случайно опрокидываю её в хлебницу.

Искусственный пенис вываливается прямо на белоснежный фарфор в тот самый момент, когда к нам подходит официант, чтобы принять заказ, и мимо проходит разносчик с ещё одним кувшином воды для столика.

Мои глаза расширяются, и мама вскрикивает, обрывая фразу на полуслове, чтобы посмотреть на меня.

Я совершенно определённо оставила этот пенис там, в Коннектикуте. Перевожу взгляд на близнецов, которые, так уж случилось, строят одинаковые гримасы.

— Шарлотта Карсон, мастурбация — это здорово и нормально, но ты не должна приносить такие вещи на званый ужин, — шепчет мама, и всё моё тело становится пунцовым. Спенсер изо всех сил старается не рассмеяться, в то время как Рейнджер таращится на оскорбителя во всей его гибкой красе. Он реально выглядит как настоящий, так ведь?

— Мам, это вялый член, я не смогла бы... знаешь, с этим, даже если бы захотела, — я давлюсь, когда Рейнджер хватается за член и засовывает его под свой чёрный пиджак.

— Ага, вот где я его оставил, — рычит он, бросая взгляды тёмных глаз на официанта и его помощника, словно бросая вызов. — Это мой протез, и я случайно положил его не туда.

— Конечно, сэр, — кашляет официант, складывая руки за спиной. Его помощник уходит, а моя мама просто сидит с растерянным видом.

— Будем заказывать? — спрашивает Рейнджер, и, хотя вы могли бы подумать, что в такой ситуации он покраснел бы, этого не происходит. Будет ли он краснеть из-за пары носков с единорогом? Конечно. Но не из-за вялого члена в хлебнице. Нет, только не из-за

этого.

Остаток ужина проходит гладко, хотя парни продолжают шутить по поводу протеза Рейнджера, а мама, благослови её господь, искренне интересуется историей его возникновения.

После того, как мы закончили, возвращаемся в квартиру, и Элоиза заходит, чтобы дать мне минутку поговорить с ребятами.

— Вы засранцы, — рычу я, ударяя близнецов по плечам. — Вы засунули его в мою сумочку, пока мы... — я делаю паузу и смотрю на Спенсера. Он засовывает руки в карманы брюк и приподнимает бровь. — Мы пошли в уборную, чтобы, эм, потусоваться.

— Господи Иисусе, — стонет Рейнджер, пока Черч потягивает кофе на вынос и наблюдает за развитием всей сцены.

— Вы двое — неподражаемы, — говорит Спенсер, закатывая глаза, и близнецы пожимают плечами.

— Ты виновата в том, что кинула член в хлеб. Мы просто подумали, что ты могла скучать по нему, вот и всё. Или, может, Спенсер скучал.

— Чувак, я так возбудился после того, как сжал эту штуку, ты даже не представляешь, — парирует он, вызывая задирая подбородок и ухмыляясь. — Было настолько плохо, что когда я пошёл в ванную после...

— Хватит об этом, — огрызается Рейнджер, поднимая руки и выдыхая. — Послушайте, нам нужно добиться прогресса в деле с мистером Дэйвом. Ты сказала, твоя мама работает в понедельник? — он бросает на меня взгляд, и я киваю, гадая, где именно он спрятал фиктивный пенис. Я опускаю глаза, и Рейнджер прищуривается, делая шаг вперёд, чтобы перенаправить моё внимание. — Мы заедем за тобой и вернёмся ко мне домой, посмотрим, сможем ли получить ещё какую-нибудь информацию об этом мужчине. А потом мы что-нибудь испечём. Просто потому, что сейчас лето, это не значит, что мы не должны устраивать собрание Кулинарного клуба.

— Ты собираешься показать ей свою комнату? — поддразнивает Спенсер, и Рейнджер бросает мрачный взгляд через плечо. Спенсер поднимает руки в знак капитуляции, но теперь я *умираю* от любопытства узнать, в чём дело.

— Черч, когда там вечеринка у твоих родителей? — Рейнджер продолжает, игнорируя близнецов, которые ввязываются в какую-то братскую потасовку.

— В конце июля, — отвечает он, склонив голову набок, и янтарные волосы падают ему на лоб. — Тебе понадобится новое платье.

— Разве вы, ребята, уже не купили мне дюжину новых платьев? — спрашиваю я, пытаюсь засунуть руки в карманы блейзера, прежде чем понимаю, что на мне его нет. Боже, я скучаю по Академии.

— Не такое платье, как это, для вечеринки такого масштаба. — Он улыбается мне, и, клянусь, я не могу решить, является ли эта яркая жизнерадостность более или менее пугающей, чем тот взгляд холодного ада, которым он одаривает своих врагов. — Но не волнуйся, мы разберёмся с этим, у нас есть время.

— После того, как мы здесь закончим, приедет мой папа, — говорю я, чувствуя, как в животе скапливается холодный ужас. — Мы пробудем в Санта-Крузе некоторое время, а потом я не знаю, какие у него планы.

— В августе у меня дурацкая семейная поездка с Джеком и родителями, — говорит Спенсер, проводя пальцами по волосам. — Но в остальном, куда бы ты ни поехала, я еду

туда.

— Мы все поедem, — говорит Рейнджер, дeлая паузу и оглядываясь на парней из службы безопасности. — И мы *выясним*, кто тебя преследует, я обещаю. — Он кладёт руку мне на плечо, прежде чем наклониться и коротко поцеловать меня в щеку. Я так ошеломлена этим поступком, что забываю ответить, когда он желает мне спокойной ночи, неторопливо удаляясь в направлении машины.

— Что всё это было? — шепчу я, но Черч только пожимает плечами и качает головой.

— Понятия не имею, — говорит он, но потом я вспоминаю, что он лжёт так же легко, как дышит.

Так что же, чёрт возьми, скрывает Черч Монтегю?

Ребята присылают за мной машину, и в итоге я еду на заднем сиденье какого-то роскошного изящного серебристого седана в сказочное поместье на Голливудских холмах. Мои глаза расширяются, когда мы сворачиваем на длинную подъездную аллею и въезжаем в частные ворота.

— Это чей-то дом? — шепчу я, прикладывая пальцы к стеклу, когда мы приближаемся к тому, что — буду честна — выглядит как промышленный кошмар. Я имею в виду, это большой, дорогой на вид дом, но он сделан из стали и стекла, и все лужайки причудливо идеальны и неестественно зелёные. Это очень, *гм, высококлассно*, но в то же время довольно глупо. — Боже, я ненавижу богатых людей, — бормочу я, когда водитель паркуется и открывает мою дверь.

По какой-то причине пробок сегодня практически не было (я имею в виду Лос-Анджелесские пробки, то есть, конечно, ужасающие, но не такие ужасающие, как обычно), так что мы добрались в рекордно короткие сроки. Почти уверена, что Рейнджер не знает, что я зашла в стеклянный дворец его матери на берегу моря, пока я не захожу на кухню и не фыркаю.

Там, на всеобщее обозрение, выставлены те сочные ягодицы, которые я уже знаю и люблю.

— Опять печём в бабушкином фартуке, да? — спрашиваю я, и он замирает совершенно неподвижно. Его реакция на то, что я застала его голым в клетчатом фартуке, сейчас немного отличается от той, что была в прошлый раз. Он отворачивается, вероятно, чтобы спрятать свои яйца от посторонних глаз, и смотрит на меня с почти извиняющимся выражением лица. — Что? Теперь, когда ты знаешь, что я девушка, это как-то меняет правила игры?

— Как, чёрт возьми, ты так быстро сюда добралась? — бормочет он; насыщенный аромат какао смешивается с тёплым ветром, дующим снаружи. Я даже не совсем уверена, где заканчивается дом и начинается улица. Вся эта штука сделана из стекла. Я могу видеть всё от одной стороны до другой, за исключением небольшого помещения, которое, как я полагаю, должно быть ванной на первом этаже.

— Пробок практически нет, — отвечаю я, запрыгивая на столешницу и указывая подбородком в его сторону. — Ну же, продолжай в том же духе. Я не хочу во второй раз испортить твой немецкий шоколадный торт. — Рейнджер мгновение колеблется, а затем кивает, возвращаясь к своей страсти, в то время как я сижу и постукиваю каблуками по стенке безумно дорогого шкафа. — Насколько сильно это место разорило твою маму?

— Ты всегда задаёшь вопросы, которые некоторым людям могут показаться очень грубыми и назойливыми? — спрашивает он в ответ, покрывая розовой глазурью маленький белый торт. — И всё же, около двадцати восьми миллионов. А что?

— Дженика когда-нибудь жила здесь?

Я не хотела задавать этот конкретный вопрос; он просто вырывается сам собой. Это будто... после всего, через что мы прошли вместе, такое чувство, что я знаю эту девушку лично. Рейнджер поднимает на меня горящие сапфировые глаза, а затем кивает один раз, коротко и по-деловому.

— Ты можешь остановиться в её комнате, — говорит он, и я приподнимаю бровь. Я не

знала, что меня пригласили на вечеринку на ночёвкой, поэтому не взяла ничего, кроме сумочки. — Я оставил твой искусственный член на кровати на случай, если он тебе понадобится.

— М-да уж, спасибо, — отвечаю я, оглядывая до смешного крутой бассейн и джакузи, которые расположены на краю участка. Вода практически вытекает с бортов; я даже не могу понять, как вообще она удерживается. Похоже, будто она парит. — Кроме того, я забыла купальник...

Рот Рейнджера дёргается.

— Я пошлю консультанта по покупкам матери за новым. У неё уже есть твои размеры. — Он заканчивает намазывать глазурь, а затем переходит к помадным цветкам, посыпав их кристаллизованным сахаром. — Кстати, любезно предоставлены Черчем.

— Кстати, а где все остальные? — спрашиваю я, понимая, что немного странно сидеть здесь с голым чуваком, с которым я не встречаюсь, просто прохладиться, пока его яйца обдувает тёплый ветерок, а он с глупой деловитостью покрывает торт, превращая розовый круг в сад блёсток.

— У них у всех было какое-то дерьмо, с которым нужно разобраться; они скоро будут здесь. — Рейнджер встаёт и раскручивает торт на подставке, украшая его зелёными виноградными лозами и листьями с мастерством и детализацией настоящего художника. Во мне есть сильное желание сорвать с себя одежду, надеть фартук и приняться за работу. Мои щёки горят, и я постукиваю пальцами по каменной столешнице. Это может быть мрамор, кварц или что-то похожее. — Кстати, я поручил частному детективу заняться Йэном Дэйвом. Всё кажется вполне законным. У него нет приводов в полицию, все его рекомендации проверены, и я попросил парня последить за ним в течение нескольких дней. Честно говоря, он чертовски скучен.

— Да, брось. Библиотекарь нашей школы встречается с моей матерью? *Моей* мамой? Выздоравливающей наркоманкой, которая живёт в Лос-Анджелесе? Ни за что. Ни за что, извините, но я знаю, что мистер Дэйв каким-то образом замешан в этом.

— Конечно, но он чертовски хорош в том, чтобы не оставлять следов. — Рейнджер отодвигает пирог в сторону, достаёт ещё один из духовки рукавицей, похожей на кошачью лапку, а затем принимается за работу над морем сахарного печенья. Он превращает их в солнца, луны и планеты без особых усилий. Его работа безупречна.

— Я ответила тому парню, который прислал мне ежегодник Дженики, но реально не думаю, что он что-то знает, — добавляю я, когда Рейнджер кладёт на тарелку красивое печенье «Полная луна» и подносит его мне. В тёмных кратерах и тенях угадывается едва различимое лицо, и я не могу удержаться, чтобы не уставиться на него, прежде чем откусить кусочек. Чувак даже приносит мне стакан молока в придачу.

— Я и его тоже проверил. Вообще-то, я проверил всех в твоём списке. — Рейнджер хватает свой блокнот с единорогом и бросает его на стойку рядом со мной. Он убрал некоторые имена и добавил новую информацию о других.

Список подозреваемых

Мистер Мерфи (автор записок? защищает нас от чего-то?)

Мистер Дэйв (встречается с мамой Шарлотты, пропавший ежегодник, грубый как чёрт)

Эдди-уборщик (вырос в Натмеге, посещал государственную школу, приводов нет)
Натан, ночной сторож (понятия не имею, вообще никакой информации информации, кроме того факта, что он раньше преподавал каратэ)
Марк Грэндэм (он чертовски виновен, мне всё равно как, я просто знаю)
Дерьмовые друзья Марка по футболу (в основном все они куски дерьма, трудно сказать)
~~Рик, бывший Дженики (как бы мне ни хотелось, чтобы он умер, но не подозреваемый)~~
Джефф Работ (ненавижу этого мудака, почти уверен, что он что-то замышляет, ненавидит Монтегю)
~~Мистер Йохансен (астма, артрит, был древними уже когда Дженика посещала Адамсона)~~
Мистер Крачек (он едва может двигаться, так что, вероятно, нет, но неважно)
~~Мистер Триббл, он же тот учитель физкультуры, который толкнул Шарлотту в раздевалку и заставил ее увидеть все те члены (начал работать в Адамсон только в этом году, имеет множество постов в социальных сетях во время нападений)~~
~~Йель Хартлетт, он же парень, который прислал нам фотографии из ежегодника (сейчас живёт во Франции с партнёром)~~
Джек Харгроув (надеюсь, он невиновен, ради Спенса)
Кеня (не беспокойся о ней, она мне всё равно не понравилась)
Селена (кто, чёрт возьми, знает? вероятно? почему бы и нет? её сестра издевалась над моей в Эверли)
Астер (я понятия не имею, кто это, извини, Шарлотта)
Росс (определённо виновен, давайте повесим этого ублюдка)

Улыбка появляется на моих губах, когда я читаю список, останавливаясь кончиком пальца над именем Кеша. Я не говорю, что была очарована тем, как он составил свой список, вот только... Я однозначно совершенно очарована.

— Что именно произошло между тобой и Кешей? — спрашиваю я, и Рейнджер замолкает, поднимая голову от кекса, чтобы посмотреть на меня.

— Мы трахнулись на вечеринке в Эверли в прошлом году. Секс был... а, похер. Мне не хотелось ещё одного раунда. — Он возвращается к кексу, превращая его в лепесток лилии с помадной лягушкой.

— Она была твоей первой? — я спрашиваю, потому что, очевидно, мне трудно контролировать себя рядом с Рейнджером Вудраффом. На этот раз он не поднимает глаз, просто продолжает заниматься делом, на заднем плане тихо играет металл. Звук приглушён настолько, что я только сейчас заметила музыку, но довольно забавно видеть этого парня с волосами и синими прядями в армейских ботинках, слушающего металл, одетого в клетчатый фартук, голышом пекущего кексы с лягушками. Я даже не знаю, что сказать.

— Нет, второй. — Он переключается на новый кекс. — На втором курсе у меня была другая девушка, с которой я время от времени встречался.

— Ты встречался? — спрашиваю я, откусывая кусочек печенья и стараясь не застонать от удовольствия.

— Я не встречаюсь, — повторяет Рейнджер, и я издаю раздражённый звук, прыгивая со стойки.

— Почему нет? — я подхожу, чтобы встать рядом с ним, и замечаю, как напрягаются

твёрдые мышцы на его руках и плечах. — Из-за Дженики?

— В основном. Я потерял девушку, которую любил больше всего на свете. Конечно, я был ребёнком, но не собираюсь снова проходить через это дерьмо. — Я стою там, вдыхая запах сахара и масла, смешанный с лёгкой присыпкой из муки, которая щекочет мне ноздри. То, что он говорит, имеет смысл, но в то же время немного грустно. — Она тоже любила печь, так же сильно, как наши бабушка с дедушкой. Дженика была единственным человеком, который уделял питанию столько же внимания, сколько и они. Я должен продолжать традицию.

Я киваю, а затем слегка шмыгаю носом, прикусывая нижнюю губу.

Рейнджер останавливается и смотрит на меня тёмными сапфировыми глазами.

— Что?

— Как ты думаешь... — я начинаю, а потом выдыхаю. — Может быть, я тоже могла бы печь гольшом?

Он просто свирепо смотрит на меня.

— Ты, блядь, серьёзно? Нет. Тебе даже не следует здесь находиться, иди поплавай в бассейне или займись ещё чем-нибудь. Ты можешь одолжить мои плавки и футболку.

— Почему нет? Что плохого в том, что мы будем печь гольшом вместе?

— Потому что ты девушка моих друзей, вот что, — рычит он на меня, проходя мимо, чтобы взять ещё один пирог из второй духовки. Эта кухня промышленного класса. Каким бы уродливым я ни находила этот стерильный дом, Рейнджер превратил эту комнату в нечто волшебное.

— И что? — повторяю я, останавливаясь между островком и стойкой, наклоняясь, чтобы снять рубашку. Я бросаю её на пол и вызывающе смотрю на него, на мне нет ничего, кроме розового лифчика с оборками. — Принеси мне фартук, или ты увидишь гораздо больше Чака Карсона, чем рассчитывал.

— Господи Иисусе, — рычит Рейнджер, хватая белый фартук с розовыми сердечками и швыряя его в меня. — Ты такая чертовски упрямая, что это сводит меня с ума. Неудивительно, что мы все возненавидели тебя с первого дня.

— *А ты* так часто произносишь слово Иисус, что тебе, должно быть, нравится молиться, да? Я уже начала думать, что он персонаж твоего романа. — Я показываю язык, и Рейнджер закатывает глаза. Он отворачивается, когда я сбрасываю одежду и натягиваю фартук, сердце бешено колотится. — Это так антисанитарно, — бормочу я, пытаюсь завязать пояс на спине. Не получается. В конце концов мои пальцы соскальзывают, и я чуть не выпрыгиваю из собственной кожи, когда слышу позади себя хриплый вздох.

— Ты совершенно беспомощна. — Рейнджер рывком притягивает меня к себе, я прижимаюсь спиной к нему спереди, и начинает завязывать пояс и горловину моего нового наряда. От меня не ускользает, что он буквально в нескольких дюймах от моей голой задницы. — Ты ведь помнишь, как приготовить глазурь из сливочного крема?

— Да. — Это единственное слово вылетает из меня едва слышно.

— Хорошо. Держи. — Рейнджер с грохотом ставит миску на столешницу, когда я поворачиваюсь, а затем уносится выполнять одно из миллиона других дел, оставшихся на кухне. Какое-то время мы просто готовим вместе в тишине, ветер треплет наши волосы, гитарные риффы служат фоном для стука деревянных ложек о керамические миски.

Однако в воздухе витает напряжение, которое, кажется, всё нарастает и нарастает. Мне становится почти физически плохо, но я не могу понять, в чём дело, пока не отступаю назад

и случайно не натыкаюсь на Рейнджера. Он роняет поднос с печеньем, когда мои голые ягодицы приятно прижимаются к его обнаженному боку.

— Мне жаль... — начинаю я, но не успеваю продвинуться дальше, как он разворачивает меня, положив руки мне на плечи, и прижимает спиной к стойке. Он подходит ближе, на самом деле слишком близко, его руки по обе стороны от меня, пальцы сжимают край столешницы. Его глаза закрыты, и он выглядит так, словно ему трудно физически контролировать себя.

— Тебя, блядь, слишком много, — рычит он, и этот звук, кажется, задевает какую-то первобытную часть меня внизу живота. Моё сердце бешено колотится, и мне трудно отдышаться. Рейнджер поднимает голову, его голубые глаза сверкают, и он наклоняется ко мне. — Я бы трахнул тебя прямо сейчас на этой стойке, если бы ты не была с ними, клянусь, блять, богом.

— Я бы позволила тебе, — шепчу я в ответ, дрожа так сильно, что у меня стучат зубы. Но мне не холодно. О, мне определённо не холодно. Вместо этого я чувствую, что сгораю изнутри, оборки моего бело-розового фартука в виде сердечка едва касаются его бело-голубой ткани. — Пожалуйста, отойди от меня, пока я не сделала чего-нибудь, о чём пожалею.

Рейнджер пристально смотрит на меня, его руки прижимают меня к себе, его тело так близко... И мы одеты только фартуки, так что это не займёт много времени.

Но я не изменница.

И он тоже.

Злобно рыча, он отрывается от меня и несётся к странной парящей лестнице в углу. У неё металлические ступеньки, перил нет, и она как бы свисает с потолка на металлических шнурах.

— Я знал, что это была плохая идея, — рычит он, и я бросаюсь за ним.

В этом нелепом стеклянном доме нетрудно увидеть, куда он направляется: идёт по коридору и исчезает в одной из непрозрачных чёрных коробок, которые, должно быть, являются спальнями. Я не думаю, что он ожидает, что я последую за ним, потому что, когда открываю дверь, вижу, что он снял фартук, и что вся длина его затвердевшего члена направлена прямо на меня.

Наши глаза встречаются.

А потом... мой взгляд блуждает по остальной части комнаты.

«Что это за новый ад?»

Я удивляюсь, когда замечаю море... как бы *милых* вещей. Здесь есть фигурки единорогов, плюшевые мишки и столько розового, что им можно задушить лошадь. Мои глаза расширяются, когда я смотрю на гигантскую кровать с белым покрывалом в оборках и балдахинном.

— Убирайся на хрен из моей комнаты, пока я не решил, что ты не слишком симпатичная, чтобы убить тебя, — говорит Рейнджер, его голос подобен ядовитой змее, скользящей прямо ко мне, обнажив клыки. Но я не могу пошевелиться. Я не могу пошевелиться, потому что он голый, а его комната чертовски достойна почитания, и я просто до смерти хочу подойти и обнять его. Даже если я знаю, что не должна, даже если знаю, что это плохая идея, но вхожу в комнату и закрываю дверь.

Глаза Рейнджера расширяются, и он хватается телефон с кровати, набирая быстрое сообщение.

— Что ты только что написал? И кому? — спрашиваю я, осторожно входя в комнату. Она сделана со вкусом, но далеко не так броско, как кажется. И она показывает мне совершенно другую сторону этого грубоватого мудака, в существование которого я никогда бы не поверила, если бы не увидела это собственными глазами.

— Я написал: *«Приезжай сюда сейчас же, или я трахну твою девушку»*, — говорит мне Рейнджер, стоя голый, возбуждённый и потеющий. Мы смотрим друг на друга, когда его телефон звонит около дюжины раз, и он опускает взгляд на сообщения.

Он снова поднимает взгляд.

Мы продолжаем пялиться друг на друга.

В этот момент напряжение почти причиняет боль.

— Убирайся. Отсюда. *Сейчас же*.

Я внезапно отступаю, поворачиваюсь к двери и тут же обнаруживаю, что он хлопнул ладонями по обе стороны от меня. Теперь я здесь в ловушке, и его эрекция парит совсем рядом с моей голой задницей. Моё сердце бешено колотится, и я не могу дышать.

— Что они ответили? — спрашиваю я, когда Рейнджер прижимается губами к моей шее. Как только он прикасается ими ко мне, я теряю самообладание. У меня вырывается стон, и, в конце концов, я непроизвольно выгибаю спину. Этим движением его член оказывается прямо между моих булочек.

— Они написали: *«Это её выбор»*.

— Нет, они бы так не написали.

Рейнджер подносит телефон к моему лицу, и вот оно.

Сообщение от Мики, но я полагаю, что они все где-то вместе.

Рейнджер: *«Приезжай сюда сейчас же, или я трахну твою девушку»*.

Мика: *«Что? Какого чёрта, чувак? Ты серьёзно?»*

«Я имею в виду, мы говорили об этом, и ты сказал, что не хочешь отношений».

«Чёрт, Спенсер взбесился».

«Чего хочет Шарлотта?»

«Это её выбор».

«Дайте нам знать, что происходит».

Я пялюсь на сообщения до тех пор, пока у меня практически не начинают скашиваться глаза.

— Чёрт. — Мой голос прерывистый, едва ли человеческий. Рейнджер целует меня в шею, отчего у меня по коже бегут мурашки. Его рука скользит вверх по моему боку, а затем под перед фартука, разминая обнажённую плоть моей груди.

— Я знал, что не должен был позволять тебе надевать этот фартук, — шепчет он, прижимаясь ко мне. Я наклоняюсь к нему, моя голова кружится от внезапного прилива гормонов. Моё тело хочет одного, но моё сердце... Я не уверена, что смогу так поступить со Спенсером. С близнецами. Мика, возможно, и сказал, что это мой выбор, но... это не значит, что он хочет, чтобы я это делала. И он действительно сказал, что Спенсер взбесился.

Другая рука Рейнджера опускается мне на талию, и он прижимается своим большим телом вплотную к моему, пахнущий сахаром и чем-то сладким, смешанным с едва различимым запахом кожи.

— Теперь ты знаешь мой секрет. Мне нравится милое дерьмо — включая тебя. С твоими дурацкими, отвратительными очками, и копной нелепых волос, и этим ртом...

— Вряд ли это было секретом, — выдыхаю я, закрывая глаза. — Ты всегда краснеешь,

когда видишь единорогов, или котят, или... — у меня вырывается стон, когда он щиплет мой сосок и крутит его ровно настолько, чтобы я увидела звёзды.

— Тебя.

Он прижимается пальцами к моей киске, и я откидываюсь назад, поощряя это движение, желая взять его прямо здесь и сейчас.

И тут мой мозг включается, и я понимаю, что мы не можем этого сделать. Не так, как сейчас. Сначала я должна увидеть остальных, я просто обязана.

— Подожди.

Рейнджер делает паузу, и мы оказываемся в очень сомнительном положении. Он практически... но не совсем...

— Мы не можем этого сделать.

Он отпускает меня, как будто я в огне, и отступает назад, внезапно отворачиваясь, учащённо дыша.

— Пожалуйста, проваливай из моей комнаты.

На этот раз, когда он просит, я слушаюсь.

А потом я убегаю.

Конечно, я не бегу очень далеко. Только туда, где находится комната для гостей с пенисом на кровати. Я запираюсь, снимаю фартук и встаю под ледяной душ. Удар воды выбивает из меня всю дурь, и я дрожу, когда вылезая и роюсь в ящиках и шкафу.

Здесь нет ничего от Дженики. Если когда-то это действительно была её комната, то она была полностью стёрта. К сожалению, у меня нет другого выбора, кроме как обернуться полотенцем и отправиться на поиски своей одежды.

Я добираюсь только до двери и вижу Спенсера, ожидающего там с моим лифчиком, болтающимся на одном из его пальцев.

Он выглядит *разозлённым*.

Парень заходит в комнату и пинком закрывает её за собой, щёлкает замком, а затем бросает мою одежду на пол.

— Ты в порядке? — спрашиваю я, а он лишь смотрит на меня своими пронзительными бирюзовыми глазами.

— Если ты имеешь в виду, *жив ли ещё Рейнджер*, то да, на данный момент он жив. Может быть, ненадолго. Какого это было?

— А?

— Как секс? — Спенсер непонимающе смотрит на меня, и я моргаю в ответ.

— У нас... его не было. Я имею в виду, мы были близки, но не сделали этого. Я бы не смогла так с тобой поступить.

Ещё один пристальный взгляд.

Он делает несколько шагов по направлению ко мне, а затем снова останавливается, глядя мне в глаза. Когда парень протягивает руку и снимает полотенце, я позволяю ему это.

— Я не шучу, ты же знаешь. Я не боюсь ни их, ни кого-либо другого, Чак. — Спенсер толкает меня на кровать и забирается на меня сверху. Я обвиваю руками его шею, зарываюсь пальцами в его серебристые волосы. Когда он расстёгивает молнию на джинсах и входит в меня, я забываю о благоразумии.

Мы делаем нечто быстрое, беспорядочное и совершенно неправильное в гостевой спальне, и, к счастью для нас обоих, Спенсер вспоминает, что нужно выйти прямо перед тем, как кончить. Бедное несчастное полотенце...

Мы лежим так, тяжело дыша, с минуту, прежде чем я встаю и снова иду в душ. На этот раз моя одежда ждёт меня на крышке унитаза, когда я выхожу, и одеваюсь, прежде чем мне снова приходится посмотреть на Спенсера.

Он бросает на меня взгляд, и у него, по крайней мере, хватает приличия выглядеть огорчённым.

— Я не могу поверить, что вы, ребята, этого не сделали... Я был уверен в обратном.

— Ты не хотел, чтобы я с ним спала. Ты просто должен быть честен, — говорю я, собираясь сесть рядом с ним. Несколько мгновений мы оба ёрзаем в тишине.

— Я этого *не хочу*. Я также не хочу, чтобы ты была с близнецами, но... — он проводит рукой по лицу. — Я серьёзно. Просто делай что хочешь, и, по крайней мере, у нас будет совпадать количество.

— Хм? — спрашиваю я с учащённо бьющимся сердцем, стараясь не думать о наших уроках сексуального воспитания, который мы только что провели, и о том, как чётко мистер Крачек рассказал о методе «вытаскивания». В предэякуляте могут быть жизнеспособные сперматозоиды, а мы только что сделали это без презерватива, и я идиотка. Спенсер — идиот.

И мой папа был так удивлён, что я не захотела ходить девочкой в школу для парней. Конечно, я не ожидала, что буду спать со всеми в упомянутой школе... Я что, шлюха? Нет, нет, это устарело, женоненавистнически и глупо. Стыдить женщин за то, что они занимаются сексом — старейший трюк патриархата.

Я выдыхаю.

— Я переспал с пятью, значит, и ты переспишь с пятью. Будь с Рейнджером. Или Черчем. Он явно влюблён в тебя.

Я фыркаю, и Спенсер поворачивается, чтобы посмотреть на меня, приподняв бровь.

— Это самая большая глупость, которую я когда-либо слышала. Он из кожи вон лезет, чтобы не прикасаться ко мне.

— Верно... — Спенсер замолкает, а затем пытается пригладить волосы ладонью. — Потому что он в тебя влюблён.

— Он почти не разговаривает со мной.

— Он заплатил миллионы долларов и воспользовался связями, чтобы устроить тебе приватный вечер в Диснейленде, чего не делают даже для мировых лидеров. Ты ведь понимаешь это, верно? Это блядь нихрена себе.

— Он не может быть *влюблён* в меня, — продолжаю я, и Спенсер вздыхает.

— Почему нет?

— Это невозможно, не так быстро.

Тишина. И затем...

— О, правда? — спрашивает Спенсер как раз перед тем, как дверь распахивается и входят близнецы.

Тобиас бросает взгляд на полотенце, а затем снова смотрит на нас.

Мои щёки вспыхивают.

— У нас есть закуски на сегодня, и много травки. Ты остаёшься? — спрашивает Тобиас, когда Мика бросает на меня несколько сочувственный взгляд.

— Я... это хорошая идея? — спрашиваю я, и близнецы обмениваются взглядами.

— А почему бы и нет? — отвечают они, поворачиваясь обратно ко мне и Спенсеру.

Они помогают мне подняться, и Спенс заботится о полотенце, относит его вниз и кладёт в стирку. У меня в животе порхают бабочки, гора беспокойства, и я не могу решить, стоит ли мне добавить ещё одно беспокойство к моему и без того длинному списку. Переживать из-за страха беременности было бы не очень весело.

— Чипсов? — спрашивает Черч, протягивая миску с Доритос, когда я прохожу в гостиную и сажусь рядом с ним на диван. Рейнджер сидит в кресле справа от меня, и, что удивительно, он не избегает смотреть на меня.

Мы пристально смотрим друг на друга.

Сегодня днём здесь было много пристальных взглядов.

— Нет, спасибо, — наконец отвечаю я, когда Спенсер, Мика и Тобиас гуськом входят в комнату и встают у камина, как родители, собирающиеся отругать непослушных детей. — Ребята, мне правда жаль...

— Это была моя вина, — говорит Рейнджер, его сапфировые глаза всё ещё не отрываются от моего лица. Я бы хотела, чтобы он отвернулся, посмотрел на что-нибудь другое, на кого-нибудь другого, на что *угодно*. — Этого больше не повторится.

— Чувак, мы подняли этот вопрос, — начинает Мика, — на экстренном заседании Студенческого совета, которое было у нас вчера вечером.

— У вас, ребята, проводятся экстренные заседания Студенческого совета, когда в школе даже нет занятий? — спрашиваю я, совершенно сбита с толку всей этой ситуацией. — Зачем?

Они игнорируют меня.

— Мы сказали, что, если тебе нравится Чак, ты должен высказаться, а потом поговорить с ней об этом. И что же ты сделал? Скормил нам ту же чушь о том, что ты не встречаешься. Я понимаю, чувак, но нам нужно провести честную дискуссию. Эта хрень разлучит нас. — Мика пристально смотрит на друга, и наконец-то — *наконец-то* — Рейнджер отводит взгляд.

— Извините, ага, да. — Рейнджер оглядывается на меня, отрезая мою двухсекундную отсрочку. Он хмурится. — Я должен был что-то сказать.

— Я тебе нравлюсь? — спрашиваю я, указывая на него, и он вздыхает, почти как Спенсер, когда сокрушался, что его влечёт к такому уродливому, вспыльчивому парню.

— Наверное. — Рейнджер потирает лицо. — Да.

Я снова краснею, поджимая под себя ноги и накрываясь одеялом.

Черч очень старается не прикасаться ко мне, хотя мы сидим в нескольких дюймах друг от друга. Понимаете, что я имею в виду? Всё, что я получила, это то единственное объятие в последний день учёбы, а потом, что бы это ни было, в вестибюле во время остановки на отдых.

— Чак-лет? — спрашивает Спенсер, засовывая руки в карманы и наклоняя голову набок, серебристые волосы падают ему на лоб. — Это твой последний шанс высказаться.

— Я... — я перевожу взгляд с него на Тобиаса, затем на Мику, Рейнджера, Черча. Его янтарные глаза встречаются с моими. Он не отводит взгляда. Я хочу, чтобы он это сделал, но он этого не делает. Понимаете, что я имею в виду, говоря обо всех этих грёбаных пристальных взглядах? — Давайте... ладно. Прекрасно. Да. Мне нравится Рейнджер. Это просто как-то незаметно подкралось ко мне. Я не совсем понимаю, что происходит. В моей жизни было много влюбленностей, но ничего подобного этому. Вы, ребята, просто такая сплоченная команда.

— У меня есть новости, которыми, полагаю, я должен с вами поделиться, — начинает Черч, а затем вздыхает.

— Новости?

— Пока нет, — огрызается Спенсер, тяжело опускаясь в кожаное кресло с откидной спинкой. — Давай сначала разберёмся с этим. Чак может встречаться... в этом кругу, я думаю. Пока мы все как бы не разберёмся во всём. Это сработает?

— Это сработает для тебя? — Тобиас возражает, и Спенсер пожимает плечами.

— Думаю, справедливость есть справедливость. И вы, ребята, моя настоящая семья, как и моя вечная команда. — Как только он произносит эти слова, я чувствую что-то тёплое в центре своей груди. У меня тоже была такая мысль насчёт вечной команды. Я облизываю нижнюю губу. — Я не в восторге от этого. В идеале мы с Чаком просто были бы вместе, но я не могу потерять вас, парни.

— Ты бы никогда не потерял меня, — говорит ему Мика, присаживаясь на краешек кресла Спенсера. Они странно, по-братски обнимают друг друга, прежде чем разойтись. — Но на самом деле, я ценю, что вы, ребята, подождали, чтобы поговорить с нами.

— Конечно, — рычит Рейнджер, отводя взгляд. Ему явно стыдно, может быть, он немного сбит с толку. Я тоже. Я думаю, что мы все так себя чувствуем?

— Как ты думаешь, нам нужна утренняя таблетка или что-то в этом роде? (*прим. — Утренняя таблетка — таблетка экстренной контрацепции*) — говорит Спенсер, и все поворачиваются, чтобы посмотреть на нас. — Мы не пользовались презервативом, но я вытащил...

— Чёртов Христос. — Рейнджер на минуту подпирает голову рукой, прежде чем встать. — Я собираюсь испечь пирог, чтобы успокоиться. Можешь тащить свою идиотскую задницу в аптеку за таблетками, если ты такой чертовски тупой.

Только он не упоминает, что нечто подобное чуть не произошло между ним и мной незадолго до этого.

Я сижу там, молясь Богу Дыр Всех Смущённых людей, и пытаюсь понять, что происходит. Я встречаюсь... с четырьмя парнями сейчас? Пятью? Я бросаю взгляд на Черча.

— Какие новости? — спрашиваю я его, и он улыбается, лезет в карман своего синего пиджака и достаёт бархатную коробочку. Я принимаю её, ожидая ещё один значок Студенческого совета Академии Адамсон для парней.

Вместо этого я получаю... обручальное кольцо.

— В последнее время у меня было так много секса, — стону я, уткнувшись лбом в колени, со светлых волос на полотенце стекает солёная вода. Моника нежно похлопывает меня по спине, но мы ещё не совсем вернулись к тому уровню дружбы, когда ей позволено обнимать меня.

— Это нормально для девственницы, — говорит она, и я искоса смотрю на неё, приподняв одну бровь. Последние несколько недель были... интересными. Что касается парней из Студенческого совета, то они приходят в себя так же быстро, как и злятся, и всё *кажется* нормальным, но подспудное напряжение есть. Рейнджер и Черч больше ничего не говорили по поводу наших отношений, но, знаете, возможно, они не чувствовали в этом необходимости, учитывая, что *я сейчас помолвлена*.

Я стискиваю зубы.

— Да? — спрашиваю я, и она кивает.

— Совершенно нормально. В конце концов ты сбавишь обороты. — Моника делает паузу и приподнимает солнцезащитные очки, тёмными глазами изучая парней, пока они тренируются на досках для серфинга. Я весь день давала уроки, и единственный человек, который, кажется, действительно имеет какие-то навыки в этом виде спорта — это Черч. Шокирующе, верно? — Вообще-то, нет, я солгала. Я не думаю, что ты сбавишь обороты, пока тебе не исполнится лет тридцать. Или, может быть, сорок или пятьдесят. — Я снова уткнулась лбом в колени.

Папа сейчас здесь, в Санта-Крузе, но и ребята тоже.

После того, как я провела время с мамой в Лос-Анджелесе, я приехала сюда, чтобы провести Четвертое июля с Арчи, а парни разъехались к своим семьям по всей территории США. Однако для них нет ничего особенного в том, чтобы просто запрыгнуть в самолёт и помчаться куда глаза глядят, и вот они здесь.

Почти уверена, что папа теперь их ненавидит.

Может быть, потому, что он нашёл упаковку от той утренней таблетки в моём рюкзаке?

Я почти — *почти* — процитировала ему эту действительно замечательную строчку из телешоу «Соединённые Штаты Тары», где девочка-подросток язвительно спрашивает отца, должна ли она была позволить оплодотворенной яйцеклетке имплантироваться в её матку. Но это было бы *совсем не хорошо*.

— У меня в субботу большая вечеринка, — говорю я ей, поднимая голову и вздыхая. Я же не могу сказать ей, что это что-то вроде вечеринки по случаю моей помолвки? Что единственный способ, которым Черч смог вернуть меня в Адамсон — это пойти к его родителям.

Они все продолжают упоминать Монтегю с этим глубоко укоренившимся страхом в голосе, но я пока не смогла понять почему. Полагаю, я довольно скоро узнаю? План Черча состоял в том, чтобы сказать его родителям, что мы помолвлены, а затем позволить им надавить на папу. Они явно ещё не сделали этого, потому что он не убил меня во сне, но они это сделают. Очевидно, после вечеринки.

Я, блядь, до смерти напугана.

— Вечеринка Монтегю, я знаю. — Моника вздыхает и кладёт телефон на полотенце. — Что касается дерьма из высшего общества, то это сливки общества. Если ты хочешь стать

более престижной, у тебя есть всего несколько вариантов. Есть Кэботы — они богаче бога, но это новые деньги. Может быть, званый вечер у Вандербильтов? Или что-то связанное с Блэквеллами? — она пожимает плечами, и я вздыхаю. Честно говоря, мне было бы наплевать на шикарный званый ужин, но если это единственный способ вернуть меня в Адамсон, я воспользуюсь им. — Где проводится вечеринка? Может быть, я могла бы заскочить? — она улыбается мне, но я качаю головой.

— Он лишь продолжает говорить, что пришлёт машину. Это всё, что я знаю. Я думаю, это секрет.

Я откидываюсь на песок, наблюдая за парнями, занимающимися сёрфингом, и стараюсь не думать о том, что всё может пойти не так. Если папа узнает слишком рано, он точно не позволит мне поехать. И тогда, даже если я действительно поеду, и мы расторгнем эту фальшивую помолвку, он может выступить против Монтегю — независимо от того, насколько они богаты. Он просто такой упрямый. Должно быть, я унаследовала его упрямство.

— Ну что, сделаешь для меня много снимков? Я бы умерла, чтобы увидеть подобную вечеринку. Ты уже знаешь, что наденешь? — *Кроме обручального кольца с огромным бриллиантом?*

— Понятия не имею, — отвечаю я, откидываясь на полотенце и глядя на послеполуденный закат. Этот план настолько безумный, что он может сработать. Может — это ключевое слово.

А ещё он может нахрен испортить всю мою жизнь, так что есть и это.

Но ладно.

Никто никогда не скажет, что Чак Карсон был трусом.

В субботу я встаю рано, собираю сумку и осторожно на цыпочках выхожу из комнаты в общежитии, которую я делю с отцом на лето. Ему платят за то, что он ведёт несколько занятий в летней школе в Калифорнийском университете, а нам тем временем предложили бесплатное жильё. Арчи ушёл сегодня рано утром, но, если он увидит, как я тайком выхожу с сумкой, будет трудно небрежно отмахнуться от того, что я запланировала: «*Останусь на ночь у Моники, люблю тебя, пока*».

Как и было обещано, на стоянке для посетителей ждёт машина. Водитель помогает мне погрузить сумки, а затем закрывает за мной дверь. Я не думаю о том, куда мы направляемся, пока едем и подъезжаем к аэропорту Сан-Хосе.

— Что за чертовщина? — бормочу я, когда мужчина открывает дверь, и мой телефон звонит с текстовым сообщением.

«Вот твой билет, счастливого полёта. Из Сан-Хосе в аэропорт Кеннеди, без

остановок».

Это от Черча.

Мои губы дёргаются, когда я сжимаю телефон в руке. Кеннеди, как в аэропорту Джона Ф. Кеннеди, как в грёбаном Нью-Йорке. Он не догадался сказать мне, что вечеринка проводится не в Калифорнии?!

— Господи.

«Теперь я говорю, как Рейнджер», — думаю я, забирая сумки и проверяя их у стойки. Я лечу первым классом, так что, по крайней мере, могу наслаждаться залом ожидания до посадки. Это, а также моё место большое и удобное, и соседнее с ним *тоже* забронировано на моё имя, так что мне не нужно вести светскую беседу с незнакомцами.

Не прошло и пяти часов, как я уже в Нью-Йорке с сумками и улыбаюсь, заметив в толпе медовые волосы Черча.

— Как прошёл полет? — спрашивает он, приказывая водителю забрать мой багаж. Мне всё ещё неудобно, когда другие люди что-то делают за меня, но я не устраиваю истерик по этому поводу. — Я бы отправил тебя на нашем частном самолёте, но у этого было выбрано лучшее время. Надеюсь, ты не возражаешь?

— Ты шутишь, да? Я летела первым долбаным классом. Как я вообще могу расстраиваться из-за этого?

— Ну, как только ты увидишь, как выглядит наш самолёт, первый класс покажется тебе помойкой. — Я закатываю глаза, когда Черч берёт меня за руку и ведёт к машине. Чего я не ожидала увидеть, так это пустой лимузин. Почему-то я представляла, что остальные члены Студенческого совета тоже будут здесь и будут ждать. — Ни у кого из остальных не получилось, — объясняет Черч, читая мысли на моём лице. Понимаете, что я имею в виду? Эти маленькие недосказанности. — Сегодня вечером будем только мы с тобой. Что скажешь, Шарлотта Карсон?

— Ты сказал, что я буду в платье, — начинаю я, когда мы забираемся на заднее сиденье машины, и водитель закрывает за нами дверь. — Но я тут подумала. Если там действительно будут студенты из Академии Адамсон, то мне нужно оставаться инкогнито, не так ли? Я должна одеваться как мальчик.

— Ты надела платье на вечеринку в честь Дня Святого Валентина? Никто, кроме Рейнджера, казалось, не смог сложить два и два, что уродливый Чак Микропенис был такой дерзкой красавицей, как Шарлотта Карсон.

Я прищуриваюсь, глядя на него, на его длинную фигуру, свернувшуюся в углу, ноги скрещены, руки покоятся на коленях. Он изучает меня янтарным взглядом, и я сопротивляюсь желанию съёжиться. В тот день мы кое-что пережили в лесу, между тем, когда Рейнджер чуть не утонул, и искусственной смертью Спенсера. Это изменило динамику отношений между нами, от хулигана и жертвы к... чему-то другому. Друзьям, я думаю.

«И кто бы мог подумать, что, в конце концов, мы обручимся. Повезло мне!»

— Тогда на меня никто не смотрел. Если ты войдёшь туда вальсирующим шагом и объявишь меня своей невестой, люди будут смотреть. Они будут внимательно изучать меня, и все поймут.

— Две вещи, — говорит Черч, вытаскивая кольцо из кармана и снова протягивая его мне. Моё сердце странно трепещет в груди, как это было, когда Рейнджер дал мне коробочку с брошью. Только на этот раз это и вправду обручальное кольцо. Раньше я отказывалась

брать его, в основном потому, что оно стоит кучу денег, и я была чертовски уверена, что в конечном итоге потеряю его. — Во-первых, мы объявим тебя Шарлоттой, двоюродной сестрой Чака, точно так же, как ты сделала это со Спенсером на той вечеринке. И во-вторых, мы не должны никому рассказывать о нашей помолвке, кроме моих родителей. Они знают всё о тебе и Адамсоне, и о секрете, который они должны хранить. — Он на мгновение замолкает и потирает подбородок. — Хотя мои сёстры чертовски ужасные сплетницы...

Я открываю крышку коробочки и смотрю на кольцо. Это простой, но элегантный бриллиант огранки Ашер ярко-розового цвета в платиновой оправе. Оно мне подходит, это точно. Например, если бы я действительно выходила замуж, мне бы хотелось такое.

— Можно мне? — спрашивает Черч через мгновение, и я поднимаю на него взгляд, сердце бешено колотится. Он перегибается через сиденье и достаёт драгоценность из маленькой бархатной коробочки, откладывая её в сторону, прежде чем его длинные, элегантные пальцы обхватывают мои. Он не отрывает взгляда, надевая кольцо мне на палец. — Когда мы доберёмся до дома, просто хорошо сыграй роль по уши влюблённой девушки. Мои родители заметят, если мы оступимся.

— Почему все говорят о них так, будто они такие чертовски страшные? — спрашиваю я, и Черч отворачивается. Я помню, что он сказал о том, что его сестры не состоят с ним в кровном родстве, почему это имеет значение и как это повлияло на его мрачное настроение в тот день, хотела бы я знать.

— Ты поймёшь, — шепчет Черч, хватая меня за руку и утягивая к себе на колени. Я так удивлена этим поступком, что в итоге сижу совершенно ошеломлённая. — Нам следует попрактиковаться, просто на всякий случай.

— Попрактиковаться в чём? — спрашиваю я, и он улыбается, на его лице появляется тьма. Однако в этой тьме есть какой-то жар, которого я никогда раньше не видела.

— В этом.

Черч поворачивает моё лицо к себе своими изящными пальцами, а затем целует. Шок от этого замораживает меня на месте, в то время как интенсивность действия превращает меня в лужицу. Его язык скользит по моему рту, умело захватывая меня в свои сети, втягивая в себя, даже когда я пытаюсь сопротивляться. Он сдержан, но за этим фасадом горит огонь, который, кажется, в любой момент может разрушить эту осторожную напряжённость.

Я отстраняюсь, поворачивая голову и поднимая руку, чтобы прикрыть рот. Каждое место, к которому он прикасается, вызывает у меня покалывание, и мне внезапно нужна дистанция. Забравшись обратно на своё сиденье, я увеличиваю расстояние между нами на оставшуюся часть двухчасовой поездки.

Черч почти не разговаривает, просто смотрит в окно с каким-то отрешённым выражением на лице. Я пользуюсь возможностью проверить телефон, отправляю сообщение папе, чтобы сообщить ему, что остаюсь у Моники — полная грёбаная ложь, очевидно, но что ещё я могу сделать? Есть несколько сообщений от других парней, в том числе одно от Рейнджера, в котором просто говорится: «Извини». Я фыркаю, и Черч бросает взгляд в мою сторону.

— Рейнджер извиняется передо мной; я просто не могу понять, за что именно.

— Он выплеснул на тебя всю ту страсть, которую держал взаперти. Он думает, что отпугнул тебя. — Черч на мгновение замолкает. — Неужели правда?

— Нет, конечно, нет. — Я кладу телефон обратно на колени и смотрю на него, стараясь не слишком задумываться о возможности того, что Черч... ну знаете, что я ему *нравлюсь*.

Это сказали близнецы, это сказал Спенсер. Это может быть правдой. С другой стороны, он с такой же вероятностью может быть «Адамом» из записок, верно?

Машина подъезжает к этому неброскому, но элегантному белому пляжному дворцу.

Мы приземлились в Нью-Йорке, но сейчас мы определённо за тридевять земель от него. Солнце сияет в ясном голубом небе, отражаясь от пологих гребней океана. Территория ухожена, но не так, как в доме матери Рейнджера в Лос-Анджелесе. Здесь всё более естественно: вьющиеся растения, вплетённые в каркас веранды, букеты цветов, едва помещающиеся в отведённые им ящики.

— Кстати, мы сейчас в Хэмптонсе, — говорит Черч и открывает дверь. Он едва успевает встать, как пожилая блондинка обхватывает его лицо руками.

— Мой малыш, — говорит она, целуя его в обе щеки и оставляя мазки помады телесного цвета. Она отступает назад, не отрывая взгляда от его лица и изучая его. Женщина довольно хорошенькая, и будто выглядит слишком молодо, чтобы быть его матерью, всё-таки он самый младший из шести, верно?

Или... он сказал, что его сёстры не были кровными родственницами, так что именно это значит?

— Мама, — говорит он, а затем протягивает мне руку, чтобы я взяла её. Я переплетаю свои пальцы с его и позволяю ему помочь мне выбраться с заднего сиденья на солнечный свет. Голубые глаза женщины загораются, и она дарит мне самую тёплую улыбку, которую я, возможно, когда-либо получала в жизни. Выражение её лица... это напоминает мне Черча, одну из тех широких, жизнерадостных улыбок, которые он имитирует, но не всегда ощущает.

Теперь это обретает больше смысла; он научился этому у мамы.

— Ты ещё красивее, чем на фотографиях, — говорит она, и когда я протягиваю ей руку для рукопожатия, она вместо этого хватается за меня и крепко прижимает к себе, выбивая из меня дух. Но это такое приятное, искреннее объятие, что я едва ли могу жаловаться.

— Приятно с вами познакомиться, — удаётся мне выдать из себя, когда она чуть отстраняет меня назад, чтобы осмотреть. Пока я щеголяю в своих старых спортивных штанах школы Санта-Круз и простой серой майке, купленной во время полёта на самолёте, миссис Монтегю одета в белый брючный костюм с розовой блузкой под жакетом. — Мы всегда говорили о важности поиска той единственной, с кем будет Черч, не так ли, милый?

— Именно, — произносит мужчина, спускающийся по тропинке в джинсах и футболке. Он вытирает грязь с ладоней, и я приподнимаю бровь. Это мистер Монтегю, одетый как садовник, и у него грязные джинсы?

Ну, чёрт, они мне уже нравятся.

И всё же я изо всех сил пытаюсь понять, почему все друзья Черча так зловеще отзываются об этой паре.

— Мы нашли друг друга молодыми, поэтому стараемся не списывать со счетов чувства наших детей, — продолжает мистер Монтегю, а затем его жена поворачивается к нему, и они теряются в глазах друг друга. Не успеваю я опомниться, как они целуются, а Черч хмурится.

— Ну вот, снова начинается, — бормочет он, глядя на меня, его янтарные глаза ловят солнечный свет и мерцают таким блеском, что у меня перехватывает дыхание. — Они всегда такие. Всё, что они делают, невероятно интенсивно, вот почему никто не любит приглашать их на вечеринки, поэтому им всегда приходится устраивать свои собственные.

— О, Черч, прекрати это, — говорит его мама, всё ещё цепляясь за рубашку отца. В то

время как мама Черча блондинка и светлокожая, как и он сам, его отец совсем на них не похож. У него тёмные волосы, щетина и широкий нос. Нельзя сказать, что он некрасив, просто у него нет тонких черт Черча. — Отведи невесту в дом и покажи ей свою комнату.

— Его комнату? — спрашиваю я, и миссис Монтегю смеётся. Клянусь, этот звук похож на... бабочек, садящихся на маргаритки или что-то в этом роде. Это волшебно.

— Мы не собираемся заставлять вас спать в разных комнатах. Насколько это глупо? — она показывает в сторону дома. — Мы всё ещё готовимся к сегодняшнему вечеру, но пока почувствуйте себя как дома, а позже мы поговорим об этом деле Академии.

Я киваю, и Черч наклоняется, берёт меня за руку и тянет вниз по дорожке, обсаженной цветами, в светлое, воздушное помещение. Стена напротив нас сплошь покрыта окнами, двери открыты навстречу мягкому шуму моря.

— Мои сёстры где-то здесь, — бормочет он, его глаза бегают туда-сюда. — Остерегайся их. Они действительно ужасны.

— Черч! — воздух прорезает оглушительный визг, и темноволосая девушка обвивает руками шею Черча сзади, сжимая его так сильно, что её ноги отрываются от земли. Она одета в теннисный костюм и потеет как сумасшедшая, но её улыбка такая же заразительная, как у матерей. — Мы скучали по тебе этим летом. Без тебя всё совсем по-другому.

— Ты имеешь в виду, что без меня не к кому цепляться, — говорит он, осторожно снимая её со своей шеи, так что её кроссовки шлёпают по кафельному полу, когда она приземляется. Черч со вздохом оборачивается и протягивает руку. — Шарлотта, это моя младшая сестра, Жизель.

— И под младшей он имеет в виду, что всё ещё на пять лет старше его. — Она улыбается и взъерошивает его волосы, что он явно ненавидит, но всё равно терпит. — Все остальные снаружи, спорят о том, чей новый парень самый симпатичный. — Жизель драматично подмигивает в мою сторону. — Не хочу показаться предвзятой, но я думаю, что ты, скорее всего, выиграешь это пари.

— Эм, спасибо? — говорю я, и тут она ахает, протягивает руку, чтобы взять меня за руку и рассмотреть кольцо. — Это фантастика, Черчи, ты сам его выбрал?

— Черчи? — спрашиваю я, пытаюсь подавить смех. Бедный парень выглядит несчастным, когда помогает высвободить мою руку из хватки сестры.

— Ты не возражаешь, если я помогу Шарлотте устроится? У неё был долгий перелёт. Ты сможешь поприставать к ней сегодня вечером на вечеринке.

— Ты такой чопорный, Черчи, — произносит Жизель, шлёпая его по заднице теннисной ракеткой. — Надеюсь, эта твоя прекрасная леди немного раскрепостит тебя. — Она бросает взгляд на меня, и её лицо на мгновение становится серьёзным. Внезапная смена выражения лица напоминает мне о её брате, о том, как у него меняется настроение. Может быть, это... чёрт, это не может быть генетическим, потому что он сказал, что они не связаны генетически. Я так запуталась. — Он хорошо к тебе относится, Шарлотта? Потому что, если он этого не делает, мы все надерём ему задницу. Мы воспитывали его гораздо лучше, чем это.

— Он приносил мне шоколад и грелку, когда у меня были месячные, — говорю я, и Жизель кивает, одаривая младшего брата ещё одной довольной улыбкой.

— Приятно слышать. Я не в настроении отбивать шары брата теннисной ракеткой за плохое поведение. Хорошая работа, Черчи.

— Мы будем наверху, если понадобится, — произносит он, хватая меня за руку и ведя

вверх по винтовой лестнице в отдельный маленький номер с видом на море. Здесь красиво, всё оформлено в бело-голубых тонах, как и весь остальной дом, но с достаточным количеством постеров с кофе, чтобы я точно знала, где нахожусь.

Я присаживаюсь на край кровати, а Черч вздыхает и прислоняется спиной к стене, приглаживая рукой волосы.

— Я сожалею о своей семье. Они чертовски настойчивы.

— Мне они понравились, — говорю я, пожимая плечами, откидываясь на спинку его кровати и позволяя океанскому бризу трепать мои волосы. Если я в конечном итоге вернусь в Адамсон, мне придётся их обрезать. От этой мысли мне становится грустно, но на самом деле, я бы сделала всё, что угодно, чтобы провести там выпускной год. Даже... притворилась помолвленной с президентом Студенческого совета.

Черч мгновение изучает меня, а затем вздыхает, подходит и садится рядом на кровать. Матрас прогибается под его весом, и наши пальцы соприкасаются, заставляя меня вздрогнуть. Когда он прикасается ко мне — это очень приятно, но запретно, как будто он отрицает это даже перед самим собой.

— Ты собираешься рассказать мне о сёстрах, о том, что они тебе не родные? — спрашиваю я, и Черч напрягается, резко отводя взгляд в сторону двери спальни. Волны разбиваются о берег, чайки перекликаются в облаках.

— Я никогда никому раньше не рассказывал об этом, — признаётся он, и мои брови поднимаются вверх. — Ни Рейнджеру, ни Спенсеру, ни близнецам... никому. — Повисает долгая пауза, Черч делает глубокий вдох и снова поворачивается ко мне. — Я не уверен, почему я рассказал тебе об этом.

— Все остальные думают, что ты... что я тебе нравлюсь. — Слова вылетают прежде, чем я успеваю их остановить, и улыбка Черча становится немного шире, прежде чем полностью исчезнуть. Он опускает взгляд на свои колени.

— Может быть, я сказал тебе, потому что знал, что ты не осудишь? — он начинает, но больше похоже, что он разговаривает сам с собой, чем со мной. Я обхватываю его пальцы своими, и он на мгновение застывает, прежде чем выдохнуть и снова успокоиться. Черч оборачивается, чтобы посмотреть на меня. — Меня усыновили, — говорит он, а затем закрывает глаза, как будто это самое болезненное заявление в мире.

Я стараюсь не смеяться, но на самом деле, это мило, что он считает это таким важным.

— И что? — спрашиваю я, улыбаясь и сжимая его руку. — У тебя потрясающая семья, которая явно любит тебя. Какое это имеет значение?

— Моя мать была их *горничной*, — выдавливает Черч, тяжело дыша. У него самое уязвимое выражение на лице. — Она оставила меня здесь после родов. Буквально оставила меня на пороге и ушла.

— Подожди... что? — спрашиваю я, моргая в замешательстве. — Твоя биологическая мать бросила тебя?

— Она оставила меня в автомобильном кресле на крыльце. Мои родители приютили меня, официально усыновили, а потом решили подождать, пока мне не исполнится шестнадцать, чтобы рассказать мне правду.

О.

О, чёрт.

Неудивительно, что он так расстроен.

— Именно об этом я и говорил, когда упоминал синдром самозванца. Я играю

единственного сына Монтегю, это блестящий пример того, что значит быть частью этой семьи, и всё же... Я не он. Я не родственник ни одному из них. — Он закрывает глаза и проводит рукой по лицу, хватаясь пальцами за нижнюю губу, когда снова открывает глаза. Это чертовски сексуально, но сейчас не время пялиться, так что я держу свои гормоны при себе.

— Больше никто не знает? — спрашиваю я, и Черч качает головой.

— Они прожили со мной во Франции два года, говорили всем, что мама была на нескольких месяцах беременности, когда уехали, и разыгрывали из меня их собственного сына. Можно подумать, если бы мне, как они говорят, нечего было стыдиться, то им не было бы нужды это скрывать. И всё же они это сделали.

— Может быть, они просто думали о тебе? — предполагаю я, пожимая одним плечом. — Типа, они хотели облегчить тебе жизнь. Очевидно, что ты отлично вписываешься в их компанию. Как только я увидела улыбку твоей матери и сестры, я поняла, откуда она у тебя взялась. Честно говоря, Черч, ДНК наших биологических родителей может определять форму наших губ, но то, как мы улыбаемся, смеёмся или загораемся изнутри... это исходит от людей, которые нас любят.

Он просто таращится на меня.

— Кто ты, чёрт возьми, такая? И что случилось с тем маленьким сопляком, который сбросил мой доклад в воду?

Я морщусь, но никуда не денешься от того факта, что я была полным придурком.

— Послушай, я так по-настоящему и не извинилась должным образом за это. Это был отстойный поступок, и я сожалею. Я боялась, что если потрачу время на работу над проектом вместе с тобой, ты узнаешь и... Я никак не ожидала, что кто-то попытается убить меня, но... — я замолкаю, потому что не уверена, что ещё сказать.

Атмосфера в этой большой, просторной спальне внезапно стала интимной и близкой, как это было в вестибюле на остановки отдыха.

— Я должен взять твоё платье, — бормочет Черч, вставая и направляясь к шкафу. — Я заказал и его доставили сюда сегодня. — Он достаёт чехол для одежды и протягивает его мне. Я встаю с кровати и беру его, кладу поверх белого одеяла и расстёгиваю молнию, открывая красивое трёхъярусное бальное платье из тюля персикового цвета. На нём вышит серебристый цветочный узор, и, клянусь, он просто растекается, когда я поднимаю его с кровати.

— Это... чёрт возьми, Черч.

— Это работа Каролины Эрреры, — говорит он, изучая его с минуту.

— Это, типа, чертовски шикарно, — шепчу я, задаваясь вопросом, как я должна носить такое дорогое платье, чтобы не получить сердечный приступ. Что, если я пролью на него пунш? Сегодня вечером будет пунш, верно? Или шампанское? Я обязательно что-нибудь на него пролью. — Сколько оно стоило?

— А это имеет значение? — спрашивает он, а затем на мгновение задумывается над этим. — Двенадцать, я думаю.

— Двенадцать сотен долларов?! — выпаливаю я, расширяя глаза.

— Двенадцать тысяч, — поправляет Черч, вытаскивая тёмно-синий костюм, похожий на тот белый, в котором он был на ужине в тот вечер. В комплект идет серый галстук, розовая рубашка и коричневые мокасины. Я вижу, что он идеально подогнан под мой наряд. — Вечеринка продлится всего несколько часов, но к моим сёстрам придут

парикмахеры и визажисты, если ты хочешь, присоединяйся. — Он смотрит в мою сторону и пожимает одним изящным плечом. — Но не чувствуй давления, ты не обязана.

— Я бы хотела, знаешь ли, продолжать эту уловку и всё такое. Если у меня будет полный макияж и причёска, никто из этих придурков в Адамсоне меня не узнает.

Черч кивает и кладёт костюм рядом с платьем.

— Значит, если мы устроим эту помолвку, твои родители... что они сделают?

— У них достаточно влияния в школе, чтобы получить то, что они хотят. — Он смотрит на меня с непроницаемым выражением на лице. — Если они поверят, что мы любим друг друга, они сделают всё, что угодно. Они практически поклоняются романтике, вот что в них такого невозможного. Они не предлагают услуги просто так.

Черч поворачивается и выходит из комнаты, а я стою там и думаю о Диснейленде, о том, сколько одолжений ему пришлось ради этого добиться.

Ради фальшивой помолвки.

Или... настоящих чувств... может быть.

Вечеринка Монтегю проходит в бальном зале, этом массивном стеклянном куполе, возвышающемся над тёмной гладью моря, солнце только-только опускает голову за его поверхность. Сад освещён бумажными фонариками, и все гости разодеты в пух и прах.

Неудивительно, что Черч купил мне платье за двенадцать тысяч долларов; я бы выделялась в чём-нибудь меньшем.

— Итак, ты невеста Черча?

Клянусь богом, я не делаю и десяти шагов к двери, как рядом со мной появляется море блестящих дебютанток, все хорошенькие, все хмурые. Здорово. Просто великолепно. Как будто убийцы с петлями в руках недостаточно страшны, теперь у меня на заднице светские львицы?!

— Эм, да. — Я пошевеливаю пальцами, чтобы показать кольцо, и девушки обмениваются взглядами.

— Интересно, учитывая, что мы никогда не видели тебя раньше. И вообще, в какую школу ты ходишь?

— Средняя школа Санта-Круз, — предполагаю я, потому что на самом деле это не совсем ложь. — А что?

— Школа Санта-Круз? — выдыхает девушка-лидер, как будто я каким-то образом лично оскорбила её. — Где, чёрт возьми, это находится?

— В, э-э, Санта-Крузе? — я услужливо предлагаю, и тут Черч оказывается рядом со мной, берёт меня за руку и уводит прочь от толпы слюнявых золотоискательниц. Или... ну, они, наверное, все богатые, но неважно. Достаточно близко. — Кто, чёрт возьми, это были?

— Несущественно, — отвечает Черч, а затем улыбается мне. — Они ругали тебя за то, что ты украла меня?

— Это твои бывшие? — спрашиваю я, и он качает головой.

— Совершенно определённо нет. — Черч провожает меня в противоположный конец зала, протягивая мне бокал шампанского, пока мы осматриваем толпу. Кажется, пьют все, независимо от возраста, так что я не слишком беспокоюсь по этому поводу, делаю глоток и позволяю пузырькам осесть у меня на языке. — Ты видишь Марка вон там? — спрашивает он, и я киваю.

Вот и сам придурок танцует с какой-то симпатичной девушкой в зелёном платье. Если бы не случайные телефоны, которые я вижу то тут, то там, можно было бы подумать, что мы вернулись во времени на двести лет назад.

— Некоторые из его друзей тоже здесь, а также та девушка Селена, которая подарила тебе своё платье.

— Интересно, — бормочу я, делая глоток своего напитка.

Черч водит меня по комнате, представляя остальным своим сёстрам — кстати, все они очаровательны — а затем возвращается к родителям.

— Мама, папа, — приветствует он, и они поднимают бокалы в маленьком тосте. — Я хотел спросить, не могли бы мы поговорить с вами о Шарлотте и её посещении...

— Сынок, это вечеринка, — умоляет его мать, кладя руку ему на плечо и слегка сжимая. — Идите потанцуйте, а мы обсудим это после. Я хочу посмотреть, как вы двое танцуете вальс.

— Но я не умею танцевать вальс, — задыхаюсь я, когда Черч вздыхает и берёт меня за руки, увлекая на танцпол.

Живой оркестр в углу начинает играть, когда он кладёт руку на изгиб моей талии, переплетая свои пальцы с моими.

— Следуй за мной, — шепчет он мне в волосы, а затем мы начинаем двигаться, кружась по комнате. Мое платье — такая сказочная смесь кружев и тюля, что я действительно чувствую, будто парю, затаив дыхание от лёгкости, с которой Черч ведёт меня по танцполу.

Его янтарные глаза впиваются в мои, и я осознаю, что едва могу дышать.

«Что происходит прямо сейчас?»

Я удивляюсь, когда зал очищается, а остальные гости расступаются с нашего пути, наблюдая со стороны, как мы кружимся. Его рука на моей талии горячая, его пожатие крепкое, но нежное там, где наши пальцы переплетаются.

Мои губы слегка приоткрыты, волосы развеваются на ветру с океана.

Комната — это не что иное, как сверкающее пятно платьев и драгоценностей, мир, далёкий от всего, что я когда-либо переживала в своей жизни.

— Ты действительно прирождённый лидер, — шепчу я, понимая, что моё тело следует его указаниям, не подвергая их сомнению. Музыка нарастает до крещендо, подобно пенящимся волнам, разбивающимся о скалистый берег, и напряжённость между нами накаляется ещё больше.

— Тебе нравится выполнять мои приказы, Шарлотта Карсон? — спрашивает он, поворачивая меня в последний раз, когда песня заканчивается, и толпа вокруг нас начинает хлопать. Я понятия не имею, как ответить на этот вопрос, поэтому не утруждаю себя этим. Вместо этого, когда Черч выводит меня в сад, я слеую за ним.

Начинается новый вальс, и другие пары возвращаются на танцпол.

Что касается меня, то в итоге меня прижимают к стене дома и целуют со страстью, которой я не ожидала.

Черч всегда такой чопорный и благопристойный, иногда до такой степени, что становится страшно. Но это? Это поцелуй человека, который тонет и отчаянно пытается снова дышать.

Мои пальцы запутываются в его волосах, его — в моём платье.

Наши губы танцуют свой собственный вальс, пока серебряная диадема, которую стилист так заботливо уложил в мои подпрыгивающие локоны, не выпадает и не звенит о камень у нас под ногами, напоминая нам обоим, где мы находимся и что делаем.

— Шарлотта, — шепчет Черч, прижимаясь своим лбом к моему, его руки обвиваются вокруг моей талии.

— Черч... — начинаю я, но затем мы оба замираем, услышав звук открывающейся поблизости двери. Мы обмениваемся взглядами, когда он хватает меня за руку, и мы обходим дом сбоку, чтобы увидеть Марка и Селену, смеющихся и подбадривающих друг друга.

Они прислоняются к борту модного спортивного автомобиля, неистово целуясь, и через несколько секунд юбка Селены задирается, и Марк с кряхтением входит в неё.

Эм... какого хрена?

— Очаровательно, — говорит Черч, вытаскивая телефон, чтобы снять короткое видео, прежде чем снова спрятать его. Видеть Марка и Селену вместе странно, особенно учитывая, что они оба в моём списке подозреваемых. Но опять же, это может быть совпадением.

Мы возвращаемся внутрь и видим родителей Черча, танцующих под медленную, нежную песню, пристально смотрящих друг другу в глаза. Мы наблюдаем за ними некоторое время, и когда они уходят с танцпола, они оба улыбаются нам.

— Вы двое такие милые, — говорит его мама, обхватывая моё лицо ладонями, отчего мне по какой-то странной причине хочется плакать. — Ты будешь хорошо заботиться о моём сыне, не так ли, Шарлотта?

— Я сделаю всё, что в моих силах, — шепчу я в ответ, и она кивает, поглаживая меня по щеке.

— Это всё, о чём мы можем кого-либо просить, не так ли? — говорит она, а затем снова поворачивается к сыну. — Хорошо, я подёргаю за кое-какие ниточки и верну твою невесту в Адамсон. Я люблю тебя больше жизни, сынок.

— Больше жизни, — соглашается его отец, целуя его в щеку, когда Черч гримасничает, а затем вытирает её, как будто это отвратительно.

В глубине души я знаю, что ему это нравится.

— Может продолжим танцевать? — спрашивает Черч, поглядывая в мою сторону. — В конце концов, мы теперь помолвлены.

На моих губах появляется улыбка, с которой я не могу бороться.

— Я бы с удовольствием потанцевала, будущий муж, — шучу я, и мы остаёмся на танцполе до конца вечера.

К тому времени, когда мы с Черчем выходим во внутренний дворик, чтобы я могла посидеть у него на коленях и полюбоваться восходом солнца, у меня болят ноги, а сердце переполнено.

О-оу.

Говорила же вам, я влюблена в каждого парня.

— Из всех проделок, которые ты выкидывала в прошлом, — усмехается папа, выгружая мои сумки на лужайку перед домом директора. Я буквально неделями боролась с ним. Что бы ни сделали Монтегю, это сработало. Но я определённо заплатила цену гораздо более высокую, чем просто фиктивная помолвка с симпатичным парнем. Арчибалд Карсон знает, как устроить мой личный ад и заманить меня в него. — Эта, должно быть, самая возмутительная.

— Я... — я начинаю, но не сожалею, на самом деле нет. — Ты бы не позволил мне вернуться сюда. Что ещё мне оставалось делать?

Это, должно быть, сотый или даже тысячный раз, когда у нас проходит точно такой же спор; я так устала от этого.

— Инсценировать помолвку с президентом Студенческого совета? Я серьёзно, Чак. — Он расплачивается с водителем, а затем поворачивается и смотрит на меня голубыми глазами, которые почти идеально совпадают с моими собственными. — По-твоему, это звучит как разумный план действий?

Я провожу ладонями по передней части своего блейзера Академии Адамсон, очки плотно прилегают к лицу, мои недавно подстриженные волосы в беспорядке. Микропенис Чак вернулся! Хотя... может, мне не стоит называть себя Чаком Микропенисом? Может быть, что-нибудь поинтереснее, например, Чак Непобедимый. Нет, нет, это тоже неубедительно.

— Так бывает с теми, кто заперт в месте, которому больше не принадлежит, — уклоняюсь я, а затем вздыхаю, когда папа хватает один из моих чемоданов и несёт к дому. Полагаю, ещё слишком рано спрашивать, могу ли я вернуться в общежитие. Да, определённо слишком рано. — И наша помолвка не фальшивая, мы любим друг друга. — Я давлюсь словами, когда произношу их, но это уловка, так что это то, чего я должна придерживаться. Чак и Черч, вместе навсегда.

— Ну, конечно, — говорит папа, взбегаая по ступенькам и практически швыряя мою сумку в комнату. Он поворачивается ко мне так быстро, что я вздрагиваю и вжимаюсь спиной в стену. — Тебе когда-нибудь приходило в голову, что, как твой отец, я думаю только о твоих интересах? Что, возможно, была *причина*, по которой я первым же делом отослал тебя?

— Если бы это было так, ты мог бы рассказать мне, — огрызаюсь я в ответ, начиная волноваться. Возможно, в целом я добилась своего, но Арчи собирается превратить каждый день в кошмар наяву, в новую битву, которую нужно выиграть. Не меньше, это я могу обещать. — Ты *всё ещё* можешь сказать мне, и если причина достаточно веская, тогда, может быть, я уеду добровольно?

«Сомнительно, но есть небольшой шанс».

— Я надеюсь, ты в восторге от школьной поездки, — вот что он бросает мне в ответ, — учитывая её место проведения.

— Какая школьная поездка? — спрашиваю я, смутно припоминая, как ребята говорили что-то о выезде старшеклассников на первую неделю учёбы. Это почти всё, что я знаю.

— Выпускной класс в Адамсоне уезжает на неделю на горячие источники. Я посмотрю, что смогу сделать, чтобы тебе было там комфортно, но ты явно не будешь плавать в

бассейнах. — Папа смотрит на меня так, словно я ему настолько противна, что он едва может меня выносить. — Я бы оставил тебя дома, но не думаю, что сейчас это лучше для нас обоих. Кроме того, ты единственная, кто хотел быть здесь, так что ты будешь участвовать во всех школьных мероприятиях, *включая физкультуру*. Я больше не делаю для тебя исключений, Шарлотта. — Теперь, когда мы внутри, он называет меня настоящим именем, и почему-то это в десять раз страшнее, чем слышать, как он произносит Чак. — Собери вещи. Завтра у тебя занятия, а автобусы отправляются во вторник.

Он вылетает из моей комнаты, проносясь мимо меня по коридору, чтобы хлопнуть своей дверью.

На краткий миг мне становится не по себе. Но это примерно всё, что касается негатива. Потом я поднимаю глаза и понимаю, что мы сделали это, что я вернулась туда, где должна быть. Улыбка расплзается по моему лицу, и я захожу в комнату, закрываю дверь и включаю какую-то музыку, прежде чем плюхнуться на кровать и завизжать.

Чёрт. Возьми. Да.

Если папа думает, что отправить меня с друзьями в поездку на горячие источники — это наказание, то он сильно удивится.

Это лучшее, что когда-либо случилось со мной.

И, может быть, ещё и самое худшее.

Я просто пока этого не знаю.

В первом дне выпускного класса есть определённая магия, это заключительное «ура», если хотите. Когда я вхожу в холл в накрахмаленной новой форме, с эмблемой Студенческого совета на блейзере, я примерно так же окрылена, как в тот день в Диснейленде.

— Эй, Чак Микропенис, — ухмыляется Марк, проходя мимо, и толкает меня локтем в бок. Если он вообще узнал меня на вечеринке родителей Черча, то не подал виду. Вместо этого он просто прогуливается мимо со своими придурковатыми друзьями, а я хмуро смотрю ему вслед.

— Хочешь, чтобы мы его избили? — спрашивают близнецы, появляясь по обе стороны от меня. И поскольку прошло уже несколько недель с тех пор, как я видела их в последний раз, я крепко обнимаю каждого из них. Кроме того, могу я просто сказать, что забыла, как чертовски хорошо они выглядят в униформе академии? Тёмно-синий блейзер и слаксы, белая рубашка на пуговицах, галстук цвета шампанского. Ох. Я не могу насытиться.

— Не сейчас, — говорю я, поправляя свой галстук и улыбаясь им. — Я больше сосредоточен на том факте, что у нас лишь один день занятий, прежде чем мы отправимся в санкционированную школой поездку.

— Старшеклассники ездят туда каждый год, — произносит Тобиас, кивая, а затем протягивает руку, чтобы взъерошить свои красно-оранжевые волосы. — Это какое-то местечко с горячими источниками в Северной Каролине, но им управляет японка. Должен сказать, судя по фотографиям, оно выглядит довольно аутентично.

— Вы бывали в Японии? — спрашиваю я, и близнецы оба пожимают плечами.

— Множество раз, — отвечают они как раз перед тем, как Спенсер появляется в дверях, тушит сигарету о край мусорного бака и выбрасывает окурок, прежде чем мистер Йохансен застучает его за курением.

Как только он видит меня, то улыбается, и мне приходится спрятать руки в карманах блейзера, чтобы сохранить спокойствие.

— Привет, Чак-лет, — говорит он, наклоняясь и касаясь своими губами моих. Один из проходящих мимо студентов издаёт свист, и Спенсер отмахивается от них. Его бирюзовый взгляд скользит по коридору, слегка смягчаясь, когда Черч и Рейнджер выходят из-за угла. Первый улыбается, но у второго в глазах выражение грозовой тучи. Нам придётся забыть о том, что произошло в Лос-Анджелесе, и двигаться дальше, так или иначе.

— Доброе утро, будущие члены Студенческого совета, — говорит Черч, вытаскивая из-под мышки большую тубу. Он отвинчивает крышку и достаёт свёрнутую пачку плакатов, раздавая их каждому из нас. Это предвыборные плакаты, и не только для него, для всех ребят. — Никогда не бывает слишком рано начинать рекламировать. Выборы состоятся через три недели.

— Зачем мы вообще утруждаем себя предвыборной кампанией? — спрашивает Спенсер, когда несколько других старшеклассников проходят мимо и понимающе машут ему рукой. Он кивает подбородком в ответ и снова поворачивается к своему президенту. — Мы выигрываем каждый год. Чёрт, я единственный человек в этом кампусе, который продаёт травку. Эти идиоты не посмеют проголосовать против нас.

— Имей хоть немного гордости за свою работу, почему ты этим не гордишься? — говорит Черч, а затем уходит, прикрепляя плакат со своим лицом к одной из каменных колонн. Я хожу за парнями по пятам, пока у нас не заканчиваются плакаты, захожу в кафетерий позавтракать, а затем разбираюсь с новым расписанием. Признаюсь, я выбрала слишком много занятий. И ещё несколько действительно тяжёлых курсов. Прежняя Шарлотта всегда намеревалась не утруждаться в учёбе в выпускном классе, но в течение последних нескольких недель, пока я ждала начала занятий, я заполняла заявления на поступление в колледж.

Не буду врать, они меня немного напугали.

Будет чудом, если я вообще поступлю, и сохранение хороших оценок и продвинутые курсы в выпускном классе могут помочь.

После школы я сразу же возвращаюсь к папе, согласно его просьбе, и собираю вещи.

Я не ожидаю, что на горячих источниках произойдёт что-то странное.

И эта ошибка — моя вина.

Горячие источники настолько красивы, что у меня захватывает дух, это высокое трёхэтажное здание с серо-голубой крышей, дверями-ширмами седзи и деревянными верандами, которые вы видите только в аниме и манге. Это полностью стоит десятичасовой поездки на автобусе, которая потребовалась, чтобы добраться сюда.

— Это безумное место, — бормочу я, в то время как другие студенты Адамсона обступают нас, словно мы камни в реке. Они ни в коем случае не толкают и не беспокоят нас, ведь это прославленный Студенческий совет. Я чуть не закатываю глаза, но слишком поражена пейзажем: там есть великолепный японский сад с разбросанными прудами, бамбуком и каменными статуями. Даже несмотря на частную ограду, которая окружает большую часть территории, я вижу пар от горячих источников, поднимающийся в сумеречное небо, и меня пробирает дрожь. — Такое ощущение, что мы действительно пересекли океан и оказались в Японии.

— Довольно эффектно, да? — спрашивает Тобиас, устраиваясь у меня на плече. Мика делает то же самое с другой стороны, и, хотя я немного прогибаюсь под их весом, мне нравится, когда они прикасаются ко мне, поэтому я не жалуясь. Спенсер наблюдает за нами троими, но ничего не говорит, поворачиваясь обратно, чтобы посмотреть на домик Оиси Онсен и чайную.

— Раз уж вы, ребята, здесь, — начинает мистер Мерфи, облизывая палец и вытаскивая листок бумаги из верхней части своей стопки. — С таким же успехом я могу распределить вас по комнатам. Он передаёт первую страницу Тобиасу, который берет её с унылым, незаинтересованным выражением лица.

— О, мы делим комнату вместе. Как удивительно, — говорят близнецы в унисон.

— Для вас, мистер Карсон. — Я беру лист и смотрю на ксерокопированную карту этого места со стрелкой, нарисованной красным фломастером, которая ведёт меня в мою комнату. — *Комната 2B*, — читаю я, а затем мой взгляд скользит по моему соседу по комнате.

Черч Монтегю.

Я приподнимаю бровь, когда Рейнджер берёт следующую страницу, а затем обменивается взглядом со Спенсером.

— Почему я не с Чаком? — рывкает Спенсер, и мистер Мерфи вздрагивает. Действительно, роль учителя-славного парня начинает надоедать. Он смотрит на нас большими голубыми невинными глазами и чуть повыше закидывает свой кожаный рюкзак на плечо. У меня всё ещё есть мой список, и он по-прежнему на самом верху. Все, блядь, подозреваемые.

— Мистер Харгроув, с моей стороны было бы неуместно заселять вас двоих вместе, учитывая, что ваши отношения довольно хорошо известны в школе. Уверяю вас, ваши

комнаты расположены близко друг к другу, и у вас будет достаточно...

— Неважно. — Спенсер хватает меня за руку и тянет прочь, оставляя мистера Мерфи, даже не оглянувшись. — Этот парень чертовски виновен, я чувствую это по запаху, — бормочет он, хмурясь, когда мы приближаемся к главному зданию. Все ученики живут в главном домике, прямо по курсу, в то время как у учителей есть свои комнаты по обе стороны сада. Держать отца как можно дальше от меня не кажется плохой идеей для нас обоих. То же самое и с другими сопровождающими — такими, как мистер Дэйв, например. Я серьёзно даже не понимаю, почему он здесь. С каких это пор школьный библиотекарь отправляется в путешествие для учеников и учителей?

Что-то здесь кажется немного подозрительным, и это не гигантский сверкающий карп кои, которого я вижу под красным мостом.

Мы заходим внутрь и находим наши комнаты, все из них находятся на втором этаже, с наружными дверями, выходящими в красивый центральный сад. Его окружает огромная стена из плотно сплетённых брёвен, но, когда я прижимаю к ней ладони и пытаюсь заглянуть между ними, я вижу проблеск самих горячих источников.

— Там голые люди, — комментирую я, когда Черч подходит и встаёт рядом со мной. Он наклоняется вперёд и тоже смотрит, хотя, кажется, его и близко не так беспокоит все эти болтающиеся члены по другую сторону забора.

— В одном из источников одежда необязательна, — говорит он, и я приподнимаю бровь, глядя на него со скептическим выражением на лице.

— Угу.

— Ну, когда я говорю «необязательна», я имею в виду, что вам *не разрешается* заходить в источник в какой бы то ни было одежде. Это тот, который мы будем использовать.

— Черта с два мы это сделаем, — фыркаю я, следуя за ним, когда он направляется обратно в нашу комнату. На полу лежат традиционные циновки татами, а также сложенные футоны с постельными принадлежностями, уложенными аккуратными стопками поверх них, а также пара, как мне кажется, юката, висящих на крючках рядом с дверью.

Черч снимает один и передаёт его мне, прежде чем взять другой себе. У него интригующий серебристо-голубой цвет с тканым узором и бирюзовым галстуком, который обхватывает талию, в то время как мне достался угольно-серый с белым поясом. Я понятия не имею, что мне с ним делать.

— Надень это, — подбадривает Черч, улыбаясь мне и протягивая руку, чтобы развязать галстук. Я наблюдаю, как он расстёгивает каждую пуговицу на своей рубашке с медленной, осторожной точностью, прежде чем я, наконец, отворачиваюсь, слушая звук падающей на пол ткани.

— Ты не смотришь, верно? — спрашиваю я, оглядываясь через плечо, чтобы убедиться, что он повернут спиной. Так и есть, но мне стыдно признаться, что я люблю гладкую мускулистую линию *его* спины, прежде чем отвести свой взгляд.

— Я бы не осмелился подглядывать. Что в этом забавного? Мы прибережём это для свадьбы, да?

Я закатываю глаза.

— Ух ты, какой ты весёлый, ты знаешь это? Серьёзно забавная штука. — Я раздеваюсь, оставляя повязки на груди и... да, поддельный пенис в моих белых трусиках. Пока мы не узнаем больше о том, что происходит в кампусе Адамсона, я буду хранить свой секрет так

долго, как смогу. Если это означает, что фальшивый гибкий член будет тереться о мою промежность весь день, то это цена, которую я должна заплатить, не так ли?

— Готова? — спрашивает Черч.

— Готова. — Мы оба оборачиваемся, и я ловлю себя на том, что испытываю грёбаный благоговейный трепет при виде него в юкате, которая, если вы не знали, является традиционным японским халатом из хлопка, надеваемый в летние месяцы. Технически, у нас здесь как раз начинается осень, но я не жалуясь.

Одежда ему немного велика, поэтому сползает с одного плеча, демонстрируя плавные, мускулистые линии его тела, и у меня перехватывает дыхание. Черч отбрасывает свои медовые волосы со лба тыльной стороной ладони и улыбается мне.

— Ты очень красивый молодой человек, Чак, — поддразнивает он, когда я одним пальцем поправляю очки на носу. В данный момент они довольно сильно запотели, что чертовски смущает.

— И ты знаешь, что и в этом ты выглядишь неплохо? — я спрашиваю, но Черч мне не отвечает. Вместо этого он открывает раздвижную дверь-ширму и ведёт меня вниз, в чайную, где уже расположились остальные члены Студенческого совета, стоя на коленях на подушках вокруг низкого столика, уставленного дымящимися чайниками и крошечными чашечками без ручек белого цвета с нарисованными по бокам цветами вишни.

— Это выглядит безумно аутентично, — говорю я, наливая себе чашку дымящегося зелёного чая и поднося её к носу, чтобы понюхать. Отец здесь, сидит за столом с мистером Мерфи, мистером Дэйвом и несколькими другими учителями, чьих имён я не могу вспомнить. Он пристально смотрит на меня, но только на мгновение, переключая своё внимание, как будто я не стою его времени.

Мои руки сжимают чашку.

— Это не так, — произносит Черч, разваливаясь таким образом, что обнажается одна длинная бледная нога. Если бы я не знала его лучше, я бы сказала, что он сделал это нарочно, пытаясь поддразнить меня всей этой голой кожей. Его плечо всё ещё открыто, локоть покоится на колене, пальцы зарываются в великолепный золотистый цвет его волос. — Всё очень американизировано, но это нормально. Мы американцы, и наслаждаемся жизнью, не так ли?

— Это самое близкое к международным путешествиям, что у меня когда-либо было, — шучу я, замечая невысокую темноволосую женщину, отчитывающую шумных студентов прямо за дверями чайной. Я предполагаю, что она, должно быть, хозяйка, а тощий белый парень, кивающий в её сторону и поглаживающий её плечо, вполне может быть её мужем.

— Однажды мы это исправим, — говорит Черч, и близнецы кивают, потягивая чай в идеальном унисоне, одетые как пара в чёрно-белые юкаты с красными поясами. — Может быть, в ноябре, если твой отец отпустит тебя?

— Сомнительно, и, кроме того, ты предполагаешь, что мы вообще доживём до ноября. Возможно, и нет, если мы не раскроем нашу маленькую загадку с убийством.

— Мистер Мерфи носит рюкзак с тех пор, как мы сюда приехали, — говорит Рейнджер, и мне приходится подавить невольную дрожь при звуке его голоса. Он так мало говорил со мной, что я словно впервые слышу его голос заново. — Вы видите здесь ещё кого-нибудь со своим багажом? Он что-то замышляет.

— Тогда давайте украдём эту хреновину сегодня вечером, — говорит Спенсер, бросая взгляд на учительский стол. — Это не может быть так уж сложно. Вы заметили, что ни на

одной из дверей нет замков? И даже если бы они были, я мог бы вышибить одну из этих сетчатых дверей даже во сне.

— Не сегодня, — предлагает Рейнджер в своей собственной юкате и поясе сплошного чёрного цвета. — У нас есть неделя. Давайте дадим ему ночь или две, чтобы он остыл, может быть, забудет свой рюкзак во время купания или что-то в этом роде. А пока мы всегда можем проследить за ним, посмотреть, не замышляет ли он чего-нибудь подозрительного.

— И мистер Дэйв, — добавляю я, съёживаясь, когда с противоположной стороны комнаты раздаётся хриплый смех Марка. Я бы также хотела разобраться и с ним, но по одному подозреваемому за раз. Или... в данном случае, по два. Но у двух подозреваемых есть веские улики против них. Кроме того, Марк, по сути, просто придурок, у которого была дыра в потолке. Возможно, как только мы выясним, что происходит с этими двумя учителями, у нас будет лучшее представление о том, к каким ученикам, если таковые имеются, нам следует присмотреться.

— Итак, мистер Дэйв и мистер Мерфи, да? — говорит Спенсер, и мы все украдкой поглядываем в их сторону. Всё выглядит прекрасно, нормально, даже хорошо. Но именно так плохим людям сходит с рук то, что они делают, верно? Они притворяются.

Я просто не ожидаю обнаружить среди нас ещё одного претендента, кого-то, кого я никак не ожидала, кого я не *хотела* ожидать.

В тот же вечер мы с ребятами оделись в чёрное и разделились на две группы: Черч, Рейнджер и Спенсер в одной, а я с близнецами в другой. Они следят за мистером Мерфи, в то время как мы охотимся за мистером Дэйвом.

Достаточно сказать, что оба мужчины чертовски скучны.

Ну, кроме того факта, что мистер Мерфи заснул с рюкзаком в качестве подушки. Это немного странно, не так ли?

— Какая пустая трага совершенно чудесной ночи, — говорит Спенсер, подперев голову рукой, и зевает на следующее утро за завтраком. Белая юката, которая на нём надета, идеально сочетается с его серебристыми волосами и бирюзовыми глазами; он выглядит как грёбанный персонаж аниме. Если бы я не была такой уставшей прошлой ночью, я бы попросила Черча поменяться комнатами, чтобы мы могли... ну, вы знаете, потрахаться.

— Сегодня вечером мы воспользуемся горячими источниками, — говорит Черч, держа свою чашку за край и задумчиво взбалтывая зелёную жидкость. — Вполне разумно, раз уж мы здесь.

— Эм, ты имеешь в виду, что *вы*, ребята, можете воспользоваться горячими источниками. Даже если бы я надела мешковатую футболку и шорты, мои бинты не *так уж* хороши. Намочи я эти штучки, и все узнают, что у меня есть сиськи.

— Только потому, что они такие большие и сочные, — произносит Спенсер, и я, прищурившись, смотрю на него. Ему повезло, что мы единственные идиоты в зале на завтраке ни свет, ни заря. Я виню Черча; он заставил нас всех встать и притащиться сюда, чтобы он мог насладиться традиционным японским завтраком.

Должна сказать, я ни черта не знаю на этом столе. Черчу, Рейнджеру и Спенсеру, похоже, это нравится, но я просто копирую близнецов и беру желтый рулет, который немного похож на омлет. По вкусу... как яичница-болтунья. Мы прикончили этот поднос в мгновение ока.

— Мы воспользуемся источником для купания гольшом, — предлагает Черч, и я бросаю на него взгляд, который ясно говорит: *Ты слишком глуп, чтобы жить, братан?*

— О, да, если мои бинты под мешковатой футболкой слишком очевидны, я уверена, что, если я появлюсь полностью обнажённой с торчащей вагиной, это произведёт совершенно другое впечатление.

Спенсер и близнецы смеются, Рейнджер стискивает зубы, а Черч оглядывается на меня с понимающей улыбкой.

— Послушай, будущая жена, — говорит он, и я закатываю глаза, — мы зарезервируем ту сторону бассейна только для себя, и никто ничего не увидит.

— С этим есть две проблемы, — молвлю я, используя пару палочек для еды, чтобы перечислить свои замечания. — Во-первых, как, чёрт возьми, ты собираешься предоставить нам весь бассейн в полное распоряжение? А во-вторых, кто-нибудь что-нибудь *увидит*. Ты. Все вы увидите.

— Ничего такого, чего бы мы раньше не видели, — говорят близнецы в унисон, каждый из них берёт в руки миску с чем-то похожим на кашу и нюхает её. Пожав парой одинаковых плеч, они приступают к еде.

— Помимо этого замечания, — бормочу я, когда Черч ухмыляется и приподнимает

подбородок.

— Как мы обезопасим бассейн? — он повторяет, как будто я явно забыла самый важный факт из всех. — *Мы* — Студенческий совет, вот как. Если я говорю, что этот бассейн наш, значит, так оно и есть. — Он делает глоток своего чая. — Что касается другой проблемы, что ж, я полагаю, мы просто закроем глаза, пока ты полностью не погрузишься?

— Это глупо, — говорю я, разглядывая миску с рисом, на поверхности которого красуется яичный желток. — Я не пойду.

Близнецы обмениваются взглядами, но на этот раз они меня не обманут. Ни за что на свете я не пойду туда сегодня вечером.

Ни за что.

Слишком рискованно.

Ни единого чёртова шанса.

Несколько часов спустя, после дня, проведённого за отдыхом у пруда с кои и игрой в дзен-саду, братья МакКартти вытаскивают меня через боковую дверь. В руке я сжимаю футболку и шорты; это было лучшее, что я могла сделать до того, как они похитили меня.

— Это глупо; меня поймают, и вы, ребята, пожалеете. — Они заталкивают меня в раздевалку и закрывают дверь, стоя на страже, пока я не выхожу одетая в шорты и футболку.

Я свирепо смотрю на них, направляясь к дымящимся водам, где уже находятся Черч, Рейнджер и Спенсер, пар скрывает от глаз все важные детали. Мои щёки всё равно краснеют, и я готовлюсь окунуть пальцы ноги в воду...

— Никакой одежды! — я поворачиваюсь и вижу, что у близнецов одинаковые гримасы, а хозяйка домика выходит в своей юкате и машет мне метлой. — На этой стороне бассейна без одежды. Тебе нужна одежда? Используй другую сторону. — Она свирепо смотрит на меня, а затем бросает взгляд на одинаковые вишнёвые татуировки близнецов. Она бормочет что-то о якудза — японской мафии, я думаю, — прежде чем снова исчезнуть внутри.

— Отлично, — ворчу я, стоя там и касаясь носком ноги восхитительно тёплой воды. Теперь, когда я прикоснулась к ней, теперь, когда я стою здесь, мне так сильно хочется попасть внутрь. Это всё равно что облизнуть торт с глазурью перед тем, как его уберут. — Спасибо, что притащили меня сюда без всякой причины...

Близнецы толкают меня в бассейн, надавив парой ладоней мне на спину. Я плюхаюсь в воду онсена и выныриваю, отплёвываясь, только для того, чтобы увидеть, как хозяйка снова высовывает голову из двери. Со стоном и проклятием я опускаюсь пониже и сначала снимаю свои шорты, отбрасывая их в сторону. Она ждёт, пока я сниму рубашку и погружусь по подбородок в горячие источники, от которых идёт пар, прежде чем она снова уйдёт.

Дверь сторожки закрывается, а затем быстро открывается снова, и там появляется Марк,

чёртов Грэндэм.

Близнецы хлопают предплечьями по обе стороны двери, а затем тычут ему в грудь парой обвиняющих пальцев.

— Только для Студенческого совета, придурок, — говорят они, и Марк хмуро смотрит на них. Я едва могу разглядеть его сквозь пар, но его уродливое выражение лица настолько сурово, что оно переносится через пространство и время.

— Что за хрень? Вы, педики, отсасываете друг у друга здесь или что-то в этом роде?

— Разве, чёрт возьми, имеет значение, что мы делаем? — огрызается Мика, нарушая рутину близнецов, чтобы отпихнуть Марка назад. — Мы сказали, убирайся к чёрту. Придешь сюда ещё раз, и мы вышвырнем твою жалкую задницу на обочину.

— Вы, ребята, чертовски никчёмны. Серьёзно, в чём ваша проблема? — Марк усмехается и отворачивается, стремительно удаляясь, когда близнецы закрывают за ним дверь. Тобиас поворачивается и прислоняется к ней спиной, кивая брату.

— Я буду дежурить первым, — говорит он, и Мика кивает, снимая с себя одежду. Я не могу смотреть на его обнаженное тело, не думая о нашей маленькой групповухе на пиратском корабле, поэтому отворачиваюсь, пока он благополучно не оказывается в воде.

— Не могу поверить, что вы, ребята, затащили меня сюда, — бормочу я, даже когда горячая вода успокаивает мои ноющие мышцы. Согласно брошюре, эти два бассейна были высечены в скале, и вся горячая вода подаётся из какого-то подземного источника. Был даже намёк на то, что источники обладают какими-то целебными свойствами или что-то в этом роде.

— Но сейчас ты рада быть здесь, верно? — спрашивает Спенсер, подплывая ко мне. Моё сердце бешено колотится, а тело ноет от его близости, я прекрасно осознаю тот факт, что нам потребовалось бы всего несколько секунд, чтобы поставить себя в компрометирующее положение...

Он хватает меня за руку и сажает к себе на колени, удерживая меня на своих бёдрах, чтобы ситуация не стала слишком непристойной, слишком быстро.

— Я имею в виду, здесь действительно мило, — неохотно признаю я, поднимая взгляд на верхний бассейн с его причудливой зоной отдыха и частично погружёнными в воду шезлонгами. На мой взгляд, это слишком откровенно, большое вам спасибо. Но и здесь, внизу, тоже хорошо, с деревянной стеной, отделяющей нас от другого бассейна, высокими деревьями и садом, который огибает противоположную сторону.

Равномерно расположенные фонари мерцают на бревенчатых стенах, а луна и звёзды мерцают над нами, скрытые паром, но всё ещё достаточно яркие, чтобы их можно было видеть.

— Я могу придумать так много непристойных вещей, которыми мы могли бы заняться здесь, — мурлычет Спенсер мне на ухо, проводя одним пальцем по моей спине. Я дрожу, но отталкиваюсь от его груди, создавая пространство между нами. Одно дело было делать это с обоими близнецами, но со всеми пятью парнями в бассейне? Нет, спасибо, пока нет. И я даже не уверена, какие именно у меня отношения с Черчем или Рейнджером. У меня были моменты с обоими; технически я помолвлена с одним из них.

У меня вырывается вздох, и я ныряю под воду, чтобы освежить голову.

Когда я поднимаюсь обратно, первое, что вижу, проносясь мимо — это истекающий влагой член Мики, когда он меняется местами со своим братом. Очевидно, ему не приходит в голову надеть одежду, и в итоге он просто прислоняется к двери, так что всё это, так

сказать, болтается снаружи.

— Пытка, чистая пытка, — бормочу я, когда нахожу приятный гладкий камень, на который можно сесть, обхватив руками грудь. — Итак. Я предполагаю, что это наше занятие на оставшуюся часть ночи. А что насчёт завтра? Мы снова следим за людьми? — я не утруждаю себя тем, чтобы говорить потише; по другую сторону стены остальные студенты Академии Адамсон ведут себя громко и шумно. Я вдвойне рада, что нахожусь здесь, в мирной тишине.

— Нам нужно забрать этот рюкзак, — говорит Рейнджер, кивая в знак согласия. — У меня такое чувство, что там мы найдём то, что ищем. И если я прав, если мистер Мерфи — это Адам, и он действительно пытается спугнуть Шарлотту, он, по крайней мере, сможет сказать нам, *от чего* он её отпугивает.

— Может быть, мы постучим в его дверь и попросим о чём-нибудь пораньше утром? — размышляет Спенсер, опуская волосы в воду, а затем отбрасывая блестящие серебристые пряди назад. — Например, помочь с эссе для колледжа или что-то в этом роде. Если он возьмёт рюкзак с собой, я бы сказал, что мы просто попросим близнецов задержать его, пока мы будем проверять вещицу. Я имею в виду это худший сценарий, но если вы так уверены, что мы найдём что-то компрометирующее в его сумке, то почему бы и нет? Что он мог бы сделать, если бы мы действительно что-то нашли? У него будут связаны руки.

— Мы за, — говорят близнецы, их голоса идеально синхронизированы, несмотря на расстояние между ними.

— Может быть, завтра вечером мы могли бы найти уединённое место для разговора? — размышляет Рейнджер, глядя прямо на меня, и у меня отвисает челюсть.

— А мы не могли бы просто поговорить сейчас? — выдыхаю я, но он качает головой. — Я не люблю сюрпризов, Рейнджер.

— Мне нужно время, чтобы подумать о том, что я хочу сказать.

Спенсер бросает взгляд на друга.

— Ты мог бы сначала подумать об этом, а *потом* попросить её о разговоре? К чему эти пытки, чувак? Мы все знаем, чего ты хочешь: ты хочешь встречаться с моей девушкой.

Над нашей группой воцаряется тишина, единственные звуки доносятся с другой стороны бассейна.

— Я не уверен, что ясно выразался, когда мы были в Хэмптонсе, — продолжает Черч, выдыхая и проводя кончиками пальцев по поверхности воды. — Да, помолвка фальшивая, и она предназначена для того, чтобы удержать тебя в Адамсоне, но это не значит, что я не заинтересован.

— Что именно всё это значит? — спрашиваю я, жалея, что мы не могли завести этот разговор, когда я не была голой в суперсексуальном горячем источнике со всеми ними одновременно.

— Они оба хотят встречаться с тобой, — растягивают слова близнецы, а затем оба вздыхают.

— Чёрт возьми, ты не могла бы дать мне просто подумать об этом ночью? — огрызается Рейнджер, откидывая мокрыми пальцами назад свои тёмные волосы. Черч просто улыбается мне.

— Что вы думаете, мисс Карсон, примете ли вы нас?

Я смотрю сначала на Спенсера, затем на Тобиаса и, наконец, на Мику. Они все лишь смотрят на меня, ожидая, когда я сделаю выбор.

— Это... в высшей степени неортодоксально, — начинаю я, и Черч смеётся.

— Мисс Карсон, ортодоксальность сильно переоценивают. Кого волнует, что думают другие? Важно только то, чего *ты* хочешь.

— То, чего я хочу, — бормочу я, а затем снова погружаюсь под воду, прежде чем поднять большие пальцы над головой. Это своего рода отговорка, но что я могу сказать? Мои сиськи буквально плавают в воде, а щёки, наверное, примерно такого же цвета, как маринованные сливы, которые мальчики ели сегодня утром на завтрак.

В этой ситуации нет ничего *ортодоксального*.

И всё же мне это нравится. Действительно, по-настоящему нравится.

На следующее утро Черч встаёт рано, надевает свою юкату и открывает наши двери, чтобы солнечный свет струился в комнату. Я стону и переворачиваюсь на бок, вчера вечером близнецам удалось пронести в свою комнату тонну сакэ, и мы все немного напились.

Последнее, что я помню, это как Черч укладывает меня в постель.

— Который сейчас час? — я ворчу, и он улыбается мне через плечо.

— Пора вставать, — говорит он, что совершенно бесполезно. Я уже упоминала, что телефонная связь здесь дерьмовая? Вай-фай 1995 года выпуска подключается медленно, и единственные часы находятся внизу, в главном домике. Я даже не знаю, где мой телефон, он спрятан где-то в спортивной сумке.

Вздыхнув, я встаю и вытягиваю руки над головой.

На мне всё ещё юката, поэтому я заставляю себя подняться на ноги и направляюсь по коридору в ванную. Она буквально за углом, так что Черч может видеть, как я спокойно захожу внутрь и запираю дверь, прежде чем он возвращается к уборке наших футонов.

Я умываюсь, чищу зубы и писаю, прежде чем отправиться обратно. Но когда я открываю дверь, я вижу то, чего не должна была видеть, и замираю: тонкая щель в двери — моё единственное окно в действительно поразительное зрелище.

Там мистер Мерфи с запиской в руке, к его большому пальцу приклеен кусочек скотча. Он облизывает нижнюю губу, закрывает глаза и что-то шепчет себе под нос, прежде чем приклеить записку к моей двери.

Записку, написанную чёртовым фиолетовым фломастером.

Он удаляется по коридору со своим рюкзаком на буксире, а я, разинув рот, наблюдаю за происходящим, а затем приоткрываю дверь до конца. Сейчас так чертовски рано, что он, наверное, думал, что все спят.

Но я видела.

И хотя мы вроде как подозревали его, я всё ещё в шоке.

Я с трудом могу в это поверить, милый, симпатичный мистер Мерфи пишет записки

фиолетовым фломастером и приклеивает её к двери моей спальни. Он действительно грёбанный «Адам», присылающий мне все эти ужасные записки. На краткий миг у меня промелькнула мысль, что он один из убийц, но нет. Рассказ Рейнджера о том, как он пытался защитить меня, отослав подальше, имеет больше смысла.

Но действительно ли он тот парень с ножом? И вообще, от чего, чёрт возьми, он пытается меня защитить?

Убедившись, что он ушёл, я выхожу из ванной и направляюсь напрямиком в нашу комнату, где меня ждёт Черч. Хотя это немного странно, что он вот так закрыл двери, когда знал, что я была чуть дальше по коридору, в ванной. Это не имеет смысла.

Я даже не смотрю на записку, когда срываю её с двери, намереваясь сначала показать её Черчу.

Но затем я приоткрываю дверь, и горячий, сладкий запах меди ударяет мне в лицо.

Мои глаза расширяются, и моя рука крепче сжимает край ширмы сиди, ногти впиваются в деревянную раму.

Черч бросает на меня взгляд, светлые волосы падают ему на лицо, на его красивом рту пятно крови. Выражение его лица отрешённое, почти мечтательное, а его длинные изящные пальцы обхватывают рукоять пропитанного кровью ножа.

Ножа, торчащего из живота мистера Дэйва.

Нет, нет, не просто какого-нибудь ножа, а *моего* ножа, охотничьего ножа, который дал мне Рейнджер и который я оставила в этой самой комнате.

— Шарлотта, — шепчет Черч, его юката сползает с идеального плеча. Я отступаю на шаг. Звук движения справа от меня привлекает моё внимание, и там, в простых, но красивых коридорах ложи, стоит один из убийц, одетый в свою обычную униформу — чёрную толстовку с капюшоном и нож.

Чёрт.

Недолго думая, я поворачиваюсь и бегу по коридору, не обращая внимания на крики позади меня.

«Черч — один из убийц?!» — думаю я, но в этом нет никакого смысла. Этого не может быть. Этого просто, чёрт возьми, не может быть. Может быть... мистер Дэйв — один из убийц, а Черч просто защищался?

Чувство вины захлёстывает меня при мысли о том, что я, возможно, оставила его сражаться в одиночку, но я не могу перестать бежать, иначе я следующей буду истекать кровью от ножевой раны.

Позади меня раздаются шаги, уводящие меня от толпы к боковому входу, который ведёт к источнику для купания обнажёнными. Я выбираюсь наружу, надеюсь найти снаружи других студентов, но единственный человек, которого я вижу — это ещё один из тех уродов в толстовках, ожидающих меня у ворот.

Вместо того чтобы идти в том направлении, я сворачиваю налево и использую узкий участок сада, окружающий горячий источник, чтобы направиться к лесу. Может быть, это и не самая лучшая идея в мире, но куда ещё я могу пойти? Я окружена стеной из толстых брёвен, и я слишком тяжело дышу, чтобы кричать.

Когда я добираюсь до верхнего бассейна, я поскользываюсь и падаю в него, тёплая вода засасывает меня, прежде чем я выныриваю обратно на поверхность, хватая ртом воздух, моя юката тяжёлая и мокрая, тянет меня вниз, когда я выбираюсь с другой стороны и направляюсь к деревьям. Если я продолжу бежать, то смогу обойти вокруг и найти кого-

нибудь на другой стороне.

Вместо этого я заканчиваю тем, что, спотыкаясь, спускаюсь по гравийной дорожке и оказываюсь под массивными красными воротами, от которых у меня мурашки бегут по коже. Здесь темно и тихо, и я понятия не имею, где находятся нападавшие на меня. Остановившись, я на мгновение перевожу дыхание и оглядываюсь по сторонам, пытаюсь сориентироваться.

Именно тогда я снова слышу шаги, преследующие меня, и я знаю, что должна продолжать бежать. Я оставляю за собой мокрый след, который приведёт этих психов прямо ко мне.

Поэтому я продолжаю бежать по тропинке к тому, что выглядит как какое-то здание. Это ничтожный шанс, но там ведь может кто-то быть, верно?

Я направляюсь в ту сторону только для того, чтобы резко остановиться, мои ноги уходят из-под меня, когда гравий разлетается дугой.

Мои глаза отказываются верить в то, что находится прямо передо мной.

На вершине какого-то святилища лежит мальчик, одетый в юкату, из его груди торчит нож. Одна его рука откинута в сторону, пальцы слегка скрючены, кровь капает во влажную лужу рядом с ним.

Его глаза открыты, он смотрит на крышу старого здания, и он совершенно определённо, на сто процентов, без сомнения... мёртв.

Убит.

Позади меня раздаются шаги по гравию, и чья-то рука крепко сжимает моё плечо.

Я так чертовски облажалась.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net